

Е.Л. ЛЯПИЧЕВА

**СТРУКТУРА
И ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ФАУНА»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(системно-структурный, когнитивный
и образный аспекты)**

Монография

Днепропетровск, 2010

Е.Л. ЛЯПИЧЕВА

**СТРУКТУРА И ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ФАУНА»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(системно-структурный, когнитивный и образный аспекты)**

Монография

Днепропетровск
«Новая идеология»
2010

УДК 188.166.1'373.2

ББК 81.411.2-314

Л 97

Рекомендовано к печати Учёным советом
Днепропетровского национального университета им. О. Гончара
Протокол № 11 от 1 июля 2010 года

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Т.С. Пристайко, доктор филологических наук, профессор
Днепропетровского национального университета им. О. Гончара

В.И. Теркулов, доктор филологических наук, профессор Горловского
государственного педагогического института иностранных языков

Л 97 Ляпичева Е.Л. Структура и лексическое наполнение
семантического поля «Фауна» в современном русском языке
(системно-структурный, когнитивный и образный аспекты):
монография / Е.Л. Ляпичева. – Днепропетровск: Новая
идеология, 2010 – 252 с.

ISBN 978-966-8050-71-8

Монография посвящена описанию семантического поля «Фауна» на материале русского языка в системно-структурном, когнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Изучаются экстралингвистические и лингвистические факторы формирования семантической группы анимализмов, определяются её ядро и периферия, на материале лексики о периферийной семой «животное» в когнитивном плане исследуется внутренняя структура концептосферы «Фауна»; изучаются смысловое наполнение анимализмов и зоосемизмов в произведениях С. Аверинцева и Л. Улицкой, участие исследуемой лексики в создании ментальных картин мира авторов; выявляются типы тропов, мотивированных анимализмами, по их отнесённости к языковому уровню и их степени соответствия русской ментальной традиции. Монография является источником новых сведений для будущего мультикультурального словаря зоосемизмов.

Адресуеться лингвистам: учёным, аспирантам, студентам.

УДК 188.166.1'373.2

ББК 81.411.2-314

Л 97

ISBN 978-966-8050-71-8

© Е.Л. Ляпичева, 2010
© Новая идеология, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление.....	3
Введение.....	5
Глава 1. Основные понятия современных научных парадигм в связи с исследованием зоосемизмов	7
1.1. Аспекты исследования зоосемизмов в современной лингвистике.....	7
1.2. Возможности синергетического (мультипарадигмального) исследования слов с семой «животное» в условиях сосуществования нескольких научных парадигм.....	16
1.3. Проблема сущности семантического поля и концептосферы в современном языкознании.....	18
1.3.1. «Интуитивизм» в истории исследования поля как основная причина нерешённости его проблем.....	19
1.3.2. «Размытость» представлений о сущности семантического поля и типах полевых структур в рамках системно-структурной парадигмы.....	26
1.3.3. Статус лексической группы названий животных с точки зрения современной теории поля.....	59
1.4. Научный аппарат лингвокультурологического исследования текста: изучение тропов и идиостиля автора.....	62
1.5. Общие итоги. Структура практической части исследования.....	72
Глава II. Зоосемизмы как семантическое поле и концептосфера.....	80
2.1. Анимализмы современного русского языка как ядерная группа слов семантического поля животных в системно-структурном аспекте.....	80
2.1.1. Вопрос о статусе анимализма. Степень конкретизации группировки животных, избираемой в качестве её названия.....	81
2.1.2. Экстралингвистические факторы формирования семантической группы.....	86
2.1.3. Лингвистические факторы формирования семантической группы.....	90
2.1.4. Микрополя наименований одного и того же животного. Критерии отнесения анимализмов к ядру и периферии семантической группы.....	122
2.1.5. Ядро и периферия семантической группы анимализмов	123
2.2. Концептосфера как объект когнитивного исследования зоосемизмов в русском языке.....	127
2.2.1. Фреймовый состав неядерной лексики, отражающей концептосферу животных.....	128

2.2.2. КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм.....	129
2.2.3. Фразеологизмы, пословицы и лексемы, именующие образы животных в сказках, как репрезентанты КОМПАРАТИВНОГО фрейма.....	141
2.3. Общие итоги главы.....	147
Глава 3. Анимализмы и зоосемизмы современных текстов в лингвокультурологическом аспекте (на материале духовной поэзии С. Аверинцева и рассказов Л. Улицкой).....	160
3.1. Вводные замечания.....	160
3.2. Особенности смыслового использования анимализмов и зоосемизмов в произведениях указанных авторов.....	160
3.3. Специфика участия анимализмов и зоосемизмов, отражающих концептосферу «Фауна», в создании когнитивных картин мира авторов.....	176
3.4. Сопоставление списков анимализмов в картинах мира сравниваемых авторов.....	186
3.5. Особенности типологии тропов, мотивированных анимализмами, по их отнесённости к языковому уровню и по степени соответствия русской ментальной традиции в идиостиле исследуемых авторов.....	195
3.6. Итоги лингвокультурологического изучения использования слов семантического поля «Фауна» в текстах С. Аверинцева и Л. Улицкой.....	212
Выводы.....	216
Список литературы.....	226
Приложение 1. Типы сексуально-«детских» парадигм анимализмов.....	251
Приложение 2. Микрополя наименований одного и того же животного.....	255
Приложение 3. Компаративный фрейм концептосферы «Фауна».....	261

ВВЕДЕНИЕ

Изучение названий животных и слов, связанных с ними, не раз вызывало интерес исследователей русского языка. Однако подобного рода исследования почти всегда носили фрагментарный характер: изучались парадигматические, эпидигматические отношения слов в семантическом поле животных; проводились сопоставительные исследования анимализмов в разных языках; изучались названия более узких групп животных, фразеологизмы с зоосемическим компонентом, зооморфная метафора, отзоонимические прилагательные, способы языкового выражения пола животных; осуществлялось дискурсивное и когнитивное изучение анимализмов. Вместе с тем в лингвистике отсутствуют работы, посвящённые изучению единого поля «Фауна». В самой теории семантического поля (СП) существуют нерешённые проблемы, требующие скрупулёзного исследования: структура поля, его единицы, их отношения. Появление в лингвистике нового антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений поставило новые задачи перед исследователями семантического поля – дать описание СП с когнитивных и лингвокультурологических позиций. «Ветвление» новых направлений изучения языковых единиц даёт основание для накопления новых сведений о предмете исследования и объединения их в рамках единого синергетического подхода. Поэтому наше исследование представляется вполне актуальным.

Цель нашей работы – описать семантическое поле, создаваемое семантическими группами анимализмов (названий животных) и зоосемизмов (слов с периферической семой «животное») современного русского языка в системно-структурном, когнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Данная цель осуществляется путём решения следующих задач:

1. Определение научного инструментария когнитивного и лингвокультурологического описания семантического поля слов.
2. Изучение лингвистических и экстралингвистических факторов формирования семантической группы анимализмов.
3. Определение ядра и периферии семантической группы (СГ) анимализмов.
4. Описание отношений зоосемической лексики в СП животных как отражение отношений в концептосфере «Фауна».
6. Изучение смыслового использования анимализмов и зоосемизмов СП «Фауна» в произведениях С. Аверинцева и Л. Улицкой, участия исследуемой лексики в создании когнитивных картин мира авторов.
7. Сопоставление списков анимализмов в картинах мира сравниваемых авторов.

8. Выявление типов тропов, мотивированных словами СП «Фауна», по их отнесённости к языковому уровню и по степени соответствия русской ментальной традиции в идиостиле исследуемых авторов.

Монография включает три главы, каждая из которых раскрывает определённый аспект изучения зоосемизмов.

В первой главе рассматриваются основные понятия современных научных парадигм в связи с исследованием зоосемизмов – аспекты изучения зоосемизмов в современной лингвистике, возможности синергетического (мультипарадигмального) исследования зоосемизмов в условиях сосуществования нескольких научных парадигм, проблема сущности семантического поля и концептосферы в современном языкознании, научный аппарат лингвокультурологического исследования текста (изучение тропов и идиостиля автора).

Вторая глава посвящена изучению анимализмов и зоосемизмов как поля и концептосферы. В ней в системно-структурном аспекте рассматриваются анимализмы современного русского языка как основная группа слов семантического поля животных, а также анализируется неядерная лексика данного СП – зоосемизмы (слова с периферической семой «животное»).

В третьей главе анимализмы и зоосемизмы духовной поэзии С. Аверинцева и рассказов Л. Улицкой исследуются в лингвокультурологическом аспекте. Рассматриваются особенности смыслового использования анимализмов и зоосемизмов СП «Фауна», специфика участия изучаемых слов в создании когнитивных картин мира авторов, сопоставляются списки анимализмов в картинах мира сравниваемых авторов; тропы, мотивированные анимализмами и зоосемизмами, классифицируются по их отнесённости к языковому уровню и по степени соответствия русской ментальной традиции в идиостилях исследуемых авторов.

Изучение анимальной и зоосемической лексики осуществлялось в нашей работе на материале Большого толкового словаря русского языка, сборников рассказов Л. Улицкой «Девочки», «Первые и последние», повести «Сонечка», поэтического сборника С. Аверинцева «Стихотворения и переводы».

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ В СВЯЗИ С ИССЛЕДОВАНИЕМ ЗООСЕМИЗМОВ

1.1. Аспекты исследования анимализмов в современной лингвистике

Изучение наименований животных было и остаётся популярной темой многих научных статей, диссертаций, монографий. Об этом свидетельствует не только богатая библиография и разнообразие аспектов исследования, но и неупорядоченность терминологии, именующей животных (*зооним, зоосемизм, зооморфизм, анимализм, бестионим*). В данной работе для обозначения названий животных мы используем термин *анимализм*, а для обозначения слов, связанных с животными и входящих в семантическое поле «Фауна», мы используем термин *зоосемизм*. Термин *зооним* целесообразно использовать по отношению к кличкам животных. Термин *зооморфизм* традиционно употребляется для обозначения человека с помощью переносных наименований животных. В целом для обозначения несобственных наименований животных и слов, связанных с животными, на наш взгляд, целесообразно использовать термин *зоосемизм* как имеющий наиболее широкое значение.

Теоретические исследования в области анималистики, как показывают наши наблюдения, осуществляются в следующих направлениях:

1. Изучение русских зоосемизмов вообще: их парадигматики и эпидигматики. Парадигматический анализ позволяет Н.Ф. Зайченко выделить следующие тематические и семантические группы названий: общие, половые, детёныши, дикие, домашние животные, птицы, породы, масти лошадей, наименования по сельскохозяйственным функциям, собирательные, субъективно-оценочные, стилистически окрашенные, областные [Зайченко 1998]. Исследователи эпидигматики анимализмов выделяют следующие закономерности в развитии их лексических значений, которые Е.А. Гутман и М.И. Черемисина предлагают сделать принципами построения словарной статьи [Гутман, Черемисина 1976]. Первоначально существует основное номинативное значение анимализма, не зависящее от пола животного (например, *свинья* – домашняя свинья независимо от пола). Его вариантами могут являться специальные значения (самка, взрослое животное) и расширительное значение (биологический род). Существует ряд устойчивых сравнений с такими зоосемизмами. Далее идут переносные значения анимализма, толкуемые через слово *человек*, или его эквиваленты. Их следует располагать по частотности. Здесь необходимо указать устойчивые выражения с данными номенами, а вслед за ними – поговорки и пословицы. Наконец, нужно указать вторичные номинативные значения.

2. К первому направлению исследований примыкает сопоставительное изучение анимализмов в русском и других языках (испанском [Скиданенко 2000], украинском [Богуцкая 1985, Бойко 1989, Ужченко 2005], китайском [Голубовська 2003], английском языках

[Адаменко 1971, Бабаскина 2002], немецком [Инчина 2002], турецком [Пименова 2002], адыгейском [Плекатук 2001], сербохорватском [Мазуркевич 1988]) и говорах [Лысова 2002, Красильщик 1999, Дейниченко 1985].

3. Близким направлением исследований представляется изучение названий более узких групп животных: диких [Адамчук 1993], домашних [Романова 2003], лошадей [Волкова 1982], паразитов [Каледина 2002], рыб [Герд 1967], мастей [Косых 1994] и др.

4. Имеются работы, в которых анимализмы являются косвенным объектом описания: например, изучаются фразеологизмы с зоосемическим компонентом [Холманских 2000, Козлова 2003], зооморфная метафора [Свионтковская 2002, Жерибко 2005], отзоонимические прилагательные [Цыганкова 1998], способы языкового выражения пола животных [Шведчикова 1998, Кронгауз 2005]. Зооморфные (образные, переносные) наименования классифицируются и описываются по различным основаниям: у Н.Т. Михайловской и У Хао [Михайловская, У Хао 2002] по полу человека, на наименование которого произошёл перенос; по наличию или отсутствию эмоциональной окраски; по типу оценки (положительная, отрицательная); по типу оцениваемого человеческого признака; по основанию переноса; у С.Л. Акоповой [Акопова 1983] – по степени связанности лексических значений; у Н.П. Тропиной [Тропина 2003] – по мотивационной модели современной зооморфной метафоры.

5. Анимализмы не раз становились предметом научного изучения в рамках различных видов дискурса: поэтического (поэзия В. Высоцкого [Кормилов 2002], Ю. Мориц [Ляпичева 2003], рассказы А.П. Чехова, М. Зощенко [Тон Куан Куонг 1997]); мифологического (русские сказки [Плетнёва 1978, Павлова 2005]), народно-поэтического (словарь В.И. Даля [Романова 2003]), духовно-исторического (исторические тексты XII – XVII веков [Белова 2000, Набока 2005]), политического [Вершинина 2002], телевизионного [Самусенко 2005]). Здесь авторы исследований обычно выделяют тематические группы анимализмов: в средневековых текстах – реальные, мифические, антропологоморфические; в поэзии для детей – дикие, домашние и парковые, игрушечные; а также описывают основания переноса значений [Ляпичева 2003], дают генетическую характеристику, описывают словообразовательную структуру [Белова 2002], приёмы использования зоосемизмов, классифицируя их по источнику – тропы, идиомы [Кормилов 2002], виду трансформации [Тропина 2003]; выделяют функции таких названий: номинация, сравнение, противопоставление, лингвистический анализ [Ляпичева 2003], выражение концептуальной информации или привлечение внимания [Набока 2005].

6. Новым аспектом изучения наименований животных является исследование концептов анимализмов. Так, в статье В.Д. Ужченко на материале украинского языка описывается концепт слова *журавль*, составляющими которого являются представление специалистов-биологов

о журавле, значение слова в толковом словаре, смысл слова (признаки журавля, свойственные народным представлениям о нём: этимология слова, сочетающиеся с ним эпитеты, поверья о журавлях, синонимы и варианты слова в переводных словарях, географические названия, оценка птицы в народных сравнениях, песнях, паремиях, загадках, играх) [Ужченко 2005]. В статье не исследуется контекстуальное использование слова *журавль*. Статья О.Н. Самусенко посвящена характеристике мифопоэтического поля образа *медведя* и степени его отражения в пьесе Е. Шварца и фильме М. Захарова «Обыкновенное чудо» [2005]. В мифопоэтическом поле слова вычленяются признаки, свойственные мировой и славянской мифологии, русской культуре, христианской традиции; выделяется ядро лингвомифопоэтической ипостаси медведя; рассматриваются мотивы, использованные Е. Шварцем и М. Захаровым.

Особого внимания заслуживают тематическая классификация анимализмов, предпринятая в «Русском семантическом словаре» [Русский семантический словарь 1998]; исследование сексуальных парадигм анимализмов М.А. Кронгаузом [Кронгауз 2005] и русских фразеологизмов с названиями животных Т.В. Козловой [Козлова 2003].

7. Русский семантический словарь был задуман как шеститомное издание, представляющее современную русскую общепотребительную лексику. Значения слов в словаре сгруппированы по частям речи и далее – по лексико-семантическим классам слов и их отдельным участкам. Все части речи русского языка разделены в данном словаре на слова указующие (местоимения), именующие, собственно связующие (союзы, предлоги, связки), собственно квалифицирующие (модальные, частицы, междометия). Каждый из данных макроклассов разделён на понятийные сферы (семантические доминанты), охватывающие лексические массивы. Например, внутри сферы слов, отвечающих на вопрос *кто?*, выделяются классы с семантической доминантой «человек», «животное». Строение лексической системы представлено в словаре следующей иерархией понятий: часть речи – лексический класс – лексические множества и подмножества – лексико-семантический ряд (значения одного слова). Авторы словаря считают, что абстракции, объединяющие слова в лексические множества, обладают такой же реальностью, что и слова языка, поэтому являются естественным языковым образованием, а не плодом умозрительных построений лексиколога.

Авторы словаря находят определённое глубинное сходство между строением лексического класса и семантической структурой многозначного слова: 1) оба представляют собой многоступенчатую целостность – систему (их составляющие находятся в отношениях взаимной зависимости – отношения порождающего и порождаемого); 2) оба имеют ступенчатую организацию: от общего к частному, от производящего к производному; 3) являются открытой системой; 4) сходны по характеру происходящих в них внутренних движений (потенциала расчленения и обогащения); 5) имеют производящий

потенциал; б) имеют свою парадигму и синтаксические связи; 7) отличаются стилистической охарактеризованностью. Отличиями лексического класса и семантической структуры многозначного слова являются: 1) слово – знак связи между понятием и реалией; лексический класс – абстракция от отношений между словесными целостностями; 2) слово обращено к речи; лексический класс – к языковой системе; 3) в слове переход от одного значения к другому происходит плавно и постепенно; в лексическом классе таких переходов нет.

По утверждению авторов словаря, картина мира, представленная в словаре и включающая мир реалий, сеть связей между всем существующим и картину оценок, принципиально отличается от картины мира, нарисованной в словарях идеографических – идеологических, полевых, понятийных, ассоциативных. Последние строятся «от понятий», первая опирается на саму природу языковых множеств, их строение. Последнее утверждение не до конца ясно: с одной стороны, не понятно, почему «Русский семантический словарь» не является идеографическим (хоть он и построен на основе анализа лексики русского языка, однако сама эта лексика разделена на абстрактные группы, объединяемые определёнными понятиями, идеями); с другой стороны, любые идеографические словари строятся на основе семантического анализа лексики.

Названия животных выделяются из состава русской лексики на шестом шаге её разбиения: слово – слова именуемые – слова, именующие предмет – слова, именующие конкретный предмет: всё живое, вещь – слова, именующие всё живое: человек, животное, растения – названия лиц и животных. Названия лиц и животных делятся на: 1) названия животных; 2) названия, общие для лиц и животных. Названия животных распределяются в две группы слов: 1) млекопитающие, птицы, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы и другие животные; 2) сказочные, мифологические чудовища, фантастические животные персонажи (*василиск-1, жар-птица, феникс, снежный человек*). Первая группа включает: 1) названия, общие для любого животного или для нескольких их классов; 2) наименования млекопитающих; 3) птиц, 4) земноводных и пресмыкающихся; 5) рыб, миног; 6) насекомых, многоножек, пауков; раков, крабов, рачков и других членистоногих животных; 7) названия низших животных, микробов, вирусов. Группа названий, общих для любого животного или для нескольких их классов, включает: 1) собственно общие обозначения (*животное-1, зверь-1*); 2) названия животных по характерному признаку (по качеству, по исконному или приобретённому состоянию, свойству, по функции: *самец-1, 2-шатун-2* (первый индекс в данном примере указывает на тот факт, что данное слово имеет омоним и расположено в БТС на втором месте); *малёк, двухлеток; вожак-3, матка-2*); 3) названия совокупностей (*фауна, 2-косяк-1, табун*).

Номены млекопитающих делятся на: 1) названия классов, подклассов, отрядов (*насекомоядные, хоботные, копытные*); 2) наименования

приматов (*гibbon, капуцин, мартышка-1*); 3) хищных (*койот, волкодав, гепард, кот, барсук, россомаха*); 4) копытных (*антилопа, бегемот, жираф, мамонт*); 5) китообразных, ластоногих, сирен (*дельфин, кашалот, нерпа, сивуч*); 6) зайцеобразных и грызунов (*белка, бобр, ондатра, хомяк, морская свинка*); 7) насекомоядных, рукокрылых, неполнозубых и клоачных (*вампир, ёж, крот, ленивец, муравьед, утконос*); 8) сумчатых (*кенгуру, коала*). Названия хищных включают: 1) номены семейств, родов; 2) волков, кошек, куниц, медведей и других хищных. Последняя группа делится на: 1) номены волчьих (волки, лисы, собаки; породы собак; отдельные названия самок, самцов, детёнышей; обиходные названия, клички); 2) кошачьих (кошки; большие кошки; отдельные названия самок, самцов, детёнышей; обиходные названия и клички); 3) куниц; 4) енотовых и медвежьих; 5) виверровых и гиеновых.

Названия птиц включают: общие обозначения, наименования отрядов, подотрядов, семейств (*птица-1,2, голубиные, тетеревиные, чистиковые*), диких, домашних, экзотических птиц (*ворон, глухарь, яблик*), названия самок, самцов, птенцов, обиходные названия птиц и их совокупностей (*аистёнок, селезень, чечет*).

Наименования земноводных и пресмыкающихся содержат названия классов (*амфибия, рептилия, земноводные*), змей, ящериц, крокодилов, лягушек и других животных (*анаконда, жаба, черепаха*), ископаемых пресмыкающихся (*ихтиозавр*).

Названия рыб и миног включают общие обозначения, наименования морских, океанических, речных, озёрных рыб (*акула, хек, частик*).

Обозначения насекомых, многоножек, пауков; раков, крабов, рачков и других членистоногих животных включают, помимо привычных лексических групп, названия стадий развития насекомых и обиходные названия (*гусеница, куколка, таракашка*).

Названия низших животных, микробов, вирусов включают наименования подцарств, типов, классов (*брюхоногие, иглокожие*), собственно названных животных (*актиния, острица, осьминог, червь*).

Исследования подобного рода, охватывающие большой объём фактического материала, требуют отграничения объекта их изучения от объекта изучения, предпринятого в других работах. Отметим, что в нашем исследовании мы также даём тематическую классификацию анимализмов, но нас не интересует место изучаемой лексики среди остальных слов русского языка; мы сосредоточиваем внимание на факторах формирования поля названий животных: экстралингвистических и собственно языковых; тематическая классификация анимализмов в данной работе отличается от предпринятой в «Русском семантическом словаре» в силу описания не объективного научного знания о животных, а точки зрения «наивного» носителя языка. В связи с этим отличаются и основания классификаций названий животных. В «Русском семантическом словаре» ведущим основанием является объект наименования: животные, с одной стороны (*белка, гриф, жираф*), и лица и животные – с другой (*тварь-1,*

брыкун, пара-6, головастик-2, полчище-2, близнецы, мелюзга). В нашей классификации это наименования групп животных, иногда включающие общие (*фауна, животное, рыба-1, терьер*) и конкретные названия (*кенгуру, заяц-1, белуха*). Названия, относящиеся к лицам и животным одновременно, исключены из нашего исследования.

Названия животных в «Русском семантическом словаре» по сфере существования (материальной, идеальной) делятся на реальных и сказочных, мифологических и фантастических (*василиск-1, феникс, химера-3*). Сходная типология разработана и в нашей работе с тем лишь отличием, что к группе вымышленных животных отнесены и существа, сочетающие в себе не только черты животных, но и человека и человекоподобных существ (*чёрт-1, кентавр, сирена-1*), так как в своём значении эти слова содержат сему «имеющий отношение к животному». В нашей классификации названия вымышленных существ разделены также по источнику возникновения (из древнегреческой, древнеегипетской, древнерусской, европейской мифологии).

Наименования реальных животных в «Русском семантическом словаре» по отнесённости к группе животных или одному животному, а также по принадлежности к известным классам животных в зоологической классификации разделяются на названия: а) общие для любых животных и нескольких групп животных (*животное-1, помесь-2, личинка, матка-2*); б) млекопитающих; в) птиц; г) земноводных и пресмыкающихся; д) рыб и миног; е) насекомых, многоножек, пауков; раков, крабов, рачков и других членистоногих; ж) низших, микробов, вирусов.

8. Для нашего исследования чрезвычайно важна проблема сексуальных парадигм анимализмов М.А. Кронгауза [2005], так как мы опираемся на указанные парадигмы при выделении ядра и периферии СГ анимализмов. Проблему сексуальных парадигм анимализмов М.А. Кронгауз рассматривает в рамках проблемы семантических категорий. Он показывает, что нет однозначного соответствия между родом одушевлённых существительных и значением пола, что порождает проблему чёткости сексуальных парадигм. В их основе лежит следующая идеальная логическая схема: 1) ключевой смысл; 2) ключевой смысл + женский пол; 3) ключевой смысл + мужской пол (*гусь – гусыня – гусак*). В русском языке, кроме полной сексуальной парадигмы, существует множество дефектных (*кошка – кот*).

Сложной, по М.А. Кронгаузу, является проблема критериев приписывания словам значения конкретного пола. Одним из них является тест на название людей или животных. Испытуемым можно задать три вопроса: 1. Используется ли данное слово для называния особи каждого из полов или особи неизвестного (не важно какого) пола? 2. Можно ли использовать данное слово во множественном числе для называния совокупности разнополых особей? Слово нейтрально по полу, если на все четыре вопроса испытуемые отвечают «да»:

1. Можно ли словом *волк* назвать особь мужского пола? – Да.
2. Можно ли словом *волк* назвать особь женского пола? – Да.
3. Можно ли словом *волк* назвать особь неизвестного пола? – Да.
4. Можно ли использовать словоформу *волки* для называния совокупности разнополых особей? – Да.

Наиболее ярко значение пола выражено в словах, используемых только для называния особей определённого пола и невозможных в других ситуациях (*петух*).

По способам выражения пола М.А. Кронгауз разделяет названия животных на три класса: 1) образованные с помощью отдельного слова или словосочетания (*самец, самка, особь мужского пола*); 2) образованные с помощью регулярного морфологического средства – отдельного суффикса (*волк – волчица*); 3) образованные с помощью нового корня, который одновременно выражает ключевое значение и значение соответствующего пола: супплетивное словообразование (*лошадь – кобыла жеребец, корова – бык*); или такого нестандартного средства, как слабая членимость слова (*коза – козёл*), нестандартного чередования и отбрасывания суффикса для выражения мужского пола в паре *кошка – кот*. По М.А. Кронгаузу, данные типы соответствуют трём степеням идиоматичности выражения пола: в первом случае пол выражается описательно, вне рамок слова; во втором случае – в рамках слова, но вне корня, носителя ключевого смысла; в третьем случае пол выражается совместно с ключевым смыслом в рамках единой морфемы – корня.

К первому классу относятся слова: *насекомое, земноводное, гад, зверь, птица, рептилия, бульдог, гиббон, пудель, грач, кенгуру, колибри, окапи, мышь, крыса, обезьяна, броненосец, овод, хорёк, суслик, горностай, куница* и др. Для этого класса характерен единственный тип дефектной парадигмы, состоящей из одного слова, нейтрального по полу. По семантике это невидовые названия, более абстрактные и более конкретные, чем вид. Это названия типов, классов, отрядов, подвидов и пород (*грызун, шпиц*), а также названия экзотических и мелких животных (*броненосец, овод*) и названия детёнышей, не различающиеся по полу (*щенок, котёнок*). Для названий экзотических животных характерна несклоняемость для названий типов и отрядов – средний род.

Второму классу анимализмов свойственна парадигма с отсутствием названия для самца, а название самки образовано от общего (ключевого, видового) названия мужского рода с помощью суффиксов *-к(а), -их(а), -иц(а), -ух(а)*: *волк – волчица, воробей – воробыха, лебедь – лебёдка, олень – оленуха, тигр – тигрица*. Могут существовать словообразовательные варианты – дублиеты: *ослиха – ослица, олениха – оленуха*. Сюда же относится пара *павлин – павва*, в которой нейтральное слово морфологически сложнее названия самки. Семантически это названия диких крупных животных, связанных с русским человеком, а также названия домашних животных других народов; распространённых птиц и насекомых, т.е. животных, попадающих в сферу влияния человека. К этому

классу относятся названия животных – героев сказок (*заяц, ёж, лев, слон*). Это открытый класс, пополняемый по мере расширения человеческого влияния. Маркированным членом в парадигмах данного класса является женский пол.

Третий класс анимализмов закрытый и сранительно небольшой: *корова, кошка, курица, лошадь, овца, свинья, собака, утка*. Этому классу свойственно несколько парадигм: 1) полная (*собака – сука – кобель, лошадь – кобыла – жеребец*); слова *пёс* и *конь* нейтральны и противопоставлены словам *собака* и *лошадь* по неполовым признакам; 2) дефектная парадигма с отсутствием названия самки (*кошка – кот, свинья – хряк / кабан, утка – селезень*) либо нейтрального названия (*корова – бык, курица – петух*); *овца* в паре *овца – баран* является в единственном числе представителем женского пола, а во множественном – нейтральным названием; 3) полные или дефектные парадигмы, члены которых образованы с помощью нестандартных языковых средств: *гусь – гусыня – гусак* (сходно с *собакой*), *индейка – индюк, коза – козёл* (сходно с *овцой*). Семантически к данному классу относятся названия традиционных русских домашних животных, наиболее важных для человека. Маркированным членом парадигмы выступает мужской пол. Что касается дефектных парадигм типа *курица – петух*, то отсутствие в них нейтрального названия имеет достаточно ясную культурную интерпретацию: различны функции полов (*курица несёт яйца, петух выполняет роль производителя и будильника*).

В нашей работе мы также обращаемся к проблеме языкового выражения пола животных, однако мы дополняем сексуальные парадигмы (термин М.А. Кронгауза) названиями детёнышей животных. Исследуемые нами парадигмы включают наименования самца, самки, детёныша, так как они важны для решения проблемы ядра и периферии семантической группы анимализмов.

9. В 2001 году вышел «Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой. Словарь содержит около 2000 фразеологизмов с 283 названиями животных. Словарь составлен на материале фразеологических, толковых, диалектных фразеологических словарей. Фразеологизмы объединены в словарную статью по смыслу и группируются вокруг определённого понятия, смысл которого раскрывают. Все фразеологизмы объединены в 6 понятийных классов (ВСЕЛЕННАЯ. НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИР, ВСЕЛЕННАЯ. ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР, ЧЕЛОВЕК КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК КАК РАЗУМНОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ. АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ), 35 групп и 94 подгруппы. Например, понятийный класс ЧЕЛОВЕК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО включает в себя группы: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ИГРЫ; ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ, РЕЛИГИЯ; ПОВЕДЕНИЕ, ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ, КОММУНИКАЦИЯ МЫСЛЕЙ И ЧУВСТВ,

ОТНОШЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ. Каждое из значений многозначных фразеологизмов приводится в словаре отдельно. Например, *короче воробьиного носа* в значении «непродолжительный» (семантическая группа ВРЕМЯ) и в значении «небольшого размера» (семантическая группа РАЗМЕР). По данным словаря можно определить место фразеологизма в идеографической классификации мира. Например, *порхать как бабочка* входит в класс ЧЕЛОВЕК КАК РАЗУМНОЕ СУЩЕСТВО, в группу ДУШЕВНЫЙ СКЛАД, в подгруппу ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА, в подраздел ПРОЯВЛЕНИЯ ХАРАКТЕРА. В словаре описана сочетаемость фразеологизмов с названиями животных. Например, *козья борода* – «трава козлобород» и *у кого-либо козлиная борода* – «снетлая, жидкая, длинная борода». Пример словарной статьи:

II.3.1.6. ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕСПОЛЕЗНАЯ

1. мартышкин труд
2. искать овцу в отаре
3. из пушки по воробьям стрелять
4. за комаром не с топором
5. орлом комара не травят
6. не гоняется слон за мышью
7. не учи сороку вприсядку плясать
8. не учи рыбу плавать

Во вступительной статье Т.В. Козлова указывает на устойчивые характеристики некоторых животных и смысловые аспекты, связанные с некоторыми анимализмами: например, *ёж* – запасливый, недоброжелательный, колючий, с шершавой поверхностью; *лошадь* – что-либо больших размером, много ест, храпит, нестройная, нескладная, здоровая, сильная, выносливая, хитрая, скрытная, пугливая, работяга. В приложении «Стержневые компоненты и их лексическое окружение» показаны: 1) частотность варианта стержневого компонента фразеологизмов (для животного ЛОШАДЬ самое частотное *лошадь* – 43 случая, самое редкое – *лошадка, лошадиная, лошаково* – по 1 разу); 2) грамматическая группировка окружения анимализма во фразеологизме (прилагательные встречаются 29 раз, глаголы – 20, существительные – 13); 3) семантическая группировка окружения (группы ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА; в группе ПРИРОДА имеются подгруппы ВРЕМЕННОЙ РЕЖИМ (*день*), РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР (*щавель*)). В приложении «Перечень единиц окружения основных стержней» к каждому названию животного, встречающемуся во фразеологизмах, даны нестержневые компоненты, распределённые по частям речи. Данный словарь представляет собой ценный материал для когнитивного анализа анимализмов и для лингвокультурологических сопоставительных исследований, так как содержит идеографическую, парадигматическую и синтагматическую информацию. Материалы данного словаря

используются нами для когнитивного анализа отдельных анимализмов, особо значимых в русской культуре.

1.2. Возможности синергетического (мультипарадигмального) исследования слов с семой «животное» в условиях сосуществования нескольких научных парадигм

По Е. Селивановой, научная парадигма в одном из своих значений – это способ осознания и понимания мира, определяющий общие принципы исследования научного объекта. Термин этот в таком понимании был введён в 1961 году американским социологом Т. Куном в книге «Структура научных революций», где была предложена концепция развития науки как процесса революционных преобразований, проявляющихся в резкой смене стиля научного мышления. В лингвистике конца XX – начала XXI века произошли существенные изменения, связанные со сменой научных парадигм. Зарождение в недрах системно-структурного подхода к изучению явлений языка прагматической парадигмы постепенно сменилось интересом к когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Если системно-структурная парадигма базировалась на принципах синхронности лингвистического описания, дуализма инвариантов и вариантов языковых единиц, системности, уровневой иерархии, игнорировании экстралингвистических факторов, то прагматическая и когнитивная парадигмы исследовали роль человеческого фактора в языке и коммуникативной среде и связь языка со структурами знаний и операциями мышления. Сегодня ситуация в лингвистическом мире характеризуется множественностью подходов к изучению явлений языка. Такое изобилие подходов может быть интерпретировано либо как конкуренция, либо как взаимообогащающее сосуществование (синергетика) ряда научных парадигм и соответствующих им метаязыков. Е. Селиванова считает, что хотя история лингвистики XX века характеризовалась последовательными теоретическими переворотами, история XXI века может стать временем терпимости по отношению к разным стилям лингвистического мышления и объединением их лучших наработок [Селиванова 2006]. Сегодня в лингвистические исследования всё активнее проникает принцип синергетики, который в применении к языку может быть сформулирован следующим образом: язык есть синергетическая суперсистема, нелинейная, неуравновешенная, детерминированная снаружи и изнутри, находящаяся в состоянии перехода от хаоса к порядку [Селиванова Е.А. 2006]. Термин *синергетика* введён немецким физиком Г. Хакеном для описания лазерного излучения. Позднее он проецировал свои наблюдения на самоорганизацию микроскопических структур, природные и социальные системы. Идеи синергетичности предметов действительности близки идеи В. Вернадского, С. Капицы, С. Курдюмова. В лингвистике синергетические идеи развиваются в работах Б.М. Гаспарова [Гаспаров Б.М. 1996]: в концепции связи систем языка, мозга, этноса русских

философов и лингвистов В. Аршинова, В. Базылева, И. Германа, В. Пищальниковой, Г. Москальчук; в теории синергетичности функциональных полей языка харьковской исследовательницы Е. Тарасовой [Селиванова 2006].

Б.М.Гаспаров рассматривает язык как игру дестабилизирующих и интегрирующих факторов, придавая большее значение первым. Он ищет о языковом существовании человека как о непрерывно развёртывающемся, неоднозначном, относительно успешном процессе, подобном опыту существования человека в материальной и социальной среде. Процесс языкового существования, по Б.М. Гаспарову, – игра бесчисленных факторов, разнообразных и разнонаправленных – открытое поле, в котором нет ни раз навсегда оределённых действий, ни полностью предсказуемых эффектов. Однако в потоке языкового существования действуют не только дестабилизирующие, но и консолидирующие и регулирующие силы.

Конечной целью его научного описания является моделирование процессов производства и понимания речи, важную роль в которых играют понятия: КОММУНИКАТИВНЫЙ ФРАГМЕНТ, КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТУР ВЫСКАЗЫВАНИЯ; ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ, КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО и СМЫСЛОВАЯ ИНДУКЦИЯ как интегрирующий этап понимания речи. Чтобы понимание текста возникло, необходимо порождение и развитие языковых образов сознания под влиянием осмысления текста. Ассоциативно возникающие в сознании человека и идущие по разным направлениям языковые образы в конечном счёте выстраиваются коммуниктивным пространством в русле, обеспечивающем оптимальное общение. Возникшие и «скорректированные» таким образом ассоциации взаимодействуют до момента обнаружения в них чего-либо общего, объединяющего, того, что порождает восприятие целостности авторского замысла. В этот момент и происходит смысловая индукция – «наведение» смысла в сознании рефлексирующего субъекта. Об этих стабилизирующих и интегрирующих силах языка и говорит Б.М. Гаспаров, указывая на противоречивый феномен языкового существования. Такая интеграция существенно отличается от представления о языке как о стабильной структуре.

Отталкиваясь от идей Б.М.Гаспарова, мы можем применить такой же интегрирующий подход к изучению анимализмов: предельно локализованно изучим названия животных в рамках системно-структурной парадигмы, затем – в рамках когнитивной, лингвокультурологической и коммуниктивной парадигм, а после разработаем методику интегративного анализа: например, «наложения» повторяющегося и «сложения» различного.

Анимализмы традиционно рассматриваются как тематическая группа слов. Лексические объединения различной природы (тематические, лексико-семантические, функциональные), первоначально (в XIX веке) изучаемые интуитивно, диффузно, с точки зрения множественности

подходов (лингвистических, экстралингвистических, ментальных), получили более позднее серьёзное рассмотрение в рамках системно-структурной парадигмы (середина XX века). Сегодня необходим новый подход к изучению лексических групп: системно-структурный, когнитивный, лингвокультурологический – в русле дифференциации, а затем синергетический – в русле интеграции. Вслед за Е. Селивановой, мы считаем синергетический подход вполне реальным, несмотря на различие методик анализа, применяемых в рамках системно-структурного, когнитивного, лингвокультурологического и коммуникативного подходов. Описание анимализмов с помощью различных методик поможет «повернуть» избранный нами объект исследования различными сторонами, возможно, заметить повторяющееся, выделить противоречивое, а затем перейти к моменту интеграции.

1.3. Проблема сущности семантического поля и концептосферы в современном языкознании

Одна из первых моделей системы языка – модель уровней, которую в своё время представляли в виде этажерки, спирали, цепочки и других материальных фигур, по словам З.Д. Поповой [Полевые структуры 1989], не коррелирует с нейро- и психолингвистическими моделями языковой памяти человека. Поэтому в лингвистической литературе последнего времени широкое распространение получила полевая модель системы языка. Целесообразность использования полевой модели при изучении системы языка подтверждает, по словам З.Д. Поповой, изучение детской речи. Например, усвоение детьми некоторых ядерных сем и невладение периферией значения и значимостью слова в составе тематической группы или синонимического ряда. Теория поля хорошо согласуется и с представлением об организации внутреннего лексикона человека, с указанием Н.И. Жинкина на то, что при возникновении лексемы «происходит чудо – слова пропадают и вместо них возникает образ той действительности, которая отображается в содержании этих слов» [Жинкин 1982, с. 53].

Вместе с тем вопрос о сущности семантического поля – один из самых нерешённых в языкознании. И хотя начало исследования поля в лингвистике относится к середине XIX века, сегодня теория поля имеет не меньше неясностей. Прежде всего тогда и сейчас не получен ответ на вопрос о том, метафорически или терминологически используется термин «поле». Если это общенаучный термин, то каковы параметры лингвистического поля, в отличие от поля в физике? Новые работы, выполненные в русле полевых исследований, существенно «расширили» границы поля в лингвистике, распространив «объём» поля не только на явления лексико-семантического уровня, но и на уровни фонетический, словообразовательный, морфологический, синтаксический. Это положение усугубляется сегодня ещё и тем, что в условиях сосуществования различных научных парадигм, а именно с появлением когнитивной

лингвистики, теория поля коррелирует с новой, понятийной составляющей (ментальными репрезентациями), что «превращает» поле в репрезентанта концептосферы.

Рассмотрим становление и развитие понятия «поле» в лингвистике, выделив нерешённые проблемы в связи с изучением сущности поля, его основных свойств, различных типов полевых структур, разграничения ядра и периферии, семантической производности внутри поля, чтобы затем сформулировать рабочую концепцию поля для нашего исследования и определить полевой статус названий животных.

1.3.1. «Интуитивизм» в истории исследования поля как основная причина нерешённости её проблем

История изучения поля имеет давнюю историю и различные источники. А.А. Уфимцева отмечает, что идея распространения лексики по предметным группам уходит в глубь средневековья и находит своё выражение в создании энциклопедических словарей [Уфимцева 1962, с. 18] С.Г. Шафиков указывает, что полевой метод возник через 100 лет после Лейбница, стремившегося к созданию универсального словаря, представляющего слова в соответствии с природой обозначаемых вещей [Шафиков 1990]. В 1856 г. появляется работа К. Хейзе, изучавшего концептуальное поле “Schall” с пустыми множествами и лакунами, а в 1910 г. статья Р. Мейера, который делит поля на естественные (наименования флоры и фауны), полуискусственные (терминосистемы) и искусственные (названия объектов вторичной природы) [там же]. Первым термин «поле» ввёл в 1924 г. Г. Ипсен, который определял его как «совокупность слов, обладающих общим значением». Термин был шире использован в гуманитарных науках и физике. Он вполне отвечал духу времени и подменял лишённый образности термин «система» [там же].

Основными источниками полевой теории, по С.Г. Шафикову и А.А. Уфимцевой, являются: 1) работы представителей немецкой неогумбольдтианской и французской социологической школ, 2) оформление ономазиологии как самостоятельной лингвистической дисциплины в начале XX века и идеографические исследования, 3) работы, выполненные в русле компонентного анализа.

Рассмотрим некоторые из этих источников. А.А. Уфимцева отмечает, что возникновение понятия «семантическое поле» связано с возрождением в 20 – 30-е годы XX века учения В. Гумбольдта о «внутренней форме языка», с длительной научной дискуссией по проблемам «внутреннего содержания» языка как основном предмете лингвистического исследования [Уфимцева 1962, с. 20]. Известно, что понятие «внутренней формы языка» не было достаточно определено в работах В. Гумбольдта. Поэтому в термин «семантическое поле» вкладываются разные понятия в зависимости от того, где и в чём находит тот или иной исследователь полное и своеобразное проявление «внутренней формы языка». Кроме того, как указывает А.А. Уфимцева, исследование поля зачастую проводилось неогумбольдтианцами не в результате наблюдений над

языковыми фактами, а исходя из философских и общеметодологических взглядов на сущность языка [Уфимцева А.А. с. 33]. Ю.Н. Караулов также отмечает, что связь языка и мышления представлена в теории неогумбольдтианцев довольно неотчётливо, через полумистическое и туманное понятие «промежуточного мира» [Караулов 1976]. Судьба этой теории весьма знаменательна: с самого её возникновения вокруг неё не утихают дебаты. И это понятно, поскольку, с одной стороны, она полна противоречий, а с другой стороны, сама идея поля обладает известной привлекательностью.

Г.С. Щур связывает путаницу в определении сущности поля с неразграничением функционального, экстралингвистического и лингвистического (наличие общего дифференциального признака у слов) подходов [Щур 1974]. Полностью отвергая реальность лингвистического поля, он утверждает, что понятие «поле» возникло в лингвистике как интуитивное отражение структурно-функционального подхода к языку, который рассматривался то как системный, то как групповой. Немало явлений, теперь интерпретируемых как поле, недавно трактовались как категории или системы. Эта путаница сопровождает изучение полей с момента введения термина «поле» в лингвистику. Идея поля возникла у Й. Трира ещё в 1923 г.: в 30-е годы исследователь назвал полем группу родственных смыслов, или понятийную сферу интеллекта, покрываемую словами со значениями «ум», «разум», «рассудок», «мудрость», «хитрость». Изучение поля «разум» Й. Триром или поля радости К. Ройнингом, по замечанию Г.С. Щура, свидетельствуют об экстралингвистическом подходе исследователей, который получает либо логическую, либо психолингвистическую окраску. Американские исследования терминов родства, названия растений, болезней, цветообозначения, частей тела, также избирали экстралингвистические факторы для анализа групп слов [там же]. Неразграничению лингвистических и экстралингвистических признаков, по мнению Г.С. Щура, способствует и компонентный анализ, так как в качестве семантических признаков в нём рассматриваются такие, которые не отражены в семантической структуре слова, например, признаки родства, кровного, по прямой, восходящей, нисходящей линии и т.д. По мнению З.Д. Поповой, с точки зрения современной терминологии, поля Й. Трира следует назвать лексико-семантическими, а не семантическими или понятийными, поскольку в этих полях по семантическому (понятийному) признаку объединена лексика [Полевые структуры 1989].

Важным источником развития теории семантического поля являются идеографические исследования. Они начались благодаря оформлению ономазиологии как самостоятельной лингвистической дисциплины в начале XX века. Обоснование задач и методов этого направления дал Г. Шухардт в работе «Слова и вещи» в 1912 г. В дальнейшем эта работа свелась к составлению «идеологических» словарей западноевропейских языков. Составителей идеографических словарей интересует не отдельная

область понятий и их словесное выражение, а весь понятийный мир человеческого сознания, всё внутреннее содержание языка. К сожалению, любая идеография страдает искусственностью и носит временный характер. Недостаток идеографического представления мира, – пишет С.Г. Шафиков, – заключается в идее пирамидального построения когнитивной модели мира. В действительности понятия соотносятся не в одномерном плоскостном измерении, а в многомерном. По меткому выражению С.Г. Шафикова [Шафиков С.Г. 1990, с. 35], идеографический словарь преобразует живой и вечно меняющийся мир в застывший в своей целостности пейзаж. Он позволяет наглядно представить себе, как соотносятся иерархически организованные концептуальные сферы между собой и лексическими средствами их выражения.

Рассмотрим идеи некоторых учёных, являющихся ключевыми фигурами в изучении поля. Исследование поля в русле неогумбольдтианства представлено трудами немецких или немецкоязычных учёных, важнейшими из которых являются работы Й. Трира, В. Порцига и Л. Вайсгербера. Теория «понятийного поля» Й. Трира, отрицающего изучение слова как единицы словарного состава языка, получила большую известность благодаря тому, что вызвала научную дискуссию. Под понятийным полем Й. Трир понимал структуру определённой понятийной сферы или круга понятий, присутствующих в языковом сознании данной языковой общности. План языкового выражения понятийного поля представлен двойной структурой отношений: словарный состав языка, словесные поля и отдельные слова, которые относятся друг к другу как целое к части и как часть к целому. Идея Й. Трира сводится к тому, что наши понятия покрывают собой всю действительность, не оставляя лакун и накладываясь одно на другое, как плитки. Чтобы понять отдельное слово, в сознании слушающего должно присутствовать всё поле словесных знаков. Понятийные поля полностью соответствуют словесным. Семантическое поле непрерывно: отдельные слова, мозаически «вчлняясь» в семантическое поле, покрывают его полностью, без пробелов, точно так же, как словарный состав языка непрерывно покрывает собой всё понятийное содержание языка. Для подтверждения своих идей Й. Трир выбрал поле интеллекта.

Исследователям, изучающим поле после Й. Трира, было невозможно применить его учение на практике, потому что он исходил из априорного мифа членимости языка, не доказанного на практике, и из не совсем ясной идеи «внутренней формы слова» [Уфимцева 1962]. Кроме того, сама идея однородного лингвистического поля, без лакун и наложений одного понятия на другое, оказывалась несостоятельной при выходе за рамки привилегированной интеллектуальной сферы, выбранной Й. Триром. Словарь физического и материального мира всегда нечёток в своих границах. С другой стороны, отталкиваясь от понятий, Й. Трир игнорирует важность фонетических и семантических изменений, которые напрямую затрагивают язык [там же].

В. Порциг под «семантическим полем» понимал семантические отношения слов, «сущностные» связи значений. Изучая речь, он выделяет синтаксические словосочетания двух и более слов, характерные для языка, прослеживает смысловые отношения слов в них: 1) между действием и органом: *идти – ноги, видеть – глаз, хватать – рука, слышать – ухо, лизать – язык, целовать – губы*; 2) между глаголом и субъектом: *цветсти – растение, расти – организм, лаять – собака*; 3) между глаголом и объектом [Щур 1974].

Интерпретация межуровневых явлений как поля характерна для Л. Вайсгербера [Вайсгербер 2009]. Он также подчёркивает взаимозависимость понятий и слов и показывает, что названия цветов представляют собой случайную (спонтанно возникающую) систему и что можно было бы разделить цветовой спектр по-другому. Он также говорит о том, что древние имели иную, отличную от современной систему цветообозначений, которая отражала другой способ деления (видения) действительности. (Как известно, цветовой спектр различается у разных народов: у жителей севера имеется множество наименований оттенков белого цвета).

Среди представителей французской социологической школы в лингвистике исследованием проблем поля занимались Ж. Маторэ, П. Гиро, Ш. Балли.

Ш. Балли [Балли Ш. 1975] первым вводит термин «ассоциативное поле» в лингвистику и определяет его как обширную сеть постоянных мнемонических ассоциаций, сходных у говорящих субъектов и распространяющихся на все части языка. В качестве примера приводится поле «животные», включающее в себя такие слова: вол, корова, бык, телёнок, мычать, жевать. По мнению Ш. Балли, ассоциативное поле слова фр. «boeuf» («бык», «вол») наводит на мысль о: 1) корове (фр. vache), быке (фр. taureau), телёнке (фр. veau), рогах (фр. cornes), жевании (фр. ruminer – жевать, пережёвывать), мычании (фр. beugler – мычать, реветь); 2) пахоте (вспашке) (фр. labour), плуге (фр. charrue), ярме (фр. jug). Во французском языке это слово ассоциируется с силой, терпеливой работой, медлительностью, тяжестью (тяжеловесностью, неуклюжестью, неповоротливостью), пассивностью. Это неизбежно отразилось на переносном употреблении этого слова (сравнение, метафора): Un vent à décorner les boeufs – очень сильный ветер. Досл.: ветер, срывающий рога у быков; ветер, который может сорвать у быков рога. C' est une pièce de boeuf – это что-то главное. Досл.: это бычья часть (бычий кусок). Ш. Балли говорит об эластичности поля, зависящей от степени мотивированности знака, т.е. о разном объёме ассоциативных групп у разных индивидуумов. Чем мотивированнее данное поле, тем чётче обозначается его граница. Существуют ближние и дальние ассоциации. По его мнению, это объясняется тем, что «небо скорее наводит на мысли о звезде, туче ... и т.д., чем о дороге или о доме».

Г.С. Щур считает, что поскольку у ассоциативных групп слов нет общего значения, поскольку ассоциации обусловлены социальным опытом индивидуума, а не семантической общностью входящих в поле слов, поскольку они не могут формировать поле [Щур 1974].

Теория Ж. Маторэ (Georges Matoré) является одним из последних достижений структурной семантики. Она характеризуется, как и концепция Й. Трира, паралингвистическим подходом. Ибо, по мнению лингвиста, лексикология имеет особый предмет изучения. Изучая словарный состав языка, он пытается объяснить жизнь общества. Он определяет лексикологию как общественную дисциплину, использующую языковой материал, каковым являются слова. В отличие от Й. Трира, представителя традиционной немецкой идеалистической школы, Ж. Маторэ – социолог французской лингвистической школы. Если Й. Трир изучал понятийную и лингвистическую сферы интеллекта, то Ж. Маторэ интересуется главным образом материальной, экономической, технической и политической основой лексики. В работе «Le vocabulaire et la société sous Louis-Philippe» («Язык и общество при Людовике-Филиппе») [Matoré 1953] Ж. Маторэ сначала разграничивает языковые поколения больших исторических эпох и на этом материале изучает значение слов в статике: период от Возрождения до конца 19 века он разделил на 11 поколений приблизительно по 33 года каждое. На каждом этапе развития языка он констатировал наличие слов-свидетелей, или неологизмов, обозначающих новые понятия. Некоторые из этих слов-свидетелей были первостепенно важными для 17 века (например, l'honnête homme – честный [порядочный] человек) или же для 18 века (le philosophe). Это ключевые слова, которые объединяют вокруг себя другие слова и располагаются в центре понятийного поля. Понятийные поля Ж. Маторэ, интересные с точки зрения изучения социальной, культурной, научной, политической и экономической жизни общества, ничего не дают, согласно точке зрения А.А. Уфимцевой, в плане раскрытия внутренних законов лексической системы языка [Уфимцева 1962, с. 57]. Почему слова, здесь исследуемые, – поля? Более продуктивной, по Г.С.Щуру, представляется идея, что существуют группы лексем, обладающие не общим значением, а общностью предметной сферы [Щур 1974].

П. Гиро вводит в употребление термин «морфо-семантическое поле» и даёт ему следующее определение: «Морфо-семантическое поле – это комплекс отношений формы и содержания, образованный на основе объединения слов» [Guiraud P. 1956]. Например, слово «chat» – «кошка» (по фр. яз. слово «chat» мужского рода, однако если в определённой ситуации важно, что речь идёт об особи женского пола, то используется слово «chatte», которое соответственно женского рода) положено на основу большого количества образов и метафор:

1) растений или их частей: chaton (m) – а) котёнок; б) бот. серёжка: «chaton de saule» – ивовая серёжка;

2) животных: червь, червяк (фр. ver), обезьяна (фр. singe), чёрт (фр. diable), тигр (фр. tigre), пантера (фр. panthère);

3) предметов: кукла (фр. poupée), котелок [кастрюля] (фр. marmite), клубок [ком] (фр. peloton); 4) качеств: лицемерие (фр. hypocrisie), живость (фр. vivacité), вероломство [коварство] (фр. perfidié), лукавство [хитрость] (фр. astuce).

С другой стороны, «кошка» во французском языке имеет целый ряд наименований: chat, mine, mouche, mignon, maquo, maro, matou и т.д. Каждое понятие, отождествляемое с кошкой, может получать то или иное наименование этого животного, которое будет различным в диалектах и аргю в разные эпохи. Для наименования ребёнка, а точнее ученика, обучающегося какому-то ремеслу, отождествляемого с котёнком, используются такие слова: mioche, moutard, mistou, не считая самые древние: mistouflet, margouset. Каждое название кошки, а таковых около 20, приобретает определённое количество значений и каждое из производных значений слова «кошка», а таковых около 50, получает определённое количество этих названий. Совокупность этих слов – несколько сотен – образуют сеть омонимов и синонимов, в значении которых черпают своё значение и значимость формальные и логические отношения, связанные с употреблением этого (ключевого) слова. Г.С. Щур утверждает, что морфосемантические поля П. Гиро выделяются не на основе лингвистических признаков, потому что названия кота в диалектах – это каждый раз части диалектной системы и они не могут быть объединены как имеющие общую сему [Щур 1974]. По верному замечанию А.А. Уфимцевой, морфо-семантические поля П. Гиро восходят к «ассоциативным созвездиям слов» Ф. де Соссюра и ассоциативным полям Ш. Балли [Уфимцева 1962].

Проблемы поля изучались известным чешским лингвистом О. Духачеком. По его мнению, лингвистические поля можно классифицировать, основываясь на разных критериях [Duchaček 2002]. Из этого следует, что существует несколько видов лингвистических полей: 1) поле слов, в центре которых стоит слово; 2) поле мыслей (идей), ядро которых представлено концептом. Словесное поле он определяет как множество слов, связанных определёнными взаимоотношениями и образующих иерархически организованное структурное целое. В поле слов есть слово со стержневым для всего поля значением, вокруг которого группируются производные слова и паронимы. Так строится морфологическое поле. Если же слово рассматривается с точки зрения его функционирования во фразе, то это даёт возможность построить синтагматическое, или синтаксическое поле. Понятийное поле понимается как любое лексическое множество, организованное на основе единой семантической значимости. Поля идей могут быть разделены на:

1) концептуальные поля, в которых слова объединены на основании сходства, близости, родства с понятием, которое является ядром этого поля;

2) контекстуальные поля, в которых слова связаны с центральным концептом по ассоциации или же по контекстуальной смежности или смежности экстралингвистической ситуации. Понятийное поле может быть двух видов: элементарное, ядром которого может быть одно понятие, и комплексное, ядро которого состоит из нескольких понятий. Поле имеет ядро, представленное наиболее употребительным словом, периферию и промежуточную область, которая тяготеет либо к ядру, либо к периферии. В концепции О. Духачека заложено противопоставление чистеречных и межчестеречных или функционально-семантических полей [Шафиков 1990].

Проблемы семантического поля серьёзно изучались и в русской лингвистике. А. А. Уфимцева, исследуя смысловую структуру древнеанглийских слов со значением «земля», заменяет понятие семантического поля понятием лексико-семантической и тематической группы [Уфимцева 1962]. Основанием выделения этой группы послужил не понятийный круг или сфера чистых понятий, а слово в его многообразных и сложных смысловых связях с другими единицами словаря. Исследования А.А.Уфимцевой, как и работы Л.М. Васильева и Л.С. Шура, Ю.Н. Караулов относят к работам проблемного характера [Караулов 1976]. Он отмечает, что А.А. Уфимцева сосредоточивает внимание на психической и языковой реальности поля, соотношении значения и понятия, справедливости закона членности языка, внутренней языковой формы.

Как видно из изложенного материала, изучение лексических групп изначально шло довольно противоречивыми путями: рассматриваемые группы слов формировались то на основе выражения одного понятия; то на основе ассоциативной связи различной направленности (от типических типа «действие – субъект, объект, орудие» до метафорических типа *бык – «ветер, срывающий рога у быков»* – о сильном ветре); то на основе отнесённости смыслов слов к одной эпохе и одной сфере деятельности – политике, культуре, экономике; то на принципе синонимии / паронимии слов и употребления их в различных сферах – диалектной, жаргонной, нейтральной; то на основе наличия интегральных и дифференциальных сем в значениях слов. Таким образом, к анализу лексических групп с самого начала применялись большей частью экстралингвистические параметры (понятийный, психолингвистический, социолингвистический), хотя имели место и собственно лингвистические (в случае с методом стилистического и компонентного анализа). Интуитивные поиски параметров формирования лексической группы с самого начала приводили к созданию различных направлений их изучения, позднее сформировавшихся в когнитивную, психолингвистическую, социолингвистическую и системно-структурную

парадигмы. Однако первоначальное рассмотрение семантического поля слов как разноаспектного поля даёт нам основание не «разводить» современное изучение лексических групп по строго разграниченным научным парадигмам, а объединить их «усилия».

1.3.2. «Размытость» современных представлений о сущности, свойствах, структуре, границах семантического поля и типах полевых структур.

Рассмотрев состояние теории поля в момент её возникновения, перейдём к рассмотрению более поздних и современных представлений о поле. Дальнейшие полевые исследования, как было указано выше, не сделали теорию поля более ясной. Дискуссия о природе поля, его свойствах и типах была продолжена в лингвистике в работах А.А. Уфимцевой, Г.С. Щура, Ю.Н. Караулова, Ю.Д. Апресяна, А.В. Бондарко, С.Г. Шафикова, З.Д. Поповой и Воронежской школы, Л.М. Васильева, В.П. Абрамова, И.М. Кобозевой, С.А. Жаботинской, Е.А. Половинко, Д.Г. Ищук, В.П. Васильева и др. Чтобы показать спонтанный характер отнесения к полевым структурам различных языковых фактов, Г.С. Щур приводит наиболее распространённые словосочетания с компонентом «поле»: функционально-семантическое поле, морфемные поля, словообразовательные поля, фонемные поля, лексемные поля, семантические поля, микро- и макрополя. поле множественности, поле залоговости, модальное поле, компаративное поле, поле одушевлённости, неодушевлённости, указательное поле, поле времени, микрополе предложения, макрополе числа, поле утверждения, отрицания, вопросительности, понятийное поле, микрополе единичности, поле действительности, поле фауны, поле побуждения, потенциально-ирреальное микрополе, поле лица, грамматико-лексические поля, трансформационные поля, реляционные поля, поле места, поле деятеля, поле вещи, поле отвлечённости, действия, состояния, орудий действия, квазиполе [Щур 1974]. «Из списка очевидно, – пишет Г.С. Щур, – что данные группы слов характеризуются не общностью семантического признака, а зачастую общностью функции». Следует разграничивать функциональный, экстралингвистический подходы к выделению полевых структур, а также наличие общего дифференциального признака в семантике слов одной группы или сочетать какие-либо из признаков, указывая на них.

Рассмотрим наиболее спорные вопросы в теории поля, изложенные в работах указанных выше авторов. Это проблема дефиниции поля, его существенных свойств, классификации полей, критериев разграничения ядра и периферии в разных типах полевых структур, семантических отношений внутри поля.

1.3.2.1. Определения поля и его основные свойства.

Существенное внимание было уделено этому вопросу в работах З.Д. Поповой [Полевые исследования 1989], Ю.Н. Караулова [Караулов 1976], М.И. Кобозевой [Кобозева 2007], Г.С. Щура [1974].

Авторы работы «Полевые структуры в системе языка» (под редакцией З.Д. Поповой) считают предметом исследования в теории поля группировки языковых единиц, объединяемых на основе общности выражаемого ими значения, или по общности выполняемых ими функций, или на основе комбинации двух признаков [Полевые исследования 1989]. Под полевой структурой они понимают объединение разных элементов системы языка: лексико-семантических, лексико-грамматических, семантических (семантема, семема). Сам термин поле обозначает для них не группировку, а принцип организации группировки, т.е. характеризуется основными признаками поля. Полевая модель утверждает представление о языке как о системе взаимодействующих и взаимопроникающих подсистем.

М.И. Кобозева определяет семантическое поле как совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [Кобозева М.И. 2007].

К специфическим признакам поля З.Д. Попова относит: 1) наличие ядра и периферии (максимальная концентрация полеобразующих признаков в ядре и неполный набор их на периферии); 2) явление аттракции – способность группы слов, благодаря существованию у них общего признака, включать новые элементы с таким же признаком; 3) наличие зон семантического перехода между полями; 4) межуровневость функционально-семантических и грамматико-лексических полей; 5) наличие конфигурации поля (его структуры), например микрополей [Полевые исследования 1989]. Такое понимание поля близко физической трактовке поля, которая, по словам Г.С. Щура, рассматривает поле как совокупность взаимозависимых фактов.

Существенное внимание свойствам семантического поля было уделено в работе Ю.Н. Караулова [Караулов Ю.Н. 1976]. Все существующие до 1976 г. дефиниции семантического поля в лингвистике он разделил на 3 группы:

1) определения поля как «единицы» лексико-семантической системы;

2) определения по свойствам;

3) определения по принципам внутренней организации.

Рассмотрим определения поля по свойствам. Ю.Н. Караулов выделяет следующие его свойства:

а) целостность поля – связь его элементов, обусловленная семантическим сходством или близостью значений или наличием общего компонента у всех слов данного поля;

б) семантическая связь слов одной ЛСГ – синонимическими (белый – красный), антонимическими отношениями, отношениями уточнения, дифференциации, обобщения, следования (изучать – знать), несовместимости (красный – зелёный), конверсии (продавать – покупать), асимметрии (покупать – покупатель); смысл слова определяется

содержанием его соседей по полю; когда слово используется говорящим, то каким-то образом оказываются в наличии все остальные члены поля;

в) ЛСГ не изолированы друг от друга: во-первых, возможен параллелизм или соприкосновение значений слов разных групп, во-вторых один член группы может иметь разнообразные семантические связи со словами, не входящими в данную ЛСГ;

д) поле исторично, его языковое членение носит исторический характер;

е) понятийное поле требует учёта особенностей индивидуальной культуры носителей языка;

ж) понятийное поле состоит из ядра, представленного термином, наиболее широко употребляющимся для выражения данного понятия, и нескольких областей, из которых одни могут располагаться в непосредственной близости к ядру, а другие – на периферии поля).

Определения поля по принципам внутренней организации включают следующие характеристики:

а) как в мозаике, соединяется здесь слово со словом, одно вплотную к другому, так что в итоге их контуры совпадают, и все вместе они восходят к смысловому единству высшего порядка (Г. Ипсен);

б) отдельное слово получает определённую, исходя из численного состава и расположения значений, противостоящих ему в общем поле;

в) это не двухмерное образование, это, скорее, силовое поле: в нём слова существуют не изолированно, а связаны определёнными взаимоотношениями;

г) поле – это плотное, структурированное, без пропусков покрытие; явления внешнего мира упорядочены в этой системе так, что не заметно никаких пробелов (это проявление принципов целостности, упорядоченности, взаимоопределяемости границ, полноты, произвольности границ, сплошности); слова субполей поля приятных эмоций будут накладываться друг на друга и пересекаться самыми разнообразными способами или не касаться друг друга, или выходить частично за пределы субполя;

д) чем больше в определении дополнительных характеристик, тем дальше располагается данное значение от ведущего слова поля.

Ю.Н. Караулов отмечает в итоге, что некоторые характеристики поля противоречат одна другой. В числе наиболее общих свойств поля можно назвать связь его элементов. Она обусловлена семантическим сходством и близостью значений (Ф.П. Филин), семантическими корреляциями (Б.Ю. Городецкий), единой точкой зрения на объект (Р. Мейер), наличием общего компонента у всех слов данного поля (Э. Косериу, Г.С. Щур, Ю.Д. Апресян). Системный характер связей, специфика структуры семантического поля понимаются по-разному: как парадигма, как набор корреляций, как сеть понятийно-логических отношений (О. Духачек). К числу важнейших характеристик поля Ю.Н. Караулов относит также взаимоопределяемость элементов поля, самостоятельность семантического

поля, его целостность и принципиальную выделимость, специфичность его в разных языках (вследствие исторической обусловленности его состава и структуры и неповторимых национальных особенностей внешних связей полей друг с другом).

Как отмечает В.П. Абрамов [Абрамов 2003], в языкознании термин «поле» обозначает совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающую определённую область человеческого опыта; иерархическую структуру множества лексических единиц, объединённых общим значением отражающихся в языке определённую понятийную сферу. Поскольку СП характеризуется понятийной однородностью единиц, постольку многозначные слова должны распределяться в силу своей ригидной понятийной отнесённости по разным полям, так как единицей отбора является лексико-семантический вариант слова, ориентированный на определённое понятие.

М.И. Кобозева отмечает следующие основные свойства поля:

- 1) наличие семантических отношений между составляющими его словами;
- 2) системный характер этих отношений;
- 3) взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц;
- 4) относительная автономность поля;
- 5) непрерывность обозначения его смыслового пространства;
- 6) взаимосвязь семантических полей в пределах всей семантической системы. Она приводит такие примеры семантических полей: поле времени, поле животноводства, поле имён родства, поле цветообозначений, поле глаголов побуждения, поле имён характеров [Кобозева 2007].

Таким образом, итоговый список основных свойств семантического поля будет включать:

- 1) наличие ядра и периферии;
- 2) способность группы слов, благодаря существованию у них общего признака, включать новые элементы с таким же признаком;
- 3) наличие зон семантического перехода между полями;
- 4) межуровневость функционально-семантических и грамматико-лексических полей;
- 5) наличие конфигурации поля (его структуры), например микрополей;
- 6) целостность поля – связь его элементов, обусловленная семантическим сходством или близостью значений или наличием общего компонента у всех слов данного поля;
- 7) историчность поля, исторический характер его языкового членения;
- 8) понятийное поле требует учёта особенностей индивидуальной культуры носителей языка;
- 9) как в мозаике соединяется здесь слово со словом, одно вплотную к другому, так что в итоге их контуры совпадают, и все вместе они восходят к смысловому единству высшего порядка (Г. Ипсен);
- 10) отдельное слово получает определённость, исходя из численного состава и расположения значений, противостоящих ему в общем поле;
- 11) относительная автономность поля.

С точки зрения современных синергетических (объединяющих несколько научных парадигм) подходов, как представляется, существует несколько возможных ракурсов «видения» поля, которые позволяют углублять представления о нём (по крайней мере, при переходе от

системно-структурной к когнитивной парадигме) и в связи с этим по-разному представлять свойства поля. С точки зрения когнитивной лингвистики (здесь мы опираемся на идеи С.А. Жаботинской), основными свойствами поля являются:

1) сетевой (пространственный), а не мозаичный (плоскостной) характер;

2) наличие базовых фреймовых отношений предметности, акциональности, посессивности, таксономии и компаративности между узлами фреймовой сети, к которым относятся ПРЕДМЕТ (АГЕНС, ПАЦИЕНС, ОБЪЕКТ, ИНСТРУМЕНТ, РЕЦИПИЕНТ, ЦЕЛЬ, ПРИЧИНА, РЕЗУЛЬТАТ, БЕНФИЦИАНТ; ВЛЕДЕЛЕЦ – СОБСТВЕННОСТЬ, ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, СОДЕРЖИМОЕ – СОДЕРЖАЩЕЕ; ВИД – РОД, РОЛЬ; СРАВНИВАЕМОЕ, ОБЪЕКТ СРАВНЕНИЯ), ТОЛЬКО, ТАКОЕ, ТАК, ТАМ, ТОГДА, ЕСТЬ, ДЕЙСТВИЕ, КАК, КАК БЫ;

3) способность сети «наводить» поверх себя домены – связанные области концептуализации, смысловые «токи», возникающие во фреймовой сети в зависимости от вида осмысливаемой человеком концептосферы (поля):

4) значение слова получает определённую исходя не из значения противопоставленных ему лексем, а из его участия в формировании одного из базовых фреймов и домена, а также исходя из его «наполненности» узлами сети. Спорным остаётся вопрос о наличии ядра и периферии в концептосфере. С одной стороны, ядро и периферия относятся к свойствам поля в системно-структурных исследованиях и предполагают плоскостной характер поля. С другой стороны, ничто не мешает нам обнаружить ядро и периферию в сетевой структуре, имея в виду, что какие-либо узлы сети в данной концептосфере относятся к ядерным, а другие – к периферийным. Что касается остальных свойств поля, выдвинутых в рамках системно-структурного подхода, то они остаются характерными и для концептосферы: открытость поля, наличие зон семантического перехода между полями, межуровневость функционально-семантических и грамматико-лексических полей, наличие конфигурации поля, целостность поля, историчность поля.

1.3.2.2. Новые идеи в полевых исследованиях конца XX – начала XI века. Итоговая типология полей. Разграничение тематических групп (ТГ), лексико-семантических групп (ЛСГ), семантических полей (СП), понятийных полей (ПП), ассоциативных полей (АП) в лингвистике.

Подводя итоги хронологическому изложению истории изучения типов и внутренней организации полевых структур, отметим следующее. Исследования, посвящённые изучению этой проблемы, можно разделить на две группы: 1) те, в которых были выдвинуты новые теоретические проблемы или прояснены на ином фактическом материале ранее предложенные идеи; 2) работы обобщающего характера.

К первым можно отнести:

а) исследования А.А. Уфимцевой о ЛСГ (до них в европейской и американской лингвистике изучались главным образом ТГ, СП и ПП (А.А. Уфимцева впервые в теоретическом и практическом плане поставила вопрос о необходимости разделения лингвистического и экстралингвистического подходов к языку);

б) работы А.В. Бондарко о функционально-семантических полях (ФСП) (идея синтагматического поля и поля, формируемого на основе контекстуальной смежности, была предложена О. Духачеком, но недостаточно разработана в практическом плане; А.В. Бондарко, выдвинув идею выражения ФСП-полями предикативных, предметных, атрибутивных и обстоятельственных значений, подробно исследовал предикативные ФСП: модальные, темпоральные, аспектуальные, залоговые);

в) исследования Воронежской школы под руководством З.Д. Поповой, выдвигающие в теоретическом плане проблему вторичных полей в языке, вопрос о семеме и семантеме как полевых структурах, идею лексико-фривологических полей; разрабатывающие идеи частеречных полей в практическом плане;

г) работу В.П. Абрамова, в которой подробно изучаются сопоставительные классы как форма проявления синтагматического блока поля, а также СП художественного текста (к семантическому полю относятся ключевые слова, повтор и метафора как приёмы использования языковых средств, доминанта текстовой модальности, ритм, неожиданный выбор слова, семантическая мотивация, стилистическое согласование); выдвигается идея метафорического поля (структурированного множества метафорических элементов, совокупности словесных ассоциаций, группируемых вокруг образного стержня, ядерного тропа художественного текста);

д) исследование Г.С. Шафикова с идеей аналогии семантического поля понятийному полю и фрейму (автор констатирует сходство и различие указанных феноменов: характерное для ПП наличие узлов связи, обеспечивающих организацию семантической информации в голове человека, аналогично системным связям слов в СП; с другой стороны, лишь часть лексически выраженного в СП языкового содержания соответствует содержанию когнитивной модели ПП; единицы ПП менее жестко зависят друг от друга; в ПП возможно существование единственного представителя);

е) работы С.А. Жаботинской, посвящённые изучению внутренней структуры концептосферы – когнитивного аналога СП, исходя из пяти базисных фреймов: предметного, таксономического, посессивного, акционального и компаративного; С.А. Жаботинской удалось подойти принципиально иначе к определению границ концептосферы: после её исследований состав единиц концептосферы впервые стал определяться не путём привлечения любой информации, касающейся какого-либо концепта и могущей находиться в человеческом сознании, а исходя из строения концептосферы, определяемого пятью базовыми фреймами;

ж) в практическом плане существенный интерес представляет работа В.П. Васильева, где в качестве материала для изучения ЛСГ в когнитивном аспекте (а точнее говоря, понятийного поля) берутся внутренние языковые образы языковой личности;

з) наконец, новой представляется идея динамичности категориального поля (непрерывного континуума, развёртывающегося от наиболее очевидных до наиболее отдалённых возможностей.), предложенная Б.М. Гаспаровым, который утверждает, что группы слов, которыми оперирует субъект, подвижны, как в ассоциативном мышлении, их конфигурация постоянно меняется (перекрещивается, ассоциативно изменяется, приспособливается друг к другу) в зависимости от конкретной коммуникативной задачи и условий речи.

Обобщение типов полей, предложенное в вышеуказанных работах, позволяет осуществить следующую иерархию полевых структур по виду отношений между строевыми единицами поля (сходство и смежность):

1. Парадигматические поля:

а) фонологические поля (работа В.Я. Плоткина о динамике английской фонологической системы);

б) поля семантического уровня языка (описаны в коллективной монографии под ред. З.Д. Поповой «Полевые структуры в системе языка»): поля семантем (значений многозначного слова),

поля семем (семные поля словесных значений). Например, ядерными семами одного из значений лексемы *машина* («механизм, совершающий полезную работу с преобразованием одного вида энергии в другую») являются семы, входящие в дефиницию, а периферийными семами выступают контекстуальные семы («признак технического прогресса»: *Промышленность стала развиваться небывальными темпами, мир заполнился разнообразными машинами...*; «безупречность в работе»; «заменяет труд людей»; «шумный»: *Не спал всю ночь, каюта попалась возле самой машины*);

в) поля лексического уровня языка:

тематические группы (Ю.Н. Караулов, С.Г. Шафиков, коллективная монография под ред. З.Д. Поповой, Е.М. Чекалина и Т.М. Ушакова, Л.М. Васильев, Современный русский язык под ред. Е.И. Дибровой). Например, названия животных, частей тела, предметов мебели,

первичные ЛСГ (А.А. Уфимцева, коллективная монография под ред. З.Д. Поповой, Ю.Н. Караулов, С.Г. Шафиков, Е.М. Чекалина и Т.М. Ушакова, Современный русский язык под ред. Е.И. Дибровой, семантическое поле времени, возраста Д.Г. Ищук, Е.А. Половинко). Например, ЛСГ со значением «руководитель»: *старший, главный, глава, мэр, дож, рейхсканцлер, префект, учитель, организатор, заведующий, временщик, распорядитель, метрдотель, наместник, нарком, предводитель, царица, посол, комдив, военком, дирижёр, заправила, владыка, правитель, главарь,*

вторичные ЛСГ (коллективная монография под ред. З.Д. Поповой). Например, поле экспрессивной или разговорной лексики: *оголтелый, отъявленный, вопиющий, безрассудный, разнузданный, ярый, гнусный, разъярённый,*

лексико-фразеологические поля (фразеологизмы, гнездо, серия) (коллективная монография под ред. З.Д. Поповой). Например, фразеологическое поле для понятия ЖЕНЩИНА – *дочь Евы, слабый пол, лучшая половина человечества, сосуд дьявола;* парцелла «брачные отношения» – *помолвка, сделать предложение, сватовство, просить руки, медовый месяц, новобрачные;* для понятия «муж» – *кормилец, опора семьи, глава семьи, спутник жизни;* для понятия «жена» – *подруга жизни, дражайшая половина, хранительница очага;*

лексико-фразеологическое гнездо СТРАШИТЬСЯ может быть представлено словосочетаниями: *чувствовать страх, испытывать страх, питать страх, натерпеться страха, отбрасывать страх, преодолевать страх, освободиться от страха, подавлять страх, побеждать страх, впадать в страх, терять страх, страшиться (гнездо-1 «состояние»); гнездо-2 «каузация состояния» – нагонять страх, внушать страх, вселять страх, держать в страхе, избавлять от страха, страшить,*

лексико-фразеологическая серия *сделать укол, инъекцию, перевязку, массаж, компресс; сделать глоток, затяжку, вдох, выдох;*

г) словообразовательные поля (О.Г. Ревзина, Е.А. Половинко; деривационные поля В.П. Абрамова; словообразовательные гнезда гримспозитивного и мутационного типа Л.М. Васильева (межчастеречные поля): *читать – чтение, читать – читатель;*

д) поля морфологического уровня языка:

частеречные поля (коллективная монография под ред. З.Д. Поповой), формальные классы слов (= грамматические поля: типы склонения существительных, типы спряжения глаголов) (Л.М. Васильев),

функционально-семантические поля: поля с предикативным, предметным, атрибутивным и обстоятельственным ядром (А.В. Бондарко);

е) поля синтаксического уровня языка:

трансформационные поля: *мне холодно – я мёрзну – меня знобит; ветер сорвал крышу – ветром сорвало крышу; интересоваться – проявлять интерес – относиться с интересом; мне страшно – я страшусь / боюсь / испытываю страх – у меня душа ушла в пятки (Л.М. Васильев),*

поля абстрактных семантико-синтаксических моделей (= лексико-синтаксические поля): 1) предложения (Det temp Det loc V cop Praed lux: *Было солнечно...; Вокруг было радостно-светло. Det temp Det loc V exist: Прояснило после дурной погоды. Det temp Det loc V exist N I lux: Ярко встала весь воздух) или 2) словосочетания (комната сына, портфель учителя, стихи поэта, жена лейтенанта, рука человека, проза Сибири, промышленность Европы, жара Африки, кобура пистолета, ящики*

стола, идея просветительства, чувство радости, энтузиазм сострадания, пламя автомат пачка махорки, банка тушёнки, плач ребёнка, кашель соседа) (коллективная монография под ред. З.Д. Поповой; Л.М. Васильев).

2. Синтагматические поля:

а) конкретные семантические синтагмы: *лаять – собака, ржать – лошадь, смотреть – внимательно, мчаться – стремглав, сорока – стрекочет, воробей – чирикает* (В. Порциг, Л.М. Васильев);

б) согласовательные классы: например, «способ обработки материала» – *выпилить – пилой, отлить – в печи, затесать топором* (В.П. Абрамов).

Для систематизации полей, которые не могут быть описаны на основе вида отношений внутри поля, необходимо выделить другой критерий. Им является объём поля, количество формирующих его видов единиц. Этот критерий важен в связи с необходимостью разграничения данных типов поля. По этому основанию выделяются ТГ, ЛСГ, СП, ПП и АП. Практика полевых исследований показывает, что статус группы определяется авторами работ произвольно, без опоры на объём и характер изучаемого материала. Поэтому дадим обобщённые дефиниции данным типам полей, указав критерии их разграничения. При определении типов поля мы пользовались наиболее общепризнанными в научном кругу и непротиворечивыми признаками.

Тематические группы (парадигмы, ряды) – это слова одной части речи, сгруппированные на основе сходства явлений действительности, или прототипов и не изменяющие своей системы при выпадении какого-либо из членов парадигмы. Например, наименования частей тела, чисел, животных, растений, пищи, денежных единиц, глаголов движения и т.д. Отнесение некоторых из данных групп слов то к ТГ, то к ЛСГ остаётся дискуссионным вопросом. Дискуссионна и проблема наличия у ТГ ядра и периферии. Если опираться на критерий частотности, предложенный в коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой, то и ТГ могут иметь их.

Лексико-семантическая группа – это слова одной части речи, сгруппированные по общности лексического значения, вступающие в отношения синонимии, антонимии и др., в тематические группировки; изменяющие систему слов при потере каких-либо из своих членов. Например, группа слов со значением «руководитель», «труд», «физическая характеристика человека», «способы глагольного восприятия», «земля».

По Ю.Н. Караулову, ТГ отличается от ЛСГ тремя признаками:

1) отсутствие синонимии (театр, мебель, почта); 2) специфическое проявление антонимии (город – село, театр – кино, голова – ноги); 3) специфика гипо-гиперонимических отношений, которая проявляется в перечислении составных частей имени.

С.Г. Шафиков считает это спорным, так как различие полей денотативного и сигнификативного типов носит градуированный характер и можно найти

стилистические синонимы к словам тематических групп (*голова – башка*). Для разграничения ТГ и ЛСГ, по С.Г. Шафикову, удобно использовать критерий выделения поля из корпуса словаря: языковой для ЛСГ и неязыковой для ТГ. Однако, как показывает практика, при отборе лексики как в ТГ, так и в ЛСГ используются, хотя и в разной степени, языковой и неязыковой критерии. Вопрос о разграничении ТГ и ЛСГ становится ещё запутаннее, если попытаться выяснить, что понимается под языковым критерием. В некоторых исследованиях к нему относят наличие общих и дифференциальных сем в значениях слов ЛСГ, выделенных методом компонентного анализа (А.А. Уфимцева, С.Г. Шафиков) или участие в формировании значений слов ЛСГ коннотаций эмоционально-экспрессивного или стилистического характера (С.Г. Шафиков). Но и в любой парадигматической группе слов могут встретиться лексемы, объединяемые на основе общности сем или имеющие стилистические и коннотативные варианты. Как представляется, вопрос о статусе системной группы слов должен решаться каждый раз индивидуально, в зависимости от количественного соотношения лингвистических и экстралингвистических параметров, формирующих группу.

Спорным остаётся также вопрос о наличии ядра и периферии в ЛСГ. В большинстве работ обобщающего характера не указывается на тот факт, что ЛСГ или ТГ имеют ядро и периферию. Вместе с тем авторы коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой, специально исследуя эту проблему, убедительно показывают, что практически в любом системном объединении семантико-лексических единиц возможно выделение ядра и периферии при опоре на частотность использования единиц.

Семантическое поле – это многоплановый поликоординатный феномен, представляющий собой объединение слов разных частей речи, на основе сходства лексического, словообразовательного, грамматического и синтаксического значений или на основе смежности слов (включает парадигматический и синтагматический блоки) и имеющий ядро и периферию. Поэтому СП включает в себя слова, у которых сема, позволяющая отнести их к данному полю, имеет периферический характер. СП может структурироваться на основе всех видов поля, относящихся к разным языковым уровням, кроме фонетического: например, группа слов со значением «возраст» (авторы учебника «Современный русский язык» под ред. Е.И. Дибровой; Е.А. Половинко), «осищённость», поле глаголов созидания (В.П. Абрамов). В свете последних психолингвистических исследований звуковых ассоциаций (В.И. Журавлёв), и явление звукового символизма можно рассматривать в качестве полевой структуры, а это значит, что к СП, возможно, относятся и фонетические поля. Однако этот вопрос носит для нас слишком дискуссионный характер. Если обратиться к конкретным исследованиям, граница ЛСГ и СП зачастую «размыта». Следует обратить внимание на то, что СП шире, чем ЛСГ, в силу словообразовательного, грамматического

и синтагматического критериев выделения, а также в силу неравноправности лексем внутри СП, которые могут относиться к ядру или периферии поля. В данном определении мы обращаемся к узкому пониманию термина «поле», представляющему собой понятие, среднее по своему объёму между ЛСГ и понятийным полем. В широком смысле СП понимается как любое системное объединение слов в языке. Так, в коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой сказано, что поле бытовой лексики распадается на 26 лексико-семантических микрополей: вещества и материалы, вместилища для пищи и напитков, вместилища для жидкостей, вместилища для твёрдых предметов, денежные единицы, здания и др. (*комната, дом, дверь, книга, газета, вода, стекло, машина, чай, хлеб, деньги, рубль, квартира, кухня*). При этом в СП включаются слова одной части речи (это признак ЛСГ), объединяемые на основе сходства значений (тоже признак ЛСГ). В этом случае лучше говорить о макроЛСГ.

Понятийное поле (концептосфера) (например, «атмосферные осадки», «одежда», «пчела», «виноградарство», описанные в работах С.Г. Шафикова, В.П. Васильева, С.А. Жаботинской, И. Кубич, Ж. Красножан) – это объединение смыслов (сем) слов разных частей речи на основе их отнесённости к общему понятию (концепту) либо концептосфере, включающее:

- 1) экстралингвистическую историю изучаемого понятия;
- 2) слова, каким-либо из значений относящиеся к данному полю, а также остальные значения этих слов, в том числе переносные;
- 3) этимологию ключевых понятий поля, историю изменения их значений;
- 4) устойчивые сравнения, метафоры, метонимии, символы и др. тропы с этими словами как выражение форм познания в данной области, а также фразеологизмы и сказки, в которых данные слова называют героев или ключевые аллегорические и символические образы;
- 5) собственные наименования, созданные на основе изучаемого понятия;
- 6) другие устойчивые культурные ассоциации с данными словами;
- 7) стилистические функции слов, объединяемых данным понятием, в художественных текстах;
- 8) внутренние языковые образы слов отдельных языковых личностей.

Известны исследования ПП «красота», «атмосферные осадки», «виноградарство», «пчела». Практические исследования показывают, что объединения слов разного статуса и даже одно слово могут стать объектом изучения понятийного поля, так как его границы существенно расширяются за счёт ментального аспекта исследования. Ряд признаков мы включили в определение понятийного поля благодаря работам последнего времени, посвящённым когнитивному изучению поля. Так, когнитивную природу ПП С.Г. Шафиков характеризует с помощью понятия «фрейм», включающего узлы связи (ноды), обеспечивающие организацию семантической информации в голове человека. При таком взгляде менее жёстко постулируется зависимость значений друг от друга и допускается существование единственного представителя в ПП, что в принципе

отвергается теорией СП. Дефиниция понятийного поля важна для нас, так как в ней указаны лингвистические и экстралингвистические составляющие понятийного поля, помогающие отграничить его от СП.

Определение ПП в когнитивной парадигме может звучать и иначе: **концептосферой** называется совокупность концептов какой-либо области человеческой деятельности, выделенная на основе базовых фреймов: предметного, таксономического, посессивного, акционального и компаративного (теория фреймов разработана С.А. Жаботинской). С.А. Жаботинской удалось подойти принципиально иначе к определению границ концептосферы. После её исследований состав единиц концептосферы впервые стал определяться не путём привлечения любой информации, касающейся какого-либо концепта и могущей находиться в человеческом сознании, а исходя из строения концептосферы, определяемого пятью базовыми фреймами. Традиционно считалось, что понятийное поле объединяет слова, значения которых подводятся под одну и ту же понятийную категорию. С.А. Жаботинская объясняет, что понятийная категория организована иерархически, по гиперонимическому принципу (например, ОДЕЖДА → верхняя одежда → женская верхняя одежда → платье → свадебное платье). Концептосфера же есть определенная конфигурация базовых фреймов, которые используются как «строительные блоки» для воссоздания ментального представления той или иной области человеческого опыта. Каждая область предопределяет количество таких блоков и их качественный состав. При этом концептуальная структура значения слова носит открытый характер, поскольку она может расширяться за счет дальнейшей «надстройки». В то же время, инструменты для воссоздания такой структуры, по всей вероятности, ограничены. Ими могут быть базовые фреймы, рассмотренные выше. Опора на сетевую модель концептосферы позволяет избежать трудностей, возникающих в ходе анализа лексических полей. При анализе лексико-семантического поля возникает необходимость его упорядочивания в соответствии со структурой понятийной категории. В качестве таковой выступает родо-видовая таксономическая модель. При ее применении исследователи сталкиваются с необходимостью выбора критериев для классификации. Таких критериев, остающихся по сути родоположенными, существует, как правило, несколько. Так, например, родовое понятие ОДЕЖДА может стратифицироваться далее по таким видовым параметрам, как: (1) одежда мужская – женская – детская; (2) одежда зимняя – летняя – демисезонная; (3) одежда верхняя – нижняя; (3) одежда для различных частей тела; (4) одежда, предназначенная для определенных целей. При выборе одного из этих параметров в качестве ведущего прочие критерии должны быть выстроены в иерархическом порядке. Но поскольку онтологически эти критерии не иерархичны, их соподчинение зависит от субъективной точки зрения исследователя. Избежать такого субъективизма можно в том случае, если считать понятийной основой лексического поля не понятийную категорию в ее

традиционном понимании, а концептосферу, сетевая модель которой и является основой для понятийной стратификации языковых единиц. Сетевая модель концептосферы не только задает основные направления интерпретации значений единиц лексического поля, но и позволяет объяснить их словообразовательную структуру и семантику. Во внутренней форме номинативной единицы представлен один из фрагментов сетевой модели, который и становится ономаσιологической, или номинативной, схемой [Жаботинская 2004, с. 91]. Базовые фреймы могут быть использованы в качестве универсального инструментария для структурирования информации, стоящей как за отдельной лексической единицей, так и за лексическим полем.

Ассоциативное поле (С.Г. Шафиков, коллективная монография под ред. З.Д. Поповой) – это группа ассоциативно объединяемых слов. В АП исследуются ассоциативные нормы, стандартные реакции в данном социуме. В центральной зоне АП находятся ассоциаты с частотностью выше 5 фиксаций. Менее частотные ассоциации считаются периферийными. АП центробежно, оно не имеет общего объединяющего начала. Ассоциации между семемами в ассоциативном поле имеют индивидуально-творческий характер. По Ю.Н. Караулову, любые произвольно взятые слова ассоциируются по значению через ряд семантических превращений, и поэтому всё внутреннее содержание языка можно в принципе рассматривать как одно большое ассоциативное поле. Выделяется также АП текста (Белянин В.П.) по его модальности. Эпитеты, сравнения, описательные обороты, косвенные характеристики, разбросанные по всему тексту, могут объединяться одной доминантой: светлой, активной, тёмной, печальной, весёлой, красивой. Важно выяснить отличие АП от ПП. Оба типа поля объединяет отнесённость их единиц к ментальному пространству, частичная языковая выраженность, а отличает – отсутствие общего объединяющего начала: концепты в ПП относятся к одному понятию, в то время как ассоциаты в АП могут относиться к разным концептам.

Интересно проследить, как соотносятся обе классификации полей, осуществлённые на основе видов отношений между единицами поля и на основе различного объёма входящих в него единиц. Если ТГ в обеих классификациях совпадают, то между остальными типами полей, выдвигаемых по второй классификации (между ЛСГ, СП, ПП и АП) типы полей первой классификации, по-видимому, распределятся так: к ЛСГ будут отнесены первичные и вторичные ЛСГ, а также та часть фразеологического поля, в которой стержневое слово фразеологизма относится к одной части речи; к СП будут относиться фразеологизмы, стержневые слова которых характеризуются принадлежностью к разным частям речи; поля семем, словообразовательные, частеречные, функционально-семантические и трансформационные поля; формальные классы слов, поля моделей предложения и словосочетания, конкретные семантические синтагмы, согласовательные классы (все они позволяют

исследователю оставаться в рамках языковой системы и не требуют обращения нашего сознания к анализу какой-либо определённой жизненной и ментальной области); к ПП мы отнесём поле семантем, так как традиционно в одну семантическую группу нельзя включать разные значения полисеманта и большинство авторов учебников склонны выводить многозначность за пределы СП; лексико-фразеологическое гнездо, поскольку оно включает устойчивые выражения, имеющие разные значения, хотя и включающие одно коренные слова (*страшиться...*); лексико-фразеологическую серию, так как в неё входят устойчивые сочетания со словами, относящимися к одной сфере деятельности; наконец, к АП мы отнесем фонетические поля на основе ассоциативного, опосредованного характера связи звука и смысла в них. Таким образом, обнаруживается следующая закономерность: если ТГ характеризуется доминированием внеязыковых факторов формирования поля (наличие прототипов, именуемых словами ТГ); если ЛСГ и СП создаются на основе преобладания языковых критериев, причём, СП формируется уже на основе семантических, словообразовательных, грамматических и синтаксических критериев и имеет ядро и периферию; то в ПП главным конституирующим принципом выступает отнесённость его единиц к единому концепту либо ментальному пространству (концептосфере). АП характеризуется отсутствием разделённости ментального сетевого пространства на блоки, его недискретностью, в отличие от ПП, которое, хотя и имеет сетевую структуру, однако обнаруживает ядерные и периферические узлы.

Среди описанных в лингвистической литературе видов поля ПП Абрамов называет также семантическое и метафорическое поле художественного текста. Текстуальные поля, на наш взгляд, следует отнести к понятийным (концептосфере), поскольку всевозможные тропические преобразования смысла слова, характерные для художественного текста, согласно определениям типов поля, выходят за рамки СП, формируют ПП (концептосферу). Они также тесно связаны с авторским замыслом, с авторской ментальностью, следовательно, их изучение в рамках концептосферы представляется более логичным. Семантическое поле художественного текста содержит ключевые слова, выражающие авторский замысел; слова, выбор которых отличается поэтичностью; ритм; повтор слов и др. тропы, создающие доминирующую модальность текста (В.П. Абрамов). Метафорическое поле художественного текста, например «лесной океан», с помощью ряда тропов разворачивается в следующем отрывке: *Из невообразимого ветлого океана катился на меня дикий вал из корней, сучьев, листьев – тата на дыбы – сейчас захлестнёт меня, и из человека – тончайшего из механизмов – я превращусь в ...* (В.П. Абрамов).

Данная иерархия, безусловно, не может представлять собой исчерпывающий список типов полевых структур, но может отражать основные тенденции в их изучении.

1.3.2.3. Критерии разграничения ядра и периферии в разных типах полевых структур

Вопрос о наличии ядра и периферии в разных типах системных групп лексики остаётся дискуссионным. В ряде учебников по современному русскому языку и работах обобщающего характера наличие ядра и периферии присваивается только семантическому полю, в то время как авторы коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой убедительно показывают возможность выделения ядра и периферии у любых типов системных объединений семантико-лексических единиц.

По мнению авторов коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой [Полевые структуры 1989], традиционным считается представление о том, что ядро лексикона формируется из наиболее частотных слов. Деление группы слов на ядро и периферию подтверждается и мнением об организации слов в сознании человека в соответствии с возрастом их усвоения индивидом: вновь усваиваемые слова хранятся на периферии, в то время как усвоенные ранее слова передвигаются в более «глубокие» слои лексикона (авторы, например Дж. Киш, считают возможным сравнить этот процесс с ежегодным нарастанием слоёв на стволе дерева).

Ядро лексико-семантической группы, как считают авторы коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой, чаще всего выявляется на основании критерия частотности. Частотность лексической единицы устанавливается по Частотному словарю [Частотный словарь русского языка 1977]. Кроме того, периферию ЛСГ образуют единицы с более конкретным значением, а в ядро входят единицы с более абстрактным значением. Чем меньше количество сем в семеме, тем ближе она к ядру ЛСГ. Так, центром ядра ЛСГ «руководитель» является гипероним *руководитель*, давший имя ЛСГ. Его значение содержит минимальное количество сем и поэтому является наиболее абстрактным по содержанию. В словарных дефинициях данная лексема часто служит идентификатором, имеет высокую общую частоту, встречается во всех жанрах, стилистически ограничена, образует множество словосочетаний, способна к замещению большинства единиц ЛСГ. По З.Д. Поповой, в ядро ЛСГ входят стилистически нейтральные лексические единицы: *старший*, *главный*, *глава*. Характерной чертой ядерных лексических единиц является их соперничество за право дать имя ЛСГ. Однако наличие в семантике этих слов двух, хотя и близких, ядерных сем («лицо, которое руководит» и «стоит во главе»), не позволяет считать их гиперонимами ЛСГ. ЛСГ «руководитель» насчитывает 353 единицы, распределяемых в 21 лексико-семантическую микрогруппу: общие названия лиц, руководители высшего звена в промышленности и сельском хозяйстве, руководители среднего и низшего звена в промышленности и сельском хозяйстве, руководители в общественно-политической сфере, спортивной сфере, руководители общественно порицаемых группировок, руководители в творческой, научной и учебной, домашней сферах, руководители заседаний

и собраний, руководители в военной, религиозной сферах, руководители министерств, руководители в дипломатической сфере, пожарные руководители, старосты, руководители прислуги. В ядро входят лишь лексемы микрогруппы «общие названия лиц».

Основанием для отнесения единицы к той или иной зоне периферии может служить признак «актуальность для современной общественной жизни». Неактуальные единицы чаще находятся на дальней и крайней периферии. Слова, не зафиксированные в Частотном словаре, лексически относятся к крайней периферии ЛСГ. Слова, относящиеся к крайней периферии ЛСГ, обычно включают сразу несколько периферизирующих сем: «историческое», «устаревшее», «характерное для зарубежной действительности» (*мэр, дож, рейхсканцлер, префект*), «массовоупотребительное». В крайнюю периферию также входят слова, у которых сема «руководство» является не ядерной, а периферийной (*учитель, организатор, заведующий, временщик, распорядитель, методист* и др. К дальней периферии относятся единицы, отражённые в Частотном словаре. Их свойство – невысокая частота и наличие одной периферизирующей семы (*наместник, нарком, предводитель, царица* – устаревшее или историческое; *посол, комдив, военком, дирижёр* – профессионально-ограниченное; *заправила, владыка, сатрап* – стилистически ограниченное; *правитель, главарь* – эмоционально-ограниченное). В ближней периферии находятся высокочастотные слова с конкретным семантическим содержанием. В целом, в ЛСГ «руководитель» явно преобладает периферийная лексика: ядро составляет 1% всех слов, ближняя периферия – 95, дальняя – 335, крайняя – 575 [Полевые структуры в системе языка 1989].

Нужно показать критерии выделения ядра и периферии у различных типов объединений слов. Особой разновидностью системных групп лексики, по мнению авторов коллективной монографии под редакцией Т.Д. Половой, является полевая структура, образованная по градуально-идеогеографическому принципу. Такая полевая структура включает слова одного семантического диапазона, градуально расположенные на оси контрпной семантической шкалы типа: *молодой – немолодой – средних лет – пожилой – старый*. Ещё примеры: *стоять – сидеть – лежать, холодный – тёплый – горячий*... Слова располагаются здесь по принципу волны. В градуально-идеогеографических структурах ядром можно считать лексемы, представляющие крайние точки градуального ряда. Вокруг каждой из них выстраивается своя ближняя периферия – синонимичные лексемы, лексемы в середине ряда – дальняя периферия.

Другим видом полевой структуры является лексико-фразеологическое гнездо (ЛФГ), ядром которого выступает глагол, а остальные элементы представлены фразеосочетаниями с однокоренным глаголу существительным. Между ними существуют не только отношения синонимии. На основе материала словаря-справочника «Устойчивые синонимно-именные словосочетания русского языка» можно выделить 200

лексико-фразеологических гнезд. Ядро ЛФГ – лексема *страшиться*, периферия – *чувствовать страх, испытывать страх, питать страх, натерпеться страха, отбрасывать страх, преодолевать страх, освободиться от страха, подавлять страх, побеждать страх, впадать в страх, терять страх, страшиться* (гнездо-1 «состояние»); гнездо-2 «каузация состояния» – *нагонять страх, внушать страх, вселять страх, держать в страхе, избавлять от страха, страшить*. Наиболее близкими к ядру являются фразеосочетания *испытывать страх, чувствовать страх, питать страх*, так как включают, как и ядерный глагол, сему «отношение к состоянию со стороны субъекта». От ядра удалены книжные или устаревшие фразеосочетания, а также содержащие другие семы: «мера состояния» (*натерпеться страха*), «начало» (*впадать в страх*), «активного изменения» (*освободиться от страха, побеждать страх*).

Части речи, с точки зрения авторов коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой, тоже могут рассматриваться в качестве полевых структур в лексико-грамматической подсистеме языка. Трудности в разграничении частей речи уже не раз наводили исследователей на мысль об их полевой структуре. Р.М. Гайсина указывает на три различных подхода к разграничению ядра и периферии частей речи:

1) характер соотношения вещественного и частеречного значений и семантике слов (к ядру части речи относятся слова, в семантике которых отмечаются гармония вещественного и частеречного значения; это слова с конкретно-предметной семантикой: *человек, стол, лес, молоко*; семантическую периферию будут составлять слова, обозначающие непредметные (признаковые) реалии: *бодрость, бег, сотня, стыл*;

2) характер материальной отмеченности грамматических категорий, свойственных той или иной части речи (при таком подходе ядро существительного составят типичные в грамматическом отношении существительные, в форме которых находят полное выражение грамматические значения рода, числа и падежа; к периферии существительного будут относиться нетипичные с этой точки зрения слова: несклоняемые существительные; существительные, не имеющие числовой парадигмы;

3) наличие в ядре данной части речи всего комплекса дифференциальных признаков (семантических, морфологических, синтаксических) (В.В.Бабайцева). Рассмотрим это на примере наречия. По словам З.Д. Поповой, среди пространственных наречий русского и английского языков выделяются такие, которые демонстрируют категориальную полисемию. В русском языке наречия могут проявлять категориальную полисемию на уровне трёх частей речи: предлога (*около двух недель*), существительного (*вернувшись из ниоткуда*), и частицы (*Где тут найти время на учёбу!*). Эти слова находятся на периферии данной части речи. Части речи при этом могут быть представлены как пересекающиеся круги, центры которых отделены друг от друга, а периферии частично совпадают. Слова, демонстрирующие

категориальную полисемию, будут находиться как раз на пересекающихся частях этих кругов. В отличие от других типов полей, к ядру части речи не обязательно должны принадлежать наиболее частотные слова. Наиболее частотные наречия относятся как раз к периферии данной части речи. К ближайшей периферии относятся слова, сохраняющие более близкие ядру категориальные семы.

Ядро и периферию лексико-синтаксического поля как лексического исполнения структурных схем словосочетания, предложенную в коллективной монографии под ред. З.Д. Поповой, рассмотрим на примере анализа значений родительного приименного падежа в русском языке. Одна и та же структурная схема словосочетания: S1–S2, где S1 – существительное в именительном падеже, а S2 – существительное в родительном падеже, в зависимости от лексико-грамматического разряда образующих его существительных наглядно меняет своё значение от ядерного (значение принадлежности: *комната сына, портфель учителя, стихи поэта*) к периферийным. Ядерные значения не вызывают неясности, так как каждый компонент отражает реальный экстралингвистический денотат. Существительное в родительном падеже обычно одушевлённое. Ближнюю периферию значения родительного падежа принадлежности представляют значения родственной, дружеской и органической принадлежности: *жена лейтенанта, рука человека*. Значения дальней периферии – «территориальная принадлежность», значение части целого: *прояв Сибири, промышленность Европы, жара Африки; кобура пистолета, ящички стола*. К крайней периферии относятся значения, не связанные с принадлежностью: значение конкретизации, «источник возникновения», «количество исчисляемых объектов», «производитель действия»: *идея просветительства, чувство радости; энтузиазм страдания, пламя автомата; пачка махорки, банка тушёнки; плач ребёнка, кашель соседа*. Эти значения возникли позже в истории языка. Каждая из таких конструкций в отдельности способна становиться базовой по отношению к метафорическим генетивным сочетаниям со статусом К1Ц1 (*клубки дорог, хвост поезда, стакан беды, семя войны*). Здесь S1 употреблено в метафорическом значении, а S2 – в прямом значении принадлежности, что позволяет отнести такие конструкции к ядерным. В метафорических сочетаниях типа *лапы врагов, меч правосудия, перст providения, суставы души* S2 мыслится как живое существо, могущее обладать тем или иным предметом. Здесь также имеют место отношения принадлежности. Периферийные конститuentы со значением части целого становятся базовыми для возникновения метафорических словосочетаний типа *островок мира, узел конфликта, семя войны*. То же можно сказать о сочетаниях с метафорическим значением источника: *ледок недоверия, горечь поражения, холод опасности*; со значением количества: *горы чувств, ворох лиц*; к отглагольным сочетаниям: *крик души, полёт мысли, блеск ума*. Особое место занимают метафорические сочетания со значением сравнения, для которых семантически близкой оказывается

группа конструкций со значением «носитель признака, состояния»: *золотой аллея, тина мелочей, червь сомнения*. Эти сочетания относятся уже к другим микрополям, компаративному, атрибутивному, в которых они находятся на крайней периферии.

Как полевые структуры авторами коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой рассматриваются и семантемы (многозначные слова). Вопрос о полевой трактовке семантемы является дискуссионным поскольку разные семемы одной лексемы хранятся в разных полях и ЛСГ. Но авторы монографии не видят противоречия между признанием полевой природы семантемы и вхождением разных семем одной лексемы в разные ЛСП и ЛСГ. В семантеме, как и в любой другой полевой структуре выделяются ядро и периферия. Ядерными элементами семантемы являются денотативные семемы, выступающие в качестве основного значения. Основное значение является производным, наиболее независимым от контекста, самым частотным и, как правило, выступает первоначальным источником, базой для развития других элементов семантемы. Ядро семантемы вместе с доминантой составляют производно-номинативные значения, в которых сохраняется категориально-лексическая сема основного значения. В периферии семантемы входят производные семемы, не совпадающие с категориально-лексической семой основного значения, но связанные с ядерными семемами дифференциальными семемами. ЛСВ слова с ядерными семемами обычно входят в одну ЛСГ. Критерием разграничения ближней и дальней периферии служит сохранение/исчезновение в качестве ярких и постоянных в семной структуре периферийного значения тех сем, которые выявляются и в ядерных значениях в качестве ярких и постоянных. Так, в семантеме глагола *резать* в ближнюю периферию включаются значения, семная структура которых содержит в себе яркую и постоянную сему «острое орудие». Это семемы «оперировать», «убивать чем-либо острым», «изготавливать посредством резбы», «наносит на гладкую поверхность твёрдого материала при помощи режущих инструментов». Дальняя периферия охватывает остальные производные значения, в семных структурах которых и категориальная, и дифференциальная семы не имеют ничего общего с яркими семемами ядерных значений. Например, значение глагола *резать* «причинять нравственные и душевные страдания, боль, терзать». Между ядерным и данным значением существует семантико-деривационная цепочка, в их объединении играют роль потенциальные семы. Рассматриваемое значение производно от семемы «впиваясь в тело, причинять боль», находящейся на стыке дальней и ближней периферий, в силу того что сема «острое орудие», преобразуясь в сему субъекта, остаётся всё-таки яркой и обязательной. Одним из вспомогательных критериев разграничения ближней и дальней периферии глагольной семантемы может быть степень регулярности/спорадичности возникновения производных значений. Признак регулярности позволяет расценивать производные семемы

и качестве конститuentов ближней периферии: *варить мясо – варить суп, сушить траву – сушить сено*. Диахронические изменения приводят к перестройке полевой организации слова, так как некоторые семы в составе соответствующих семем изменяют свой полевой статус под воздействием экстралингвистических и лингвистических причин. Основное значение может сместиться на периферию, а периферийная семема стать ядерной. При частичной дестимологизации некоторые основные и яркие семы этимологического значения перемещаются на периферию семемы, в результате чего теряются связывающие звенья между основным значением слова и его этимологом.

Авторы коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой рассматривают и семемы как полевые структуры. К ядерным относятся постоянные и неустраняемые семы, которые можно выделить, анализируя словарные дефиниции толковых словарей; к периферийным – вероятностные, устранимые, скрытые (они обычно не отражены в дефинициях толковых словарей и выявляются контекстуально или другими приёмами. Например, лексима *машина* несёт 4 семемы, наиболее употребительные из которых 2:

1) механизм, совершающий полезную работу с преобразованием одного вида энергии в другую;

2) то же, что автомобиль, самодвижущееся транспортное средство с двигателем для перевозки грузов и пассажиров по безрельсовым путям. Для семемы «машина» (механизм) выделяются следующие периферийные семы «признак технического прогресса» (*Промышленность стала развиваться небывалыми темпами, мир заполнился разнообразными машинами...*); «безупречность в работе», «заменяет труд людей», «шумный» (*Не спал всю ночь, каюта попалась возле самой машины*). Семы ближней периферии («признак прогресса») наиболее часто конкретизируются в речи. К дальней периферии относится сема «шумный».

С точки зрения авторов коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой, ядерные семы ЛЗ обусловлены, как правило, семой отражаемой в языке внеязыковой действительностью. Периферийные же семы зависят не только от неё. Возможно возникновение периферийных сем, обусловленных регулярной совместной взаимодействием слова с другими словами, за счёт приобретения в той или иной культуре цитатных приращений смысла. Результатом вхождения слова в регулярно цитируемые сочетания является обогащение, «приращение» содержания этого слова, которое выступает в качестве периферийной семы этого слова. Оно может быть известно не каждому носителю языка. Невосприятие этого приращения не делает текст бессмысленным для адресата, а лишь обедняет его содержание. Потенциальный ассоциативный характер осознания носителями языка семантического приращения как результата вхождения слова в цитату характеризует этот компонент как периферийный в семантике слова. Большинство знаменательных слов входит в более чем одно сочетание

цитатного характера, при описании семантики такого слова встаёт вопрос о приоритетности его семантических приращений. Основанием деления этого пространства на ядерную и периферийную части можно считать большую или меньшую известность цитаты или текста, частью которых она является, и тем самым степень закреплённости приращений в системе языка. Наиболее надёжным источником таких сведений можно считать словари цитат. Цитаты, встречающиеся в большинстве словарей и реализующие одни и те же приращения смысла, можно считать ядром пространства семантического приращения. В английском языке для слова *стрела* ядерными приращениями будут: 1) символ угрозы, опасности (Библия); 2) оружие поражения, причиняющее физические и нравственные страдания и боль (Шекспир); 3) оружие целенаправленной духовной битвы (Блейк); 4) ассоциации, связанные с быстрым свободным полётом и способностью оставаться самим собой (Лонгфелло). Следующим кругом можно считать приращения, связанные с цитатами, представленными в трёх из этих четырёх словарей. Таким образом можно обнаружить приращения, относящиеся к ближней, дальней и крайней периферии цитатного пространства.

Как показывают исследования авторов Воронежской школы, полевой принцип (наличие ядра и периферии) пронизывает любые системные группировки слов в языке и может рассматриваться как иная, по сравнению с иерархической, точка зрения на структурную организацию лексических групп. Иерархия интегрирующих и дифференцирующих сем при таком подходе заменяется полевой организацией. Поле в физике (например, магнитное поле) обладает пространственными характеристиками и представляет собой совокупность взаимозависимых фактов. «Полевая» точка зрения представляется сегодня более актуальной, чем системно-структурная, в связи со всё большим распространением динамического взгляда на язык, так как она способствует переходу от плоскостной концепции поля к пространственной. Актуализация когнитивного подхода к языку в современной лингвистике порождает новую «сетевую» концепцию, которая развивает «полевую». На наш взгляд, обе эти концепции не противоречат друг другу и могут быть совмещены в едином феномене понятийного поля, в целом представляющего собой сетевую организацию и одновременно «наводящего» в отдельные моменты порождения смысла ядро и периферию в зависимости от акта коммуникации с его коммуникативным пространством (тема, цель, жанр общения, представления говорящего о собеседнике и наоборот и т.д.).

1.3.2.5. Семантические корреляции внутри поля

В ряде работ рассматривается такой аспект изучения поля, как его корреляции (Ю.Д. Апресян, В.В. Лопатин, коллективная монография под редакцией З.Д. Поповой, И.М. Кобозева, С.А. Жаботинская). В истории изучения этого вопроса можно выделить три хронологических и одновременно теоретических источника: 1) исследование значений

относительных и семантически производных от них прилагательных (метафорических и метонимических) (Ю.Д. Апресян, В.В. Лопатин); 2) изучение отношений элементов внутри поля, основанных на связях между значениями слов; на идентичности, близости или контрастности сем (авторы коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой, И.М. Кобозева 2007, с. 99 – 108); 3) исследование строения концептосферы способов моделирования структур вербализованных знаний – фреймовых сетей (С.А. Жаботинская). Первый источник относится к 70 – 80 годам XX века. В работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1975, с. 168 – 175] и В.В. Лопатина [Русская грамматика 1982] производилось исследование возможных значений относительных и семантически производных от них метафорических и метонимических прилагательных. Относительные прилагательные связаны семантически и деривационно с производящими существительными, от которых они образованы: *торговый центр*, *торговая прибыль*, *торговый флот* – значения «где производится X», «полученный от X», «обслуживающий X»; *любовные стихи*, *восточный вопрос* – значение «относящийся к теме». Семантически производные адъективы имеют общие семы с первичными значениями, относятся к той же части речи и поэтому являются удобным объектом изучения в лексическом поле: «имеющий свойство X – каузирующий свойство X» (*беспокойный человек* – *беспокойная работа*). Второй источник – изучение связей между значениями слов в поле, предполагает уже исследование связей разных частей речи, так как внутри поля здесь выделяются не только семантические, но и словообразовательные производные (*ходить* – *походка*, *плакать* – *слезливый*). Наконец, в третьем источнике изучения отношений внутри поля – изучении строения концептосферы, считается, что в состав поля входят слова разных частей речи.

По Ю.Д. Апресяну, семантические корреляции внутри поля могут быть представлены для относительных прилагательных отношениями между производящим существительным (*война*, *торговля*) и предикатом, выраженным отношениями между компонентами конструкции [Апресян Ю.Д. 1975, с. 211]: *военные операции* – «являющиеся X-ом», *военные преступления* – «каузированные во время X-а», *военная авиация* – «предназначенная для X-а», *военная подготовка* – «предназначенная на случай X-а»; *торговая прибыль* – «полученная от X-а», *торговый флот* – «обслуживающий X», *торговый центр* – «такой, где производится X». Для метонимических и метафорических прилагательных, возникших на базе относительных адъективов, семантические корреляции внутри поля могут быть выражены следующими типами регулярной многозначности [там же, с. 211–216]: 1) каузативные значения – «имеющий свойство X – каузирующий свойство X» (*беспокойный человек* – *беспокойная работа*); «выражающий – каузирующий X» (*скупный взгляд* – *скупный пейзаж*); «опоясывающий – приводимый в действие X-ом» (*водяная капля* – *водяная турбина*); 2) целевые значения – «являющийся X-ом – предназначенный для X-а» (*весенняя пора* – *весеннее платье*); «характеризующий X –

предназначенный для X» (*верховая езда – верховая лошадь*); 3) параметрические значения – «больше нормы X-а – высокая степень» (*дорогая книга – дорогая цена*); 2) «больше нормы X-а – положительная оценка» (*богатый крестьянин – богатый язык*).

Словообразовательные значения относительных прилагательных и адъективов, производных от них, предложенные В.В. Лопатиным [Русская грамматика 1982, с. 272 – 273, 327–331], также могут быть отождествлены с семантическими корреляциями внутри поля:

1. Индивидуальная принадлежность тому, что названо производящей основой: *отцов двор, некрасовские поэмы*.

2. Свойственность тому, кто назван производящей основой: *рыбачьи снасти, отцовские чувства, мальчишеская внешность*.

3. Отнесённость к деятельности, занятию какого-либо лица, течению: *инженерное дело, толстовское движение*.

4. Принадлежность, свойственность неодушевлённому предмету: *лесная чаща, колокольный звон*.

5. Сделанный из того, что названо мотивирующей основой: *кирпичный дом, бархатное платье*.

6. Имеющий, содержащий то, что названо мотивирующей основой; обладающий тем, что названо производящей основой: *лесной край, мясной суп, рогатый олень, купированный вагон, кудрявый парень, узорчатый платок, ядовитая змея*.

7. Предназначенный для того, что названо мотивирующей основой: *книжный шкаф, летательный аппарат, праздничное платье*.

8. Находящийся в том месте, которое названо производящей основой: *цветочный нектар, южные города*.

9. Существующий в то время, которое названо мотивирующей основой: *воскресная прогулка, военное положение*.

10. Относящийся к объекту производства, изготовления, продажи, обучения: *кирпичный завод, меховой комбинат*.

11. Относящийся к инструменту действия: *карандашная зарисовка, солнечные часы*.

12. Относящийся к виду того, что названо производящей основой в качестве рода: *мемуарная литература, реставрационный процесс*.

13. Относящийся к теме: *любовные стихи, восточный вопрос*.

14. Высокая степень проявления чего-либо: *частотное явление, скоростной транспорт, вкусная пища, масштабный проект, ритмичный график*.

15. Имеющий свойства того, что названо производящей основой: *совковая лопата, тигровый питон, мастеровитый человек, бархатистая поверхность*.

16. Относящийся к объекту сравнения: *стальные мускулы, молочный туман*.

17. Склонный к тому, что названо мотивирующей основой: *ироничный человек*.

18. Относящийся к действию, названному производящей основой:
продолжительный документ, кровопролитная война.

19. Такой, где производится то, что названо производящей основой:
массовый бассейн, торговый центр.

Значения относительных прилагательных, в силу выражения ими актуальных отношений между предметами окружающего мира, ситуативны. Их список открыт, так как новые связи между явлениями действительности могут становиться актуальными с течением времени. Наличие списка значений относительных прилагательных характеризуется определённой долей субъективизма в работах разных авторов, потому что один и тот же вид отношений может быть описан с разных сторон и с разной степенью конкретизации. Сопоставление значений прилагательных в работах Ю.Д. Апресяна и В.В. Лопатина показывает, что некоторая небольшая часть значений повторяется (продолжительный, место, род – вид). Для определения общего списка значений относительных прилагательных и семантических производных от них, на наш взгляд, можно дополнить классификацию значений Ю.Д. Лопатина, включающую только одно переносное значение «объект сравнения», переносными значениями Ю.Д. Апресяна (каузативными и паремическими): 1) «имеющий свойство X – каузирующий свойство X» (*беспокойный человек – беспокойная работа*); «выражающий – являющийся X» (*скупой взгляд – скупой пейзаж*); 2) «больше нормы X и высокая степень» (*дорогая книга – дорогая цена*); «больше нормы X – положительная оценка» (*богатый крестьянин – богатый язык*). Список переносных значений может быть существенно расширен.

Изучение семантических отношений внутри поля производилось в коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой и И.М. Кобозевой. Авторы коллективной монографии под редакцией И.Д. Поповой [Полевые структуры 1989] отмечают, что отношения элементов внутри поля могут основываться на идентичности, близости и контрастности содержания сем. На идентичности основано несколько видов связи, обозначаемых термином «вхождение». Вхождение – обязательная связь для элементов лексико-фразеологической системы. Оно включает такие разновидности:

1) родо-видовая связь (она обозначает, что обе единицы имеют одинаковые семы, но кроме них видовая единица включает одну или несколько конкретных сем). Например, *умереть – погибнуть* (*погибнуть* имеет дифференциальную сему «неестественный характер»);

2) пересечение (этот вид предполагает, что единицы имеют общие и различные семы). Например, *трудиться, ловчить, самовольничать* пересекнутся по общей семе «проявлять энергию»;

3) синонимическая связь предполагает пересечение и родо-видовую связь между единицами, принадлежащими к одному или соседним уровням иерархии, например, *умереть – отлучиться – погибнуть*;

4) градуальная связь предполагает, что синонимические единицы называют разные степени обозначаемого понятия и различаются семами типа «очень», «максимальный», «незначительный», «поверхностный». Например, *устать* – *изнемочь*, *устать* – *изнуриться*;

5) партитивная связь предполагает, что единицы называют понятие в целом и его части. Например, *дышать* – *вдыхать*, *выдыхать*.

На близости содержания сем основаны виды связи, объединяемые термином «схождение». Близкими считаются семы, одна из которых входит в другую. Например, сема «голодание» входит в сему «вследствие голодания». Значит, связаны и элементы, их включающие: *голодать* и *быть измождённым*. Схождение включает следующие разновидности:

1) фазовая связь (выявляется через семы, указывающие на начальную и конечную фазы: *приняться*, *заснуть*, *отдышаться*; *остановиться*, *проснуться*);

2) тяготение (выявляется через семемы, указывающие на состояние или действие, следующее за данным. Такие семы имеют семантические признаки «возможность чего-либо», «потребность в чём-либо», «стремление к чему-либо», «с какой-либо целью». Например, *бороться со смертью* – *умереть*;

3) реминисцентная связь (выявляется через семы, указывающие на состояние или действие, предшествовавшее данному). Такие семы имеют семантические признаки «после чего-либо», «вследствие чего-либо», «ранее намеченное»: *отдыхать* – *работать*, *зевнуть* – *устать*;

4) темпоральная связь (выявляется через семы, указывающие на временную отнесённость состояния: сема «в древности» реализуется в словосочетании *быть распятым*, сема «в определённый период» – в слове *спать*);

5) локальная связь (выявляется через семы, указывающие на локальную характеристику). Такие семы имеют семантические признаки «где-либо» (*подвизаться*), «через что-либо» (*сопеть*), «во что-либо», «из чего-либо» (*дышать*);

6) инструментальная связь (выявляется через семы, указывающие на предмет или вещество, посредством которого вызвано состояние: *застрелиться*, *зарезаться*, *повеситься*).

На контрастности содержания сем основаны связи, обозначаемые термином «расхождение». Расхождение включает следующие разновидности:

1) антонимичная связь предполагает полярность обозначаемых понятий: *трудиться* – *бездельничать* (семы «проявлять энергию» – «не проявлять энергии»), *спать* – *бодрствовать*;

2) несовместимость выявляется через «инклюзивные негативные семы», выделенные в классификации И.А. Стерниным (Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – С. 45 – 51). Эти семы указывают на отсутствие у состояния или действия какой-либо характеристики: «без законных оснований» – *быть убитым*, «без знания

дела» *халтурить*, «без ограничений» – *разгуляться*, «не сразу» – *отпрямить*, «не вызванное необходимостью» – *суетиться*;

3) противодействие выявляется через семы, указывающие на активное или пассивное противодействие: *держаться*, *сопротивляться* (сема «препятствовать какому-либо воздействию»), *маневрировать* (сема «избегать возможных неприятностей»); *рисковать* (сема «не бояться опасностей»), *топтаться на месте* (не приближаться к завершению деятельности»).

В работе И.М. Кобозевой [Кобозева 2007] выделяются следующие типы между значениями слов: синонимия, гипонимия, несовместимость, корреляция «часть – целое», антонимия, конверсивность, семантическая производность, ассоциативные отношения.

Синонимические корреляции включают отношения полного и частичного совпадения. Точные синонимы встречаются редко: *бросать* – *кидать*, *глядеть* – *смотреть*, *езде* – *всюду*, *заснуть* – *уснуть*. Если значения двух слов совпадают во всём, кроме экспрессивно-оценочных элементов их прагматического слоя, то связывающее их отношение называют экспрессивно-стилистической синонимией: *убегать* – *дрануть* – *улетывавать*. Можно говорить о синтаксической синонимии в том случае, когда слова различаются только грамматическими или лексическими ограничениями на сочетаемость с другими словами: *полный восторг* – *привал* *противоположность* – *сирота*. Слова, достаточно близкие по значению, но имеющие различия, затрагивающие денотативный и сигнификативный слои значения, называются квазисинонимами. Среди их разновидностей – гипонимия и несовместимость.

На основе родо-видовых корреляций можно строить иерархические ряды, в которых каждое следующее слово ряда представляет собой гипоним по отношению к предыдущему слову и гипероним по отношению к последующему: *человек* – *ребёнок* – *мальчик* – *инстрел*; *передвигаться* – *идти* – *плестись*. Установлено, что в каждом иерархическом ряду можно выделить слово, соответствующее центральному уровню конкретности. Слова типа *яблоко*, *собака*, *синий*, *бежать* (в отличие от *фрукт*, *антоновка*, *животное*, *пудель*, *сосуд*, *темно-синий*, *передвигаться* – *трусить*), обозначают классы объектов, свойств и явлений, выделяемые на базовом уровне категоризации действительности. Маркированный уровень точности при номинации объекта – это либо недоопределённость, либо чрезмерная точность: *Возьмите фрукт*; *Возьмите антоновку* – вместо *Возьмите яблоко*.

Отношения несовместимости связывают согипонимы: *мать* – *отец*, *идти* – *бежать*, *просить* – *приказывать*. Денотаты этих слов не пересекаются, в то время как сигнификаты их имеют общую часть – часть сигнификата общего гиперонима. Несовместимыми могут быть и слова, не имеющие общего гиперонима: *отличник* – *хорошист* – *троечник*.

Корреляции «часть – целое» нужно отличать от родо-видовых. Ни одна из частей целого не является сама по себе целым: *ветка* – *лист* –

ствол – корни не есть *дерево*. Разновидности партитивных отношений 1) «сложное целое – единица целого» (*бусы – бусина*); 2) обратная связь (*корабль – флот*);

3) «собирательное имя множества – главный элемент этого множества» (*банда – главарь*).

Общеизвестно деление антонимии на комплементарную (в этом случае отрицание одного из означает утверждение второго: *женатый – холостой, спать – бодрствовать, с – без*), векторную (здесь выражаются разнонаправленные действия: *здороваться – прощаться, замерзнуть – оттаивать*) и контрарную (в этом случае значения слов касаются каких-либо параметров и указывают на противоположные зоны шкалы: *жара – мороз, ползти – лететь, широкий – узкий*).

Конверсивные отношения связывают слова, обозначающие одну и ту же ситуацию, но рассматриваемую с точки зрения разных её участников: *выиграть – проиграть, иметь – принадлежать, младше – старше*.

Корреляции семантической производности были выявлены позже описанных выше. Их объединяет то, что связанные этими отношениями слова часто, но не всегда оказываются ещё и в отношениях производящего и производного слов: *слушать – слушатель; écouter – auditeur*. Разновидностями корреляций семантической производности являются актантные:

1) «действие – субъект действия»;

2) «действие – объект действия»: *боготворить – кумир*.

Неактантные разновидности рассматриваемого типа корреляций:

1) «действие – инструмент» (*пилить – пила*);

2) «действие – средство, используемое при его совершении» (*кормить – пища, финансировать – деньги, отравлять – отрав*);

3) «действие – способ действия» (*ходить – походка, писать – почерк*);

4) «действие – его результат» (*царапать – царапина, перечислять – перечень*);

5) «действие – место действия» (*хоронить – могила, жить – жильё*);

6) «действие – способный к действию» (*плакать – слезливый*);

7) «действие – такой, над которым можно легко производить это действие» (*ломать – ломкий, есть – съедобный, перевозить – транспортбельный*) и др. Эти корреляции И.М. Кобозева называет общими, так как они используются во всех типах полей.

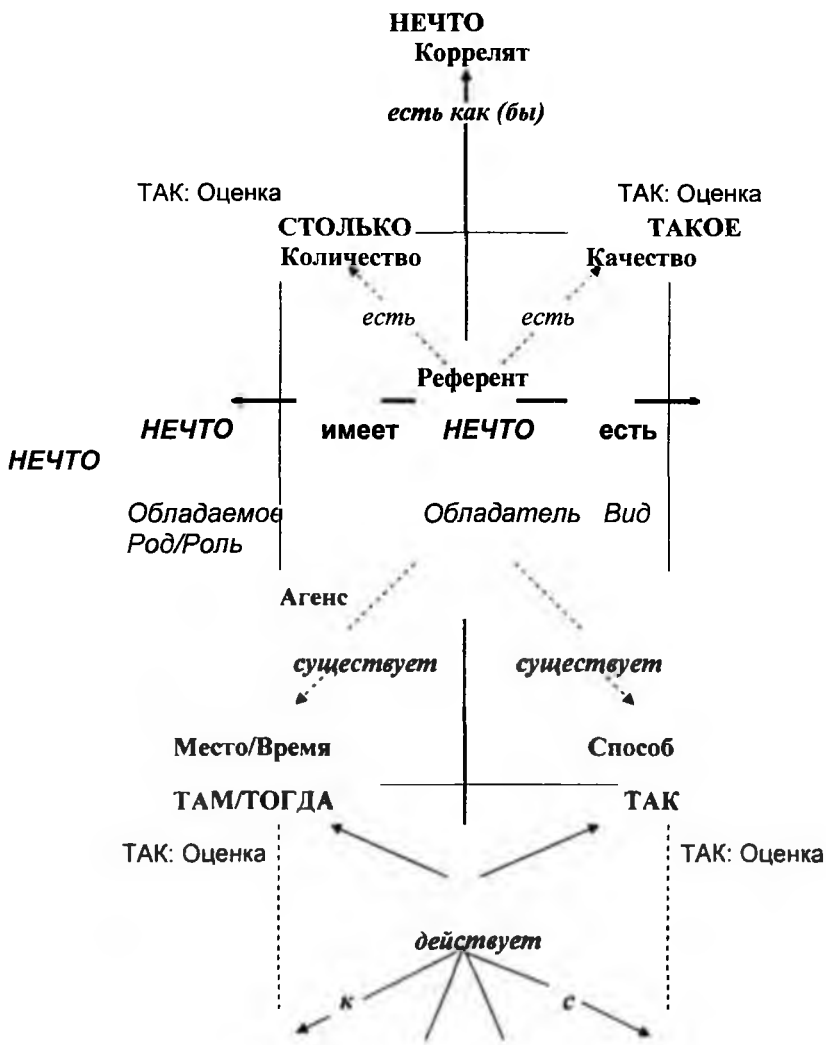
Существуют корреляции, специфические для отдельных типов полей. Например, французский лингвист Ж. Мунен, анализируя поле «Мир домашних животных», выделил такие корреляции к лексеме *boeuf* («крупный рогатый скот»): «самец» (*taureau «бык»*), «кастрированный самец» (*boeuf «вол»*), «самка» (*vache «корова»*), «детёныш» (*veau «телёнок»* или «*телушка*»), «новорожденный», «детёныш-самец» (*taurillon, bouvillon – «телёнок»*), «детёныш-самка» (*gehisse «телушка»*),

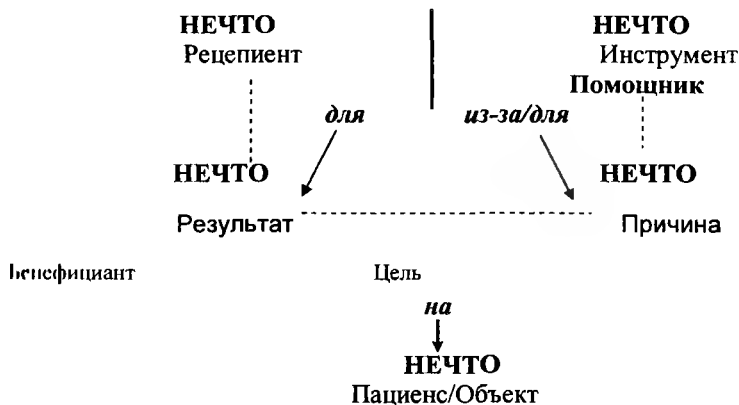
«пришлуд», «роды» (*veler «телиться»*). Другими корреляциями этого поля являются «человек, который разводит данный вид животных», «место, где размножат данный вид животных» и др.

В обоих рассмотренных источниках есть повторяющиеся виды отношений единиц внутри поля: синонимия, антонимия, гипонимия, несовместимость, партитивность. Список отношений, предложенный в коллективной монографии под редакцией З.Д. Поповой, шире, поэтому он может быть взят за основу, но дополнен такими видами отношений, представленными в работе И.М. Кобозевой, как когнессивность и семантическая производность, которые могут быть отнесены к разделу значений, основанных на близости (схождение). Интересно, что семантические отношения единиц внутри поля некоторым образом «пересекаются» с отношениями, выражаемыми в словосочетаниях с относительными прилагательными: ср. «действие – объект действия» (*боготворить – кумир*) и «относящийся к объекту производства, изготовления, продажи, обучения» (*кирпичный завод, меховой комбинат*); «действие – инструмент» (*пилить – пила*) и «относящийся к инструменту действия» (*карандашная зарисовка, солнечные часы*); «действие – место действия» (*хоронить – могила, жить – жильё*) и «находящийся в том месте, которое названо производящей основой» (*цветочный нектар, важные города*); «действие – способный к действию» (*плакать – слезливый*), «действие – такой, над которым можно легко производить это действие» (*ломать – ломкий, есть – съедобный, перевозить – транспортируемый*) и «относящийся к действию, названному производящей основой» (*оправдательный документ, кровопролитная война*, партитивная связь (*дышать – вдыхать, выдыхать*), а также «относящийся к виду того, что названо производящей основой в качестве роли» (*мемуарная литература, реставрационный процесс*). На данных примерах видно, что всё разнообразие смысловых отношений в любой языковой области может быть сведено к набору неделимых далее корреляций, составляющими которых являются предмет (субъект, объект, инструмент), действие, род – вид и др. Эта идея наиболее ярко раскрыта в исследованиях С.А. Жаботинской.

В работах С.А. Жаботинской [Жаботинская 1999, 2004], посвящённых когнитивным проблемам, затрагивается вопрос о семантических отношениях внутри поля. При этом автор рассматривает когнитивный аспект семантического поля – концептосферу. Так как СП и концептосфера имеют ряд общих черт, для нашего исследования важны рассматриваемые С.А. Жаботинской корреляции единиц концептосферы. Как уже было сказано выше, в качестве концептуальных схем в данных работах используются вербальные структуры, узлы которых, обозначенные местоимениями, соответствуют основным историям мышления. Для построения таких схем используются ПЕРСОНАЛЬНЫЙ, ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ, ПОСЕССИВНЫЙ, АКЦИОНАЛЬНЫЙ и КОМПАРАТИВНЫЙ фреймы. В результате

интеграции базовых фреймов возникает межфреймовая сеть (схема 1). По мнению С.А. Жаботинской, эта сеть может быть моделью универсального инструмента человеческого мышления. Определяя изначальный принцип организации информации и задавая возможные направления нашего осмысления предметного мира, фреймовая сеть проявляется на различных уровнях языковой системы: в таких областях, как семантика словообразования, лексико-семантические поля, семантика синтаксиса и семантика текста. Рассмотрим схему концептуальной межфреймовой сети С.А. Жаботинской:

Мы видим, что основные позиции в базовых фреймах могут быть заняты лексемами, участвующими в семантических корреляциях, описанных И.М. Кобозевой и др.: «действие», «объект», «субъект», «инструмент», «место» и т.д. Здесь всё же есть отличие, проявляющееся в том, что И.М. Кобозева не придаёт данным корреляциям статуса основополагающих единиц и роли организатора какого-либо пространства. Просто констатируется факт их существования. По мнению А. Жаботинской, корреляции базовых фреймов внутри концептосферы играют в ней основополагающую композиционную роль.

Отношения фреймов не исчерпывают возможных корреляций внутри концептосферы. С узлами межфреймовой сети соотносятся базовые домены. Домен, по Р. Ленекеру, есть «любая связная область концептуализации, относительно которой характеризуется семантическая структура» [там же]. Так, например, значение слова *яблоко* определяется по отношению к домену *фрукты*, а значения слова *груша* по отношению к домену *фрукты* или же к домену *бокс* («боксерская груша»). Р. Ленекер отмечал, что домен является контекстом для характеристики семантической единицы [там же]. Домены могут быть базовыми и небазовыми. Хотя для концепта (или концептуального комплекса) типично выступать в роли домена при характеристике другого концепта, существует точка, далее которой редукция невозможна. Если концепт ПАЛЕЦ есть домен для концепта СУСТАВ, РУКА – домен для концепта ПАЛЕЦ, ТЕЛО – домен для концепта РУКА, то доменом для концепта ТЕЛО может выступать пространство, так как ТЕЛО (в плане формы) есть конфигурация в трехмерном пространстве, но последнее уже нельзя считать концептом, определяемым по отношению к какому-либо другому, ещё более фундаментальному концепту. Поэтому можно отнести концепт пространства к базовому полю репрезентации, генетически обусловленному физическими особенностями человеческого организма

и являющемуся неотъемлемой частью врожденного когнитивного аппарата человека. Область времени также отражает врожденное человеку понимание изменения [там же]. Такое примитивное репрезентационное поле называется базовым доменом. Источником различных базовых доменов становятся наши сенсорные способности. Помимо пространства, к базовым доменам можно отнести время, цвет, громкость звука, запах, тактильные ощущения, эмоции и пр. минимальные, несократимые и, следовательно, необъяснимые в других терминах единицы. Базовые домены Р. Ленекера соотносятся с узлами сети фреймов. Так, базовые домены сенсорного восприятия (цвет, вкус, запах, тактильные характеристики и пр.) подводятся под категорию качества – ТАКОЙ. Эмоции соотносятся с узлом ТАК, будучи одним из видов оценки. Автономность сохраняют лишь соотносимые друг с другом домены пространства и времени, которые, действительно, необъяснимы в других терминах и находятся на самом низшем уровне концептуальной сложности. Понятийная категория ПРОСТРАНСТВО становится доменом для категории ПРЕДМЕТ (ограниченное пространство), а категория ВРЕМЯ становится доменом для категории СУЩЕСТВОВАНИЕ (ограниченное время). Категория ПРЕДМЕТ, в свою очередь, есть домен для категорий КАЧЕСТВО, КОЛИЧЕСТВО и МЕСТО. Категория же СУЩЕСТВОВАНИЕ есть домен для категорий БЫТИЕ (сохранение или изменение качества, количества или места), СО-БЫТИЕ (сосуществование на основе посессивных, таксономических и компаративных отношений) и ДЕЙСТВИЕ (взаимодействие, включающее аргументные роли акционального фрейма). Доменом категории ОЦЕНКА («приблизительно – точно», «много – мало», «истинно – ложно», «хорошо – плохо») является категория НАБЛЮДАТЕЛЯ (субъекта оценки), предполагающая наличие наблюдаемого предмета (объекта оценки). В целом же, можно предположить, что базовые домены – генетически «запрограммированные» репрезентационные пространства мысли – выстраиваются в определенную систему, где каждый из базовых доменов занимает свое место в концептуальной иерархии сложности. Внутриконцептосферные корреляции проявляются также в структуре небазовых доменов, которых в ментальной сфере человека большинство. Согласно Р. Ленекеру, небазовым доменом может считаться любая область концептуализации, если она используется как «фон», на котором определяется значение. Небазовые домены организованы иерархично. Так, например, концепт ЯБЛОКО порождает концепт КРАСНОЕ; концепт ШЕЯ активизирует представление о всем человеческом теле. В таких случаях – когда один концепт асимметрично предполагает наличие другого концепта как части своей характеристики – эти концепты занимают более высокие и более низкие уровни в концептуальной организации. Все более и более высокие её уровни появляются в результате применения двух основных когнитивных операций:

1) спецификации, то есть конкретизации узлов сети и отношений между ними; например, КАЧЕСТВО → ЦВЕТ → КРАСНЫЙ → ЯРКО-КРАСНЫЙ (при этом каждый из узлов сети, выступая в роли домена для определенного концепта, представляет собой ментальное пространство со своей собственной структурой); 2) концептуальной интеграции – включения нескольких узлов межфреймовой сети и связей между ними, которые реализованы в различной степени; например, домен для значения глагола *читать*: НЕКТО действует (читает) на НЕЧТО (текст).

К описанию корреляций единиц в концептосфере можно подойти и иначе, исходя не из самых крупных объединений (фрейм, домен), а исходя из лексемы. В этом случае слово активирует совокупность концептов – составляющих значения, у каждого из которых есть свой домен. Набор доменов, по отношению к которым характеризуются признаки, есть *концептуальная матрица* или, шире, база, на фоне которых идентифицируется *профиль* («фигура») – часть базы, непосредственно связанная с данным языковым знаком. Например, концептуальной базой слова *яблоко* является вся ассоциируемая с ним информация: яблоко есть плод, плод яблони; оно созревает летом или осенью; оно имеет определенный размер (с небольшой кулак), круглую форму, красный, розовый или желтый цвет, кисло-сладкий вкус; это плод, который можно использовать для приготовления различных блюд, и т.п. Элементы этой информации соотносятся с определенными доменами как концептами вышес общего плана (ДЕРЕВО, ПЛОД, РАЗМЕР, ВКУС, ЦВЕТ, ЕДА и пр.). Взаимодействуя друг с другом, эти домены образуют концептуальную матрицу. В то же время, со словом *яблоко* непосредственно связана лишь часть концептуальной базы («съедобный фрукт размером с небольшой кулак, круглой формы, красного, зеленого, желтого цвета, кисло-сладкий»), которая и становится профилем. Тем самым наиболее «высвеченными» доменами в концептуальной матрице становятся ПЛОД, РАМЕР, ФОРМА, ВКУС, ЦВЕТ. Как отмечает Р. Ленекер, при описании матрицы языкового выражения недостаточно простого перечисления конституирующих ее доменов. Для значения языковой единицы важно также то, как они взаимосвязаны друг с другом и как обеспечивается доступ к ним (то есть, одни домены могут быть для значения более «центральными», «высвеченными», чем другие) [там же]. Можно утверждать, что межфреймовая сеть как раз и показывает способ взаимосвязи доменов в пределах концептуальной матрицы значения слова. Например, *яблоко*:

ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ фрейм – НЕЧТО-вид (*яблоко*) есть НЕЧТО-род (*фрукт*).

ПРЕДМЕТНЫЙ фрейм – НЕЧТО (*яблоко*) есть СТОЛЬКО (*одно*), есть ТАКОЕ (*круглое, красное, сладкое* и т.д.), существует ТАК (*растет*), существует ТАМ (*на дереве*), существует ТОГДА (*летом, осенью*).

КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм – ТАКОЕ (*вкус*) НЕЧТО-референт (*яблоко*) есть как бы ТАКОЕ (*вкус*) НЕЧТО-коррелят (*мед*).

ПОСЕССИВНЫЙ фрейм – НЕЧТО-целое (яблоко) имеет НЕЧТО-части (мякоть, семена, черенок).

АКЦИОНАЛЬНЫЙ фрейм – НЕКТО-агенса (человек) действует (выращивает, срывает, ест) на НЕЧТО-объект (яблоко).

То есть, при анализе лексического значения выделенные в результате компонентного анализа семы соотносятся с узлами и отношениями во фреймовой сети, которые выступают в качестве доменов для каждого из представленных семами концептов.

Таким образом, концептосфера, согласно взглядам С.А. Жаботинской, может быть представлена в виде сети фреймов (ситуаций): предметных, таксономических, посессивных, акциональных и компаративных. Каждый фрейм, в свою очередь, имеет свои составляющие (узлы, или слоты): предметный – НЕЧТО, НЕКТО, СТОЛЬКО, ТАКОЕ, ТАК, ТАМ, ТОГДА, ЕСТЬ; акциональный – ДЕЙСТВИЕ, ПРЕДМЕТ (АГЕНС, ПАЦИЕНС, ОБЪЕКТ, ИНСТРУМЕНТ, РЕЦИПИЕНТ, ЦЕЛЬ, ПРИЧИНА, РЕЗУЛЬТАТ, БЕНФИЦИАНТ); посессивный – ПРЕДМЕТ (НЕКТО, НЕЧТО: ВЛЕДЕЛЕЦ – СОБСТВЕННОСТЬ, ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, СОДЕРЖИМОЕ – СОДЕРЖАЩЕЕ) ИМЕЕТ (ДЕЙСТВИЕ); таксономический – ПРЕДМЕТ (ВИД – РОД, РОЛЬ), ЕСТЬ; компаративный – ПРЕДМЕТ (СРАВНИВАЕМОЕ, ОБЪЕКТ СРАВНЕНИЯ), ЕСТЬ, КАК, КАК БЫ. Например, *fur coat* (английское «меховое пальто, шуба») представляет собой предметный фрейм НЕЧТО ЕСТЬ ТАКОЕ. Или *T-shirt* (английское «футболка, рубашка в виде буквы Т») представляет собой сочетание предметного и компаративного фрейма ТАКОЕ ЕСТЬ КАК БЫ ТАКОЕ.

Поверх фреймовой сети, в её узлах, могут «наводиться» домены – любые связанные области концептуализации, относительно которых характеризуется какая-либо семантическая структура. Домен представляет собой ролевые объединения, смысловые «токи», которые возникают во фреймовой сети в зависимости от вида осмысливаемой человеком концептосферы. Они шире, чем фреймы, по объему понятия и могут соединяться в цепочки и парадигмы. Так, домен ПРОСТРАНСТВО выступает таковым для категории (слота, узла фреймовой сети) ПРЕДМЕТ, которая входит в состав всех пяти фреймов. Домен ВРЕМЯ является таковым по отношению к категории (слоту, узлу фреймовой сети) ЕСТЬ (СУЩЕСТВОВАНИЕ), входящей в состав предметного, таксономического и компаративного фреймов. В свою очередь, домен СУЩЕСТВОВАНИЕ включает в себя слоты ЕСТЬ, ДЕЙСТВИЕ с его ролями (АГЕНС, ПАЦИЕНС, ОБЪЕКТ, ИНСТРУМЕНТ, РЕЦИПИЕНТ, ЦЕЛЬ, ПРИЧИНА, РЕЗУЛЬТАТ, БЕНФИЦИАНТ), а также изменение слотов ТАКОЙ, ТАМ, ТОГДА, СТОЛЬКО, которые относятся ко всем пяти фреймам. В концептосфере «Одежда» основными доменами являются: НЕЧТО-предмет одежды, НЕКТО-производитель одежды (дизайнер, фирма), НЕКТО-человек, который носит одежду. Они связаны посредством акциональных фреймов: (1) НЕКТО-агенса (производитель)

деиет НЕЧТО-объект/результат (*предмет одежды*) для НЕКТО-бенефициант (*человек*); (2) НЕКТО-агнс (*человек*) действует (*надевает, носит, снимает*) на НЕЧТО: объект (*одежду*). Таким образом, цепочка «слоты – фреймы – домены» формирует концептуальное поле. В работах С. А. Жаботинской отражена одна из первых попыток представить концептосферу целиком, опираясь на понятия фрейма и домена.

Если попробовать представить итоговую типологию отношений единиц внутри поля – концептосферы (это соотносимые, хотя и различные понятия), опираясь на все три источника их изучения, то можно сказать следующее: значения относительных прилагательных, выделенные В В Лопатиным и выражающие отношения между производимым существительным и производным адективом, отражают часть сходных значений, предложенных в качестве объекта изучения концептосферы С.А. Жаботинской. Это свидетельствует о существовании единых принципов организации концептуального пространства и слов в лексических группах, представляющих данное пространство. Более того, все значения В.В. Лопатина могут быть соотнесены с пятью известными фреймами С.А. Жаботинской. Сложнее отношения между традиционной типологией смысловых корреляций внутри поля (коллективная монография под редакцией З.Д. Поповой, И М Кобозева) и «устройством» концептосферы по С.А. Жаботинской. В первом типе работ смысловые отношения всегда рассматриваются как двухполосные, двунаправленные: *умереть – погизать* (род – вид), *держаться, сопротивляться, топтаться на месте – учиться, танцевать, нырять* (наличие – отсутствие семы «противодействие» в значениях слов). В концептосфере, по С.А. Жаботинской, имеют место сетевые, а не полосные отношения. Далее следует отметить, что часть смысловых корреляций всё же совпадает в обеих концепциях: родо-видовые можно отнести к таксономическому фрейму, партитивные – к посессивному, семноральные, инструментальные, конверсивные отношения и все корреляции семантической производности – к акциональному. Остальные отношения, предложенные в коллективной монографии под редакцией И Д Поповой, не могут быть соотнесены с отношениями единиц в концептосфере, рассмотренными в работах С.А. Жаботинской. Они могут быть интерпретированы как дополнительные. Это отношения пересечения значений, синонимии, градуальности, фазовой и реминисцентной связи, тяготения, антонимии, несовместимости, противодействия. Эти виды корреляций направлены больше на выявление внутрисистемных связей слов. Отношения, предлагаемые С. А. Жаботинской, больше связаны с ментальными процессами.

1.3.3. Статус лексической группы названий животных с точки зрения теории поля.

Анимализмы могут исследоваться в различном объёме: как ТГ, ЛСГ, С II, III и концептосфера. При взгляде на эту лексическую группу как на семантическую обязательными будут экстралингвистические параметры их

изучения, позволяющие выделить среди анимализмов названия, соответствующие месту животного в зоологической классификации; названия диких, домашних, кастрированных, зоопарковых, экзотических животных; названия самок, самцов и детёнышей и т.д. При интерпретации зоосемизмов в качестве ЛСГ за основу берутся лингвистические (семантические) критерии: стилистическая, эмоционально-экспрессивная, этимологическая, деривационная охарактеризованность слова. Предполагается также изучение той части фразеологического поля, в которой стержневое слово фразеологизма относится к одной части речи. Исследование группы анимализмов в качестве СП требует по выбору исследователя рассмотрения лексем, для которых обобщающая сема «животные» является периферийной; фразеологизмов, стержневые слова которых характеризуются принадлежностью к разным частям речи; полей семем; словообразовательных, частеречных, функционально-семантических и трансформационных полей; формальных классов слов, полей моделей предложения и словосочетания, конкретных семантических синтагм, согласовательных классов. Мы видим, что попытка перечисления объектов исследования в СП, выработанная в системно-структурной парадигме, может быть хороша для разграничения типов полей по объёму исследуемых в них единиц, но она лишает объект изучения семантического поля цельности. Исследование анимализмов как понятийного поля может осуществляться как в рамках системно-структурной, так и в рамках когнитивной парадигмы, поэтому оно предполагает обращение к трём группам объектов исследования:

1) к многозначности лексем, к лексико-фразеологическим гнездам, поскольку они включают устойчивые выражения, имеющие разные значения, хотя и включающие однокоренные слова; к лексико-фразеологическим сериям, так как в них входят устойчивые сочетания со словами, относящимися к одной сфере деятельности (системно-структурная парадигма);

2) изучение понятийного поля, сближенного с концептосферой, может быть расширено за счёт рассмотрения устойчивых сравнений, метафор, метонимий, символов, фразеологизмов, пословиц, сказок, указание на которые имеется в толковых словарях. Могут исследоваться эти явления в художественных текстах, а также ментальные образы индивидуумов;

3) наконец, в рамках когнитивной парадигмы может осуществляться фреймовый анализ концептосферы животных как единого целого. Следует определить соотношение данных объектов и выработать единую концепцию анализа концептосферы, которая может быть применена к исследованию анимализмов. Это необходимо также и для уточнения задач изучения конкретных концептосфер в рамках новой парадигмы. Возможно, фреймовый подход, безусловно, придающий объекту исследования (концептосфере) цельность, «пересекается» с подходом, разработанным в системно-структурной парадигме, и углубляет его.

Действительно, то, что относится к понятию о предмете, к ментальным ассоциациям и представлениям в сознании человека, но относится к непривычным объектам изучения в системно-структурной парадигме и силу отдалённости объектов друг от друга и слабости связей между ними, может представляться привычным для когнитивного подхода и «втискиваться» в круг фреймового анализа. Тем более, что фреймовый подход применим не только к анализу концептосферы, но и к анализу слова с его многозначностью, смысловой деривацией и синтагматическими связями в устойчивых и значимых контекстах. Например, все тропы, основанные на сходстве, создающие многозначность слова и являющиеся основой возникновения устойчивых сочетаний и сказочных образов, можно отнести к компаративному фрейму во фреймовом анализе концептосферы; метонимию и смысловую деривацию (изменение ролей слов в разных ситуациях речи) следует отнести к акциональному или предметному, а также посессивному фреймам: *преодолевать страх, иметь страх*. Наконец, ментальные образы людей, выявляемые через ассоциации, также соотносятся с фреймовой моделью: *осадки – роса, снег, дождь* предполагают участие в таксономическом фрейме. Таким образом, фреймовый анализ слова и концептосферы может сегодня выполнять роль методологии, объединяющей анализ объектов, выработанных в рамках традиционной и новой парадигм.

Исследования названий животных в данной работе мы проводим в рамках системно-структурной и когнитивной парадигм. В рамках первой парадигмы мы рассматриваем группу названий животных как СП, но в качестве его актуальных аспектов производим тематическую и семантическую классификацию анимализмов; анализу подвергается также категория пола животных и заполненность позиции названия животного; исследуются словообразовательные возможности зоосемизмов. По исполненности категории пола и словообразовательным возможностям выделяются ядерные лексемы, определяется ближайшая, дальняя и крайняя периферия.

Общая схема когнитивного изучения анимализмов в работе такова: начиная на материале данных толкового словаря производится анализ концептосферы животных, её доменов, их связей и фреймового состава. Когнитивный аспект исследования в современной лингвистической науке тесно связан с лингвокультурологическим. Поэтому в нашей работе затрагивается и ряд проблем лингвокультурологии, являющихся логическим продолжением когнитивного подхода. Исследование анимализмов производится на материале значимых для русской культуры современных текстов с целью выявления специфики концептосферы «Фрунги» в текстах разных авторов, а также с целью определения степени соответствия – несоответствия значений анимализмов этих текстов русской ментальной традиции.

1.4. Научный аппарат лингвокультурологического исследования текста: изучение тропов и идиостиля автора

Для лингвокультурологии, одного из современных направлений лингвистики, язык как феномен культуры представляет собой способ её воплощения, хранения и транслирования. Среди современных направлений лингвокультурологических исследований: выявление концептов культуры; исследование культурного фона, культурных сем; описание языка региона в элитарном, деревенском, городском и профессиональном срезах – В.А. Маслова называет изучение метафор, символов, сравнений и фразеологизмов с целью поиска в них культурных коннотаций – результата объяснения их путём соотнесения с культурными эталонами и стереотипами [Маслова 2001, с. 53–57]. К сожалению, список направлений лингвокультурологического исследования тропов не позволяет достаточно чётко выделить и классифицировать ту лингвокультурологическую информацию, которую несут тропы. По-видимому, эта информация только начинает выявляться и не может быть пока строго систематизирована. Другим лингвокультурологическим направлением изучения тропов, по словам В.А. Масловой, может быть объяснение специфики мышления создающего их писателя, который, являясь представителем своего народа, тонко чувствует направление развития его менталитета [Маслова 2001, с. 76–77].

По В.Г. Костомарову и Н.Д. Бурвиковой, возможными направлениями исследования логоэпистем (слов-понятий, крылатых слов, фразеологизмов, прецедентных текстов, «говорящих» имён и названий, являющихся стандартным типом языковой реакции носителя языка на внешние стимулы [Костомаров, Бурвикова 2001, с. 37]), а значит, культурологически значимой информации, являются: 1) «разворачивание» «свёрнутого» текста, поиск культурной информации, мотивирующей высказывание; 2) выявление культурных эталонов русского человека в разные эпохи (высказывание *Хватит тебе спать на печи* в значении «хватит бездельничать» содержит ссылку на старый крестьянский быт); 3) определение типов источника культурной информации: историческое событие (*мамаево побоище*), отсутствие источника (*Вот тебе, бабушка и Юрьев день*), текст романа (*обломовщина*), часть дискурса (*право на труд*), отдельная личность (*Хотели как лучше, получилось как всегда* (В.С. Черномырдин)); 4) материальные средства выражения: заглавие, первая или последняя фраза текста, ключевое слово и т.д.; 5) соответствие культурной информации, которую несёт образное средство, четырём функциям культуры: адаптивной, коммуникативной, интегративной (скрепление общности людей), социализации (включение человека в общественную жизнь) [Костомаров, Бурвикова 2001, с. 39].

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова подчёркивают концептуальную ёмкость образных средств речи, актуальную для лингвокультурологических исследований [там же, с. 28–32]. Например, *мамаево побоище* – отнюдь не просто название события русской истории

XIV века; они передают настроение шутки, обозначая неожиданный визит множества нежданных гостей, или большую ссору, драку, полный беспорядок [там же, с. 33]. Называя логозпистемами разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы (слова-понятия, крылатые слова, фразеологизмы, прецедентные тексты, «говорящие» имена и названия), являющиеся стандартным типом языковой реакции носителя языка на внешние стимулы [там же, с. 37], авторы книги «Старые мехи и молодое вино» раскрывают механизм функционирования логозпистем: это сигналы, представляющие вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый «свёрнутый» текст [там же, с. 34]. Логозпистемы выполняют когнитивную функцию стимулирования человека к поиску заключённой в них информации.

Следует отметить, что лингвокультурологический аспект исследования тропов не абсолютно новое направление в лингвистике. Так, В. П. Григорьев в книге «Поэтика слова» [Григорьев 1979], исследуя экспрессивные русские поэзии (культурно-историческую парадигму контекстов индивидуального употребления слова, значимых для общества [Григорьев 1979, с. 148]), по сути выявляет набор культурных моделей преобразования смысла, окружающих отдельные слова. Например, моделей сравнения, выраженного генитивом, и моделей паронимических аттрактантов для слова *ветер*: 1) *ветер гонака, тревоги, полыни, всех империй, кризиса, разлуки, века; свежий ветер экспресса, волос шелковистый ветер, тяжёлый ветер боя, злобный ветер погони, жаркий ветер давних стихов*; 2) *ветер вытер, витрина ветра, ветер рвёт, порывавши с ветром вечера; ветер, ветер, оторванных листьев рой, ветер - триска, ветер - перевал* [Григорьев 1979, с. 165–167], [Григорьев 1979, с. 170–171].

Если классифицировать культурологически важную информацию, выделенную вышеуказанными авторами, по компонентам речевой коммуникации, то мы получим следующую типологию: 1) информация о человеке как субъекте высказывания (культурные эталоны русского человека); 2) информация о мире как предмете высказывания и его осмысление («разворачивание» «свёрнутой» в тропе информации путём выявления мотивов – концептов высказывания, источников появления тропов); 3) информация о слове как прецеденте высказывания (материальные средства выражения культурной информации; модели преобразования смысла слова в словах-концептах, в том числе комбинации тропов; специфика отражения мира тропом); 4) функции такой информации в социуме.

Однако нас больше интересует та культурологическая информация, которую можно «извлечь» из тропов. К ней относится поиск ответа на следующие вопросы:

1. Какие культурные эталоны русского человека выявляют тропы? «Свёрнутая» информация тропов (мотивы, их вызывающие, и концепты, их выражающие).

2. Источники возникновения.
3. Материальные средства их выражения.
4. Материальные средства выражения сравнений.
5. Модель преобразования смысла в тропах.
6. Функции тропов в культуре и тексте.

Очертив круг проблем лингвокультурологии, связанных с изучением тропов, обратимся к работам по исследованию различных тропов. Рассмотрим наиболее частотный троп – метафору. Н.Д. Арутюнова во вступительной статье к книге «Теория метафоры» [Теория метафоры 1990] показывает значимость данного вида тропов для различных областей жизни человека, а следовательно, для всесторонней погружённости человека в культурную среду. Она приводит слова Р. Хофмана – автора ряда исследований о метафоре: «Метафора исключительно практична ... Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике» [там же, с. 6].

Н.Д. Арутюнова указывает на тот факт, что в истории любой науки можно выделить ключевые метафоры, объясняющие сущность понимания мира данной областью знаний. Так, со времён Маркса принято представлять общество как некоторое здание. В нём выделяется базис, инфраструктуры, надстройка, несущие опоры, блоки, иерархические лестницы. Об обществе говорят в терминах строительства, разрушения, а коренные изменения в социуме интерпретируют как его перестройку [там же, с. 14]. Лингвистам хорошо известны метафоры, дающие ключ к пониманию природы языка и его единиц: биологическая концепция языка делала естественным его уподобление живому и развивающемуся организму, который рождается и умирает; компаративисты предложили метафоры языковых семей и языкового родства; для структурного языкознания была ключевой метафора уровневой структуры; для генеративистов – метафора языка как порождающего устройства [там же, с. 15]. В описанных Н.Д. Арутюновой случаях мы имеем дело с культурно значимыми для общества эталонами научного мышления. Метафора в художественном тексте, в поэзии, хотя и часто отвергает «принадлежность объекта к классу, в который он на самом деле входит», и «утверждает включённость его в категорию, к которой он не может быть отнесён на рациональном основании» [там же, с. 17] (это делается ради кратчайшего пути к истине), вместе с тем представляет ту же, что и ключевые метафоры в науке, модель преобразования смысла слова.

Рассмотрим изучение символов в контексте человеческой культуры. В лингвистических исследованиях последнего времени актуализировался интерес к символу. Это объясняется приоритетным развитием когнитивного и лингвокультурологического направлений в современном языкознании. Лингвокультурологическое описание символа – новое

направление его исследования. Более традиционны системно-структурное описание символа и его классификации. Символ – 1) культурный объект как аналог значения другого объекта, закреплённого в словарях; 2) знак, чьё первичное значение выражает другое содержание [Маслова 2001, с. 95–96]. В.А. Маслова приводит мнения различных исследователей символа о его существенных признаках: способности к развёртыванию «скрытого» в нём содержания; порождению символа в эволюции языка, следовательно, его мифологической, архетипической природе (символ передаётся на бессознательном уровне); символ обладает имманентной многозначностью, представляет собой конгломерат равноценных значений, причём, прямое значение в нём равноправно с абстрактным; это спираль, круги, упрятанные друг в друга, переходящие один в другой (*змея – оса, крапива, огонь; голубь – символ Святого Духа, мира, многостороннего мира* у М. Цветаевой) [там же, с. 98]. Цель символа – объединение различных планов реальности в одно целое в процессе мистической деятельности человека в культуре. Критериями наличия символа обычно являются недостаточность буквального толкования слова; ассоциативная связь образа с мифом, легендой, фольклором; реакция нового значения не на объект, а на спектр вторичных значений; неглубина в объяснении, иконичность, равенство высокому образу (*цветы – символ справедливости*) [там же, с. 99]. По Н.Д. Арутюновой, символ как специфический способ видения мира имеет ряд важных черт: относительная независимость от воли человека; способность к интерпретации (функция символа не характеризующая, а действенная); большая значимость формы, нежели значения (поэтому он тяготеет к графическому изображению); важность отдельного мистического признака (цвета, формы, положения в пространстве), а не целостного образа в символе, отсюда способность символа к консолидации в систему (цветовая символика в ритуале); символ стремится обозначать вечное и ускользающее, что в мистических учениях считается подлинной реальностью; появление символа вызвано экстралингвистическими факторами: образ становится символом в силу приобретаемой им функции в жизни человека, социума; любой троп может быть преобразован в символ; символ диктует человеку выбор жизненных путей и моделей поведения (символика государственности) [Теория метафоры 1990, с. 22–26].

М.А. Новикова и И.Н. Шама подчёркивают сложность отграничения символов от других тропов и предлагают следующие критерии такого отграничения: по сравнению с метафорой у символа сильнее его индивидуальная заданность, поэтому переводчик, имея дело с метафорой, обладает более широкими вариативными возможностями, символ же менее вариативен. От аллегории символ отличается равновесием конкретного и абстрактного, единичного и общего значений, многозначностью, большей внеиндивидуальностью [Новикова, Шама 1996, с. 12–15]. Примеры: символами чужого пространства («иномирня») могут

быть какие-либо характерные признаки человеческого тела (лысины или, наоборот, косматость), одежды (потеря или находка обуви, головного убора, украшений), дома человека (превращение его в берлогу, нору, гнездо) [там же, с. 24, 29].

Таким образом, если сформулировать основные свойства символа кратко, то ими будут: 1) независимость от воли человека, архетипичность; 2) функция интерпретации, дейктическая, императивная, выявления авторского образа мира; 3) доминирование формы (модели) над значением; 4) стремление обозначать вечное, значимость в жизни социума; 5) способность преобразовывать любой троп в себя; 6) интенсивная ассоциативность, уходящая корнями в прошлое и современность; 7) осязаемость предметного значения, равновесие конкретного и абстрактного; 8) включённость в широкий национально-культурный контекст благодаря широким семантическим связям символа; 9) «свёрнутость» атрибутивной семантики, введение одного из устойчивых атрибутов; 10) «обновляемость», возможность нового истолкования; 11) полиэнтничность.

Отвечая на вопрос о культурных эталонах русского человека, выражаемых символами, мы должны обратиться к традиционным классификациям символа по характеру связанных между собой объектов. Характеризуя информацию, свёрнутую в символе, мы определим, в каких концептах содержится эта информация. Для описания источника появления символа нам понадобится его классификация на мифологические, народнопоэтические, индивидуальные; на общечеловеческие, и русские; древние и современные. Своей классификации потребуют средства выражения символов. Модель преобразования смысла в символе позволит нам определить символы, основанные на метафоре или метонимии.

Ни существующие определения символа, ни список его существенных признаков не помогают отграничить его от других тропов, в частности от метафоры. Поэтому чрезвычайно важной представляется попытка Е.В. Шелестюк углубиться в признаки символа и специфику их проявления у символов по сравнению с другими тропами [Шелестюк 1997]. Так, образ, лежащий в основе символа, отличается от художественного образа тем, что он идёт дальше расширения и обобщения действительности, достигая качественно нового содержания. Образ-символ начинает выражать смысл, весьма отличный от первоначального содержания, как правило, более абстрактный [там же, с. 127].

Н. Фрай выделяет следующие критерии «символичности» образа в поэзии: 1) наличие символического содержания эксплицируется контекстом; 2) буквальное толкование образа невозможно и недостаточно; 3) образ имплицитно ассоциирует с мифом, легендой, фольклором [там же]. Мотивированность символа отличается от мотивированности метафоры и метонимии своей амбивалентностью. В символе комбинируются факты лексического (полисемия) и контекстуального:

контекст допускает реализацию нескольких различных и даже противоположных значений с одним и тем же именем [там же, с. 128]. Например, *змея, пресмыкающееся, ползающее по земле* – символ земли, плодородия, вселенной, также одно из символических воплощений подземного божества. Это метонимический символизм. Проявление более позднего метафорического символизма: *змея* – сатана. Оно основано на переносах: *быстрый* – *хитрый*, *изогнутый* – *лукавый* по аналогии физических и психических процессов.

Представители когнитивной семантики (Лакофф, Джонсон, Тернер и др.), обращаясь к «концептуальной метафоре», фактически осуществляют таксономию основных типов символических переносов: *больше* – *верх*, *меньше* – *низ*, *линейная шкала* – *путь*, *ход времени* – *движение*, *прошлое* – *позади*, *будущее* – *вперед*, *причины* – *силы*, *цели* – *пункты назначения*, *трудности* – *препятствия* [там же, с. 130].

Важным отличием символов от тропов, согласно обзору Г.В. Шелестюк, является комплексность содержания символа и равноправие его значений. Составляющие символа не тождественны самим себе, но дают новую сущность – амальгаму двух значений (А.Ф. Лосев). Прямое значение в символе, в отличие от метафоры, сохраняет свою самостоятельность и равноправие с абстрактным значением. Вторичное значение в символе не поглощает и не «приглушает» архисему первичного, как в метонимии или метафоре. В метафорических символах наблюдается значительная удалённость интенционалов прямого и переносного символических значений друг от друга. Цель тропа – раскрытие специфических свойств одного понятия через уподобление другому. В тропе переносное значение – объект познания – является основным, в то время как прямое значение играет второстепенную роль.

Значение символа имманентно многозначно. Причём, допускается совмещение совершенно противоположных значений. Так, курение трубки мира символизирует для индейцев как мир, так и войну, так как в трактовке Ф. Уилрайта, дым сходен с облаками: как штормовыми, сулящими беды, так и с дождевыми, сулящими урожай, здоровье племени, мир. Образ огня символизирует как ад, так и чистилище, страдание и смерть одновременно с духовным очищением [там же, с. 133–134].

Символ архетипичен: в его основе лежат древние образы и социокультурные идеи, ставшие достоянием «коллективного бессознательного» (Юнг). Эти первичные образы отражаются в мифах, песнях, литературе, искусстве. Прежде всего это образы физической природы: море, лес, времена года, восход, закат, посев, сбор урожая, рождение, брак, смерть. Символ является классификатором на оси мифологической наррации. Так, в общих трёхчленных мифологических схемах вселенной *рыбы* – классификаторы нижней космической зоны, *крупные животные* – средней, *птицы* – верхней [там же, с. 137].

Таким образом, важнейшими критериями разграничения символов и других тропов являются:

1) экспликация символа контекстом (под ней мы понимаем реализацию в тексте произведения отдалённых друг от друга конкретного и абстрактного значений символа; способами экспликации могут быть:

а) объяснение символа в микроконтексте автором или героем,
б) присутствие в тексте иного плана изображения действительности: мистического или реального, – дающего возможность двойного понимания того или иного словесного знака);

2) наличие ассоциации с мифом, фольклором, легендой (мы можем добавить: с литературной или культурной традицией, а также с другим, более древним и общим символом);

3) совмещение двух значений в одном, рождение нового значения на основе конкретного и абстрактного;

4) удалённость сфер использования и равноправие конкретного и абстрактного значений в символе.

Другие свойства символа: недостаточность буквального понимания, одновременное существование конкретного и абстрактного значений – присущи и другим тропам и не могут использоваться в качестве разграничителей.

Специфику метонимии как видения мира описывает Н. Д. Арутюнова. Метонимия тяготеет к позиции субъекта, она указывает на индивидуализирующую черту, позволяющую выделить наблюдаемый предмет из окружающего мира [Теория метафоры 1990, с. 31–32].

Рассмотрим в контексте человеческой культуры следующий вид тропа – сравнение. Лингвокультурологическое описание сравнения – новое направление его исследования. Привычными стали анализ определений сравнения и различные его классификации. Нас интересует другой аспект – поиск лингвокультурологически значимой информации. Поиск ответа на эти вопросы заставляет обратиться к традиционным классификациям сравнений. Так, типология сравнений по характеру сопоставляемого и сопоставляющего объектов показывает нам определённые предпочтения современного русского человека, его культурные эталоны. Например, Д.С. Лихачёв указывал, что в средневековой культуре существовало больше сравнений, основанных на обонятельном, осязательном, вкусовом сходстве; в древнерусской литературе – на внутреннем сходстве [Маслова 2001, с. 148]. В новое время, как указывает В.В. Виноградов, сравнения более реалистичны и основаны на внешнем сходстве [там же]. При анализе материальных средств выражения сравнений и источника их появления следует иметь в виду тот факт, что сравнение может быть выражено целым текстом, или тот факт, что существует импрессионистское сравнение [там же, с. 149]. При характеристике модели преобразования смысла слова в сравнении можно опереться на существование двух типов сравнения объектов: принадлежащие к далёким и близким сферам. Функция

последних – иллюстрация сложных идей или выражение более широкого видения мира.

И.Д. Арутюнова, представляя сравнение одним из способов видения мира, основное внимание уделяет описанию его специфики. По И.Д. Арутюновой, сравнение синтаксично, так как тяготеет к использованию компаративной связки *как, подобно, точно словно, будто, как будто* или предикатов *подобен, сходен, похож, напоминает* [Теория метафоры 1990, с. 26–27]. Для сравнения характерно объяснение стимулов уподобления, так как сравнение сочетается с предикатом: *И мицень бурное падёт / В душе, моленьем усмирённой: / Так на долине тает лёд, / Лучом полудня поражённый* (Пушкин) [там же]. Для сравнения характерно ограничение временным отрезком или эпизодом. Подобие может быть иллюзорным. Это то, что показалось: *В ту минуту он был похож на разъярённого тигра*. В.П. Григорьев в книге «Поэтика слова» выделил такой продуктивный вид сравнений-метафор, как зоологические: *лучина вобла воображения, быта кобыла* (В.В. Маяковский), *лев ненависти, слон обиды* (М. Цветаева), *бык воспоминаний* (Л. Мартынов) [Григорьев 1979].

В изучении анимализмов и тропов с лингвокультурологических позиций имеется ряд нерешённых задач. Прежде всего это отсутствие чётко разработанного единообразного эффективного научного аппарата и методики исследования; слабая изученность слов-концептов, участвующих в создании тропов современной русской литературы, и мотивов использования этих тропов; отсутствие разработанной классификации источников появления и материальных средств выражения тропов, составляющих культурные реалии; отсутствие описания различных моделей преобразования смысла слова как специфических типов видения мира; неразработанность проблемы функций использования новейших тропов как проявления специфики современной культурной коммуникации. Что касается исследования анимализмов в различных видах дискурса, то оно ограничивалось главным образом классификацией тропов по традиционным основаниям, минуя культурологически значимую информацию. Поэтому основной целью нашего исследования является поиск информации, значимой при изучении культуры русского человека, и выражаемой сравнениями.

Что касается системного изучения тропов, то здесь мы можем указать на стилистические и риторические работы, авторы которых предлагают единую классификацию всего разнообразия возможных средств образности [Клюев 1999, Хазагеров, Ширина 1999, Общая риторика, 1986]. Возможно выделение нескольких подходов к классификации языковых средств: 1) традиционный, свойственный авторам учебников по стилистике, (это распределение тропов по уровням языковой иерархии: фонетические, словообразовательные, семантические, лексические, морфологические, синтаксические); 2) структурально-функциональный, к которому тяготеют авторы современных учебников по

риторике, (языковые средства в них анализируются с точки зрения приёма создания тропа и его функции; такая классификация кажется слишком сложной, громоздкой, но она вскрывает внутреннее строение тропа, показывает, как он «работает»); 3) структурально-коммуникативный, предложенный Е.В. Клюевым, (в его типологии средств изобразительности, с одной стороны, вскрывается внутреннее строение тропа, с другой, – затрагиваются характеристики дискурса «истинность» и «искренность»). Отдавая должное новизне двух последних классификаций, в нашем исследовании мы опираемся на традиционную типологию тропов, принятую в стилистике, так как всё разнообразие возможных средств языковой изобразительности трудно «вписать» в структуральную и коммуникативную классификации без противоречий.

Изучение проблемы идиостиля традиционно рассматривалось русской лингвистикой в рамках стилистики или теории поэтического языка. В связи с выдвиганием лингвокультурологии на первый план в современных исследованиях, проблема индивидуального стиля вновь стала актуальной. Актуальность нашего исследования заключается в изучении анимализмов в культурологическом аспекте, как средства характеристики идиостиля, а также как составляющих тропа.

Возможно не только лингвокультурологическое исследование тропов, мотивированных анимализмами, и идиостиля культурной элиты с точки зрения употребления этих тропов, но и лингвокультурологическое изучение зоосемической концептосферы и отдельных концептов. Некоторые направления такого изучения показаны в работе Г.В. Токарева [Токарев 2000], изучавшего концепт «трудовая деятельность». По его мнению, концепт включает в себя понятие, представление (оно носит ненаучный, чувственный характер), значение – значимость – смысл, гештальт (обобщённый образ-картинка), сцену – сценарий – фрейм (объединение образов, сцен, сценариев – типичное для какой-либо ситуации). В связи с этим возникают вопросы:

1. Какие представления, связанные с животными, включает изучаемая концептосфера? Для концепта «трудовая деятельность» это такое представление: Гром и молния в июне – причина плохого сенокоса. Для концептосферы животных это, возможно, тот факт, что животные для человека могут быть как друзьями, так и объектом питания или врагами. Традиционно животные живут рядом с человеком дома, на животных охотятся, животные помогают человеку в хозяйстве, но могут и нападать на человека.

2. Какие гештальты соответствуют животным? Для образа труженика это гештальт тяглого животного (лошади, быка), насекомого (муравей, пчела). Для концептосферы животных это, возможно, картинки учебника зоологии; впечатления от посещения зоопарков, аквариумов, террариумов, дельфинариев; опыт общения при личных встречах с животными.

3. Какие фреймы, связанные с животными, включает изучаемая концептосфера? Для концепта «трудовая деятельность» это, например,

фрэйс, отражённый во фразеологизме *трудом праведным не наживёшь плит каменных*. А для концептосферы животных это ситуации повседневного использования анимализмов в различных типичных ситуациях: домашние животные городского дома, села; дикие животные юнгарка, дикой природы; игрушки-животные, артефакты-животные (памятники, скульптуры, картины, рисунки).

4. Какие культурные сценарии сопровождают концептосферу животных? Для концепта «трудовая деятельность» это рабство, каторга, крепостной труд.

5. Г.В. Токарев, опираясь на понятие развития концепта, выделяет и нём вертикальную и горизонтальную структуру. Для концепта «трудовая деятельность» это возрастные, половые, социальные виды труда и виды труда, соответствующие разным эпохам. Для концептосферы животных это современная типология животных, деятельность человека по отношению к ним (вертикальная структура) и последовательность возникновения и исчезновения животных, изменение деятельности человека по отношению к ним (горизонтальная структура).

Г.В. Токарев ставит и ряд других вопросов, которые можно переориентировать на концептосферу животных:

6. Каковы архетипы животных в русской культуре? Для концепта «трудовая деятельность» архетип труда выражен в утверждении: Необходимо временное напряжение сил весной и летом, а затем наступает длительный осенний и зимний отдых. Для концептосферы животных, возможно, это раскрывается в сказках, обрядах, древней символике животных.

7. Какие мифологемы (повторяющиеся ситуации, переходящие из мифа в миф) связаны с животными? Для концепта «трудовая деятельность» это мифологема падчерицы.

8. Какие лингвокультуремы (языковые единицы с близкой культурной информацией) связаны с животными? Например, для концепта «труженик» это лексемы *пчела, муравей, вол*.

9. Какую культурную информацию несёт этимология слова *животное* и других анимализмов?

10. Какие ключевые слова (наиболее употребительные) в концептосфере животных можно выделить? Для концепта «трудовая деятельность» таким словом является *рука*. В арабской культуре ключевым словом в концептосфере животных является *верблюд*, так как животное, называемое этим словом, имеет много наименований.

В исследовании Н.А. Красс «Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка (на материале мифологии, фольклора и поэзии)» [Красс 2000] предлагаются близкие и новые аспекты лингвокультурологического изучения концептов:

1. Рассмотрение представлений о деревьях в мифах и фольклоре
2. Выявление архетипов русского сознания, на которых базируется символическое значение деревьев

3. Анализ символических значений плодовых, диких и хвойных деревьев и их мотивов на материале словосочетаний в поэзии А.Фета, С. Есенина, А. Жигулина.

Автор работы делает вывод о том, что в мифологии и русском фольклоре дерево может выступать как средство ритуальной цели, заместитель человека и его свойств, универсальной модели Вселенной, системы пространственных и духовных координат, места обитания демонологических персонажей. В поэзии А. Фета прослеживается символизм цвета дерева: зелёный цвет – символ молодости, белый – красоты.

1.5. Общие итоги первой главы. Структура практической части исследования

Подведём итоги первой главы, посвящённой основным понятиям современных научных парадигм в связи с исследованием зоосемизмов:

1. В лингвистических исследованиях последнего времени названия животных изучаются в самых разных аспектах: парадигматическом, эпидигматическом, сопоставительном, дискурсивном (поэтическом, мифологическом, народно-поэтическом, духовно-историческом, политическом, телевизионном), когнитивном (концепты ЖУРАВЛЬ и МЕДВЕДЬ). Осуществлялось изучение названий отдельных групп животных (*паразитов, рыб*), в нескольких работах анимализма были косвенным объектом описания: например, изучались фразеологизмы с зоосемическим компонентом, зооморфная метафора, отзоонимические прилагательные, способы языкового выражения пола животных.

Наиболее ценными для нашего исследования в теоретическом плане представляются «Русский семантический словарь», изучение сексуальных парадигм анимализмов М.А. Кронгаузом и русских фразеологизмов с названиями животных Т.В. Козловой.

В «Русском семантическом словаре», классификаторе всей лексики современного русского языка, выделяются названия лиц и животных. Названия животных выделяются из состава русской лексики на шестом шаге её разбиения: слово – слова именующие – слова, именующие предмет – слова, именующие конкретный предмет: всё живое, вещь – слова, именующие всё живое: человек, животное, растения – названия лиц и животных. Названия лиц и животных делятся на: 1) названия животных; 2) названия, общие для лиц и животных. Названия животных по сфере существования животного (материальной, идеальной) распределяются в две группы слов: 1) реальные: млекопитающие, птицы, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы и другие животные; 2) сказочные, мифологические чудовища, фантастические животные персонажи (*василиск-1, жар-птица, феникс, снежный человек*). Первая группа включает: 1) названия, общие для любого животного или для нескольких их классов; 2) наименования млекопитающих; 3) птиц, 4) земноводных и пресмыкающихся; 5) рыб, миног; 6) насекомых, многоножек, пауков;

ликов, крабов, рачков и других членистоногих животных; 7) названия низших животных, микробов, вирусов. Группа названий, общих для любого животного или для нескольких их классов, включает: 1) собственно общие обозначения (*животное-1, зверь-1*); 2) названия животных по характерному признаку (по качеству, по исконному или приобретённому состоянию, свойству, по функции: *самец-1, 2-шатун-2* (первый индекс в данном примере указывает на тот факт, что данное слово имеет омоним и расположено в БТС на втором месте); *малёк, двухлеток; пощак-3, матка-2*); 3) названия совокупностей (*фауна, 2-косяк-1, табун*).

Номены млекопитающих делятся на: 1) названия классов, подклассов, отрядов (*насекомоядные, хоботные, копытные*); 2) наименования приматов (*гibbon, капуцин, мартишка-1*); 3) хищных (*койот, волкодав, гиард, кот, барсук, росомеха*); 4) копытных (*антилопа, бегемот, жираф, мамонт*); 5) китообразных, ластоногих, сирен (*дельфин, кашалот, нерпа, стивуч*); 6) зайцеобразных и грызунов (*белка, бобр, ондатра, хомяк, морская свинка*); 7) насекомоядных, рукокрылых, неполнозубых и клоачных (*летяга, ёж, крот, ленивец, муравьед, утконос*); 8) сумчатых (*кенгуру, коала*). Названия хищных включают: 1) номены семейств, родов; 2) волков, кошек, куниц, медведей и других хищных. Последняя группа делится на: 1) номены волчьих (волки, лисы, собаки; породы собак; отдельные названия самок, самцов, детёнышей; обиходные названия, клички); 2) кошачьих (кошки; большие кошки; отдельные названия самок, самцов, детёнышей; обиходные названия и клички); 3) куниц; 4) енотовых и медвежьих; 5) виверровых и гиеновых.

Названия птиц включают: общие обозначения, наименования отрядов, подотрядов, семейств (*птица-1,2, голубиные, тетеревиные, чистиковые*), диких, домашних, экзотических птиц (*ворон, глухарь, зяблик*), названия самок, самцов, птенцов, обиходные названия птиц и их совокупностей (*пистёнок, селезень, чечет*).

Наименования земноводных и пресмыкающихся содержат названия классов (*амфибия, рептилия, земноводные*), змей, ящериц, крокодилов, лягушек и других животных (*анаконда, жаба, черепаха*), ископаемых пресмыкающихся (*ихтиозавр*).

Названия рыб и миног включают общие обозначения, наименования морских, океанических, речных, озёрных рыб (*акула, хек, частик*).

Обозначения насекомых, многоножек, пауков; раков, крабов, рачков и других членистоногих животных включают, помимо привычных лексических групп, названия стадий развития насекомых и обиходные названия (*гусеница, куколка, таракашка*).

Названия низших животных, микробов, вирусов включают наименования подцарств, типов, классов (*брохоногие, иглокожие*), собственно названных животных (*актиния, острица, осьминог, червь*).

Значимость исследования М.А. Кронгауза для нашего исследования заключается в разработке типологии сексуальных парадигм названий животных, актуальной для предпринимаемого нами выделения ядра

и периферии в СГ анимализмов. Мы же дополняем эту типологию названиями детёнышей животных, что не менее важно для выделения ядра и периферии.

В «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой все фразеологизмы объединены в 6 понятийных классов, 35 групп и 94 подгруппы. По данным словаря можно определить место фразеологизма в идеографической классификации мира и сочетаемость фразеологизмов с названиями животных. Данный словарь представляет собой ценный материал для когнитивного и лингвокультурологического описания отдельных анимализмов, особо значимых в русской культуре.

2. Лексические объединения различной природы (тематические, лексико-семантические, функциональные), изучаемые в XIX веке диффузно, с точки зрения множественности подходов (лингвистических, экстралингвистических, ментальных), в середине XX века получили более точное рассмотрение в рамках системно-структурной парадигмы. К анализу лексических групп с самого начала их изучения применялись большей частью экстралингвистические параметры (понятийный, психолингвистический, социолингвистический), хотя имели место и собственно лингвистические (в случае с методом стилистического и компонентного анализа). Интуитивные поиски параметров формирования лексической группы приводили к созданию различных направлений их изучения, позднее разделившихся на когнитивную, психолингвистическую, социолингвистическую и системно-структурную парадигмы. Обобщение типов полей, изученных в лингвистике, позволяет нам осуществить следующую классификацию полевых структур по виду отношений между строевыми единицами поля (сходство и смежность):

1. Парадигматические поля:

а) фонологические поля;

б) поля семантического уровня языка: поля семантем (значений многозначного слова), поля семем (семные поля словесных значений);

в) поля лексического уровня языка:

тематические группы, например, названия животных, частей тела, предметов мебели;

первичные ЛСГ, создаваемые на основе общего значения: например, ЛСГ со значением «руководитель»;

вторичные ЛСГ, создаваемые на основе общности экспрессивной или разговорной окраски слов;

лексико-фразеологические поля, например, фразеологическое поле для понятия «жена» – *подруга жизни, дражайшая половина, хранительница очага*;

лексико-фразеологическое гнездо (гнездо «*страшиться*» может быть представлено словосочетаниями: *чувствовать страх, испытывать страх, питать страх, натерпеться страха, отбрасывать страх, преодолеть*

страх, освободиться от страха, подавлять страх, побеждать страх, ожидать в страхе, терять страх);

лексико-фразеологическая серия: *сделать укол, инъекцию, перевязку, массаж, компресс*;

г) словообразовательные поля: *читать – чтение, читать – читатель*;

д) поля морфологического уровня языка:

частеречные поля;

формальные классы слов (= грамматические поля: типы склонения существительных, типы спряжения глаголов);

функционально-семантические поля: поля с предикативным, предметным, атрибутивным и обстоятельственным ядром;

е) поля синтаксического уровня языка:

трансформационные поля: *мне холодно – я мёрзну – меня знобит*;

поля абстрактных семантико-синтаксических моделей (= лексико-синтаксические поля): 1) предложения (*Det temp Det loc V cop Praed lux*: *Было солнечно...; Вокруг было радостно-светло*; 2) словосочетания (*комната сына, портфель учителя, стихи поэта, жена лейтенанта, рука человека, проза Сибири, промышленность Европы, жара Африки, кобура пистолета, ящики стола, идея просветительства, чувство радости, интуизм сострадания, пламя автомат пачка махорки, банка тушёнки, плач ребёнка, кашель соседа*).

2. Синтагматические поля:

а) конкретные семантические синтагмы: *лаять – собака, ржать – лошадь, смотреть – внимательно, мчаться – стремглав, сорока – стрекочет, воробей – чирикает*;

б) согласовательные классы: например, «способ обработки материала» (*выпилить – пилой, отлить – в печи, затесать топором*).

По другому критерию – объёму поля (количеству формирующих его видов единиц) и их характеру – выделяются ТГ, ЛСГ, СП, ПП и АП.

Семантические группы (парадигмы, ряды) – это слова одной части речи, сгруппированные на основе сходства явлений действительности, или прототипов, и не изменяющие своей системы при выпадении какого-либо из членов парадигмы. Например, наименования частей тела, чисел, животных, растений, пищи, денежных единиц, глаголов движения и т.д.

Лексико-семантическая группа – это слова одной части речи, сгруппированные по общности лексического значения, вступающие в отношения синонимии, антонимии и др., в тематические группировки; изменяющие систему слов при потере каких-либо из своих членов. Например, группа слов со значением «руководитель», «труд», «физическая характеристика человека», «способы глагольного восприятия», «земля».

Семантическое поле – это объединение слов разных частей речи на основе сходства лексического, словообразовательного, грамматического и синтаксического значений или на основе смежности слов (включает парадигматический и синтагматический блоки) и имеющий ядро и периферию. Поэтому СП включает в себя слова, у которых сема,

позволяющая отнести их к данному полю, имеет периферический характер. СП может структурироваться на основе всех видов поля, относящихся к разным языковым уровням, кроме фонетического. Например, группа слов со значением «возраст», «освещённость», поле глаголов созидания. СП шире, чем ЛСГ, в силу словообразовательного, грамматического и синтагматического критериев выделения, а также в силу неравноправности лексем внутри СП, которые могут относиться к ядру или периферии поля. **Понятийное поле (концептосфера)** (например, «атмосферные осадки», «одежда», «пчела», «виноградарство») – это объединение смыслов (сем) слов разных частей речи на основе их отнесённости к общему понятию (концепту) либо концептосфере, включающее: 1) экстралингвистическую историю изучаемого понятия; 2) слова, каким-либо из значений относящиеся к данному полю, а также остальные значения этих слов, в том числе переносные; 3) этимологию ключевых понятий поля, историю изменения их значений; 4) устойчивые сравнения, метафоры, метонимии, символы и др. тропы с этими словами как выражение форм познания в данной области, а также фразеологизмы и сказки, в которых данные слова называют героев или ключевые аллегорические и символические образы; 5) собственные наименования, созданные на основе изучаемого понятия; 6) другие устойчивые культурные ассоциации с данными словами; 7) стилистические функции слов, объединяемых данным понятием, в художественных текстах; 8) внутренние языковые образы слов отдельных языковых личностей. Определение ПП в когнитивной парадигме может звучать и иначе: **концептосферой** называется совокупность концептов какой-либо области человеческой деятельности, выделенная на основе базовых фреймов: предметного, таксономического, посессивного, акционального и компаративного (теория фреймов разработана С.А. Жаботинской). Благодаря этой теории определение состава единиц концептосферы впервые стало осуществляться не путём привлечения любой информации, касающейся какого-либо концепта и могущей находиться в человеческом сознании, а исходя из строения концептосферы, определяемого пятью базовыми фреймами, которые могут быть использованы в качестве универсального инструментария для структурирования информации, стоящей как за отдельной лексической единицей, так и за лексическим полем. **Ассоциативное поле** (С.Г. Шафиков, коллективная монография под редакцией З.Д. Поповой) – это группа ассоциативно объединяемых слов. В АП исследуются ассоциативные нормы, стандартные реакции в данном социуме. В центральной зоне АП находятся ассоциаты с частотностью выше 5 фиксаций. Менее частотные ассоциации считаются периферийными. АП центробежно, оно не имеет общего объединяющего начала. Ассоциации между семемами в ассоциативном поле имеют индивидуально-творческий характер. Общее для АП от ПП то, что оба типа поля объединяет отнесённость их единиц к ментальному пространству и частичная

и языковая выраженность, а отличие – в отсутствии общего объединяющего начала: концепты в ПП относятся к одному понятию, в то время как ассоциаты в АП могут относиться к разным концептам.

3. Как показывают исследования авторов Воронежской школы, ядро и периферия пронизывает любые системные группировки слов в языке. Иерархия лексем с обобщающим и конкретным значением с чёткими границами заменяется при таком подходе полем со множественными переходами ядерных и периферийных зон, имеющим всё же плоскостную ориентацию. Исследования С.А. Жаботинской порождают новую «сетевую» (а значит, пространственную) концепцию, которая роживает «полевую». На наш взгляд, обе эти концепции не противоречат друг другу и могут быть совмещены в едином феномене понятийного поля, в целом представляющего собой сетевую организацию и одновременно «наводящего» в отдельные моменты порождения смысла ядро и периферию в зависимости от структуры акта коммуникации с его коммуникативным пространством (тема, цель, жанр общения, представления говорящего о собеседнике и наоборот и т.д.). Это новое понятийное поле-концептосфера подобно магнитному полю в физике, обладающему пространственными характеристиками и представляющему собой совокупность взаимозависимых фактов.

4. Итоговой типологией отношений единиц внутри поля-концептосферы, в силу их универсальности, можно считать сеть фреймов (ситуаций), предложенных С.А. Жаботинской: предметных, таксономических, посессивных, акциональных и компаративных. Каждый фрейм, в свою очередь, имеет свои составляющие (узлы, или слоты): предметный – НЕЧТО, НЕКТО, СТОЛЬКО, ТАКОЕ, ТАК, ТАМ, ТОГДА, ЕСТЬ; акциональный – ДЕЙСТВИЕ, ПРЕДМЕТ (АГЕНС, ПАЦИЕНС, ОБЪЕКТ, ИНСТРУМЕНТ, РЕЦИПИЕНТ, ЦЕЛЬ, ПРИЧИНА, РЕЗУЛЬТАТ, БЕНФИЦИАНТ); посессивный – ПРЕДМЕТ (НЕКТО, НЕЧТО: ВЛЕДЕЛЕЦ – СОБСТВЕННОСТЬ, ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, СОДЕРЖИМОЕ – СОДЕРЖАЩЕЕ) ИМЕЕТ (ДЕЙСТВИЕ); таксономический – ПРЕДМЕТ (ВИД – РОД, РОЛЬ), ЕСТЬ; компаративный – ПРЕДМЕТ (СРАВНИВАЕМОЕ, ОБЪЕКТ СРАВНЕНИЯ), ЕСТЬ, КАК, КАК БЫ. Например, *fir coat* (английское «меховое пальто, шуба») представляет собой предметный фрейм НЕЧТО ЕСТЬ ТАКОЕ. Или *T-shirt* (английское «футболка, рубашка в виде буквы Т») представляет собой сочетание предметного и компаративного фрейма ТАКОЕ ЕСТЬ КАК БЫ ТАКОЕ.

5. Для нашего исследования актуальны такие лингвокультурологические аспекты анализа языка, как выявление концептов культуры; изучение метафор, символов, сравнений и фразеологизмов с целью поиска в них культурных коннотаций; исследование языка русской культурной элиты. При изучении тропов нас интересует та культурологическая информация, которую можно «извлечь» из них. Такая информация включает ответы на следующие вопросы:

1. Какие культурные эталоны русского человека выявляют тропы? «Свёрнутая» информация тропов (мотивы, их вызывающие, и концепты, их выражающие).

2. Источники возникновения.

3. Материальные средства их выражения.

4. Материальные средства выражения.

5. Модель преобразования смысла в тропах.

6. Функции тропов в культуре и тексте.

Наиболее частотный троп в русской культуре – метафора, играющая ключевую роль в любой сфере человеческой деятельности: науке, искусстве слова.

Не менее важна роль символа в культуре. Символ – знак, чьё первичное значение выражает другое содержание. Важнейшими критериями разграничения символов и других тропов являются: 1) экспликация символа контекстом (под ней мы понимаем реализацию в тексте произведения отдалённых друг от друга конкретного и абстрактного значений символа; способами экспликации могут быть: а) объяснение символа в микроконтексте автором или героем; б) присутствие в тексте иного плана изображения действительности: мистического или реального, – дающего возможность двойного понимания того или иного словесного знака); 2) наличие ассоциации с мифом, фольклором, легендой (мы можем добавить: с литературной или культурной традицией, а также с другим, более древним и общим символом); 3) совмещение двух значений в одном, рождение нового значения на основе конкретного и абстрактного; 4) удалённость сфер использования и равноправие конкретного и абстрактного значений в символе.

Специфика метонимии как способа видения мира заключается в том, что она тяготеет к позиции субъекта, она указывает на индивидуализирующую черту, позволяющую выделить наблюдаемый предмет из окружающего мира

Важную лингвокультурологическую информацию несёт и сравнение. Так, типология сравнений по характеру сопоставляемого и сопоставляющего объектов показывает нам определённые предпочтения современного русского человека, его культурные эталоны. Сравнения могут принадлежать к близким и к далёким сферам. Сравнение синтаксично, так как тяготеет к использованию компаративной связи.

Отдавая должное новизне структурально-функциональной и структурально-коммуникативной классификаций тропов, в нашем исследовании мы опираемся на традиционную типологию тропов, принятую в стилистике, так как всё разнообразие возможных средств языковой изобразительности трудно «вписать» в структуральную и коммуникативную классификации без противоречий.

Изучение проблемы идиостиля культурной элиты традиционно рассматривалось русской лингвистикой в рамках стилистики или теории

поэтического языка. В связи с выдвиганием лингвокультурологии на первый план в современных исследованиях, проблема индивидуального стиля вновь стала актуальной. Актуальность нашего исследования заключается в изучении анимализмов в культурологическом аспекте, как составляющих тропа, а также как средства характеристики идиостиля современных русских авторов, принадлежащих к культурной элите.

6. Опираясь на представленный в теоретической части нашего исследования материал, изучение названий животных в данной работе мы проводим в рамках системно-структурной, когнитивной и лингвокультурологической парадигм. В рамках первой парадигмы мы рассматриваем группу названий животных как СП, оставляя за пределами изучения морфологические и синтаксические факторы его формирования. С целью определения ядра и периферии поля мы производим анализ экстралингвистических и собственно лингвистических факторов его формирования. В рамках первого аспекта мы осуществляем тематическую классификацию анимализмов, рассматриваем типологию сексуально-детских парадигм анимализмов в качестве полеобразующего фактора. В рамках второго аспекта мы производим семантический и словообразовательный анализ анимализмов. Семантический анализ предполагает изучение мотивированных анимализмов, сферы их употребления, синонимов и вариантов названий животных, их омонимов и паронимов, а также семантических коррелятов. В рамках каждого из указанных направлений исследования анимализмов мы пытаемся найти пути к определению ядра и периферии этого семантического поля.

Когнитивному анализу мы подвергаем не анимализмы, а зоосемизмы – слова, семантически связанные с анимализмами. Общая схема когнитивного изучения зоосемизмов в работе такова: на материале длинных толкового словаря производится анализ концептосферы животных, её фреймов, доменов, их связей и фреймового состава.

В нашем исследовании затрагивается и ряд проблем лингвокультурологии, являющихся логическим продолжением когнитивного подхода: рассматриваются особенности смыслового использования анимализмов и зоосемизмов в текстах С. Аверинцева и Л. Улицкой; определяется специфика участия анимализмов и зоосемизмов в создании когнитивных картин мира авторов; производится сопоставление списков анимализмов в авторских картинах мира указанных авторов; устанавливается типология тропов, мотивированных анимализмами, по их отнесённости к языковому уровню и по признаку соответствия – несоответствия русской ментальной традиции в идиостиле исследуемых авторов. В будущем исследовании мы предполагаем изучить такой лингвистический фактор формирования поля, как многозначность анимализмов, а также выявить ключевые анимализмы русской культуры и дать когнитивный анализ некоторых из них.

ГЛАВА 2. ЗООСЕМИЗМЫ КАК ПОЛЕ И КОНЦЕПТОСФЕРА

Как уже говорилось в теоретической части исследования, семантическое поле – это многоплановый поликоординатный феномен, представляющий собой объединение слов разных частей речи, на основе сходства лексического, словообразовательного, грамматического и синтаксического значений или на основе смежности слов (включает парадигматический и синтагматический блоки) и имеющий ядро и периферию. Поэтому СП включает в себя слова, у которых сема, позволяющая отнести их к данному полю, имеет не только ядерный, но и периферический характер. Следует обратить внимание на то, что СП шире, чем ЛСГ, в силу словообразовательного, грамматического и синтагматического критериев выделения, а также в силу неравноправности лексем внутри СП, которые могут относиться к ядру или периферии поля. В данном определении мы обращаемся к узкому пониманию термина «поле», представляющему собой понятие, среднее по своему объёму между ЛСГ и понятийным полем. В широком смысле СП понимается как любое системное объединение слов в языке.

В СП животных СРЯ в данном исследовании мы включаем слова со сходством лексического и словообразовательного значений. За пределами исследования остаются проблемы морфологии и синтагматической сочетаемости зоосемизмов и их синтаксические поля. СП животных в СРЯ распадается на две большие лексические группы в зависимости от того, какую роль выполняет сема «животное» в ЛЗ слова-зоосемизма: главное или второстепенное. Словами с ядерной зоосемической семьей в СП животных выступают их названия (анимализмы): *голубь, заяц, динозавр* и др. На основе БТС выделено примерно 800 таких слов. Вторую группу слов (около 2000 единиц) составляют слова с периферической зоосемической семьей: *чистокровный, шерсть, пороситься, цап-царап* и др. Рассмотрим сначала анимализмы.

2.1. Анимализмы современного русского языка как ядерная группа слов семантического поля животных в системном структурном аспекте

Данная глава исследования посвящена традиционному системному структурному изучению анимализмов, ядерной части семантического поля зоосемизмов. Его сверхзадачей является выявление ядра и периферии в данном макрополе анимализмов. С этой целью мы рассматриваем вопрос о статусе анимализма, анализируем экстралингвистические («наивная зоологическая классификация животных в сознании человека, деление животных на группы по половому признаку и признаку «детскости») и лингвистические факторы (существование мотивированных анимализмов, групп названий животных по сфере употребления синонимичных и вариантных анимализмов, названий животных-омонимов и паронимов, словообразовательных парадигм анимализмов, формирования исследуемого макрополя, определяем его микрополя.

2.1.1. Вопрос о статусе анимализма. Степень конкретизации группировки животных, избираемой в качестве её названия

Одной из проблем, с которой сталкивается исследователь названий животных, является статус наименования. Последнее определяется как «словесное обозначение предмета, явления, понятия и т. д.» [БТС 2003, с. 581]. Для лингвиста прежде всего важен характер именуемого предмета. Так, название может соотноситься как с одним, так и с очень большим числом предметов, которые в свою очередь подразделяются на группы, подгруппы, типы, классы и т. д. Кроме того, существуют собирательные названия. Первичное решение проблемы наименования можно осуществить, пользуясь понятием «номен». Номен – название ряда однотипных предметов: марок автомобилей, лекарственных средств, продуктов питания, животных и т. д. В этом случае из области названий следует исключить единичные предметы (собственные наименования). Однако и введение понятия «номен» не спасает исследователя от вопросов о возможном делении на группы в ряду однотипных предметов, о статусе собирательных слов и др.

Если же обратиться непосредственно к наименованиям животных, то здесь возникает ряд специальных вопросов: 1. Считать ли названием животного наименование класса, семейства, отряда, подотряда, рода, вида животного. Иначе говоря, необходимо определить степень конкретизации той группы однотипных животных, которую мы избираем в качестве названия этих животных. Включать ли названия широких групп животных и собирательные наименования в состав исследуемого лексико-семантического поля. Данные вопросы продиктованы реальным разнообразием животного мира, т. е. в конечном счёте внеязыковой действительностью. 2. Другая группа вопросов также обусловлена внеязыковой действительностью, но другого рода. Сюда можно отнести проблемы определения наименования животных, обусловленные их ролью в жизни людей: а) статус и классификация подобных номинативных единиц; б) вопрос о приоритете пола в названии животного. 3. Более традиционны для лингвистических исследований проблемы, связанные с влиянием развития общества на лексический состав языка (наличие профессиональных, устаревших, диалектных названий). 4. Известны лингвистике и проблемы наименований, обусловленные внутриязыковыми факторами: развитием лексической синонимии, многозначности, омонимии, экспрессивности. Как видим, проблема статуса наименования животных довольно сложна. Однако мы можем решить её, в одних случаях, исключив из списка анимализмов мало подходящие; в других – определив статус тех или иных групп названий внутри общего перечня наименований животных. Для этого более подробно рассмотрим вопрос о степени конкретизации группы животных, название которой является номеном этих животных.

Для выяснения этого вопроса мы должны прежде всего рассмотреть, какова систематика животных в зоологии. В принятой классификации

включают группы низших и высших животных. Однако такое деление осуществляется только внутри подцарств.

За подцарствами следуют типы животных, к которым относят простейших (одноклеточных), кишечнорастворных, плоских и круглых червей (последние три типа представлены низшими беспозвоночными многоклеточными), а также типы кольчатых червей, моллюсков и членистоногих (высшие беспозвоночные многоклеточные). Тип хордовых делит на подтипы бесчерепных и черепных.

Следующая, более конкретная, таксономическая группа – классы. Разнообразие классов гораздо больше. Так, в тип простейших входят классы жгутиковых, саркодовых, инфузорий, споровиков; в тип плоских червей – ресничные черви, сосальщики, ленточные черви; в тип моллюсков – брюхоногие, двустворчатые и головоногие; в тип членистоногих – классы ракообразных, паукообразных, насекомых и т. д. К типу хордовых подтипу бесчерепных относят класс (он же единственный представитель его) ланцетника; в тип хордовых подтип черепных входят классы рыб, земноводных, пресмыкающихся, птиц и млекопитающих. В классе рыб выделяют подклассы хрящевых и костных рыб.

Классы делятся на отряды. Их количество ещё более велико, поэтому мы приведём лишь некоторые примеры. Класс насекомых включает отряды чешуекрылых, двукрылых, перепончатокрылых, прямокрылых, жесткокрылых и бескрылых. Подкласс хрящевых рыб включает отряды акул и скатов; подкласс костных рыб – отряды осетровых, кистепёрых, сельдеобразных, карпообразных, двоякодышащих и тресковых. Отряды земноводных – бесхвостые и хвостатые. Отряды пресмыкающихся – чешуйчатые, черепахи, крокодилы, клювоголовые. Отряды класса птиц – дневные хищные, совы, воробьиные, дятлы, куриные, гусеобразные, дрофы, журавли, пингвины, страусы. Отряды млекопитающих – яйцекладущие, рукокрылые, грызуны, хищные, ластоногие, китообразные, парнокопытные, непарнокопытные, приматы.

Внутри отрядов выделяют надсемейства (например, в отряде грызунов – надсемейства дикообразных, беличьих, мышиных) и семейства (в отряде хищных животных – семейства медвежьих, куньих, кошачьих).

Зоологическую классификацию мы описали для того, чтобы решить вопрос о том, какую из групп животных мы избираем в качестве объекта наименования этих животных. Если соотнести зоологическую систематику с наименованиями животных в «Большом толковом словаре русского языка» (далее - БТС) [6], то можно предположить, что зоонимами следует считать прежде всего родо-видовые названия, а иногда и названия семейств. Аргумент в пользу такого предположения заключается в том, что в сознании большинства носителей языка таксономические группы выше рода воспринимаются именно как группы, а не как наименования конкретных животных. Так, зафиксированные в БТС родовые названия, например *саранча*, *павиан*, *безногая ящерица*, *лама*, *дафния*, *газель*, *мангуст*, *игла-рыба*, могут интерпретироваться в обыденном сознании как

конкретные наименования. Причём, названия видов животных, входящих в эти роды, часто известны широкому кругу носителей языка, но не соотносятся с родовыми наименованиями по родо-видовому признаку: род павианов (*бабуин, гамадрил, мандрил*), род газелей (*джейран*), род безногий ящерицы (*веретеница*), род мангустов (*ихневмон*). То же можно сказать и о названиях некоторых семейств: семейство ужей (*желтобрюх*), семейство гадюк (*гюрза, кобра, эфа, щитомордник*). С другой стороны, в зоологической классификации животных некоторые виды могут совпадать с подтипом (*ланцетник*) или отрядом (*утконос, ехидна*). В этом случае названия этого отряда или подтипа можно также относить к конкретным наименованиям животных. Таким образом, вопрос о конкретном номене животного следует, на наш взгляд, решать каждый раз с учётом того, насколько хорошо известно название и его родо-видовое соответствие большинству носителей языка и совпадает ли название вида с широкой таксономической группой.

Что касается самих таксономических групп, то представляется возможным оставить их в составе наименований представителей животного мира, но указать на их иной статус – соотносённость с группой животных (царством, подцарством, типом, подтипом, классом, подклассом, отрядом, надсемейством, семейством).

К названиям животных следует относить как наименования, оцениваемые в обыденном сознании в качестве конкретных (родо-видовые), так и наименования таксономических групп в зоологической систематике животных (подцарств, типов, классов, отрядов). Названия семейств иногда можно интерпретировать как конкретные наименования (*уж, гадюка*), если эти слова употреблены в форме единственного числа; но чаще как номены групп (*сельдевые, дельфины, полорогие, узконосые, лемуры, долгопяты*), что доказывается и формой множественного числа этих слов.

2.1.2. Экстралингвистические факторы формирования семантической группы

2.1.2.1. Общая характеристика

На формирование поля анимализмов оказал серьёзное влияние ряд экстралингвистических факторов, которые можно разделить на четыре блока:

- 1) интуитивное представление о классификации животного мира в сознании человека (деление на классы, семейства, отряды; сходство строения животных, их местообитания и т.д.), послужившее основой наивной и научной классификаций животных и обусловившее существование ряда наименований с широкой семантикой (гиперонимов) разной степени обобщённости типа *рыба, птица, червь, грызун*;
- 2) традиционная роль животных в повседневной жизни человека (отнесённость к породам / мастям, половая принадлежность или отнесённость к детёнышам, существование помесей и кастрированных животных; существование диких, экзотических или жертвенных

многих; выполнение животными действий, актуальных для человека, либо выполнение человеком действий над животными; 3) наличие ископаемых животных; 4) существование фантазии в человеческом сознании.

Животные издавна играли в жизни человека важную роль. Это нашло отражение в ряде их названий, зафиксированных в БТС. Для человека важной чертой животного могла быть его порода, окраска, признак пола, отнесённость к помеси животных, кастрированность. Кроме того, в процессе накопления человеком знаний об окружающем мире и в процессе развития воображения специальные названия получили ископаемые и фантастические животные. По степени представленности в БТС первое место занимают наименования пород животных. Например, породы собак – *бассет, болонка, борзая, легавая, мопс*, породы кур – *кардвелл, леггорн*; породы овец – *каракульская овца, меринос*; породы лошадей – *ахалтекинец, гунтер, аргамак*; породы голубей – *вертун*. К названиям пород примыкают названия лошадей по масти: *буланка (буланный конь), игреневый, караковый, каурка*. Далее по степени представленности в БТС следуют наименования вымерших (ископаемых) животных: *бронтозавр, глиптонот, динозавр, мамонт, мастодонт*, а за ними – номены кастрированных животных, которых обычно держали в домашнем хозяйстве в качестве тягловой силы или готовили на убой: *баран, бройлер, вол, каплун, мерин*. Наименования фантастических животных, игравших важную роль в духовной практике человечества, можно разделить на группы в зависимости от источника, в котором они упоминаются: 1) из древнегреческих мифов (*гидра, гриф, кентавр*); 2) из древнерусского искусства (*алконост, жар-птица, Змей-Горыныч*); 3) из древнего мирового искусства (*вазилиск, дракон, змей*); 4) из Библии (*Змий, Ахинец*); 5) из литературных сказок (*Конёк-Горбунок*). Номены животных, родившихся в результате помеси разных видов, – *ишак, лошак, мул*. Остальные наименования животных единичны, но для нас они интересны характером отнесённости их денотатов к миру людей: *agneц* – животное, предназначенное для жертвоприношений; *иноходец* – лошадь, умеющая скакать особым шагом – иноходью; *мотыль* – личинка комара-дергуна, живущая в иле (использовалась в качестве насадки при ловле рыбы).

2.1.2.2. Названия самца, самки, детёныша как полеобразующий фактор

Важными экстралингвистическими факторами, формирующими поле русских анимализмов, являются пол животного и наличие у него детёныша. Наиболее «востребованные» в истории русского языка наименования животных имеют языковое выражение этих экстралингвистических категорий. Широта языкового выражения пола и «детскости» животного может рассматриваться как фактор, влияющий на отнесённость анимализма к ядру семантического поля. Поэтому рассмотрим возможные варианты наименования животных в русском

языке по полу и «детскости» (сексуально-детские парадигмы) на материале анимализмов, зафиксированных в БТС [Большой толковый словарь русского языка 2003]. Как показало наше исследование, в русском языке возможны пять типов сексуально-детских парадигм (терминология заимствована и у М.А. Кронгауза [Кронгауз 2005] и доработана:

1) полная, включающая название животного безотносительно к его полу (ключевое слово), а также наименования самца, самки и детёныша животного (*лось – розагч-1 – лосиха – лосёнок*) – всего 2 парадигмы;

2) дефектная (74 парадигмы), утратившая один или два компонента предыдущей парадигмы, поэтому состоящая из:

а) ключевого слова, наименования животного по мужскому полу и названия детёныша – 4 группы (*коза-1 – козёл – козлёнок*),

б) ключевого слова, наименования животного по женскому полу и названия детёныша – 25 парадигм (*верблюд – верблюдица – верблюжонок*),

в) ключевого слова и наименования животного по мужскому полу – 2 группы (*1-чечётка – чечет*),

г) ключевого слова и наименования животного по женскому полу – 15 парадигм (*мул – мулица, сайгак – сайга*),

д) ключевого слова и детёныша – 25 групп слов (*носорог-1 – носорожек*);

3) дефектно-расширенная, утратившая один, два или три компонента полной парадигмы, но включающая два и более вариантных или невариантных названия самки или детёныша – 10 парадигм (*тюлень – тюленёнок / белёк*);

4) осложнённая, включающая названия с семантическими «отклонениями» от полового либо детского признака – 9 групп слов (*собака / пёс – кобель – сука – щенок / кутёнок / цуцик*);

5) индивидуальная, включающая единственное название животного, нейтральное по половому признаку – около 700 слов (*скумбрия, мангуст, медянка, шмель*). К этой группе обычно относятся названия микроорганизмов, червей, мелких водных животных, насекомых, рыб, земноводных, пресмыкающихся, морских млекопитающих, половые различия которых никогда не были актуальны для человека.

Полный список анимализмов, относящихся к указанным парадигмам, можно найти в Приложении 1 (см. с. 251).

Определим, какие из представленных в Приложении 1 анимализмов и почему могут относиться к ядру семантического поля. На наш взгляд, в него могут быть включены названия животных, имеющих наиболее широкое номинативное поле, то есть большее число членов (от 3 до 18 слов: среднее число – 10). Это свидетельствует о востребованности животного в русской культуре вследствие ряда экстралингвистических (содержание животных в домашнем хозяйстве, разные роли животных в нём) и лингвистических (наличие уменьшительно-ласкательных названий; книжной, народно-разговорной, разговорно-сниженной,

суженной, традиционно-народной или книжной окраски слов) причин. К таким названиям относятся анимализмы третьей группы, имеющие сложженно-дефектно-расширенные парадигмы. Это закрытая небольшая группа слов (9), называющих главным образом русских домашних животных. В ней наименование женского рода обычно является главным и именуется животное как вид, тем самым название самца в этой группе выделено, маркировано. Например: *пчела, курица-1, корова-1, лошадь-1, свинья-1, овца, олень, собака-1*.

К ближней периферии следует отнести анимализмы, имеющие дефектно-расширенную (10) или полную (2) парадигмы, так как по количеству слов в парадигме они занимают второе место среди анимализмов (от 3 до 6 слов; среднее число – 5) – всего 12 слов и подгруппе: *фазан, щегол, голубь, сокол-1, индейка, утка-1, осёл-1, медведь-1, тюлень-1, барс; животное-1, лось*. В данную группу входят названия главным образом диких и некоторых домашних животных, находящихся в сфере влияния человека. Парадигмы слов этой группы состоят из ключевых наименований, вариантных названий по полу и «детскости». Это открытый класс слов, пополняющийся по мере необходимости. Здесь чаще маркирован женский пол, а существительные мужского рода обозначают животных как вид.

К дальней периферии мы относим анимализмы групп 1.а1), 1.г), 1.е) и 1.ж), имеющие по 3 слова в парадигме, главным образом названия самки, самца, детёныша (всего 30 слово): 1.а1) *гад-1; морж-1, сивуч; бурундук, кролик, заяц-1, бобр, барсук, ёж-1; воробей-1, страус, орёл-1, гусь-1, аист, скворец, глухарь-1; северный олень, изюбр, буйвол, зубр-1, кабан-1, верблюд, осёл-1, слон-1; тигр, лев-1; 1.г) коза-1, кошка-1, лиса-1; 1.ж) 2-рысь*. В эту группу входят преимущественно названия диких лесных животных, в том числе героев сказок, парадигма которых состоит из ключевых наименований, названий по полу и «детскости». Это тоже открытый класс слов, в котором чаще маркирован женский пол, а существительные мужского рода обозначают животных как вид.

К крайней периферии могут быть отнесены анимализмы групп 1.б), 1.и), 1.д), включающие 2 слова в парадигму (всего 46 слов): 1.б) *сом, акула-1, щука; змея-1, уж; соболя, хорёк, крыса, мышь, белка-1; сыч, сова-1, кукушка-1, пингвин, ястреб, журавль, филин, грач, галка, дрозд, дрофа, ворона-1; носорог-1, архар, жираф; шакал-1, кенгуру; 1.в) 2-шатун-2, щипчик; чирок, беркут, шипун-2, щёголь-2, 1-чиж, снегирь, соловей-1, павлин-1, тетерев; сохатый (нар.-разг.), мул, иноходец, сайгак; 1.д) птица-1, рыба, змея; 1.е) канарейка*. Данная группа включает названия диких животных, находящихся в сфере влияния человека, парадигма которых содержит ключевые названия и наименования по «детскости». Это открытый класс слов, в котором чаще (на две трети) маркирован женский пол, а существительные мужского рода обозначают животных как вид, хотя доля парадигм с маркированным мужским полом возрастает (до одной трети).

2.1.3. Лингвистические факторы формирования семантической группы

2.1.3.1. Общая характеристика

Как уже излагалось ранее, к лингвистическим факторам формирования семантической группы обычно относят языковые причины расширения поля слов: наличие в языке парадигматических групп лексики, функциональной и эмоционально-экспрессивно-оценочной окраски слова, факторов расслоения лексического состава языка, таких как сфера употребления, функциональная принадлежность, происхождение, принадлежность к активному или пассивному запасу. Как показывает наше исследование анимализмов, на формирование группы названий животных оказали влияние такие факторы и явления, как функционально-стилевая принадлежность слова, отнесённость слова к пассивному запасу, наличие «внутренней» формы слова, синонимия и вариантность названий, их омонимия и паронимия. На основании фактора мотивированности – немотивированности среди анимализмов выделяется большая группа слов с «прозрачной», а иногда и «яркой» внутренней формой (256 слов из приблизительно 800). На основании функционально-стилевой принадлежности слова среди анимализмов выделяются: 1) разговорные в широком смысле слова (96 слов) (со словарными пометами «разговорное» (41 слово), «народно-разговорное» (26 слов) – к этой группе примыкают слова с пометами «диалектное» (1), «охотничье» (5 слов), «рыболовецкое» (2), – (всего 34 слова); «народно-поэтическое» (8 слов), «ласкательное» (3 слова), «разговорно-сниженное» и «жаргонное» – всего 3 слова) и 2) книжные (специальные зоологические со словарными пометами и без них, а также важные для русской культуры) (77 слов). На основании соотношения звучания/ написания слова и его значения среди анимализмов выделяются: 1) синонимичные и варианты (74), 2) омонимичные и паронимичные названия (62). По отнесённости к пассивному запасу среди анимализмов можно выделить устаревшие (7 слов).

2.1.3.2. Семантический анализ анимализмов

2.1.3.2.1. Мотивированные анимализмы

Рассмотрим мотивированные анимализмы (256 слов). По характеру производящей основы (современной или исторической) их можно разделить на 23 группы, в которых корень или основа слова обозначает:

1) цвет животного или его части тела (38 слов) (*белоглазка-1, белорыбца, белуга, белуха, беляк, бурёнка, ворон, ворона, чернобровка-2,3, чернобурка, черноглазка-1, черноголовка-2, чернозобик, черностинка, чернотелка, голубь, златка, каурка, лазоревка, лебедь, медяница, медянка, огнёвка-2, перламутровка, пестряки, пестрянки, радужник-1, русак, сиводушка, сивуч, сизарь, сизяк, траурница, желтобрюх, желтопузик, зеленушк, саврас*);

2) действие животного или части тела (32 примера) (*горихвостка, вертун, вонючка, цикада, шипун-2, щебетунья, 2-шатун-2, гончак, дракон,*

жигачные, жигалка, зудень, колюшка, кукушка, лайка, летяга, мурлыка, нелушка, 2-нырок, петух, пищуха-1, 2, подлинь, 2-полоз, пугач, сверчок, шестяк, скакун, слётко, стрепет, удав, щелкун);

3) какой-либо признак животного или его части тела (30 слов) (борзая, холмонокровные, чистокровка, голец, глухарь, жесткокрылые, косач, кошой, малёк, микроб, острица, остронос, перелярок, перистокрылки, прямокрылые, свежью, скрытоглав, скрытожаберные, слепняк, слепун, слепушонка, слепыш, супоросая, дикобраз, долгопяты, жар-птица, широконоска);

4) части тела животного (19 слов) (хоботные, хордовые, хохлатка, холдушка, хохлач, черепные, головль, голенастые, Горбунок-2, горбуша, Грбневик, зубатка, 2-лобан, носорог, пузанок, усач-2,3, ушан, жутиковые);

5) действие животного и его объект (16 примеров) (уховёртка, буревестник, водомерка, воробей, древогызы, древоточцы, землеройка, чистоеды, медведь, муравьед, осоед, пчелоед, пухоед, трясогузка, тутовый шелкопряд, дровосек);

6) место возникновения или обитания животного, расположения его части тела (15 слов) (ахалтекинец, болонка, холмогорка, чихуахуа, джорняга, муравей, норушка, 2-овсянка, пекинес, пескарь, пескожил, пичанка, просянка, сиамская кошка, подсвинок; носорог);

7) сходство животного или его части тела с кем или с чем-либо (14) (неслоногие, дровосек, утконос, шилохвость, ёж-рыба, игла-рыба, кобылка-3, кузнечик, меч-рыба, овцебык, оленебик, песец-1, тойтерьер, чернец, утконос, шилохвость, веслоногие);

8) мифическое существо (собственное или нарицательное) (14 слов) (пр.ус-2, гидра-2, фауна, циклоп-2, единорог-1, 1-ехидна-1, 2-ехидна, нереида-2, сатир-3, 4, сирена-2, сфинкс-4,5, тритон-2);

9) что животное, его покров или его части тела имеют нечто (13 слов) (вородавочник, чешуекрылые, чешуйчатые, членистоногие, шерстокрылые, шлокожские, сетчатокрылые, слизевики, слизень / слизняк, сохатый, нузыреногие, сумчатые);

10) количество частей тела животного (6 слов) (четверорукие, двуутробка, двуххвостка, единорог-1, осьминог, парнокопытные);

11) объект действия животного (5 слов) (овчарка, ореховка, кедровка, тшестник, тетереватник);

12) объект и субъект действия животного (5 слов) (бактериофаги, фитофаг, зоофаг, ихтиофаг, фокстерьер);

13) образ действия животного и само действие (5 слов) (двойкодышащие, иноходец, пяденица – «небольшая бабочка-вредитель с широкими крыльями, гусеница которой, ползая, изгибает среднюю часть вверх, как бы меряя землю пядями», рысак, скрытноед);

14) кличка животного (4 примера) (хавронья, полкан, 2-шарик, росинант);

- 15) время действия или время и действие животного (3 слова) (*зарянка, зимородок, снегирь*);
- 16) двое животных (3 примера) (*лошак, ослик, птицевезери*);
- 17) абстрактное понятие (2 слова) (*живот-1, животное*);
- 18) действие, осуществляемое над животным (1 пример) (*стригун*);
- 19) возраст (2 слова) (*третьяк, трёхлеток*);
- 20) признак единицы целого и само целое (1 слово) (*зоопланктон*);
- 21) что нечто является чем-либо (1 слово) (*рукокрылые*);
- 22) средство действия над животным (1) (*частик-2* – «о рыбе, вылавливаемой мелкочейными сетями»);
- 23) покров животного как объект добычи (1) (*каракульская овца*).

Таким образом, наиболее частым мотивирующим признаком анимализмов с «прозрачной» внутренней формой являются цвет животного или его части тела (38 слов), действие животного или части тела (32 примера), какой-либо признак животного или его части тела (30 слов). Эти лексемы можно считать ядерными для СП животных. К ближней периферии рассматриваемого поля следует отнести слова с мотивирующими признаками: части тела животного (19 слов); действие животного и его объект (16 примеров); место возникновения или обитания животного, расположения его части тела (15 слов); сходство животного или его части тела с кем или с чем-либо (14); мифическое существо (собственное или нарицательное) (14 слов); «животное, его покров или его части тела имеют нечто» (13 слов). К дальней периферии относятся лексемы с мотивирующими признаками: количество частей тела животного (6 слов); объект действия животного (5 слов); объект и субъект действия животного (5 слов); образ действия животного и само действие (5 слов); кличка животного (4 примера); время действия или время и действие животного (3 слова); двое животных (3 примера). К крайней периферии относятся лексемы с мотивирующими признаками: абстрактный предмет (2 слова); действие, осуществляемое над животным (2 примера); возраст (2 слова); признак единицы целого и само целое (1 слово); «нечто является чем-либо» (1 слово); средство действия над животным (1); покров животного как объект добычи (1).

2.1.3.2.2. Анимализмы с точки зрения сферы употребления

Рассмотрим разговорную лексику в широком смысле слова (96 слов). Как уже говорилось выше, данные слова могут иметь словарные пометы «разговорное» (41 слово); «народно-разговорное» (26 слов), «диалектное» (1), «охотничье» (5 слов), «рыболовецкое» (2) – всего 34 слова; «народно-поэтическое» (8 слов), «ласкательное» (3 слова), «разговорно-сниженное» и «жаргонное» – всего 3 слова.

Для слов с пометой «разговорное» актуален такой классификационный признак, как характер выраженной в слове оценки. По этому признаку разговорные слова можно разбить на следующие группы: 1) лексика с нейтральной оценкой называемого животного

(18 слов); 2) слова со значением уменьшительности или ласкательности (14 слов); 3) слова с увеличительным и пренебрежительным значением (4 слов). Разговорная лексика с нейтральной оценкой животного (18) может быть разделена на группы в зависимости от словообразующего разговорного суффикса и характера производящей основы:

1) слова, образованные от адъективной основы с помощью суффикса *-к*, *-ушк-* (*чистокровка* – «породистое животное», *чернобурка* – «серебристо-чёрная лисица», *холмогорка* – «корова холмогорской породы», *гремучка* – «гремучая змея», *каурка* – «лошадь каурой масти», *кулатка* – «курица», *хохлушка* – «курица»);

2) слова, образованные от глагольной основы с помощью суффикса *-к* (*квочка* – «курица-наседка, клуша», *пустолайка-1* – «о собаке, лающей впусту, без нужды», *хрюшка* – «свинья, поросёнок»);

3) слово, образованное от основы имени существительного с помощью суффикса *-к*, имеющего значение единичности (*селёдка* – «сельдь, обычно как готовый продукт питания»);

4) слова производные или образованные усечением суффикса производящей основы (*саврас-1* – «лошадь саврасой масти; простая рабочая лошадь», *улитка* – «улитка», *кура-1* – «курица», *ящеры-2* – «общее название наземных позвоночных животных (пресмыкающихся и земноводных), обитавших в доисторическую эпоху»);

5) слово, образованное от адъективной основы с помощью суффикса *-арь* (*сизарь* – «сизый голубь»); 6) слова образованные от адъективной основы с помощью суффикса *-ин(а)* (*скотина-1* – «скот-1», *животина* – «домашнее животное»).

Слова со значением уменьшительности или ласкательности (14) по типу словообразовательного средства могут быть разделены на следующие группы:

1) слова с суффиксом *-ок* (*жучок-2* – «насекомое истачивающее деревянные части зданий», *трёхлеток* – «животное в возрасте трёх лет», *телчок* – «телёнок, маленький бычок»); 2) отглагольные слова с суффиксом *-ушк(а)* (*телушка* – «тёлка»); 3) производные слова, возможно ранее членимые (*1-чушка-1* – «поросёнок, молодая свинья», *букашка-1* – «всякое мелкое насекомое»); 4) производные слова, имеющие нейтрально-стилевые синонимы с суффиксом *-к (а)* (*пичуга-1* – «маленькая птичка, пташка», *пташка* – «небольшая птица»); 5) слово с суффиксом *-к (а)* (*мопсика-1* – «мопс, маленькая собачка»); 6) слово с суффиксом *-ик* (*2-шарик* – «дворовая непородистая собака (первоначально распространённая кличка»); 7) отглагольное слово с суффиксом *-унь(я)* (*щебетунья-1* – «птичка, которая щебечет»); 8) слово со связанным суффиксом (*кутёнок* – «щенок»); 9) квазислово детской речи (*утя* – «утка (в речи детей, в разговоре с детьми)»).

Слова с увеличительным и пренебрежительным значением (9) делятся на:

1) слова с суффиксом -ак / -як (*сизяк* – «сизый голубь», *чужак-1* – «о человеке или животном из чужих мест»); 2) слова с суффиксами -няг(а), -ач, -ыш, -иш (*дворняга* – «беспородная дворовая собака», *носач* – «человек, а также животное или птица с большим носом», *опарыш* – «червь, заводящийся в протухшей рыбе, канализационных отбросах, использующийся в качестве приманки на рыбной ловле», *чудище-1* – «страшное чудовище»); 3) непроизводные слова (*шавка* – «маленькая собачка, комнатная или дворняжка», *барбос-1* – «о большой, обычно дворовой собаке (в прошлом кличка)»).

С точки зрения тематики разговорная лексика включает главным образом такую тематическую группу, как названия животных человеческого окружения (20 слов) – *гремучка, сизарь, сизяк, букашка-1, пичуга-1, птаха, щебетунья-1, прусак, носач, опарыш, улита, жучок-2, моська-1, 2-шарик, дворняга, барбос-1, пустолойка-1, шавка, чужак-1, чернубурка*; домашних животных (17 слов) – *холмогорка, хрюшка, каурка, саврас-1, хохлатка, хохлушка, квочка, кура-1, утя, трёхлеток, телок, телушка, кутёнок, 1-чушка-1, скотина-1, животина, чистокровка*. Из наименований животных окружения человека больше всего разговорной номинации подверглись названия дворовых собак и птиц. Среди именов домашних животных такими названиями являются названия копытных животных, их детёнышей и птиц. Наиболее распространёнными классификационными признаками для животных, имеющих разговорные номинаты, являются отнесённость к домашним животным (8 примеров), окрас или масть животного (5 слов) – *сизарь, сизяк, чернубурка, каурка, саврас*; маленький размер (5) – *букашка-1, пичуга-1, птаха, жучок-2, моська-1*; возраст животного (5) – *трёхлеток, телок, телушка, кутёнок, 1-чушка-1*. Далее классификационные признаки выстраиваются в следующем порядке: отнесённость к дворовым собакам (3), признак животного (3) – *носач, чужак-1, гремучка*; порода или вид (2) – *холмогорка, гремучка*; действие животного (2) – *пустолойка-1, щебетунья-1*; способность животного быть продуктом питания (1) – *селёдка*; неотнесённость животного к домашним животным (2) – *улита, опарыш*; чистота породы (1) – *чистокровка*; отнесённость к вредителям (1) – *жучок-2*; наличие насекомого в жилище человека (1) – *прусак*; отнесённость к доисторическим (1) – *ящеры-1*; или вымышленным животным (1) – *чудище-1*.

К народно-разговорной лексике, кроме слов с пометой «народно-разговорное, с нашей точки зрения, относится также охотничье-рыболовецкая и диалектная лексика, не имеющая в словаре пометы «разговорное», но по сути являющаяся таковой, так как она употребляется в устной речи охотников и рыболовов, а также в речи людей, живущих на определённой территории. В целом народно-разговорная лексика (всего 34 примера) включает такие слова: *свежьё* – «собир. свежепойманная рыба», *подлинь* «собир. птица в период линьки», *слёт* – «молодая птица, только начавшая вылетать из гнезда», *огнёвка-2* – порода лисиц

(красноватой шерстью), *легаши* – «собака легавой породы, отыскивающая лишь чутьём и делающая перед ней стойку», *гончак* – «группа пород охотничьих собак, специально тренируемых для гона зверей», *борзая* – «группа пород охотничьих собак, отличающихся быстрым бегом, острой длинной мордой, длинными тонкими ногами и поджарым телом», *сорога* – «плотва на севере Европейской части России, Урале, в Сибири».

В целом народно-разговорная лексика включает 33 слова, относящиеся к таким тематическим группам:

1) названия птиц (*цыпка-1* – «курица, цыплёнок», *цыплятница-2* – «наседка», *клуша-1* – «курица-наседка», *индюшка* – «индейка», *утица* – «утка», *пугач* – филин», *мартын / мартышка* – «крячка», *чернобровка* – «птица отряда куликов», *подлень* – «сбир., охотн. птица в период линьки», *слётюк* – охотн. «молодая птица, только начавшая вылетать из гнезда», – 11 слов);

2) названия псовых (*легаши* – «собака легавой породы, отыскивающая лишь чутьём и делающая перед ней стойку», *гончак* – «группа пород охотничьих собак, специально тренируемых для гона зверей», *борзая* – «группа пород охотничьих собак, отличающихся быстрым бегом, острой длинной мордой, длинными тонкими ногами и поджарым телом», *бирюк* – «полк (обычно одиночка)», *огнёвка-2* – порода лисиц с красноватой шерстью» – 5 слов);

3) названия пресмыкающихся (*медянка-2* – «гадюка», *козюля* – «гадюка», *ужак* – «уж», *медянка-3 / медяница* – «ящерица») – 4 слова;

4) названия насекомых (*мизгирь* – «паук», *карамора* – «длинноногий комар», *жигалка* – «муха с колющими щетинками на хоботке» – 3 слова);

5) названия червей (*глиста-1* – «глист», *2-шитик* – «личинка ручейника или другого насекомого, обитающего в песке на дне водоёма (используется как наживка)» – 2 слова);

6) названия домашних копытных животных (*перярок* – «животные прошлогоднего выводка (об овцах, волках)», *теля* – «телёнок» – 2 слова);

7) названия медведей (*умка* – «белый медведь», *ошкуй* – «белый медведь» – 2 слова);

8) названия рыб (*свежьё* – «сбир. свежепойманная рыба», *сорога* – «плотва на севере Европейской части России, Урале, в Сибири» – 2 слова);

9) единичные названия лося, лягушки (*сохатый* – «рогатый, с негустыми рогами (о лосе)», *лягва* – «лягушка» – 2 слова).

Важным аспектом классификации народно-разговорной лексики является «внутренняя форма» слова, так как данная лексика в большой мере отражает народный взгляд на мир. При анализе «внутренней формы» слова нельзя обойтись без определения словообразующего суффикса и характера производящей основы слова. По указанным основаниям народно-разговорную лексику можно разделить на такие группы:

1) слова с непрозрачной этимологией (11 примеров) (а) нечленимые (6 слов): *сорога*, *мизгирь*, *карамора*, *2-шитик*, *ошкуй*, *мартын*;

б) с неполной членимостью, т.е. со связанными суффиксами (5 слов): *клуша, бирюк, козюля, медянка-2,3, медяница*;

2) слова, содержащие народно-разговорный вариант суффикса, корня или вариантную грамматическую форму (7 примеров): *индюшка, утица, ужаск, теля, лягва* (слово *теля* характеризуется отсутствием суффикса по сравнению с нейтрально-стилевым *телёнок*);

3) отадъективные зоосемизмы, образованные с помощью народно-разговорного суффикса (4 слова): *свежьё, легащ, гончак, умка*;

4) отглагольные зоосемизмы с народно-разговорным суффиксом или приставкой (4 примера): *слётюк, пугач, жсигалка, подлинь*;

5) отсубстантивные зоосемизмы с народно-разговорным суффиксом (2 слова): *огнёвка-3, цыплятница*;

б) слова, образованные субстантивацией: *борзая, сохатый* (2 слова);

7) отадъективный приставочно-суффиксальный зоосемизм (1 пример): *перярок*;

8) зоосемизм, образованный сложно-суффиксальным способом (1 пример): *чернобровка*.

Таким образом, среди этимологических моделей народно-разговорных зоосемизмов с прозрачной «внутренней формой» превалируют отадъективные номинации по признаку животного (группы 3,6,7,8 – всего 8 слов), на втором месте названия по действию животного (группа 4 – 4 слова).

Народно-поэтическая и традиционно-народная лексика могут быть объединены в одну группу, состоящую из 8 слов (больше всего в ней названий копытных – 4 слова: *бугай* – «бык-производитель», *бурёнка* – «корова (первоначально распространённая кличка коровы бурой масти)», *савраска* – «саврасый конь (светло-гнедой с чёрным хвостом и гривой)», *буланка* – «буланый конь (светло-рыжий с чёрным хвостом и гривой)»; *косой* – «о зайце», *котофей* – «кот», *норушка* – «мышка, живущая в норке», *гад-1* – «земноводное или пресмыкающееся»). Среди данных слов доминируют слова, образованные по этимологической модели «окраска животного либо другой его признак → его название» (4 слова: *бурёнка, савраска, буланка, косой*). Среди словообразовательных моделей доминирует суффиксация с помощью суффикса -к- (3 слова: *бурёнка, савраска, буланка*).

К ласкательным анимализмам относятся: *гуля-1* – «ласковое название голубя (в речи детей и в речи, обращённой к детям)», *мурлыка* – «о коте, кошке», *курочка-1* – «уменьшительно-ласкательное к *кураца*»; к разговорно-сниженным и жаргонным – *цуцик-1* – «шенок, небольшая собака», *шалова* – «о корове, лошади», *мандавоха* – «лобковая вошь». Среди этимологических моделей слов с прозрачной «внутренней формой» выделяется модель «действие (звучание животного) → его название»: *гуля, мурлыка*. Доминирующим словообразовательным средством образования ласкательных и жаргонно-сниженных анимализмов является суффикс (в словах: *мурлыка, курочка-1, цуцик-1*).

Рассмотрим книжные анимализмы (62 слова), которые делятся на социальные и религиозно-мифические.

I. Специальная лексика (56 слов). Они могут иметь пометы «биологическое», «биологическое», «специальное» или не иметь их совсем. Весь пласт специальной лексики делится на такие группы:

1) названия отрядов (24 слова):

млекопитающих (9 слов):

яйцекладущие – «клоачные (название отряда млекопитающих с одним выводным отверстием – клоакой; к нему относятся *утконос* и *ехидна*; однопроходные), *рукокрылые* – «отряд млекопитающих с приспособленными для полёта конечностями, к которому относятся летучие мыши», *шерстокрылы* – «отряд ночных млекопитающих, конечности и хвост которых соединены широкой, покрытой шерстью перепонкой», *ящеры-1* – «отряд млекопитающих с удлинённым, покрытым роговыми чешуями телом, с маленькой головой, с длинным хвостом, с короткими лапами с сильными когтями (обитают в Африке и Юго-Восточной Азии)», *насекомоядные* – «отряд млекопитающих, к которому относятся ёж, крот, землеройка», *копытные* – «животные отряда млекопитающих, имеющие копыта (к ним относятся антилопы, слоны, лошади, свиньи, верблюды и т.п.)», *парнокопытные* – «отряд млекопитающих с двумя одинаково развитыми пальцами: бегемот, корова, свинья», *хоботные* – «отряд почти вымерших млекопитающих, к которому относятся слоны», *приматы* – «отряд наиболее высокоорганизованных млекопитающих – полуобезьян, обезьян и человека»;

насекомых (8 слов): *термиты* – «отряд насекомых жарки стран, живущих сообществами в больших гнёздах разной формы (наземных и подземных) и являющихся вредителями древесины», *таракановые* – «отряд насекомых, к которому относятся разные виды тараканов», *тушьреногие* – «отряд насекомых с узким длинным телом с двумя слабо развитыми коготками и присасывательными пузырьками на лапках», *чешуекрылые* – «отряд насекомых, к которому относятся бабочки», *сетчатокрылые* – «отряд насекомых с крыльями, покрытыми густой сетью мелких жилок», *прямокрылые* – «отряд насекомых с узкими длинными крыльями (кузнечики, сверчок, саранча)», *жесткокрылые* – «название отряда насекомых, жуки», *двухвостки* – «название отряда бескрылых насекомых с членистым телом, заканчивающимся парой членистых щупей»;

рыб (3 слова): *скумбриевые* – «отряд морских промысловых рыб, к которому относятся скумбрия, тунец», *сельдеобразные* – «отряд костистых рыб, к которому относятся сельдьевые и анчоусовые», *лукнеобразные* – «отряд костистых рыб»;

птиц (3 слова): *сизоворонковые* – «отряд птиц, к которому относятся сизоворонки, зимородки, удопы», *веслоногие* – «название отрядов семейства водоплавающих животных», *голубеобразные* – «отряд птиц, к которому относятся три семейства: голуби, рябки и дронты»;

пресмыкающихся (1 слово):

чешуйчатые – «отряд пресмыкающихся (змеи, ящерицы), туловище которых покрыто роговой чешуёй, щитками».

2) названия семейств (24 слова):

насекомых (8 примеров): *древозгрызы* – «семейство жуков, обитающих в сухой древесине», *пестряки* – «семейство жуков с пёстрыми надкрыльями», *мертвоеды* – «семейство жуков, питающихся трупами, личинками других насекомых, растениями», *перистокрылки* – «семейство жуков с очень узкими перистыми крыльями с бахромой из волосков по краям»; *древоточцы-1* – «семейство ночных бабочек, чьи гусеницы питаются древесиной», *пестрянки* – «семейство дневных и сумеречных бабочек с яркой пёстрой окраской крыльев»; *саранчовые* – «название семейства насекомых, к которому относятся разные виды саранчи»; *паутинные клещи* – «семейство членистоногих семейства настоящих клещей класса паукообразных, паразитирующих на листьях и стеблях растений»;

птиц (8 слов): *ястребиные* – «семейство птиц отряда хищных, к которому относятся *орёл, коршун и беркут*», *соколиные* – «семейство птиц отряда хищных, к которому относятся *сокол, кобчик* и др.»; *тетеревиные* – «семейство птиц отряда куриных, к которому относятся *тетерев, куропатка, глухарь, рябчик*», *фазановые* – «семейство птиц отряда куриных, к которому относятся *фазан, павлин, перепел, цесарка*»; *чистиковые* – «семейство птиц: *чистик, кайра, гагарка*», *утиные* – «семейство птиц, к которому относятся *утка, гусь, лебедь*», *голубиные* – «семейство птиц отряда голубеобразных, *голуби*»;

млекопитающих (4): *нарваловые* – «семейство зубатых китов, к которому относятся *нарвал, белуха*»; *псовые / собачьи* – «семейство хищных млекопитающих, к которому относятся *собаки, волки, лисицы, песцы, шакалы*»; *оленьевые* – «семейство млекопитающих парнокопытных животных», *долгопяты* – «семейство полуобезьян отряда приматов с длинными пальцами и светящимися в темноте глазами»;

рыб (2 примера): *сельдевые* – «семейство рыб, к которому относятся *сельдь, иваси, килька*», *окуневые / окунёвые* – «название семейства промысловых рыб со сжатым с боков или веретенообразным телом, к которому относятся *окунь, судак, ёрш*»;

земноводные (1 пример): *скрытожаберные* – «семейство отряда хвостатых земноводных, у которых сохраняются жаберные дуги, но жабры отсутствуют»;

червей (1): *неридовые* – «семейство морских кольчатых червей»;

3) общие и собирательные анимализмы-термины (8 слов): *ихтиофаг* – «животное, питающееся рыбой», *зоофаг* – «растение или животное, питающееся микроорганизмами или другими животными», *фитофаг* – «животное, питающееся только растительной пищей», *псаммон* – «совокупность животных и растительных организмов, обитающих во влажных слоях прибрежных песков», *зоопланктон* – «совокупность

мелких животных в толще морской воды), *планктон* – «скопление мельчайших растительных и животных организмов (бактерий, водорослей, моллюсков, личинок), живущих в толще воды морей, рек, озёр и переносимых течением», *холоднокровные* – «обладающие непостоянной температурой тела, меняющейся в зависимости от температуры окружающей среды», *пернатые* – «птицы»;

4) названия классов животных (6 примеров): *жгутиковые* – «класс одноклеточных типа простейших, характеризующийся наличием у них жгутиков», *гельминты* – «паразитические черви – возбудители болезней человека, животных и растений», *наугольники* – «класс членистоногих многоногих», *голотурии* – «класс морских беспозвоночных животных типа многокожих», *ракообразные* – «класс водных членистоногих животных с расчленённым на сегменты телом, покрытым панцирем, и с многочисленными расчленёнными конечностями», *насекомые* – «класс беспозвоночных членистоногих животных, к которому относятся муха, пчела, клоп, муравей и др.»;

5) названия подотрядов животных (5 слов): *сольпуги* – «наугольничьи отряда членистоногих (обитают в тропиках и субтропиках)»; *фаланги*, *сверчковые* – «подотряд насекомых отряда прямокрылых, в который входят сверчки, медведки и т.п.», *жвачные* – «название подотряда млекопитающих отряда парнокопытных», *нежвачные* – «подотряд млекопитающих отряда парнокопытных (*бегемоты, свиньи*)», *широконосые обезьяны* – «название группы высших приматов»;

6) названия подцарств животных (3 примера): *беспозвоночные* – «многочисленная группа животных, не имеющих позвоночника (к ним относятся простейшие, губки, кишечнополостные, моллюски и др.)», *черепные* – «позвоночные», *слизевики* – «низшие бесхлорофилльные организмы; *слизевики* встречаются в виде слизистой массы на гниющих стволах и листьях деревьев»;

7) названия подтипов животных (2): *членистоногие* – «высший и самый обширный тип беспозвоночных, тело и конечности которых разделены на членики», *хордовые* – «тип высших животных, обладающих хордой на какой-либо стадии их развития»;

8) названия подклассов животных (2): *двоякодышащие* – «подкласс рыб, дышащих не только жабрами, но и лёгкими», *сумчатые* – «подкласс млекопитающих, которые донашивают детёнышей в сумке»;

9) названия подсемейств животных (2): *пчелиные* – «название группы семейства жалоносных насекомых отряда перепончатокрылых», *щитовидные змеи* – «ядовитые змеи семейства ужей, серовато-оливковой окраски с тёмными продольными полосами на боках, питающиеся шмелицами, змеями и грызунами».

11. Имеющие важное значение в русской культуре (6). Слова этой группы происходят из религиозных источников (Библия) или из культурно и исторически значимых текстов: мифов, легенд: *агнец* – «ягнёнок как жертвоприношение», *змий-1* – «змей», *Змий-2* – «в Библии дьявол».

искуситель, представший перед Евой», *тварь-1* – «живое существо», *телец* – «телёнок, молодой бычок (обычно как жертвоприношение)», *вервь* – «дикий кабан, свинья».

Специальная лексика преобладает над культурной. Такое распределение лексики внутри выделенных групп, во-первых, показывает объективное, не зависящее от языка количественное соотношение групп животных разных ступеней иерархичности в зоологической классификации (семейств и отрядов животных больше, чем остальных групп, так как они находятся на нижних уровнях иерархии). Во-вторых, доминирование специальной лексики над культурной связано с актуальностью зоологической классификации животных для их наименований, отсутствием другого объективно сложившегося инструментария для называния животных.

2.1.3.2.3. Анимализмы-синонимы и варианты

Среди наименований животных много синонимичных (33 ряда слов), **вариантных** (37 рядов). Синонимичными мы условимся называть анимализмы, представляющие собой разнокорневые номинации одного и того же животного: например, *дергач* – *коростель*. Данные слова являются синонимами-дублетами. Вариантными мы считаем номинации, имеющие один и тот же корень или его звуковые изменения и отличающиеся лишь отдельными звуками, ударением, окончаниями или суффиксами: например, *бобр* – *бобёр*, *вошь* – *вша*, *чеглок* – *чоглок*, *яловица* – *яловка*, *чужак* – *чужанин*, *овцебык* – *мускусный бык*. Носителем значения слова является корень слова. Следовательно, возможно однокорневые анимализмы интерпретировать как варианты, а разнокорневые – как синонимы.

Если обратить внимание на тот факт, одно или разных животных именуют анимализмы-синонимы, варианты, омонимы, паронимы, то можно объединить синонимы и варианты, именующие одно животное, в группу, состоящую из 69 пар слов, а также объединить омонимы и паронимы, называющие разных животных, в группу из 63 пар слов. Простые подсчёты показывают примерное равновесие процесса разнолексемного называния одного и того же животного и процесса однолексемной номинации различных животных. Рассмотрим сначала синонимы и варианты.

К синонимичным анимализмам относятся (33 ряда): *вертун* – *турман*, *вахирь* – *витюлень*, *веретеница* – *медяница-1*, *гадюка* – *козюля*, *гуран* – *косуля*, *дафнии* – *водяные блохи*, *дергач* – *коростель*, *ирбис* – *снежный барс*, *конь* – *лошадь*, *фараонова мышь* – *африканский мангуст*, *квочка* – *клуша-1* – *наседка*, *черепные* – *позвоночные*, *чибис* – *пигалица-1*, *пума* – *кугуар*, *щенок* – *кутёнок* – *цуцик*, *макрель* – *скумбрия*, *мизгирь* – *паук*, *нарвал* – *единорог-1*, *опоссум* – *двуутробка*, *ореховка* – *кедровка*, *ошкуй* – *белый медведь* – *умка*, *пантера* – *леопард* – *барс*, *пищуха-2* – *сеноставка*, *сарыч* – *канюк*, *скунс* – *вонючка*, *пёс* – *собака*, *собачьи* – *псовые*, *сорога* – *плотва*, *сохатый* – *лось*, *усач-3* – *дровосек*, *фараонова змея* – *кобра*.

мшонья – свинья – хрюшка – 1-чушка-1, хамса – анчоус. Можно разделить слова с «прозрачной» этимологией из данного списка на группы в зависимости от причин возникновения анимализмов-синонимов:

1) различие этимологических моделей, в том числе мотивирующей основы (*веретеница – медяница-1, гадюка – козюля, дергач – коростель, клячка – клуша-1 – наседка, черепные – позвоночные, ореховка – кедровка, белый медведь – умка, пищуха-2 – сеноставка, усач-3 – дровосек, мшонья – хрюшка*) – 10 рядов слов;

2) наличие заимствованного и исконно русского слова (*дафнии – индийские блохи, ирбис – снежный барс, ихневмон – фараонова мышь – африканский мангуст, чибис – пугалица-1, нарвал – единорог-1, опоссум – двутробка, скунс – вонючка*) – всего 8 рядов; 3) различие сфер употребления слов (диалекты, разговорная речь): *гуран* (сибирское) – *козуля, клячка – клуша-1* (разг.) – *наседка, щенок – кутёнок* (разг.) – *цуцик* (ригг.-сниж.), *мизгирь – паук, ошкуй* (нар.-разг.) – *белый медведь умка* разг.), *сорога* (уральское, сибирское) – *плотва, сохатый* (разг.) – *хить, хавронья* (устар., разг.) – *свинья – хрюшка* (разг.) – *1-чушка-1* (разг.) – 7 рядов; 4) наличие экзотического и традиционного названия (*пума – мануар, макрель – скумбрия, хамса – анчоус*) – 3 ряда слов; 5) наличие заимствованных слов разного происхождения (*пантера – леопард, барс*).

Появление синонимичных и вариантных названий вызвано различными динамическими языковыми и неязыковыми факторами: наличием различных сфер коммуникации, стремлением сделать иноязычную номинацию понятной и др. Как видно из приведённого списка, доминирующей причиной синонимичной номинации животных является богатство этимологических моделей номинации.

К вариантным названиям животных (37 рядов) относятся:

1) словообразовательные варианты, которые отличаются суффиксом, в том числе нулевым (*хрущ – хрущак, червь-1 – червяк-1, чудище-1 – чудовище -1, чужак – чужанин, яловица – яловка, лиса – лисица, лягва – лягушка, моська – мопс, птица – птаха – пташка, слизень – слизняк, супоросая – супоросная, телец – телёнок – телок, черноголовка-2 – черноголовник; тетёра – тетёрка, трихина – трихинелла, уж – ужак, уклея – уклейка, улитка – улитка, утица – утка – утя, хорёк – хорь, сардина – сардинка, шпанка – шпанская муха*) – 21 ряд слов;

2) фонетические варианты при равенстве корней различаются единичными звуками или ударением (*бобр – бобёр, журавель – журавль, змей-1 – змий-1, челлок – чоблок, козуля – козуля, сельдевые – сельдёвые*) – всего 6 примеров;

3) грамматические варианты различаются грамматическим родом и формами словоизменения (*вошь – вша, глист – глиста, змей-1 – змея-1, мангуст – лангуста, мангуст – мангуста*) – 5 рядов;

4) словообразовательно-грамматические варианты отличаются суффиксами, и грамматическим родом (*гончая – гончак, голубь – гуля,*

легаш – легавая, поросёнок – поросля, телёнок – теля) – 5 рядов. Как видно из примеров, преобладают словообразовательные варианты анимализмов. Часто причиной существования вариантов – названий животных является: а) различие сфер коммуникации: разговорной, книжной, детской; б) экзотичность названий, которые могут быть восприняты в качестве различных граммем.

Четыре ряда слов включают синонимы и варианты одновременно: *кура-1 – курица – хохлатка-1 – хохлушка-1 – цыпка-1, кот-1 – кошка-1 – котофей – мурлыка, крачка – мартын – мартышка, осоед – пчелоед.*

2.1.3.2.4. Существование анимализмов-омонимов и паронимов как неполеобразующий фактор

Среди наименований животных много также омонимичных (39 пар слов) и паронимичных (23 пары слов). Анимализмы-омонимы могут быть определены как названия животных, тождественные по звучанию и написанию либо названиям других животных, либо названиям растений, либо другим предметам действительности. Паронимичными мы называем похожие, но не тождественные по звучанию и написанию лексемы, именующие разных животных: например, *пестряк* «жук» – *пестрянка* «бабочка». Паронимы следует отличать от вариантов, которые также похожи, но не тождественны по звучанию и написанию, но называют одно и то же животное.

В излагаемом ниже материале толкования слов даются не в полном объёме, так как при рассмотрении омонимов и паронимов в подробном толковании слов нет необходимости: различия видны и при минимальном толковании.

К омонимичным (39 рядов слов) относятся такие названия животных, которые: 1) совпадают с названиями других животных (*1-мартышка* «обезьянка» – *2-мартышка* «крачка» – 24 пары слов), либо 2) по разным причинам совпадают с другими словами русского языка, не являющимися анимализмами (*2-овсянка* «каша» – *1-овсянка* «птица») – 12 пар слов, либо 3) совпадают с названиями растений (*вонючка-1* «скунс» – *вонючка-3* «растение») – 2 пары слов. Третий случай выявляет разницу в трактовке значений анимализмов в нашей работе и во взгляде на значения этих слов составителей БТС. Последние считают значения, включённые нами во вторую и третью группы, проявлением полисемии, а не омонимии. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на то, что это названия разных животных, а следовательно, разных предметов действительности, возникшие не на основе сходства обозначаемых явлений, а по причине случайного совпадения, сходства номинативных моделей некоторых животных и растений; по причине богатства моделей номинации, различия путей образования производного слова от одной и той же производящей основы. Это даёт основание интерпретировать подобные значения как омонимичные. Лишь в редких случаях одинаковое название различных животных, относящихся к разным группам в зоологической классификации, вызвано их сходством. Рассмотрим

упоминанные группы омонимичных анимализмов в порядке убывания членов этих групп.

На первом месте по числу членов находится группа омонимичных названий животных, совпадающих с названиями других животных (14 рядов). Данная группа, в свою очередь, включает три типа омонимов: м) являющихся результатом совпадения названий животных разных групп в зоологической классификации животных (*белоглазка-1* «птица» – *белоглазка-2* «рыба», *буланий-1* «масть лошади» – *буланий-2* «окрас птицы», *1-бычок* «ум.-ласк. от бык» – *2-бычок-1* «рыба», *зеленушка-1* «птица» – *зеленушка-2* «рыба», *1-мартышка* «обезьянка» – *2-мартышка* «крачка», *медяница-1* «ящерица» – *медяница-2* «сосущее насекомое», *носорог-1* «копытное млекопитающее» – *носорог-2* «жук», *огнёвка-1* «бабочка» – *огнёвка-2* «порода лисиц», *пищуха-1* «птица» – *пищуха-2* «рыбун», *рогач-1* «самец оленя, лося» – *рогач-2* «жук», *сатир-3* «бабочка» – *сатир-4* «птица», *сфинкс-4* «обезьяна» – *сфинкс-5* «бабочка», *улич-2* «рыба» – *усач-3* «жук», *хохлатка-1* «курица» – *хохлатка-2* «бабочка», *чернобровка-2* «птица» – *чернобровка-3* «рыба», *кобылка-1* «ум.-ласк. от кобыла» – *кобылка-3* «саранча») – всего 16 рядов; н) являющихся результатом совпадения названий животных одной группы (*бык-1* «самец коровы» – *бык-2* «самец некоторых диких рогатых животных (тура, зубра)», *клуша-1* «курица-наседка» – *клуша-3* «птица семейства чаек», *корова-1* «домашнее животное, самка быка» – *корова-2* «самка оленя, лося», *королёк-4* «птица отряда воробьиных» – *королёк-5* «порода кур», *курочка-1* «ум.-ласк. от курица» – *курочка-2* «самка фазана и др.», *медянка-1* «неядовитая змея» – *медянка-2* «гадюка») – всего 6 рядов; в) являющихся результатом совпадения названий современных и вымерших животных (*3-тур-1* «вымершее животное» – *3-тур-2* «современное животное», *ящеры -1* «отряд млекопитающих с удлинёнными, покрытыми роговыми чешуями телом, с маленькой головойЮ длинным хвостом короткими лапами с сильными когтями (обитают в Африке и Юго-восточной Азии)» – *ящеры-2* «общее название наземных позвоночных животных (пресмыкающихся и земноводных), обитавших в доисторическую эпоху») – всего 2 ряда слов.

Группа анимализмов-омонимов включает также названия животных, совпавшие с другими явлениями действительности: *калуга* «рыба» – *калуга* «название города», *1-моль* «бабочка» – *2-моль* «лес, сплавляемый по реке брёвнами, не связанными в плот» / *моль-3* – «в международной системе единиц: единица количества вещества», *1-нырок-1, 2, 3* «действие от глагола *нырять*», «прыжок в воду с погружением головой», «приём в боксе, состоящий в том, что боксёр быстро пригибается, уклоняясь от боковых ударов в голову» – *2-нырок* «птица», *1-овсянка* «каша» – *2-овсянка* «птица», *2-пеночка* «птица» – *1-пеночка* «пенка», *судак* «рыба» – *судак* «название города в Крыму», *2-такса* «порода собаки» – *1-такса* «шпата», *2-фаланга* «паук» – *1-фаланга* «в Древней Греции; боевой порядок тяжеловооруженной пехоты, представлявший собой плотно

сомкнутый строй в несколько шеренг ...» / *фаланги* – «трубчатые небольшие кости, образующие скелет пальцев конечностей у позвоночных животных и человека», *1-чиж* «птица» – *2-чиж* «детская игра, в которой заострённая с двух концов короткая палочка загоняется в круг ударами другой палки», *2-шатун-2* «дикое или одичавшее животное, которое, отбившись от других, живёт в одиночку» – *1-шатун* – «деталь машины, механизма, соединяющая поршень с валом двигателя», *2-шип* «рыба» – *1-шип* «остроконечный вырост на ветках ...» / *3-шип* – «шипение», *1-щур* – «птица» – *2-щур* – «далёкий предок, родоначальник; пращур» (всего 12 пар слов).

К группе омонимичных названий относятся и названия животных, совпадающие с названиями растений: *вонючка-1* «скунс» – *вонючка-3* «растение», *вьюн-1* «рыба» – *вьюн-2* «растение», *черноголовка-1* «растение» – *черноголовка-2* «птица семейства славковых» (всего 3 пары слов).

Таким образом, среди омонимов-анимализмов существенно преобладает группа названий животных, совпадающих с номенами других животных (24 ряда против 12 и 3). Внутри этой группы омонимов доминируют анимализмы, внешняя форма которых совпадает с названиями животных других групп в зоологической классификации (16 пар слов).

Паронимичными (23 пары слов) в нашей работе называются похожие, но не тождественные по звучанию и написанию лексемы, называющие разных животных: например, *пестряк* «жук» – *пестрянка* «бабочка». Паронимы следует отличать от вариантов, которые также похожи, но не тождественны по звучанию и написанию, но называют одно и то же животное. Среди паронимов выделяются более дробные типы: а) словообразовательные – а1) отличающиеся суффиксами, в том числе нулевым: *пестряк* «жук» – *пестрянка* «бабочка», *плавунец* «жук» – *плавунчик* «птица», *рябок* «птица, напоминающая внешним видом голубя, обитающая в степях» – *рябчик* «лесная птица семейства тетеревиных», *слепень* «жалящее насекомое» – *слепняк* «клоп» – *слепун* «змея» – *слепушонка* «небольшого грызуна семейства полёвок, ведущего подземный образ жизни» – *слепыш* «небольшой, живущий под землёй грызун с недоразвитыми глазами, скрытыми под кожей, и зубами, приспособленными для рытья земли», *слизевик* «низшее» – *слизень* «слизняк» «моллюск», *трутень* «пчелиный самец, появляющийся для рождения потомства и затем изгоняемый из улья рабочими пчёлами и погибающий» – *трутовка* «рабочая пчела, выводящая трутней», *цыплятник-2* «» – *цыплятница-2* «», *черепах-1* «пресмыкающееся» – *черепашка-2* «клоп», *медянка-1* «неядовитая змея» – *медяница-1/2* «ящерица»/«сосущее насекомое»; *гагара-2* – «отряд водоплавающих птиц, к которому относятся 3 вида: *краснозобая*, *чернозобая* и *полярная* (обитает на севере Евразии и Америки)» – *гагарка* «северная морская птица семейства чистиковых», *сова-1* «хищная птица с большими глазами»

и крючковатым клювом, ведущая сумеречный образ жизни» – *совка-1* «небольшая птица отряда сов», *чир* «рыба» – *чирок* «птица» – всего 12 рядов слов; а2) отличающиеся суффиксом и корнем (для сложных слов): *сельдевые* «семейство рыб, к которому относятся сельдь, иваси, килька» – *сельдеобразные* «отряд костистых рыб, к которому относятся сельдёвые и шчоусовые», *третьяк* «молодое животное на третьем году жизни» – *трихлеток* «животное в возрасте трёх лет» – всего 2 пары слов; б) фонетические – б1) различающиеся одним звуком или одним звуком и ударением: *турман* «голубь» – *турпан* «птица семейства утиных», *ворон* «крупная всеядная птица с блестящим чёрным оперением, гнездящаяся обычно в уединённых местах» – *ворона-1* «птица с чёрным или серовато-чёрным оперением, родственная ворону, но живущая обычно около жилища человека», *змея-1* «змея» – *змей-2* «в Библии: дьявол-искуситель, представший перед Евой в образе змеи», *мангуст* «небольшое хищное животное тропических стран рода ихневмонов, питающееся мелкими грызунами, птицами, змеями» – *лангуст* «крупный съедобный морской рак с твёрдым панцирем, без клешней, с длинными усиками», *сорога* «плотва на севере Европейской части России, Урале, в Сибири» – *сорока-1* «птица семейства вороновых с белыми перьями в крыльях, издающая стрекотанье» – всего 6 пар слов, б2) различающиеся двумя звуками: *фаланга* «паук» – *фалант* «оса», *щегол* «певчая птица семейства вырковых» – *щёголь-2* «птица семейства ржанковых» – всего 2 пары слов, б3) различающиеся тремя звуками: *сардина* «небольшая морская промысловая рыбка семейства сельдевых» – *сардинелла* – «океаническая промысловая рыба» – всего 1 слово.

Таким образом, словообразовательные типы паронимов существенно превалируют над фонетическими (14 против 9). Среди словообразовательных паронимов доминируют суффиксальные (12 против 2).

2.1.3.2.5. Итоги семантического анализа названий животных

В результате анализа лингвистических факторов формирования поля анимализмов выяснилось, что наибольшее влияние на этот процесс оказали факторы существования мотивации слова, а также различных сфер коммуникации и их отражения в языке. Среди 800 анимализмов словами с «прозрачной» внутренней формой являются 256 слов. Наиболее чистотным мотивирующим признаком анимализмов с «прозрачной» внутренней формой являются цвет животного или его части тела, его наличие или действие его части тела, какой-либо признак животного или его части тела. 173 лексемы, называющие животных, обслуживают сферу разговорного (96) и книжного (77) общения русских людей. Существование 136 анимализмов обусловлено наличием в языке синонимов, вариантов, омонимов, паронимов. Наибольшее количество анимализмов разговорной окраски (96) среди слов, возникших под влиянием всех лингвистических факторов, обусловлено превалированием близости сферы бытового общения для наименований животных над

актуальностью сферы специальной коммуникации. Примерное количественное равновесие между группами синонимично-вариантных (74) и омонимично-паронимичных анимализмов (62), а также довольно большой процент таких названий свидетельствует о высокой степени «нелогичности», «несистемности» анимальной номинации, о широком участии «человеческого фактора» в наименовании животных, о стремлении людей к мотивированности названий животного мира, о богатстве словообразовательных возможностей русских наименований, наконец, о постепенном формировании поля анимализмов по мере освоения человеком окружающей действительности.

В соответствии с лингвистическими факторами формирования поля, к ядру СГ анимализмов относятся нейтрально-стилевые лексемы, имеющие разговорно-книжные и фонетико-словообразовательные варианты, если эти варианты не являются очень редкими, неизвестными широкому кругу носителей языка, немотивированными лексемами; а также синонимы: *лиса, лисица, корова, змея, уж, гадюка, конь, лошадь, курица, собака, пёс, свинья, кабан, сельдь, улитка, голубь, утка, индейка, бобр – бобёр, вошь, лось, червь-1, хорёк*. К ближайшей периферии СГ анимализмов относятся разговорно-книжные анимализмы, менее употребительные синонимы и варианты названий животных, анимальная лексика с общим значением и её варианты: *пичуга-1, птица, птица, щebetунья-1, букашка-1, прусак, пёс, моська-1, мопс, 2-шарик, дворняга, барбос-1, пустолойка-1, шавка, щенок, чернобурка, хавронья, хрюшка, 1-чушка-1, хохлатка, хохлушка, квочка, клуша-1, наседка, кура-1, курочка-1, утя, трёхлеток, телок, телушка, яловица – яловка, кутёнок, скотина-1, животина, чудище-1, глиста, сохатый, косой, мурлыка, котофей, нурушка, гуля-1, вша, коростель, чибис, пантера – леопард – барс, плотва, скумбрия, хамса, кобра, вошь, хрущ, червяк, хорь, змей-1*. К дальней периферии СГ анимализмов относятся разговорно-книжные анимализмы, не имеющие синонимов или с редко употребительными синонимами; профессиональная лексика; анимальная лексика с конкретным значением (гипонимы) и её варианты: *гремучка, сизарь, сизяк, улита, чужак-1 – чужанин, холмогорка, бугай, бурёнка, каурка, саврас-1, буланка, чистокровка, копчушка, жучок-2, ящеры-2; свежъё, огнёвка-2, легаши, гончак, борзая, кутёнок, переярок – «животные прошлогодного выводка (об овцах, волках)», умка – «белый медведь», цуцик-1, овцебык – мускусный бык, водяные блохи, снежный барс, мангуст, черепные – позвоночные, пума, кутёнок, ореховка – кедровка, скунс – вонючка, усач-3 – дровосек, хрущак, слизень – слизняк, черноголовка-2 – черноголовник, тетёра – тетёрка, уклея – уклейка*. К крайней периферии СГ анимализмов относятся диалектизмы, неизвестные широкому носителю языка разговорные слова, профессионализмы, грубо-просторечные анимализмы: *носач, опарыш, мизгирь – «паук», карамора – «длинноногий комар», жигалка – «муха с колющими щетинками на хоботке», 2-шитик – «личинка ручейника или*

другого насекомого, обитающего в песке на дне водоёма (используется как илживка)», *ошкуй* – «белый медведь», *гад-1*, *лягва*, *шалава* – «/ о корове, лошади», *мандавоха* – «лобковая вошь», *чеглок* – *чоглок*, *вертун* – *турман*, *ямчирь* – *витютень*, *веретеница* – *медяница-1*, *козюля*, *гуран*, *дафнии*, *дгрчач* (*коростель*), *ирбис*, *фараонова мышь* (*африканский мангуст*), *пильница-1*, *кугуар*, *сорога* (*плотва*), *макрель*, *нарвал* – *единорог-1*, *пиксум* – *двуутробка*, *пищуха-2* – *сенокосилка*, *сарыч* – *канюк*, *фараонова змея*, *анчоус*, *шпанка* – *шпанская муха*, *лангуст* – *лангуста*, *мангуст* – *мангуста*, *крячка* – *мартын* – *мартышка*, *осоед* – *пчелодед*.

2.1.3.3. Словообразовательные производные

Одним из возможных критериев выделения в семантическом поле названий животных ядра и периферии являются словообразовательные возможности анимализмов. Можно предположить, что чем больше словообразовательных производных имеет название животного, тем более оно освоено русским языком, тем большее право мы имеем отнести такое слово к ядру поля. Наибольшее число словообразовательных производных имеют следующие слова, которые мы можем распределить в ядерную и периферийные группы:

Ядро СП (12 слов) – слова, имеющие от 49 до 10 словообразовательных производных: *рыба* (49 слов), *свинья* (21 слово), *птица* (20), *скот* (17), *зверь* (15), *конь* (15), *собака* (13), *пчела* (11), *бык* (10), *змея* (10), *овца* (10), *лёт* (10).

Ближняя периферия (27 слов) – слова с 8 – 5 производными: *голубь*, *мышь*, *поросёнок*, *утка* (по 8 слов), *бактерии*, *гусь*, *ёриш*, *курица*, *петух*, *попугай*, *обезьяна* (по 7 слов), *заяц*, *козёл*, *скворец* (по 6), *волк жеребёнок*, *кноп*, *корова*, *кошка*, *лиса*, *лось*, *медведь*, *муха*, *олень*, *селёдка*, *соболь*, *стрекоза* (по 5 слов).

Дальняя периферия (43 слова) – слова с 3 – 4 производными: *вирус*, *воробей*, *ворона*, *гадюка*, *гуля*, *дракон*, *ёжик*, *индюшка*, *кот*, *кролик*, *лошадь*, *лягушка*, *осётр*, *паук*, *слон*, *соловей*, *сом*, *сурок*, *тюлень*, *фаги*, *фазан*, *хищник*, *щенок* (по 4 слова), *белка*, *блоха*, *бурундук*, *глист*, *дельфин*, *кабан-3*, *крот*, *крыса*, *патоген*, *рак*, *рысак*, *севрюга*, *сокол*, *телёнок*, *тигр*, *форель*, *химера*, *червь*, *черепаха* (по 3 слова).

К крайней периферии относятся слова с 1 – 2 производными, которые мы не включили в рассмотрение.

Мы пользовались критериями отнесённости слов к ядру и периферии, предложенными З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2007]. С их точки зрения, границы ядра и разных типов периферий проходят в местах наибольшего перепада частотности встречаемости слов. Частотность данных слов убывает «скачками» только вначале, однако относить к ядру СП одно слово не рационально, поэтому распределение слов в рассматриваемые группы имеет такой вид.

Для словообразовательной характеристики зоосемизмов актуально исследование их словообразовательных значений и выделение наиболее частотных из них.

Рассмотрим классификацию зоосемических словообразовательных значений **имён существительных** и расположим их по частоте встречаемости. Нами изучено 262 слова.

Чаще всего встречаются словообразовательные производные с уменьшительно-ласкательным значением (73) — для удобства восприятия примеров мы расположили их по зоологическим группам:

зверёк / зверок (устар.) / зверюшка / зверушка, скотинка;

рыбёшка, карасик, селёdochка, севрюжка, пескаррик;

рачок, змейка, черепашка, гадючка;

стрекозка, пчёлка, паучок, мураш / муравьишка, мушка, блошка;

птичка, гусёк, уточка, курочка, петушок, голубок / гулюшка / гуленька / гулечка, / гулька (разг.), соловейчик, соколик, попугайчик, воробышек / воробейчик / воробьишка, скворушка;

мышка, крыска, зайчик / зайчишка / зайка / зайнька, бурундучок, белочка;

кабанчик, поросёночек, конёк / коник, лошадка, жеребёночек, козлик, рысачок, коровка / коровушка, бычок, овечка, барашек, олешек, слоник;

кошечка / кошурка (нар.-разг.), котик / коток (нар.-разг.);

щеночек, собачка / собачонка, пёсик, лисонька / лисичка, волчишка;

обезьянка.

Некоторым животным дано больше всего уменьшительно-ласкательных названий: 1) образованных от одного корня: *голубок / гулюшка / гуленька / гулечка, / гулька (разг.); зверёк / зверок (устар.) / зверюшка / зверушка; зайчик / зайчишка / зайка / зайнька; воробышек / воробейчик / воробьишка;* 2) образованных от разных корней: *конёк / коник, лошадка, жеребёночек; кошечка / кошурка (нар.-разг.), котик / коток (нар.-разг.); щеночек, собачка / собачонка, пёсик.*

На втором месте по числу слов группа со словообразовательным значением «субъект действия» (47). Слова этой группы могут называть:

1) людей, в силу профессии, рода деятельности или интереса связанных с уходом за животными, их изучением или косвенно связанных с животными:

а) сложные существительные: *голубевод, зверовод, кроликовод, собаковод, овцевод, оленевод, свиновод, птицевод; свинопас, коновал, коновод / коногон, конокрад, вирусолог; скотопромышленник, рыбинспектор;* б) суффиксальные образования с суффиксами -арь / -ар, -юх, -атник / -атница / -ник: *псарь, свинар, 1-овчар, конюх; кошатник, голубятник, гусятник, курятница, скотник, собачник, лошадник, рыбак / рыбацкая (к данной группе следует отнести и название овчарка с суффиксом -к-, называющее животное, сопровождающее овчара;*

2) людей, добывающих животных: а) сложные существительные: *тигролов, змеелов, зверолов, мухолов, птицелов,* б) слова с суффиксом -ак, -арь: *рыбак / рыбацкая;*

3) людей или животных, уничтожающих животных: а) сложные существительные (*бактериофаги*), б) сложные существительные

с нулевым и ненулевым суффиксом (*пчелоед, птицеед, волкодав, зверобой, свинойбой, скотобоец*);

4) людей, сидящих на коне (*конный* – субстантивация, *конник* – суффиксация);

5) людей или животных, имеющих в своём организме бактерии или вирусы (сложные существительные: *бактерионоситель, вирусоноситель*).

На третьем месте по числу слов находится группа слов со значением

места (37): 1) «место содержания или жизни животных» (34):

а) существительные, образованные с помощью суффикса -ник, -атник / -ятник / -арник, -(н)я / -(арн)я / -(юшн)я, -арий, -ец / -инец (22):

поросятник, курятник, телятник, утятник, лисятник, волчатник, косятник, индюшатник, соболятник – возможно, исторически эти слова

образовывались от названия детёнышей животных во множественном

числе с помощью суффикса -ник: *поросята, уята, индюшата*, а позже

они стали восприниматься как образованные по аналогии с указанным

рядом слов от формы единственного числа с помощью суффикса -атник /

-ятник: *лось – лосятник, курица – курятник*, тем более что существуют

образования от таких же основ с помощью суффикса -ник: *коровник,*

птичник, обезьянник, пчельник. Скворечня, псарня, конюшня, голубятня,

пчельня могут быть образованы от названия животного либо

устаревающих названий профессии; *фазанарий, дельфинарий* образуются

с помощью -арий; *зверинец* – с помощью -инец или -ец; б) сложные

существительные, называющие учреждения, связанные с содержанием

и переработкой животных: *змеетомник, рыбопитомник, рыбозавод,*

рыбокомбинат, птицефабрика, птицеферма, птицекомбинат,

птицекомплекс, свинокомплекс, овцеферма, пчелоферма, скотобойня (12);

2) «место, где имеется много таких животных» (3): они образованы

с помощью суффикса -овник, -ник /-атник: *клоповник, лягушатник,*

лядоушник.

Далее следуют абстрактные существительные (31), называющие:

1) разделы наук по разведению отдельных видов животных и уходу за

ними, (16) – все они образованы сложением основ с суффиксацией:

птицеводство, пчеловодство, осетроводство, овцеводство, свиноводство,

скотоводство, собаководство, форелеводство, козоводство,

соболеводство, утководство, коневодство; рыбоведение, собаководение,

микробиология; название болезни: бактериоз;

2) названия абстрактных действий, осуществляемых над

животными (10):

а) образованные суффиксальным способом, с помощью суффикса

(ик)а: *рыбалка*; б) сложно-суффиксальным способом: *рыболовство,*

свинооткорм, рыбоохрана, рыбообработка, рыбнадзор, рыболокация;

скотокрадство, клопомор, фагопрофилактика, бактериофобия;

3) названия действий, осуществляемых с помощью животных (3) –

они образованы сложением основ: *фаготерапия, пчелотерапия,*

пчелолечение;

4) абстрактные названия действий с переносным значением, образованные с помощью суффикса -ство от глаголов со значением «действовать как животное» (3): *попугайство, хищничество, обезьянство*;

5) абстрактное название свойства, образованное сложением основ (1): *скотоподобие*.

Названия мяса или шкур животных, используемых человеком, образованы суффиксальным способом от названий самих животных (28): 1) с помощью суффикса -(атин)а / -(ятин)а: *утятина, курятина, гусятинa, индюшатина, голубятина; крольчатина, зайчатина; лосятинa, жеребятина, телятина, козлятина, поросятинa, медвежатинa*; 2) с помощью суффикса -(ин)а: *баранина, кабелина, конина, оленина, свирина; собачина, псина; осетрина, севрюжина, фазанина, тюленина; овчина*; 3) с помощью суффикса -(овин)а: *сомовина*; 4) с помощью суффикса -(ачин)а: *бычачина*; 4) с помощью суффиксов -ок-: *жеребок – «шкурка жеребца»*.

Группа увеличительных названий животных (10) делится на образованные с помощью суффикса -ищ-: *рыбища, собачища, котище, волчище, бычище*; и с помощью суффикса -ин-: *зверина, сомина, лосина, бычина, псина*.

Слова со значением «орудие действия, осуществляемого над животными» (8), включает: 1) сложно-суффиксальные образования: *мышеловка, рыбоподъёмник, рыбонасос, мухобойка, мухоловка, скотовоз*; 2) суффиксации с помощью суффиксов -(ниц)а / -(ятниц)а: *селёдочница, гусятница*.

К словообразовательным производным со значением пренебрежительности / уничижительности (7) относятся существительные с суффиксами -онк- (ёнк-), -ишк-, -яр-, -яг-, -юг-: *рыбчонка, коровёнка, лошадёнка, пескариска, котяра (разг.), коняга, зверюга*.

Слова со значением «похожий на кого-либо, что-либо» (7) могут быть образованы: 1) сложением основ (*овцебык, птицевзвери, птицемлечник / птиценожка – «растения»*); 2) суффиксальными способами (*воронка – «предмет, похожий по цвету на ворона»; баранка – «руль, напоминающий рог барана», свинуха – «гриб»*); 3) путём наложения основ (*стрекозёл – «о легкомысленном мужчине», возможно, происходит от стрекотать, козёл по аналогии с исторической моделью слова стрекоза*).

Слова с идентифицирующим значением (6) включают слова, означающие:

1) «являющийся тем, что названо первой производящей основой», обычно такие слова образованы сложением основ (*свиноматка, овцематка, скотосырьё, пчелосемья*);

2) название одного представителя группы животных (*рыбина*) образовано с помощью суффикса -ин-;

3) «являющийся собирательным названием по отношению к одному представителю этой группы»: *вороньё*.

Следующая группа значений – метафорические (5), используемые по отношению:

1) к человеку путём его сравнения с животными: *свинёнок* (разг.-сниж.) – «о ребёнке-неряхе», *свинтус* (шутл.) – «о человеке», *рыбонька* – «обращение к женщине»;

2) к жилищу человека: *свиношник*;

3) к абстрактным наименованиям: *свинство*.

Словом, имеющим больше всего словообразовательных производных метафорического характера, является *свинья*.

Народно-поэтические словообразовательные значения (3) выражаются в словах, образованные с помощью суффиксов -ушк-, -к-, -иц-: *соловушка, соловейко, рыбаца*.

Таким образом, среди имён существительных (262 слова) преобладают уменьшительно-ласкательные наименования (73), слова со словообразовательными значениями «субъект действия» (47) и «место» (37). Больше всего среди имён существительных суффиксальных названий (171), за ними следуют сложно-суффиксальные номинации (61) и сложение основ (25 слов). Встретилось также 5 семантических производных, один субстантиват и слово, образованное телескопическим способом. Суффиксация чаще всего участвует в образовании уменьшительно-ласкательных слов, сложение с суффиксацией – в образовании наименований людей, в силу профессии, рода деятельности или интереса, связанных с уходом за животными, их изучением, и в назывании разделов наук по разведению отдельных видов животных и уходу за ними. Сложение слов чаще всего участвует в образовании названий учреждений, связанных с содержанием и обработкой животных.

Далее классифицируем зоосемические словообразовательные значения имён прилагательных. Всего исследовано 120 слов. Чаще всего встречаются словообразовательные производные с притяжательно-относительно-качественным значением либо только относительным (95 слов). Качественное значение вторично для отанимальных адъективов. Общей гипотетической логической последовательностью возникновения таких значений является следующая: притяжательное (эти значения появлялись обычно первыми в истории языка в связи с актуальностью для человека ПОСЕССИВНОГО фрейма и его слота ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, обусловленных доминирующим видом деятельности человека – охотой) → относительное (появлялось позже в связи с потребностью людей обозначать новые направления деятельности по отношению к животным: слоты МАТЕРИАЛ – ИЗДЕЛИЕ, ОБЪЕКТ ПРОИЗВОДСТВА – НАИМЕНОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА и т.д.) → качественное (переносные антропоморфные названия). Сравните: *петушиный хвост, петушиный суп* → *петушиный нрав*. Разграничение притяжательных, относительных и качественных значений отанимальных прилагательных не всегда возможно в силу ситуативной семантики притяжательно-относительных адъективов, неупорядоченной сочетаемости имён

прилагательных с существительными, в силу различной степени перехода притяжательно-относительных значений в качественные. Было бы логичным предположить, что рассматриваемые слова являются вариантами, если они имеют различные суффиксы и употребляются в сходных контекстах, и не являются таковыми, если у данных слов различная сочетаемость: *тигриный след*, *походка* – *тигровый глаз*, *шкура*, *одеяло*. В сочетании с существительными *след*, *походка*, *глаз*, *шкура* взаимная замена прилагательных *тигриный* – *тигровый* возможна, в случае же со словами *след* – *одеяло* нет. Следовательно, рассматриваемые прилагательные не являются абсолютными вариантами, также как и не могут быть названы разными словами. Такая ситуация характерна для большинства притяжательно-относительно-качественных адеквативов.

Часто можно наблюдать семантическую «специализацию» определённого суффикса, участвующего в образовании притяжательно-относительно-качественного прилагательного. Рассмотрим возможные варианты распределения притяжательно-относительно-качественных значений между прилагательными с разными суффиксами. Прежде всего отметим, что притяжательно-относительно-качественные прилагательные могут участвовать в образовании:

1) четырёх однокоренных названий (1 пример): *драконовские меры* / *законы* / *дисциплина* – *драконий* – *драконовый* – *драконово логово*;

2) трёх однокоренных названий (12 групп слов) (*попугайчий* – *попугайный* – *попугайский*, *кротиный* – *котовый* – *котовый*, *скотный* – *скотский* – *скотиний*, *бычачий* – *бычий* – *бычиный*, *скворцовый* – *скворечный* – *скворечий*, *сурковый* – *сурочий* – *сурчиный*, *лягушиный* – *лягушечий* – *лягушачий*, *индюшиный* – *индюшечий* – *индюшачий*, *медвежий* – *медвежачий* – *медвежесватый*, *мыший* – *мышиный* – *мышастый*, *звериный* – *зверовой* – *зверский*);

3) двух однокоренных номенов (27 пар слов) (*петушиный* – *петуший*, *беличий* – *белкин*, *форелевый* – *форельный*, *пёсий* – *псовый*, *рысачий* – *рысистый*, *рыбий* – *рыбный*, *черепаший* – *черепаховый*, *лосёвый* – *лосиный*, *куриный* – *курицын*, *соболий* – *соболиный*, *соколий* – *соколиный*, *крысий* – *крысиный*, *тигриный* – *тигровый*, *стрекозий* – *стрекозиный*, *раковый* – *рачий*, *индюшачий* – *индюшечий*, *свиной* – *свинячий*, *лисий* – *лисиный*, *клоповый* – *клопиный*, *карасёвый* – *карасиный*, *тюлений* – *тюленевый*, *бурундуковый* – *бурундучный*, *дельфиновый* – *дельфиний*, *медвежий* – *медвежачий* (разг.), *глистный* – *глистовый*, *олeneвый* – *олений*, *гусятый* – *гусячий*);

4) одного слова (41 пример простых слов и 14 сложных – всего 55): а) простые (*фазаний*, *кабаний*, *коровий*, *волчий*, *заячий*, *обезьяний*, *пескарий*, *вороний*, *бараний*, *птичий*, *собачий*, *гадючий*, *овечий*, *паучий*, *кроличий*, *севрюжин*; *кошачий*, *щенячий*, *телячий*, *пороссячий*, *жеребьячий*; *воробьиный*, *муравьиный*, *козлийный*; *утиный*, *куриный*, *змеиный*; *голубиный*, *лошадиный*; *блошинный*, *мушинный*; *сомовый*, *кроликовый*,

фаговый, осетровый, слоновый, воронов; селёдочный, вирусный; конский, хищнический); б) сложные слова (рыбоперерабатывающий, рыбокопильный, рыболовецкий, рыболовный, рыбоморозильный, скотозаготовительный, скотооткормочный, скотоотгонный, скотопригонный, скотоприёмный, птицеперерабатывающий, птицеоткормочный, тюленебойный; свиноварный). Сложные слова имеют только относительные значения. Некоторые случаи требуют особых комментариев. Не все прилагательные группы *индюшиный* – *индюшечий* – *индюшачий* могут рассматриваться как варианты, так как первое слово образовано от существительного *индюк*, а два других – от слова *индюшка*. В группе слов *драконовский* – *драконий* – *драконовый* – *драконов* первое произведено от имени древнегреческого законодателя *Драконта*, а другие – от существительного *дракон*. В группе слов *скотиний* – *скотный* – *скотский* первое слово образовано от слова *скотина*, другие – от слова *скот*. Тем не менее в семантическом анализе мы будем рассматривать все описанные слова, так как для их понимания не всегда актуален этимологический признак, и поэтому следует указывать на их различия в семантике и сочетаемости.

Среди четырёх однокоренных притяжательно-относительно-качественных адъективов *драконовские меры / законы / дисциплина* – *драконий* – *драконовый* – *драконово логово* имеется три притяжательных (П) и одно качественное (К) значение.

Среди трёх однокоренных притяжательно-относительно-качественных прилагательных (12) (они даются нами с примерами употребления из БТС) возможны следующие типы соотношения семантических разрядов с суффиксами прилагательных:

1) единый семантический разряд притяжательных адъективов – три различных суффикса (3):

П – П – П (*скворцовое пение* – *скворечный домик* – *скворечий* (разг.); *сурковая нора / шкурки* – *сурочья тушка / свист* – *сурчинный жир / колония, индюшиный* – *индюшечий* – *индюшачий*);

2) два семантических разряда прилагательных – три суффикса (5):

П – П – О (*бурундуковый мех* – *бурундучья нора / запасы* – *бурундучный воротник*);

П – ПО – П (*кротиная нора / следы* – *кrotовый шкурка / мех / норка* (П) – *шубка / воротник* (О) – *кrotовья нора*);

П – ПК – ПК (*лягушиное кваканье* – *лягушечьи лапки / кваканье* (П) / *рот / глаза / цвет* (К) – *лягушачий*);

П – ПК – К (*мышья нора* (П) – *мышиный писк* (П) / *лицо / ткань* (К) – *мышастая лошадь* (П));

ПК – ПК – К (*бычья туша / рога* (П) / *шея / здоровье / упрямство* (К) – *бычачья туша* (П) / *затылок* (К) – *бычиный взгляд* (К));

3) три семантических разряда прилагательных – три суффикса (4):

П – О – К (*скотиний рёв* – *скотный двор* – *скотский образ жизни / поведение* (разг.));

ПО – К – К (попугайчий клюв (П) / клетка (О) – попугайный – попугайская расцветка / память);

ПОК – ПОК – К (медвежий след / лапа (П) / шуба (О) / уши / походка (К) – медвежачий (разг.) – медвежесватая фигура (разг.));

ПК – О – К (звериный вой / тропа / чутьё / следы (П) / нрав / закон / эгоизм / тоска (К) – зверовая собака / избушка (нар.-разг.) (О) – зверское лицо (П));

Среди двух однокоренных притяжательно-относительно-качественных аффиктивов возможны следующие типы соотношения семантических разрядов с суффиксами прилагательных:

1) один семантический разряд – два разных суффикса (4):

П – П (нёсий лай / лапа / морда – псовый; лосёвая шкура – лосиные рога / мясо; клоповый – клопный);

О – О (форелевый пруд / хозяйство – форельная уха);

2) два семантических разряда – два суффикса (6):

П – ПО (беличье дупло – белкино гнездо / шёрстка / шубка / мех; карасиные плавники (П) – караёвая икра (П) / уха (О));

ПО – ПО (тюлений жир / мясо / шкура (П) / промысел / сапоги (О) – тюленевая кожа (П) / куртка (О); глистный – глистовые яйца (П) / заболевания (О); оленевая шкура (П) / упряжь (О) – оленье рога (П) / пимы / стадо / мох (О));

П – К (дельфиновый язык – дельфинья стая);

3) три семантических разряда – два суффикса (13):

ПО – ОК (соболья нора / мех (П) / шапка (О) – соболиный след / заповедник / шнурки (О) / соболиные брови – тёмные, густые; нар.-поэт.);

П – ОК (рысачий бег / стать (П) – рысистая лошадь (К) / бега / скачки (О); соколиный полёт / очи (П) – соколиная охота (П) / взгляд / очи (К));

П – ПОК (крысий хвостик / мордочка (П) – крысиная нора / хвост (П) – крысиный яд (О) – крысиное личико (К));

П – ПК (раковая шейка (брюшко) – рачья икра (П) / рачьи глаза (разг.) – (выпуклые) (К); стрекозьи крылья (П) – стрекозиный стрёкот (П) / талия, внешность / глаза (К));

ПК – ПО (черепаший панцирь / голова (П) / темп / ход (К) – черепаховый панцирь / скорлупа (П) / гребень / штильки (О));

ПОК – ПОК (лисий след / нора / мордочка (П) / шуба (О) / походка / глаза / притворство (К) – лисиный; свиное сало / щетина (П) / корм / хлев / тушёнка (О) / глазки (К) – свинячий (разг.-сниж.); гусиное яйцо (П) / пахнет (О) / походка / шея / кожа (К) – гусячий (разг.));

ПОК – ПК (петушиное перо (П) / бой (О) / характер / задор (К) – петуший хвост / гребень / крик (П) – срыв в юношеском басы (К));

ПК – ПК (тигриный след / хвост (П) / черты характера / повадка / походка (К) – тигровая шкура (П) / расцветка / одеяло (К));

ПК – ОК (*рыбий хвост / чешуя / мех* (шутл. о холодном пальто) / *жир* (И) / *кровь / глаза* (К) – *рыбный запах / садок / промышленность / хозяйство / котлеты / пироги* (О) / *место / руки* (К)).

Сделаем некоторые выводы. Среди притяжательно-относительно-качественных прилагательных доминируют одновариантные (55 слов из 95). За ними следуют двухвариантные (27 слов), трёхвариантные (12) и четырёхвариантное слово. У двухвариантных прилагательных доминирует такое соотношение между количеством семантических разрядов (СР) прилагательных и их словообразовательными суффиксами, как 3 СР – 2 суффикса (12 групп слов); за ними следует 2 СР – 2 суффикса (6) и 2 СР – 2 суффикса (4). Для трёхвариантных прилагательных характерно примерное равновесие типов количественного соотношения семантических разрядов и суффиксов. В целом наблюдается равновесие и между количеством притяжательных – относительных и качественных значений.

Возникновение вариантов притяжательно-относительно-качественных прилагательных, возможно, было обусловлено стремлением разделить притяжательные и относительные значения (*черепаший панцирь, черепаховый суп*), наличием вариантных суффиксов, вариантных производящих основ и моделей производности, различием стилистической окраски некоторых суффиксов, осложнённой образованием прилагательного процессами перехода относительных и притяжательных значений в качественные.

Притяжательно-относительно-качественные и только относительные прилагательные (95 слов) могут образовываться:

а) с помощью суффикса *-ий* (53 слова):

а1) с помощью суффикса *-ий* и чередования последнего согласного корня производящей основы: *бычий, птичий, волчий, заячий, собачий, ладючий, овечий, паучий, кроличий, севрюжий, скворечий, сурочий, петуший, рысачий, черепаший, рачий, медвежий* (17);

а2) с помощью данного суффикса и чередования твёрдой согласной производящей основы / мягкой согласной производной основы: *фазаний, кабаньих, коровьих, обезьяньих, вороньих, бараний, драконьих, скотиньих, пёсий, рыбьих, соколий, крысий, стрекозьих, лисий, дельфиньих* (15);

а3) только с помощью данного суффикса: *пескарий, соболий, тюлений, олений, мыший* (5);

а4) с помощью суффикса: *-ачий / -ячий* с усечением производящей основы либо от основы названия детёнышей в форме множественного числа с чередованием последнего согласного корня производящей основы: *щенячий, телячий, поросёный, жеребёный, гусячий* (5);

а5) с помощью суффикса: *-ачий / -ячий* с усечением производящей основы: *лягушачий, свиначий, кошачий, индюшачий* (4);

а6) с помощью суффикса: *-ачий* и чередования конечного согласного производящей основы: *бычачий, медвежачий* (разг.) (2);

а7) с помощью суффикса -ечий- с усечением производящей основы: *лягушечий, индюшечий* (2);

а8) с помощью суффикса -ий и усечением производящей основы: *соловий* (1);

а9) с помощью суффикса -ий, чередования последнего согласного корня производящей основы и приращения звука -и- к производящей основе: *беличий* (1);

а10) с помощью суффикса -ичий- с усечением производящей основы: *попугаичий* (1);

б) с помощью суффикса -ин / -ын (30 слов):

б1) не осложнённые никакими морфонологическими явлениями: *голубиный, лошадиный, гусиный, лосиный, звериный, соболиный, карасиный, мышинный, курицын* (9);

б2) осложнённые чередованием твёрдой согласной производящей основы / мягкой согласной производной основы: *кротиный, соколиный, крысиный, тигриный, стрекозиный, лисиный, клопиный, белкин* (8);

б3) осложнённые чередованием беглой гласной -е- / -ё- производящей основы с нулём звука производной основы: *воробьиный, муравьиный, соловьиный, козлийный*(4);

б4) осложнённые чередованием последнего согласного производящей основы: *блшинный, мушинный, бычий, петушинный* (4);

б5) осложнённые усечением производящей основы: *утиный, куриный, змеиный, лягушинный* (4);

б6) осложнённые чередованием беглой гласной -о- производящей основы с нулём звука производной основы и чередованием последнего согласного производящей основы: *сурчиный* (1);

в) с помощью суффикса -ов- / -ев- / -ёв- (26 слов):

в1) не осложнённые никакими морфонологическими явлениями: *сомовый, кроликовый, фаговый, осетровый, слоновый, кротовый, драконовый, черепаховый, дельфиновый, тигровый, раковый, клоповый, бурундуковый, глистовый, форелевый, тюленевый, оленевый, лосёвый, карасёвый, драконов, воронов* (21);

в2) осложнённые чередованием беглой гласной -о- / -е- / -ё- производящей основы с нулём звука производной основы: *скворцовый, сурковый, псовый* (3);

в3) осложнённые чередованием твёрдой согласной производящей основы / мягкой согласной производной основы: *кротовый* (1);

в4) осложнённые чередованием мягкой согласной производящей основы / твёрдой согласной производной основы: *зверовой* (1);

г) с помощью суффикса -н- (9 слов):

г1) не осложнённые никакими морфонологическими явлениями: *вирусный, попугаиный, скотный, форельный, рыбный* (5);

г2) осложнённые чередованием последнего согласного производящей основы: *селёдочный, скворечный, бурундучный, глистный* (4);

д) сложением основ с суффиксацией (суффикс -н-) (9 слов): *рыбокопильный, рыболовный, рыбоморозильный, скотозаготовительный, скотоотгонный, скотопригонный, скотоприёмный, тюленебойный, свиноварный;*

е) с помощью суффикса -ск / -еск (4): *конский, попугайский, скотский, хищнический;*

ж) сложением основ (2): *рыбоперерабатывающий, птицеперерабатывающий;*

з) сложением основ с суффиксацией (суффикс -очн-) (2 слова): *скотооткормочный, птицеоткормочный;*

и) с помощью суффикса -ист- (1 слово): *рысистый;*

к) с помощью нулевого суффикса с усечением производящей основы (1 слово): *свиной.*

Таким образом, наиболее распространённым способом образования притяжательно-относительно-качественных и чисто относительных значений прилагательных является суффиксальный (с помощью суффикса -ий и его вариантов) – 53 слова. Среди слов, созданных данным способом, преобладают образования с помощью суффикса -ий и чередования последнего согласного корня производящей основы (17 слов) и образования с помощью данного суффикса и чередования твёрдой согласной производящей основы / мягкой согласной производной основы (15 слов). На втором месте находятся зоосемизмы, образованные с помощью суффикса -ин / -ын (30 слов). Среди них доминируют не осложнённые никакими морфонологическими явлениями (9 примеров) и осложнённые чередованием твёрдой согласной производящей основы / мягкой согласной производной основы (8 слов). На третьем месте – образования с помощью суффикса -ов- / -ев- / -ёв- (26 слов), среди которых преобладают образования, не осложнённые никакими морфонологическими явлениями (26 слов).

Способами образования прилагательных только с относительным значением (14) являются: 1) сложение основ: *рыбоперерабатывающий, птицеперерабатывающий* (2); 2) сложение основ с суффиксацией (суффикс -н-): *рыбокопильный, рыболовный, рыбоморозильный, скотозаготовительный, скотоотгонный, скотопригонный, скотоприёмный, тюленебойный, свиноварный* (10); 3) сложение основ с суффиксацией (суффикс -очн-): *скотооткормочный, птицеоткормочный* (2). Это сложно-суффиксальные слова, образованные от названия животного и наименования действия, совершаемого над этим животным (13): *рыбоперерабатывающий, рыбокопильный, рыболовецкий, рыболовный, рыбоморозильный, скотозаготовительный, скотооткормочный, скотоотгонный, скотопригонный, скотоприёмный, птицеперерабатывающий, птицеоткормочный, тюленебойный;* а также образованные от названия животного и наименования другого понятия: *свиноварный* (1).

Вторым словообразовательным значением зоосемических имён прилагательных является «похожий на какое-либо животное» либо «имеющий части тела, напоминающие части тела какого-либо животного» (20 слов). Значение сходства может передаваться словообразовательными комплексами *-подобный* (8 примеров), *-образный* (7 слов), *-видный* (2), суффиксами *-ист-* и *-еват-* (по 1 слову), а также корнем, именующим часть тела (*козлоногий*), и нулевым суффиксом. Соответственно способами образования таких слов являются: сложение с суффиксацией либо суффиксоидный способ словообразования (*мышеобразный, слонообразный, змеобразный, червеобразный, зверообразный, свинообразный, птицеобразный; мышевидный, змеевидный; козлоногий* – всего 10 слов), сложение (*змееподобный, птицеподобный, слоноподобный, скотоподобный, вирусоподобный, обезьяноподобный, звероподобный, свиноподобный* – всего 8 слов), суффиксация (*змеистый, медвежеватый* (разг.) – 2 слова). Как видно из примеров, среди данных слов также много вариантных: *змеобразный, змеевидный, змеистый*.

Третьим по распространённости значением зоосемических прилагательных является «имеющий в себе какое-либо число животных»: *блосливый, червивый, пароконный* (3 слова). Их способы образования – суффиксация (суффикс *-лив-*) и сложение с суффиксацией.

Зоосемическим прилагательным свойственно и значение «выражающий действие над объектом-животным»: *глистогонный, бактерицидный* (2 слова). Способ образования таких слов сложно-суффиксальный.

Подведём общие итоги анализа отанимальных словообразовательных производных, являющихся именами прилагательными. Именам прилагательным (120 слов) в большей степени свойственны притяжательно-относительно-качественные значения (95 слов), за ними с большим «отрывом» следует значение «похожий на какое-либо животное» либо «имеющий части тела, напоминающие части тела какого-либо животного» (20 слов). Среди притяжательно-относительно-качественных прилагательных доминируют одновариантные (55 слов), далее следуют двухвариантные (27 слов), трёхвариантные (12) и четырёхвариантное слово. Наиболее распространённым способом образования притяжательно-относительно-качественных значений прилагательных является суффиксальный (с помощью суффикса *-ий* и его вариантов) – 53 слова. На втором месте находятся зоосемизмы, образованные с помощью суффикса *-ин / -ын* (30 слов). На третьем месте – образования с помощью суффикса *-ов- / -ев- / -ёв-* (26 слов). Что касается способов словообразования прилагательных, то среди них явное преимущество у суффиксального способа (106 слов) по сравнению со сложением и сложением с суффиксацией (14 слов).

Перейдём к рассмотрению отанимальных словообразовательных производных – глаголов (17 слов).

Первую группу составляют глаголы со значением метафорического действия субъекта «вести себя как какое-либо животное» (10 слов): а) относящегося к одушевлённому субъекту (человеку) (9) – *попугайничать, бычиться, обезьянничать, звереть, собачиться, хищничать, петушиться, проворонить, присобачить*; б) относящегося к неодушевлённому субъекту (дороге, струйках пота и т.д.) (1): *змеиться*. Пять из рассматриваемых глаголов образованы с помощью суффикса *-и-* и чередования или усечения последнего согласного производящей основы: *бык* → *бычиться*, *петух* → *петушиться*, *собака* → *собачиться*, *змея* → *змеиться*. Три глагола образовались с помощью суффикса *-нича-*, иногда с осложнением наложением морфа: *попугай* → *попугайничать*, *обезьяна* → *обезьянничать*, *хищник* → *хищничать*. Два глагола образованы с помощью приставок *про-* или *при-* и суффикса *-и-* с чередованием: *ворона* → *проворонить*, *собака* → *присобачить*. Один глагол образован с помощью суффикса *-е-*: *зверь* → *звереть*.

Следующим по распространённости значением отанимальных глаголов является значение метафорического действия человека над объектом-животным «вести себя с объектом как с каким-либо животным» (3 слова): *голубить* («вести себя с объектом как с каким-либо животным»), *воронить* («делать объект похожим на какое-либо животное по цвету»), *драконить* («вызывать у кого-либо поведение, напоминающее поведение определённого животного»). Все три глагола образованы с помощью суффикса *-и-*.

Третьим словообразовательным значением отанимальных глаголов является «рождать того, кто назван производящей основой» (4 слова): *пороситься, жеребиться, телиться, котиться*. Оба слова образованы от названий детёнышей путём усечения суффикса *-ёнок* и присоединения суффикса *-и-(ть)* и постфикса *-ся*.

Глаголам свойственно и значение «охотиться на животное, названное производящей основой» (2 слова): *соболевать, рыбачить*. Данные слова образованы от названий животных с помощью суффиксов *-ева-*, *-и-*.

Таким образом, доминирующими значениями глаголов, образованных от названий животных, являются значение метафорического действия субъекта «вести себя как какое-либо животное» (10 слов) и значение метафорического действия человека над объектом-животным (3 слова). Преобладает суффиксальный способ словообразования (15), есть 2 примера приставочно-суффиксального образования. Среди средств словообразования доминирует суффикс *-и-* с чередованием конечного согласного производящей основы (4). Среди суффиксов лидирует *-и-* (12).

Рассмотрим наречия, являющиеся словообразовательными производными анимализмов (13 слов). Все они имеют значение образа действия и могут быть образованы двумя способами: 1) приставочно-суффиксальным (с помощью приставки *по-* и суффикса *-ји* или *-ому*: *попёсьи, по-обезьяньи, по-фазаньи; по-петушьи, по-паучьи; по-щенячьи, по-поросьячьи; по-петушиному, по-сурчиному, по-утиному* – всего 10 слов);

2) формой творительного падежа имени существительного, называющего животное, которая может рассматриваться как «застывшая», лексикализованная, образованная с помощью суффикса *-ой / -ом*: *петушком, гуськом, уточкой* – всего 3 слова.

Подведём общие итоги данного раздела. Согласно словообразовательным данным, к ядру СГ анимализмов следует отнести 12 слов, имеющих от 49 до 10 словообразовательных производных: *рыба* (49 слов), *свинья* (21 слово), *птица* (20), *скот* (17), *зверь* (15), *конь* (15), *собака* (13), *пчела* (11), *бык* (10), *змея* (10), *овца* (10), *пёс* (10). К ближней периферии – 27 слов с 8 – 5 производными: *голубь, мышь, поросёнок, утка* (по 8 слов), *бактерии, гусь, ёрш, курица, петух, попугай, обезьяна* (по 7 слов), *заяц, козёл, скворец* (по 6), *волк жеребёнок, клон, корова, кошка, лиса, лось, медведь, муха, олень, селёдка, соболь, стрекоза* (по 5 слов). К дальней периферии – 43 слова с 3 – 4 производными: *вирус, воробей, ворон, ворона, гадюка, гуля, дракон, ёжик, индюшка, кот, кролик, лошадь, лягушка, осётр, паук, слон, соловей, сом, сурок, тюлень, фаги, фазан, хищник, щенок* (по 4 слова), *белка, блоха, бурундук, глист, дельфин, кабан-3, крот, крыса, патоген, рак, рысак, северюга, сокол, телёнок, тигр, форель, химера, червь, черепаха* (по 3 слова). К крайней периферии – слова с 1 – 2 производными.

Что касается частотности словообразовательных значений отанимальных зоосемизмов, то их удобно определить отдельно для различных частей речи. Среди словообразовательных производных анимализмов 262 имени существительных, 120 имён прилагательных, 17 глаголов и 13 наречий. Среди имён существительных преобладают уменьшительно-ласкательные наименования (73), слова со словообразовательными значениями «субъект действия» (47) и «место» (37).

Все значения отанимальных существительных могут быть распределены между ядром и периферией. Ядро – словообразовательные производные с уменьшительно-ласкательным значением (73). Ближайшая периферия – слова со словообразовательными значениями «субъект действия» (47) и «место» (37). Дальняя периферия – а) абстрактные существительные (31), называющие: разделы наук по разведению отдельных видов животных и уходу за ними, (16); названия абстрактных действий, осуществляемых над животными (10); названия действий, осуществляемых с помощью животных (3); абстрактные названия действий с переносным значением, образованные с помощью суффикса *-ство* от глаголов со значением «действовать как животное» (3); абстрактные названия свойства образованное сложением основ (1); б) названия мяса или шкур животных, используемых человеком, образованы суффиксальным способом от названий самих животных (28). Крайняя периферия – а) группа увеличительных названий животных (10); б) слова со значением «орудие действия, осуществляемого над животными» (8); в) производные со значением пренебрежительности

уничужительности (7); г) слова со значением «похожий на кого-либо, что-либо» (7); д) слова с идентифицирующим значением (6); е) слова с метафорическими значениями (5).

Больше всего среди имён существительных суффиксальных названий (171), за ними следуют сложно-суффиксальные номинации (61).

Среди имён прилагательных преобладают притяжательно-относительно-качественные значения (95 слов), за ними с большим «отрывом» следует значение «похожий на какое-либо животное» либо «имеющий части тела, напоминающие части тела какого-либо животного» (20 слов). Среди притяжательно-относительно-качественных прилагательных доминируют одновариантные (55 слов), далее следуют двухвариантные (27 слов).

Все значения **отанимальных прилагательных** могут быть распределены между ядром и периферией. Ядро – словообразовательные производные с притяжательно-относительно-качественным значением (95). Ближайшая периферия отсутствует, так как среди словообразовательных значений имён прилагательных нет значений численностью около 30 – 40 примеров (как у имён существительных). Дальняя периферия – имена прилагательные со значением «похожий на какое-либо животное» либо «имеющий части тела, напоминающие части тела какого-либо животного» (20 слов). Крайняя периферия – прилагательные со значениями: а) «имеющий в себе какое-либо число животных» (3 слова); б) «выражающий действие над объектом-животным» (2 слова).

Наиболее распространённым способом образования притяжательно-относительно-качественных значений прилагательных является суффиксальный (с помощью суффикса -ий и его вариантов) – 53 слова. На втором месте находятся зоосемизмы, образованные с помощью суффикса -ин / -ын (30 слов). На третьем месте – образования с помощью суффикса -ов- / -ев- / -ёв- (26 слов). Что касается способов словообразования прилагательных, то среди них явное преимущество у суффиксального способа (106 слов).

Доминирующими значениями **глаголов**, образованных от названий животных (17 слов), являются значение метафорического действия субъекта «вести себя как какое-либо животное» (10 слов) и значение метафорического действия человека над объектом-животным (3 слова).

Значения отанимальных глаголов могут быть распределены между ядром и периферией. Ядро, ближайшая и дальняя периферии отсутствуют, так как среди словообразовательных значений глаголов нет значений численностью около 70 – 90, 30 – 40 и 20 примеров. Крайняя периферия – глаголы со значениями: а) метафорического действия субъекта «вести себя как какое-либо животное» (10 слов); б) метафорического действия человека над объектом-животным «вести себя с объектом как с каким-либо животным» (3 слова); в) «рождать того, кто назван производящей основой»

(2 слова); г) «охотиться на животное, названное производящей основой» (2 слова).

В образовании глаголов преобладает суффиксальный способ словообразования (15).

Наречия, являющиеся словообразовательными производными анимализмов (13 слов), имеют значение образа действия (крайняя периферия) и образованы главным образом приставочно-суффиксальным способом (10 слов).

2.1.4. Микрополя наименований одного и того же животного.

Критерии отнесения анимализмов к ядру и периферии семантической группы

Микрополя анимализмов включают мотивированные анимализмы, названия по половому и «детскому» признаку, названия животных, относящиеся к разным сферам употребления; синонимы, варианты; словообразовательные производные анимализмов. Это максимальные списки номенов животных одного вида, количество членов в которых позволит нам определить ядерную и периферийную зоны семантической группы анимализмов. Они помещены в Приложении 2 (см. с. 255)

По итогам численности слов в микрополях наименований одного и того же животного анимальная лексика распределяется между ядром и периферией таким образом:

Ядро – микрополя с количеством слов от 20 до 52 (11 слов): *собака-1* (52), *лошадь-1* (48), *животное-1* (41), *свинья-1* (37), *корова-1* (34), *рыба* (33), *курица-1* (31), *птица-1* (26), *змея-1* (24), *голубь* (22), *овца* (20).

Ближняя периферия – микрополя с количеством слов от 9 до 15 (14 слов): *утка-1* (15), *кошка-1* (13), *олень* (13), *лиса-1* (12), *заяц-1* (12), *волк* (11), *лось* (11), *пчела* (11), *гусь-1* (10), *индейка* (10), *медведь-1* (10), *мышь* (10), *коза-1* (9), *фазан* (9).

Дальняя периферия – микрополя с количеством слов от 3 до 8 (69 слов): *скворец* (8), *обезьяна* (8), *тюлень-1* (8), *барс* (7), *воробей-* (7), *кролик* (7), *муха* (7), *попугай* (7), *слон-1* (7), *соболь* (7), *сокол-1* (7), *белка-1* (6), *бурундук* (6), *ворон* (6), *кабан-1* (6), *лягушка* (6), *тигр* (6), *бактерии* (5), *ворона-* (5), *глист* (5), *гад-1* (5), *клоп* (5), *крыса* (5), *паук* (5), *соловей-1* (5), *сом-1* (5), *сурок* (5), *уж* (5), *хищник* (5), *блоха* (4), *бобр* (4), *дельфин* (4), *изюбр* (4), *крот* (4), *муравей* (4), *осёл-1* (4), *осётр* (4), *стрекоза* (4), *тетерев* (4), *форель* (4), *червь-1* (4), *щегол* (4), *черепаха* (3), *аист* (3), *барсук* (3), *буйвол* (3), *верблюд* (3), *глухарь-1* (3), *ёж-1* (3), *журавль* (3), *зубр-1* (3), *канарейка* (3), *карась* (3), *косуля* (3), *крачка* (3), *лебедь-1* (3), *лев-1* (3), *мангуст* (3), *морж-1* (3), *орёл-1* (3), *пескарь* (3), *рак* (3), *2-рысь* (3), *севрюга* (3), *селёдка* (3), *сивуч* (3), *страус* (3), *филин* (3), *хорёк* (3).

Крайняя периферия – микрополя с количеством слов от 1 до 2 (53 микрополя, представленные двумя словами, и все микрополя, представленные одним словом): *акула* (2), *архар* (2), *беркут* (2), *вепрь* (2), *водяные блохи* (2), *вошь* (2), *галка* (2), *грач* (2), *дрозд* (2), *дрофа* (2), *жираф* (2), *кедровка* (2), *кенгуру* (2), *комар* (2), *коростель* (2), *кукушка-1* (2),

лангуст (2), мул (2), нарвал (2), носорог-1 (2), опоссум (2), павлин-1 (2), пингвин (2), пищуха-2 (2), плотва (2), пчелоед (2), пума (2), сайгак (2), сарыч (2), скумбрия (2), скунс (2), слизень (2), снегирь (2), сова-1 (2), сыч (2), таракан (2), уклейка (2), улитка (2), хамса (2), хрущ (2), чеглок (2), черноголовка-2 (2), 1-чечётка (2), чибис (2), 1-чиж (2), чирок (2), шакал-1 (2), 2-шатун-2 (2), шипун-2 (2), испанская муха (2), щёголь-2 (2), щука (2), ястреб (2), ящерица (3) и все названия животных, представленные только одним словом.

2.1.5. Ядро и периферия СГ анимализмов

Для окончательного установления ядра и периферии семантического поля анимализмов следует соотнести списки ядерных и периферийных названий животных, установленные в результате исследования сексуально-детских парадигм, словообразовательных производных анимализмов, микрополей названий одного и того же животного и лингвистических факторов формирования поля.

Исследование сексуально-детских парадигм анимализмов позволило нам отнести к ядру СГ 9 слов: *пчела, курица-1, корова-1, лошадь-1, свинья-1, овца, олень, волк, собака-1*. К ближней периферии – 12 слов: *фазан, щегол, голубь, сокол-1, индейка, утка-1, осёл-1, медведь-1, тюлень-1, барс; животное-1, лось*. К дальней периферии – 30 слов: *гад-1; морж-1, сивуч; бурундук, кролик, заяц-1, бобр, барсук, ёж-1; воробей-1, страус, орёл-1, гусь-1, аист, скворец, глухарь-1; северный олень, изюбр, буйвол, зубр-1, кабан-1, верблюд, осёл-1, слон-1; тигр, лев-1; коза-1, кошка-1, лиса-1; 2-рысь*. К крайней периферии – 46 слов: *сом, акула-1, щука; змея-1, уж; соболь, хорёк, крыса, мышь, белка-1; сыч, сова-1, кукушка-1, пингвин, ястреб, журавль, филин, грач, галка, дрозд, дрофа, ворона-1; носорог-1, архар, жираф; шакал-1, кенгуру; 2-шатун-2, хищник; чирок, беркут, шипун-2, щёголь-2, 1-чиж, снегирь, соловей-1, павлин-1, тетерев; сохатый (нар.-разг.), мул, иноходец, сайгак; птица-1, рыба, змея; канарейка*.

Согласно словообразовательным данным, к ядру СП анимализмов следует отнести 12 слов: *рыба (49 слов), свинья (21 слово), птица (20), скот (17), зверь (15), конь (15), собака (13), пчела (11), бык (10), змея (10), овца (10), пёс (10)*. К ближней периферии – 27 слов: *голубь, мышь, поросёнок, утка (по 8 слов), бактерии, гусь, ёрш, курица, петух, попугай, обезьяна (по 7 слов), заяц, козёл, скворец (по 6), волк жеребёнок, клоп, корова, кошка, лиса, лось, медведь, муха, олень, селёдка, соболь, стрекоза (по 5 слов)*. К дальней периферии – 43 слова: *вирус, воробей, ворон, ворона, гадюка, гуля, дракон, ёжик, индюшка, кот, кролик, лошадь, лягушка, осётр, паук, слон, соловей, сом, сурок, тюлень, фаги, фазан, хищник, щенок (по 4 слова), белка, блоха, бурундук, глист, дельфин, кабан-3, крот, крыса, патоген, рак, рысак, северюга, сокол, телёнок, тигр, форель, химера, червь, черепаха (по 3 слова)*. К крайней периферии – слова с 1 – 2 производными.

Сопоставление данных трёх направлений исследования даёт нам следующее итоговое распределение анимализмов между ядром и периферией:

Ядро:

а) присутствуют в 3 списках (*собака-1, лошадь-1, свинья-1, корова-1, овца*);

б) присутствуют в 2 списках (*рыба, животное-1, курица-1, птица-1, змея-1, пчела*);

в) присутствуют в одном списке (*голубь, олень, волк*).

Ближняя периферия:

а) присутствуют в 3 списках (*утка-1, лось, медведь-1*);

б) присутствуют в 2 списках (*кошка-1, олень, лиса-1, заяц-1, волк, гусь-1, индейка, мышь, коза-1, фазан, голубь*);

в) присутствуют в одном списке (*пчела, щегол, сокол-1, бактерии, ёрш, попугай, обезьяна, осёл-1, тюлень-1, барс, скворец, клоп, муха, селёдка, соболь, стрекоза*).

Дальняя периферия:

а) присутствуют в 3 списках (*воробей-1, слон-1, бурундук, кролик, ёж-1*);

б) присутствуют в 2 списках (*скворец, тюлень-1, сокол-1, белка-1, ворон, лягушка, тигр, кабан-1, ворона-1, глист, гад-1, крыса, соловей, сом-1, сурок, хищник, блоха, бобр, дельфин, изюбр, крот, осёл-1, осётр, форель, червь-1, черепаха, аист, барсук, буйвол, верблюд, глухарь-1, зубр-1, лев-1, морж-1, орёл-1, рак, 2- рысь, северюга, сивуч, страус, кошка-1*);

в) присутствуют в одном списке (*обезьяна, барс, муха, попугай, соболь, кабан-3, бактерии, клоп, паук, соловей-1, уж, муравей, стрекоза, тетерев, щегол, журавль, канарейка, карась, косуля, крачка, лебедь-1, мангуст, пескарь, селёдка, филин, хорёк, заяц-1, гусь-1, северный олень, коза-1, лиса-1, вирус, гадюка, гуля, дракон, паук, фаги, фазан, патоген, химера*).

Крайняя периферия:

а) присутствуют в 3 списках;

б) присутствуют в 2 списках (*акула, беркут, дрофа, жираф, кенгуру, кукушка-1, мул, носорог-1, павлин-1, тингвин, сайгак, сова-1, сыч, 1-чиж, чирок, шакал-1, 2-штун-2, шитун-2, щёголь-2, ястреб, щука*);

в) присутствуют в одном списке (*архар, вепрь, водяные блохи, вошь, галка, грач, дрозд, кедровка, комар, коростель, лангуст, нарвал, опоссум, пищуха-2, плотва, пчелоед, пума, сарыч, скумбрия, скунс, слизень, снегирь, таракан, уклейка, улитка, хамса, хрущ, чеглок, черноголовка-2, 1-чечётка, чибис, испанская муха, ящерица, сом, уж, соболь, хорёк, крыса, мышь, белка-1, журавль, филин, грач, галка, ворона-1, соловей-1, тетерев, канарейка*), а также все слова с 1-2 словообразовательными производными.

Те анимализмы, что присутствуют только в одном списке, мы будем относить к группе слов, находящихся дальше от центра СП. Отсюда:

Ядро (11 слов): *собака-1, лошадь-1, свинья-1, корова-1, овца; рыба, животное-1, курица-1, птица-1, змея-1, пчела.*

Ближняя периферия (17 слов): *утка-1, лось, медведь-1; кошка-1, олень, лиса-1, заяц-1, волк, гусь-1, индейка, мышь, коза-1, фазан, голубь, волк.*

Дальняя периферия (62 слова): *воробей-1, слон-1, бурундук, кролик, еж-1; скворец, тюлень-1, сокол-1, белка-1, ворон, лягушка, тигр, кабан-1, ворона-1, глист, гад-1, крыса, соловей, сом-1, сурок, хищник, блоха, аист, дельфин, изюбр, крот, осёл-1, осётр, форель, червь-1, черепаха, аист, барсук, буйвол, верблюд, глухарь-1, зубр-1, лев-1, морж-1, орёл-1, рак, 2-рысь, северюга, сивуч, страус, кошка-1; пчела, щегол, сокол-1, бактерии, ерш, попугай, обезьяна, осёл-1, тюлень-1, барс, скворец, клоп, муха, селёдка, соболь, стрекоза.*

Крайняя периферия (89 слов): *акула, беркут, дрофа, жираф, кенгуру, кукушка-1, мул, носорог-1, павлин-1, пингвин, сайгак, сова-1, сыч, 1-чиж, чирок, шакал-1, 2-шатун-2, шипун-2, щёголь-2, ястреб, щука; архар, вебрь, водяные блохи, вошь, галка, грач, дрозд, кедровка, комар, коростель, лангуст, нарвал, опоссум, пищуха-2, плотва, пчелоед, пума, сарыч, скумбрия, скунс, слизень, снегирь, таракан, уклейка, улитка, хамса, хрущ, чеглок, черноголовка-2, 1-чечётка, чибис, испанская муха, ящерица, уж, хорёк, крыса, журавль, филин, грач, галка, соловей-1, тетерев, канарейка; обезьяна, барс, попугай, кабан-3, бактерии, паук, соловей-1, муравей, тетерев, щегол, журавль, канарейка, карась, косуля, крачка, лебедь-1, мангуст, пескарёк, филин, хорёк, вирус, гадюка, дракон, фаги, патоген и др.*

В соответствии с лингвистическими факторами формирования поля, к ядру СГ анимализмов относятся нейтрально-стилевые лексемы, имеющие разговорно-книжные и фонетико-словообразовательные варианты, если эти варианты не являются очень редкими, неизвестными широкому кругу носителей языка, немотивированными лексемами; а также синонимы: *лиса, лисица, корова, змея, уж, гадюка, конь, лошадь, курица, собака, пёс, свинья, кабан, сельдь, улитка, голубь, утка, индейка, бобр – бобёр, вошь, лось, червь-1, хорёк.* К ближайшей периферии СГ анимализмов относятся разговорно-книжные анимализмы, менее употребительные синонимы и варианты названий животных, анимальная лексика с общим значением и её варианты: *пичуга-1, птаха, птица, щebetунья-1, гремучка, сизарь, сизяк, букашка-1, прусак, улитка, пёс, моська-1, мопс, 2-шарик, дворняга, барбос-1, путолайка-1, шавка, щенок, чернобурка, хавронья, хрюшка, 1-чушка-1, хохлатка, хохлушка, квочка, клуша-1, наседка, кура-1, курочка-1, утя, трёхлеток, телок, телушка, яловица – яловка, кутёнок, скотина-1, животина, чудище-1, глиста, сохатый, косой, мурлыка, котофей, норушка, гуля-1, вша, коростель, чибис, пантера – леопард – барс, плотва, скумбрия, хамса, кобра, вошь, хрущ, червяк, хорь, змей-1.* К дальней периферии СГ анимализмов относятся разговорно-книжные анимализмы, не имеющие синонимов или

с редко употребительными синонимами; профессиональная лексика; анимальная лексика с конкретным значением (гипонимы) и её варианты: *носач, опарыш, чужак-1 – чужанин, холмогорка, бугай, бурёнка, каурка, саврас-1, буланка, чистокровка, копчушка, жучок-2, ящеры-2; свежъё, огнёвка-2, легаш, гончак, борзая, кутёнок, переяроч – «животные прошлогодного вывода (об овцах, волках)», умка – «белый медведь», цуцик-1, овцебык – мускусный бык, водяные блохи, снежный барс, мангуст, черепные – позвоночные, пума, кутёнок, ореховка – кедровка, скунс – вонючка, сач-3 – дровосек, хрущак, слизень – слизняк, черноголовка-2 – черноголовник, тетёра – тетёрка, уклея – уклейка.* К крайней периферии СГ анимализмов относятся диалектизмы, неизвестные широкому носителю языка профессионализмы, грубопросторечные анимализмы: *мизгирь – «паук», карамора – «длинноногий комар», жигалка – «муха с колющими щетинками на хоботке», 2-шитик – «личинка ручейника или другого насекомого, обитающего в песке на дне водоёма (используется как наживка)», ошкуй – «белый медведь», гад-1, лягва, шалава – «/ о корове, лошади», мандавоха – «лобковая вошь», чеглок – чоглок, вертун – турман, вяхирь – витючень, веретеница – медяница-1, козюля, гуран, дафнии, дергач (коростель), ирбис, фараонова мышь (африканский мангуст), тигалица-1, кугуар, сорога (плотва), макрель, нарвал – единорог-1, опоссум – двуутробка, пищуха-2 – сеноставка, сарыч – канюк, фараонова змея, анчоус, шпанка – шпанская муха, лангуст – лангуста, мангуст – мангуста, крачка – мартын – мартышка, осоед – пчелоед.*

Итоговое распределение анимализмов между ядром и периферией СГ «Фауна» должно учитывать все факторы, как экстралингвистические, так и лингвистические. Вместе с тем существуют противоречия между двумя видами факторов. Экстралингвистические факторы учитывают востребованность животного в жизни русского человека на протяжении всей истории его существования. Лингвистические же учитывают возможности анимализмов иметь широкоупотребительные либо малоупотребительные синонимы, гипонимы, гиперонимы и варианты книжного, разговорного или просторечного характера, профессионализмы, диалектизмы. Экстралингвистические факторы формирования СП «Животные» важнее при распределении анимализмов между ядром и периферией.

Итоговое распределение анимализмов между ядром и периферией СГ «Фауна», учитывающее все факторы, как экстралингвистические, так и лингвистические, имеет следующий вид:

Ядро (13): *собака-1 / пёс, лошадь-1 / конь, свинья-1, корова-1, овца, рыба, животное-1, курица-1, птица-1, змея-1, пчела.*

Ближняя периферия (42): *скотина-1, букашка-1, прусак, улитка, мышь, уж, гадюка, квочка, наседка, курочка-1, утка-1, гусь-1, индейка, фазан, голубь, кошка-1, пёс, моська-1, 2-шарик, дворняга, барбос-1, щенок, коза-1, телок, телушка, хрюшка, 1-чушка-1, лось, олень, лиса-1 / лисица,*

чернобурка, заяц-1, волк, медведь-1, кабан-1, скотина-1, сохатый, косой, пантера – леопард – барс.

Дальняя периферия (141): хищник, чужак-1 – чужанин, животина, свежесьё, перьярок – «животные прошлогоднего выводка (об овцах, волках)», черепные – позвоночные; блоха, вошь / вша, пчела, глист / глиста, червь-1/ червяк, клоп, муха, стрекоза, хрущ / хрущак, жучок-2, усач-3 / дровосек; гад-1, лягушка, черепаха, рак, улитка / улита, змей-1, зремучка, ящеры-2, ящерица, кобра; сом-1, осётр, форель, севрюга, плотва, скумбрия, хамса, ёрш, щука, карась, пескарь, селёдка, копчушка, уклея / уклейка; пичуга-1, птаха, щebetунья-1, воробей-1, скворец, сокол-1, ворон, ворона-1, соловей-1, аист, глухарь-1, орёл-1, страус, щегол, сокол-1, попугай, сизарь, сизяк, хохлатка, хохлушка, клуша-1, кура-1, утя, гуля-1, ореховка – кедровка, черноголовка-2 – черноголовник, тетерев / тетёра / тетёрка; белка-1, бурундук, кролик, ёж-1, сурок, бобр – бобёр, крот, крыса, барсук, соболь, хорёк / хорь, норушка, мангуст; тюлень-1, дельфин, морж-1, сивуч; кошка-1, мурлыка, котфей, тигр, лев-1, 2- рысь, пантера / леопард / барс, снежный барс, пума; мопс, путолайка-1, шавка, кутёнок, легаш, гончак, борзая, цуцик-1; огнёвка-2; умка – «белый медведь»; холмогорка, бугай, бурёнка, яловица – яловка, трёхлеток, каурка, саврас-1, буланка, чистокровка, хавронья, осёл-1, изюбр, буйвол, верблюд, слон-1, зубр-1, овцебык – мускусный бык; обезьяна.

Крайняя периферия (88): 2-шатун-2; водяные блохи, комар, слизень / слизняк, шпанская муха / шпанка, паук, муравей, анчоус, мандавоха – «лобковая вошь», 2-шитик – «личинка ручейника или другого насекомого, обитающего в песке на дне водоёма (используется как наживка)», мизгирь – «паук», карамора – «длинноногий комар», жигалка – «муха с колющими щетинками на хоботке», опарыш; фараонова змея, веретеница – медяница-1, гад-1, лягва, дракон; акула, лангуст, сорога (плотва), макрель; беркут, дрофа, кукушка-1, павлин-1, пингвин, сова-1, сыч, 1-чиж, чирок, шипун-2, щёголь-2, ястреб, галка, грач, дрозд, кедровка, коростель, снегирь, 1-чечётка, чибис, журавль, лебедь-1, филин, канарейка, тетерев, щегол, крачка – мартын – мартышка, сарыч – канюк, пугалица-1, дергач, чеглок – чоглок, вертун – турман, вяхирь – витютень; опоссум – двуутробка, пищуха-2, скунс – вонючка; жираф, кенгуру, мул, носорог-1, сайгак, архар, вервь, козюля, гуран, шалава – «/ о корове, лошади», косуля; шакал-1, кугуар, ирбис; ошкуй – «белый медведь»; пчелоед, осоед; нарвал – единорог-1.

2.2. Концептосфера как один из аспектов когнитивного исследования зоосемизмов в русском языке

До сих пор мы изучали анимализмы – названия животных. Однако в СП животных входит большой пласт лексики, связанной с животными, но не являющейся анимализмами (зоосемизмы). Анализ зоосемизмов позволяет исследовать внутренние связи слов внутри СП животных и понятий внутри концептосферы. Данная часть работы посвящена

именно этому. Для такого исследования используется одна из когнитивных методик анализа – фреймовый анализ, первоначально представленный в работах американских лингвистов, но позднее активно разрабатываемый российскими (Кубрякова Е.С.) и украинскими учёными (Жаботинская С.А.). Сторонники когнитивного подхода к изучению явлений языка исходят из наличия в сознании человека определённых моделей мыслеречевой деятельности различной таксономической глубины, представляющих собой концептуальные абстракции как инструмент процесса категоризации. Одной из таких моделей является фреймовая сеть, состоящая из пяти базисных фреймов (ПРЕДМЕТНОГО, АКЦИОНАЛЬНОГО, ПОСЕССИВНОГО, ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО и КОМПАРАТИВНОГО), сопровождающих любую речемыслительную деятельность человека. Фрейм определяется С.А. Жаботинской как базисное отношение человеческого сознания, представляющее собой сеть базисных концептов (слотов): ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ, ПРЕДМЕТ, РОД – ВИД, ТАКОЙ, ТАМ (МЕСТО). ТОГДА (ВРЕМЯ) и др. Слотами акционального фрейма являются ДЕЙСТВИЕ, СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, АДРЕСАТ, ИНСТРУМЕНТ, МЕСТО, ВРЕМЯ и др. Некоторые слоты могут включаться в другие фреймы: например, СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, АДРЕСАТ, ИНСТРУМЕНТ, МЕСТО, ВРЕМЯ могут формировать и предметный фрейм. Выбор фрейма зависит от взгляда на слот, от того, какая из двух возможностей более актуальна. Поверх фреймовой сети наводятся домены – слотовые соответствия, характерные для конкретной концептосферы. Например, доменами концептосферы «Одежда» являются ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ОДЕЖДЫ, НОСИТЕЛЬ ОДЕЖДЫ. Домены связаны между собой посредством акциональных фреймов. Например, ПРОИЗВОДИТЕЛЬ (АГЕНС) ДЕЛАЕТ НЕЧТО (ОБЪЕКТ) ДЛЯ НЕКТО (РЕЦИПИЕНТ). Базовый домен имеет свою фреймовую структуру: ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ может строиться из ПРЕДМЕТНОГО (*shoes*), КОМПАРАТИВНОГО (*T-shirt*) и ПОСЕССИВНОГО фреймов (*high hills shoes*). Все изложенное касается как отдельных лексем, которые представлены здесь в качестве примеров (в этом случае необходима опора на внутреннюю форму слова или словосочетания), так и лексических объединений (в этом случае необходимо определить фреймовую принадлежность слова по составляющим его значения (семам). Например, лексические значения слов *нерестилище*, *токовище*, *пастбище*, *ятовье*: «место нереста», «место, где токуют птицы», «место, где пасётся скот», «место, яма в реке, где водится красная рыба», – мы относим к АКЦИОНАЛЬНОМУ фрейму, к слоту ТАМ по наличию семы «место действия животного».

2.2.1. Фреймовый состав неядерной лексики, отражающей концептосферу животных

Анализ концептосферы «Фауна» подтверждает её фреймовую структуру. Чтобы представить внутреннее устройство концептосферы «Фауна», отражённое в расположенных ниже списках, вспомним, что

лексемы с их значениями отражают феномены внутреннего ментального пространства человека различной таксономической глубины, такие, как: 1) концепт, имеющий конкретную природу, далее не делимый (слот); 2) обобщающий концепт (концептуальная метафора), соотносимый с несколькими значениями слов и несколькими способами лексического и синтаксического выражения; 3) домен различной степени обобщённости (одно из базисных понятий концептосферы «Животные», соотносимое с большим числом значений и могущее иметь место в любой концептосфере) и 4) фрейм (одно из базисных отношений человеческого мышления). Фрейм включает домены различного уровня обобщения (от базовых, до наиболее конкретных), наиболее конкретный домен включает слот (конкретный концепт, узелок фреймовой сети), строящий фрейм. Концептуальная метафора объединяет несколько словарных значений, опирающихся на одну и ту же мыслительную схему. Перечисленные феномены не всегда находятся в иерархических отношениях. Так, обобщающий концепт может выражаться разными доменами и фреймами, а домены и фреймы – феномены разных плоскостей мышления: понятия и отношения.

Мы исследовали неядерную лексику СП «Фауна», зафиксированную в БТС (буквы Н – Я), то есть любые слова, не являющиеся названиями животных, но связанные с животными. Это довольно большой пласт лексики (около 1000 примеров). К нему относятся имена существительные (489 значений), глаголы (249 значений), имена прилагательные (136 значений), фразеологизмы, пословицы и указания на тексты сказок, включающие исследуемую лексику (104 примера), междометия (18 слов).

Неядерная лексика СП «Фауна», зафиксированная в БТС, в целях когнитивного анализа объединяется нами во фреймы. Это позволяет представить устройство концептосферы «Фауна», определить доминирующие фреймы и их наполненность лексикой разных частей речи. Рассмотрим самый крупный фрейм концептосферы «Фауна» – КОМПАРАТИВНЫЙ.

2.2.2 КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм

КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм, по С.А. Жаботинской, содержит связку *есть как*, объединяющую две роли – референт как предмет, который сравнивают, и коррелят как предмет, с которым сравнивают. Фрейм представлен компаративными схемами тождества, сходства и подобия, в которых модифицируется предикат-связка [Жаботинская 2009].

Схема тождества «НЕКТО/НЕЧТО-референт *есть* (как) НЕКТО/НЕЧТО-коррелят» соотносит сущность саму с собой. Например: *Этот диван есть (как) кровать*, то есть превращается в кровать > *диван-кровать*. *Эта царевна есть (как) лягушка*, то есть превращается в лягушку > *Царевна-лягушка*. *Эта барышня есть (как) крестьянка*, то есть превращается в крестьянку, играет роль крестьянки > *барышня-*

крестьянка (А.С.Пушкин). Ср. также *Андрей Данилко есть [как] Верка Сердючка / этот персонаж*.

Схема сходства «НЕЧТО-референт есть как НЕЧТО-коррелят» устанавливает сходные черты у сущностей, принадлежащих к одной и той же понятийной сфере: *Эта шапка есть как у Буденного > шапка, как у Буденного > буденовка* – понятийная сфера ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ.

Схема подобия «НЕКТО/НЕЧТО-референт есть как будто НЕКТО/НЕЧТО-коррелят» лежит в основе метафоры, устанавливающей сходные черты сущностей, которые относятся к разным понятийным сферам, например: *This man is as if (like) a frog > a frog-like man > a frogman* («водолаз») – понятийные сферы ЛЮДИ и ЖИВОТНЫЕ. *Этот камень есть как [будто] кошачий глаз > кошачий глаз* – понятийные сферы КАМНИ и ЖИВОТНЫЕ [Жаботинская 2009].

Обратимся к рассмотрению КОМПАРАТИВНОГО фрейма концептосферы «Фауна», имеющего самое широкое номинативное поле (358 лексико-семантических вариантов (ЛСВ)). Отношения подобия в КОМПАРАТИВНОМ фрейме могут выражаться доменами: ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (124 случая), ГЛАГОЛ (96 примеров), ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ (30 примеров) и МЕЖДОМЕТИЕ (4 примера) – выражающие их слова используются в переносном значении. Таким образом, в зоосемизмах СП «Фауна» реализуется третья разновидность КОМПАРАТИВНОГО фрейма, по С.А. Жаботинской, а именно схема подобия. Фразеологизмы (104 единицы), в которых предмет переосмысления выступают имена существительные (92), прилагательные (6), глаголы (4), междометия (2), также следует отнести к КОМПАРАТИВНОМУ фрейму. С учётом лексики, употреблённой во фразеологизмах в переносном значении, количественный состав частей речи, выражающих КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм, изменится: имена существительные (216 случаев), глаголы (100 примеров), имена прилагательные (36 примеров) и междометия (6 примеров).

Домен ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ КОМПАРАТИВНОГО фрейма включает менее абстрактный домен НЕЧТО, который в концептосфере зоосемизмов имеет более конкретное название – ПРЕДМЕТ, СЛОВЕСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ (124 примера). Такие имена существительные являются метафорическими названиями конкретных (61) или абстрактных предметов (46), метонимическими номенами конкретных (10) либо абстрактных предметов (6), а также символическим наименованием (1), производящие значения которых связаны с животными, и включают соответствующие домены. Например, значения слов *шкура-4* («грубо. О продажном корыстном человеке, думающем о личной выгоде») и *шкура -4* («грубо. // О распутной женщине») являются метонимическими названиями конкретных предметов (людей). При этом используется метонимическая модель: человек → его часть тела. МЕТАФОРЫ-НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ могут быть основаны на сходстве внешнего вида

сопоставляемых явлений (25), на сходстве формы (15), функции (9), действия (7), ощущения (2), оценки (2), ассоциации (2) – всё это тоже более конкретные домены. Например, метафорическое значение слова *сало-4* («мелкий лёд или пропитанный водой снег на водной поверхности перед ледоставом») основано на сходстве внешнего вида сопоставляемых явлений: сала и льда-снега. Внутри указанных групп метафоры делятся по сходству производящего значения, отражающего определённый домен. Например, производящие значения **МЕТАФОР-НАЗВАНИЙ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ**, основанных на сходстве внешнего вида сопоставляемых явлений (25) могут выражать домены **ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО (19)**, **ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ – ЖИВОТНЫМ (4)**, другие домены (2).

Все имена существительные, относящиеся к **КОМПАРАТИВНОМУ** фрейму, представлены в Приложении 3 (см. с. 261)

Рассмотрим общее устройство домена **ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (ПРЕДМЕТ, СЛОВЕСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ)**:

1. Домен **ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (ПРЕДМЕТ, СЛОВЕСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ) (124)**

1.1. Домен **МЕТАФОРЫ-НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ**, производящие значения которых связаны с животными (61)

1.1.1. Домен **ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ВНЕШНЕГО ВИДА СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯВЛЕНИЙ (25)**

1.1.1.1. Домен **ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО» (19)**

1.1.1.2. Домен **ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ – ЖИВОТНЫМ» (4)**

1.1.1.3. Домен **ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГИЕ ДОМЕНЫ (2)**.

Среди **МЕТАФОР-названий КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ**, производящие значения которых связаны с животными, и основанных на сходстве внешнего вида сопоставляемых явлений (пункт 1.1.1. Приложения 3), преобладают такие, для которых производящими значениями являются значения, выражающие домен **ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО**. Следовательно, указанный домен представляет собой частотный базис переосмысления слов по сходству внешнего вида. При этом производные значения таких слов чаще всего обозначают часть какого-либо конкретного неодушевлённого предмета (*хобот-3, хвост-1//, 3, 4, 5; перо-7, туша-4*) или часть тела человека (5). Реже они обозначают явления природы (4). Это позволяет сделать вывод о возможном существовании в русской концептосфере концептуальной метафоры **ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → ЧАСТЬ НЕОДУШЕВЛЁННОГО КОНКРЕТНОГО ПРЕДМЕТА**.

1.1.2. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ФОРМЫ (15)

1.1.2.1. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (10)

1.1.2.2. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ – ЖИВОТНЫМ» (4)

1.1.2.3. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГОЙ ДОМЕН (1).

Среди МЕТАФОР-НАЗВАНИЙ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ, производящие значения которых связаны с животными, и основанных на сходстве формы сопоставляемых явлений (пункт 1.1.2. Приложения 3), преобладают такие, для которых производящими значениями являются значения, выражающие домен ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО. При этом производные значения таких слов чаще всего обозначают НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ КОНКРЕТНЫЙ ПРЕДМЕТ (*хобот-2, перо-3, чешуя-1, чешуя-3, раковина-2, раковина – 3, раковина – 4, раковина – 5, рог – 3*). Это позволяет сделать вывод о возможном существовании в русской концептосфере концептуальной метафоры ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО → НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ КОНКРЕТНЫЙ ПРЕДМЕТ.

1.1.3. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ФУНКЦИИ (9)

1.1.3.1. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ – ЖИВОТНЫМ» (4)

1.1.3.2. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (4)

1.1.3.3. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГОЙ ДОМЕН (1)

1.1.4. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ДЕЙСТВИЯ (7)

1.1.4.1. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» (мифическое существо, человек, предмет, связанные с животными) (5)

1.1.4.2. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ВИД ЖИВОТНОГО» (2)

1.1.5. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ОЩУЩЕНИЯ (2).
Производящие значения таких метафор выражают домен ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО (2)

1.1.6. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ОЦЕНКИ (2)

1.1.7. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ АССОЦИИ (1)

Представленные в Приложении 3 МЕТАФОРЫ-НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ, производящие значения которых связаны с животными, и основанные на сходстве функции, действия, ощущения, оценки, ассоциации (пункты 1.1.3. – 1.1.7.), подтверждают вывод

о возможном существовании в русской концептосфере концептуальной метафоры ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО, ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ-ЖИВОТНЫМ → НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ КОНКРЕТНЫЙ ПРЕДМЕТ. Интересно отметить и появление такой концептуальной метафоры, как СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ (мифическое существо) → ЧЕЛОВЕК С ЯРКО ВЫРАЖЕННЫМИ НЕГАТИВНЫМИ ЧЕРТАМИ ХАРАКТЕРА (*сатир-2, цирцея-2, оборотень*).

1.2. Домен МЕТАФОРЫ-НАЗВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ, связанных с животными (46)

1.2.1. Домен НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ (36)

1.2.1.1. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ КОЛИЧЕСТВА, производящие значения которых выражают домен ГРУППА ЖИВОТНЫХ (8)

Из примеров пункта 1.2.1.1. Приложения 3 видно, что домен ГРУППА ЖИВОТНЫХ часто является базисом для переносного наименования слов, выражающих домен ГРУППА ЛЮДЕЙ.

1.2.1.2. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ВНЕШНЕГО ВИДА (7):

а) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (4)

б) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ» (2)

в) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ТАК (СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ)» (1): *узг* – 2. книг. О веренице транспортных средств

Домен ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО в исследуемой концептосфере является базисом переносного наименования слов, выражающих домен АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ.

1.2.1.3. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ЖИВОТНОГО И ЧЕЛОВЕКА (6):

а) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ – ЖИВОТНЫМ» (5)

б) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ» (1).

Данные примеры показывают актуальность домена ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ-ЖИВОТНЫМ в исследуемой концептосфере как базиса для переносного наименования АБСТРАКТНЫХ НЕГАТИВНО ОЦЕНИВАЕМЫХ ПОНЯТИЙ.

1.2.1.4. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ДЕЙСТВИЯ (4):

а) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (3)

б) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЦЕЛОЕ (СУЩЕСТВО МИСТИЧЕСКОГО МИРА)», ИМЕЮЩЕЕ ЧАСТИ ТЕЛА ЖИВОТНОГО (1)

Домен ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО в исследуемой концептосфере является базисом переносного наименования слов, выражающих домен АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ.

1.2.1.5. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ (4)

1.2.1.6. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ПРИЗНАКА (3)

Слова данной группы показывают, что в концептосфере «Животные» домен АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗАННЫЙ С ЖИВОТНЫМ, является базисом для переносного наименования слов, выражающих домен АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗАННЫЙ С ЧЕЛОВЕКОМ.

1.2.1.7. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ АССОЦИИ С НАЧАЛОМ ИЛИ КОНЦОМ (3).

Домен ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО в исследуемой концептосфере является базисом переносного наименования слов, выражающих домен АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ

1.2.1.8. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ОЦЕНКИ (1).

Таким образом, если говорить в целом о МЕТАФОРАХ-НАЗВАНИЯХ АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ, связанных с животными, то можно сделать следующие выводы. В данной сфере доминируют когнитивные метафоры следующих типов: 1) ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ (11 примеров), 2) ГРУППА ЖИВОТНЫХ → ГРУППА ЛЮДЕЙ (8 примеров), 3) ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ-ЖИВОТНЫМ → АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ (5 примеров).

1.2.2. Домен НАЗВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ. Данные метафоры основаны на сходстве действия (11)

1.2.2.1. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ПРИРОДНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО» (8)

1.2.2.2. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ» (3)

Среди данных примеров много таких, где домен ПРИРОДНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО (ЗВУЧАНИЕ и др.) служит базисом для переносного наименования слов, выражающих домен ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА (РЕЧЬ и др.)

1.3. Домен МЕТОНИМИИ- НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (10)

1.3.1. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (6)

1.3.2. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГИЕ ДОМЕНЫ (4)

В данной группе слов возможно выделение нескольких метонимических моделей: 1) часть → целое (*шкура-4, рыло-2, шкура -4//, череп-1//*); 2) материал → изделие (*шёлк-4, шерсть-3*); 3) содержимое → содержащее (*рог-2//, червоточина-3*); 4) орудие действия → часть тела,

возле которой оно расположено (подпруга-//; тройка-3). Следовательно, возможной концептуальной метонимией, выделенной на базе этой группы слов, является: **ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО → ЦЕЛОЕ (ЧЕЛОВЕК ИЛИ ЧАСТЬ ЕГО ТЕЛА)** (4 примера).

1.4. МЕТОНИМИИ- НАЗВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (6)

1.4.1. **ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО»** (3)

1.4.2. **ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГИЕ ДОМЕНЫ** (3)

1.5. Домен СИМВОЛ (1).

Список **МЕТОНИМИЙ-НАЗВАНИЙ АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ** свидетельствует о возможном существовании в концептосфере животных концептуальной метафоры **ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО → АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ**.

В домене **ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ КОМПАРАТИВНОГО** фрейма преобладают поддомены **МЕТАФОРЫ-названия КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (61)** и **МЕТАФОРЫ-названия АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ (46)**, производящие значения которых связаны с животными. Среди первых доминируют метафоры,

1) основанные на сходстве внешнего вида сопоставляемых явлений (25), производящие значения которых выражают домен **ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО (19)**. Производные значения таких слов чаще всего обозначают часть какого-либо конкретного неодушевлённого предмета, часть тела человека или явления природы. Следовательно, в русской концептосфере, возможно, существует концептуальная метафора **ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → название ЧАСТИ НЕОДУШЕВЛЁННОГО КОНКРЕТНОГО ПРЕДМЕТА;**

2) основанные на сходстве формы (15), производящие значения которых выражают домен **ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО (10)**. Производные значения таких слов чаще всего обозначают **НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ КОНКРЕТНЫЙ ПРЕДМЕТ (9 примеров)**. Значит, можно говорить о существовании в русской концептосфере концептуальной метафоры **ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО → название НЕОДУШЕВЛЁННОГО КОНКРЕТНОГО ПРЕДМЕТА**. В целом метафоры-названия **КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ**, производящие значения которых связаны с животными, и основанные на сходстве функции, действия, ощущения, оценки, ассоциации, подтверждают вывод о возможном существовании в русской концептосфере концептуальной метафоры **ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО, ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ-ЖИВОТНЫМ → НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ КОНКРЕТНЫЙ ПРЕДМЕТ**.

Среди **МЕТАФОР-названий АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ**, связанных с животными (46), наиболее распространены названия предметов (36). Среди последних преобладают: 1) основанные на сходстве количества,

производящие значения которых выражают домен ГРУППА ЖИВОТНЫХ (8), часто являющийся базисом для переносного наименования слов, выражающих домен ГРУППА ЛЮДЕЙ; и 2) основанные на сходстве внешнего вида (7), производящие значения которых выражают домен ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО (4), являющийся базисом переносного наименования слов, выражающих домен АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ. В целом в сфере МЕТАФОР - названий АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ, связанных с животными, доминируют когнитивные метафоры следующих типов: 1) ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ (11 примеров), 2) ГРУППА ЖИВОТНЫХ → ГРУППА ЛЮДЕЙ (8 примеров), 3) ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ-ЖИВОТНЫМ → АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ (5 примеров).

Среди МЕТОНИМИЙ-названий КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (10) преобладают такие, производящие значения которых выражают домен ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО (6). Возможной концептуальной метонимией, выделенной на базе этой группы слов, является: ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО → ЦЕЛОЕ (ЧЕЛОВЕК ИЛИ ЧАСТЬ ЕГО ТЕЛА) (4 примера). Список МЕТОНИМИЙ-названий АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ свидетельствует о возможном существовании в концептосфере животных концептуальной метонимии ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО → АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ.

2. Домен ГЛАГОЛ КОМПАРАТИВНОГО фрейма включает менее абстрактный домен ДЕЙСТВИЕ, который в концептосфере зоосемизмов называется ДЕЙСТВИЕ, ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ (96). Он может быть выражен метафорами (78); словами, значения которых образованы сужением (8); словами с метафорической производностью (6); метонимиями с первичным значением звучания (2). Например, значение слова *насвинячить* («разг.-сниж. развести грязь где-либо») характеризуется метафорической производностью, т. е. образовано от слова с метафорическим значением *свинья* («грязный, неаккуратный человек») с помощью словообразовательных средств: приставки *на-* и суффикса *-ячи-*. Внутри метафор выделяются группы глаголов в зависимости от субъекта действия, связанного с животным (животное – 63 примера, человек – 20). Внутри последних групп – в зависимости от отсутствия (59) либо наличия (4) объекта действия. Безобъектное действие может быть не связано со звучанием или движением (29) либо связано с ними (27 и 3). Если направиться вглубь указанных групп, то значения распределяются здесь в зависимости от характера производного и производящего значения. Так, например, значение слова *роиться-3* («скапливаться во множестве, беспорядочно толпиться») является метафорическим, с первичным значением действия животного, безобъектного действия, не связанного со звучанием или движением, с производным значением действия человека, семой «столько».

Рассмотрим общее устройство домена ГЛАГОЛЫ, отражающего КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм:

2. Глаголы (домен ДЕЙСТВИЕ, ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ) (96)

2.1. Домен МЕТАФОРЫ (79)

2.1.1. Домен «С ПЕРВИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО» (63)

2.1.1.1. Домен «СО ЗНАЧЕНИЕМ БЕЗОБЪЕКТНОГО ДЕЙСТВИЯ» (59):

а) Домен «НЕ СВЯЗАННОГО СО ЗВУЧАНИЕМ ИЛИ ДВИЖЕНИЕМ» (29):

а1) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА» (23):

а1') домен «С СЕМОЙ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ «ОРУДИЕ» (7)

а1'') домен «С СЕМОЙ «СТОЛЬКО» (7)

а1''') домен «СО ЗНАЧЕНИЯМИ, НЕ ОСЛОЖНЁННЫМИ ДРУГИМИ СЕМАМИ» (6)

а1''''') домен «С СЕМОЙ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ «ЧАСТЬ ТЕЛА» (3)

а2) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ» (3)

а3) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ КОНКРЕТНОГО ИЛИ АБСТРАКТНОГО ПРЕДМЕТА» (3):

б) домен ЗВУЧАНИЕ (27):

б1) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА (14):

б1') домен ВЫРАЖАЮЩИЙ ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ ОЦЕНКУ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (грубость, ворчливость, жалобы) (10)

б1'') домен ВЫРАЖАЮЩИЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ ОЦЕНКУ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (4)

б2) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ КОНКРЕТНОГО ПРЕДМЕТА» (7):

б2') домен БЫТ, ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ (5)

б2'') домен ВОЕННАЯ СФЕРА (2)

б3) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ» (2)

б4) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА» (2)

б5) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ АБСТРАКТНОГО ПРЕДМЕТА (1)

в) домен ДВИЖЕНИЕ (3)

2.1.1.2. Домен «СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЪЕКТНОГО ДЕЙСТВИЯ» (4)

2.1.2. Домен «С ПЕРВИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА» (20)

2.1.2.1. домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА» (15):

а) домен «СО ЗНАЧЕНИЕМ, НЕ ОСЛОЖНЁННЫМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СЕМАМИ» (11)

б) домен «СО ЗНАЧЕНИЕМ, ИМЕЮЩИМ СЕМУ «СТОЛЬКО» (4)

2.1.2.2. Домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ» (3):

2.1.2.3. Домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ КОНКРЕТНОГО ИЛИ АБСТРАКТНОГО ПРЕДМЕТА» (2):

2.2. Домен СЛОВА, ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ОБРАЗОВАНЫ СУЖЕНИЕМ (8)

2.2.1. Домен ВЫРАЖАЮЩИЕ ТАКТИЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (4)

2.2.2. Домен ВЫРАЖАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ-ЗВУЧАНИЯ (4)

2.3. Домен СЛОВА С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДНОСТЬЮ (5)

2.4. Домен МЕТОНИМИИ С ПЕРВИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ЗВУЧАНИЯ (2)

В домене ГЛАГОЛЫ КОМПАРАТИВНОГО ФРЕЙМА определённо лидирует поддомен МЕТАФОРЫ (78 примеров по сравнению со СЛОВАМИ, ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ОБРАЗОВАНЫ СУЖЕНИЕМ (8) и СЛОВАМИ С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДНОСТЬЮ (6)). Среди МЕТАФОР доминируют те, которые имеют первичное значение действия животного (62 по сравнению с 20, имеющими первичное значение действия человека). Среди метафор с первичной семантикой действия животного преобладают названия безобъектных действий (58 по отношению к 4 номенам объектного действия). Наименования безобъектных действий включают главным образом такие, которые не связаны со звучанием или движением (28) и связаны со звучанием (27). Почти все они имеют в качестве производных значений значения действий человека. В первой группе их 22 (с семей «орудие» (7), «столько» (7)). Во второй группе – 14 (значение действия, выражающего отрицательную оценку речевого поведения человека). Следовательно, мы можем с достаточной степенью уверенности говорить о наличии в концептосфере «Животные» концептуальной метафоры БЕЗОБЪЕКТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНЫХ, СВЯЗАННЫЕ СО ЗВУЧАНИЕМ И НЕ СВЯЗАННЫЕ С ДВИЖЕНИЕМ, → ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА.

3. Домен ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КОМПАРАТИВНОГО фрейма включает домен ТАКОЙ, а в концептосфере зоосемизмов – домен ПРИЗНАК, ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ (30). Эти домены могут быть выражены метафорами (24), метонимиями (6), расширением (1), словообразовательным сравнением (1) и символом (1). Например, слово *рогатый-3* («разг. обманутый женой») представляет собой словообразовательный символ, так как образовано от слова с символическим значением (*roga* – символ обманутого мужа) с помощью

суффикса *-ат-*. Метафоры и метонимии-прилагательные разделяются внутри по характеру метафоричности: семантической или словообразовательной. Если значение слова образовалось на основе переноса значения имени прилагательного, мы имеем дело с семантической производностью: *паучьи ножки* (тонкие и изогнутые), *цыплячья грудь* (впалая). Если же слово возникло от существительного в переносном значении путём словообразовательных операций, мы имеем дело со словообразовательной производностью: слово *шкурный-2* (*интерес*) («презрит. основанный на стремлении к личному благополучию») образовано от слова *шкура-4* («грубо. О продажном корыстном человеке, думающем о личной выгоде»). Сравните другие примеры: *табунное (чувство)*, *тупорылый (автомобиль)* («разг. имеющий гупую широкую переднюю часть (о предметах)»), *остроносые (туфли)*. Семантические метафоры классифицируются по наличию / отсутствию семы «такой, как». Прилагательные с семой «такой, как» разделяются в зависимости от характера производного значения: «характеризующий части тела человека», «относящийся к явлениям природы», «относящийся к абстрактным понятиям», «относящийся к конкретным понятиям». Прилагательные без сравнительной семы могут характеризовать человека, его тело или его части, явления природы, предмет. Например, слово *паутинный-2* («такой, как у паутины; очень тонкий, прозрачный. *Паутинная сеть речек*) относится к семантическим метафорам с семой «такой, как», с производным значением «относящийся к явлениям природы». Рассмотрим лексемы, отражающие домен ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КОМПАРАТИВНОГО фрейма:

3. Домен ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ (ТАКОЙ: ПРИЗНАК, ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ (30)

3.1. Домен МЕТАФОРЫ (24)

3.1.1. Домен СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ (20)

3.1.1.1. Домен «СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ С СЕМОЙ «ТАКОЙ, КАК» (11):

а) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА» (4)

б) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ОТНОсяЩИЙСя К яВЛЕНИЯМ ПРИРОДЫ» (3)

в) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ОТНОсяЩИЙСя К АБСТРАКТНЫМ ПОНЯТИЯМ» (3)

г) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ОТНОсяЩИЙСя К КОНКРЕТНЫМ ПОНЯТИЯМ» (1)

3.1.1.2. Домен «СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ БЕЗ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЕМЫ» (9):

а) домен ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА (4)

б) домен ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ЕГО ЧАСТИ (2)

в) домен ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПРЕДМЕТЫ ПРИРОДЫ (2)

г) домен ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПРЕДМЕТ (1)

3.1.2. Домен СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ (5). Данные прилагательные, в отличие от представленных выше, образованы от существительных с переносным значением: *шкура-4* – о продажном корыстном человеке; *табун-2* – большая группа, толпа людей (обычно неорганизованная); *рыло* – передняя часть; *нос* – передняя часть; *сало* – грязь.

3.2. Домен МЕТОНИМИИ (6)

3.2.1. Домен СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТОНИМИИ (5)

3.2.2. Домен СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТОНИМИИ (1)

3.3. Домен РАСШИРЕНИЕ (1)

3.4. Домен СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ (1)

3.5. Домен СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СИМВОЛ (1)

Среди имён прилагательных, относящихся к КОМПАРАТИВНОМУ фрейму (30), преобладает домен МЕТАФОРЫ (24). Среди них – семантические метафоры (20), в частности с семей «такой, как» (11). Анализ последней группы показывает наличие в русской концептосфере концептуальной метафоры ОТНОСЯЩИЙСЯ К ЧАСТИ ТЕЛА ЖИВОТНОГО или ЖИВОТНОМУ → ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА или ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ.

4. Домен МЕЖДОМЕТИЯ КОМПАРАТИВНОГО фрейма выражается метонимиями действия. Модель: Звукоподражание действию → само действие) (4).

Подведём итоги исследования лексических единиц, выражающих КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм концептосферы «Животные». Первое место по количеству единиц в нём занимают имена существительные (124 примера), за ними следуют глаголы (96 примеров), прилагательные (30 примеров) и междометия (4 слова). Фреймовое описание концептосферы «Животные» предполагает игнорирование частеречной принадлежности фактического материала. В связи с этим необходимо избрать иной принцип организации внутрифреймовой структуры. Фрейм, как показывает описание других фреймов, формируется на основе доменов. Внутри всех частей речи в рамках КОМПАРАТИВНОГО фрейма существует группа МЕТАФОРЫ. Это преобладающая группа (216 примеров). Помимо группы МЕТАФОРЫ, внутри КОМПАРАТИВНОГО фрейма существуют также объединения МЕТОНИМИИ (28 случаев), СИМВОЛЫ (2 примера), СУЖЕНИЯ (8 случаев), РАСШИРЕНИЯ (1 пример), СРАВНЕНИЕ (1), СИМВОЛ (1). Среди метафор подавляющее большинство – семантические (205 слов), 11 примеров – словообразовательные. Внутри группы МЕТАФОРЫ следует выделить ряд подгрупп, которые мы расположим по степени убывания количества их членов: МЕТАФОРЫ с первичным значением действия животного (62 слова), семантические МЕТАФОРЫ – названия конкретных предметов (61 слово), семантические МЕТАФОРЫ – названия абстрактных предметов (46 слов), МЕТАФОРЫ с первичным значением действия

человека (20 слов), семантические МЕТАФОРЫ со сравнительной семой «такой, как» (11 слов), семантические МЕТАФОРЫ без сравнительной семы «такой, как» (9 слов), словообразовательные метафоры – названия действий (6 слов), словообразовательные МЕТАФОРЫ – названия признаков (5 примеров). Соответственно внутри группы МЕТОНИМИИ следует выделить ряд подгрупп: семантические МЕТОНИМИИ-названия конкретных предметов (10 слов), семантические МЕТОНИМИИ-названия абстрактных предметов (6 слов), словообразовательные МЕТОНИМИИ-названия действий (6 слов), семантические МЕТОНИМИИ-названия признаков (5), МЕТОНИМИИ-междометия (4), семантические МЕТОНИМИИ-названия действий (2 слова), словообразовательная МЕТОНИМИИ-название признака (1 слово). Остальные группы внутри не делятся. Такое распределение групп КОМПАРАТИВНОГО фрейма свидетельствует об актуальности для концептосферы «Животные» прежде всего обобщённого концепта МЕТАФОРЫ, который по количественному составу выражающих его единиц во много раз превосходит другие группы; а также о высокой степени его номинативной плотности. Эту группу, как представляется, можно считать базовым доменом КОМПАРАТИВНОГО фрейма в концептосфере «Животные».

Он соединен с другими доменами следующим образом: 1) НЕКТО ДЕЙСТВУЕТ КАК НЕКТО (животное, человек по отношению к животному) (слоты АКЦИОНАЛЬНОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ПРЕДМЕТНОГО фреймов); 2) НЕЧТО ЕСТЬ КАК ЧАСТЬ ТЕЛА животного, КАК ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ над животным и др. (домены ПРЕДМЕТНОГО, ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ПОСЕССИВНОГО И АКЦИОНАЛЬНОГО фреймов); 3) НЕЧТО ЕСТЬ ТАКОЕ, КАК у животного (домены ПРЕДМЕТНОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО фреймов); 4) НЕКТО ЕСТЬ КАК НЕКТО (животное) (домены ПРЕДМЕТНОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО фреймов); 5) НЕКТО ДЕЙСТВУЕТ ТАК, КАК животное (домены АКЦИОНАЛЬНОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ПРЕДМЕТНОГО фреймов); 6) ТАКОЙ, который имеет отношение к ЧЕМУ-ЛИБО, связанному с животным (домены ПРЕДМЕТНОГО фрейма).

2.2.3. Фразеологизмы, пословицы и лексемы, именующие образы животных в сказках как репрезентанты КОМПАРАТИВНОГО фрейма

Фразеологизмы, пословицы и лексемы, именующие образы животных в сказках (25) также отнесены нами к КОМПАРАТИВНОМУ фрейму в силу их метафоричности. Они могут рассматриваться в одном ряду с группами слов одной части речи, например, с именами существительными. В этом случае, отталкиваясь от их производящего значения, мы исследуем модели появления когнитивных метафор. Фразеологизмы и пословицы являются фразами, внутри которых можно

выделить ключевые единицы, подвергшиеся переосмыслению. Если определить тип фрейма, выражаемого этими единицами, то легко установить, в составе какого фрейма можно рассматривать данный фразеологизм и в составе какого фрейма возникло переносное значение ключевой лексемы. Когнитивные модели переосмысления слов, в отличие от семантических, выступают не в одном, а в нескольких примерах употребления и выражаются не только лексемами, но фразами и смысловым наполнением образов животных в сказках. С другой стороны, ключевые слова фразеологизмов концептосферы «Животные» не выступают в первичных, производящих значениях, а будучи включены в устойчивую фразу, «вбирают» в себя в преломлённом виде новую, производную семантику фразеологизма. Рассматриваемые с этой точки зрения, ключевые слова фразеологизмов и пословиц должны быть отнесены к КОМПАРАТИВНОМУ фрейму. Концепты, выражающие КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм, формируют наиболее обобщающие домены ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (92), ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ и ПРИЧАСТИЕ (6), ГЛАГОЛ (4), МЕЖДОМЕТИЯ (2). Домен ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ выражен главным образом лексемами, производящие значения которых формируют ПОСЕССИВНЫЙ фрейм (73 слова). За ним следуют АКЦИОНАЛЬНЫЙ (19) и ПРЕДМЕТНЫЙ (1) фреймы. Среди лексем, производящие значения которых выражают ПОСЕССИВНЫЙ фрейм, преобладают относящиеся к домену ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО (54), за которым следует ЦЕЛОЕ (существо мистического мира), имеющее ЧАСТИ ТЕЛА животного (19). В АКЦИОНАЛЬНОМ фрейме превалирует домен ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ (11). Рассмотрим лексемы-существительные, которые мотивируют фразеологизмы КОМПАРАТИВНОГО фрейма.

1. Домен ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (92)

ПОСЕССИВНЫЙ фрейм (73)

ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО (54)

хвост (19) – а) уязвимое место (5): *накрутить хвост кому-либо* – «грубо выругать», *возжжа (шляя) под хвост попала* – сниж. «о капризном поведении», *насыпать соли на хвост* – сниж. «сделать кому-либо неприятность», *наступить на хвост* – сниж. «обидеть», *укоротить хвост* – сниж. «сделать кого-либо покорным»

б) инструмент обмана (3): *вертеть хвостом* – сниж. «лукавить», *влиять хвостом, вертеть хвостом* – «зайскивать»,

в) ассоциация с концом, задней частью чего-либо (3): *быть (висеть) на хвосте* – догонять, *показать хвост* – сниж. «убежать от кого-либо», *быть (плестись в хвосте)* – быть позади всех

г) ассоциация с самостью человека (3): *поджать хвост* – «стать скромнее», *держат хвост трубой (пистолетом)* – «не унывать», *задрать хвост* – «стать самоуверенным»

д) орудие управления (2): *прижать хвост кому-либо* – «ограничить свободу действий», *и в хвост и в гриву* – сниж. «изо всех сил»

е) что-либо ненужное (2): *не пришей кобыле хвост* – сниж «о ком-то ненужном», *коту под хвост* – сниж. «о напрасно израсходованном»

ж) инструмент поступления новой информации (1): *сорока на хвосте принесла* – «о новости, полученной неизвестно где»

рог (8) – а) орудие подчинения (3): *обломать кому-либо рога* – разг. «укротить, усмирить», *взять быка за рога* – разг. «смело и сразу взяться за самое главное», *скрутить в бараний рог* – «полностью подчинить себе»

б) признак драчливости (1): *бодливой корове Бог рог не даёт*

в) символ изобилия (1): *как из рога изобилия* – книж. «в очень большом количестве»

г) далёкое место (1): *у чёрта на рогах* – «разг. «очень далеко»

д) показатель обмана в супружестве (1) – *наставить рога* – шутол. «изменить мужу»

е) инструмент помощи из волшебного мира (1): в русских сказках рог обладает чудесными свойствами: герой трубит в него перед казнью или в трудной ситуации и спасается или из него появляются помощники

шкура (7) – а) уязвимое место (2): *драть шкуру* – «жестокое эксплуатировать», *шкуру спустить* – «сильно избить»

б) личное благополучие (1): *дрожать за свою шкуру*

в) жизненные обстоятельства (1): *находиться в чьей-либо шкуре*

г) личный опыт (1): *на своей шкуре узнать*

д) внешний вид (1): *волк в овечьей шкуре*

е) добыча (1): *делить шкуру неубитого медведя*

хребет (5) – а) воля человека (2): *Гляди, сломаешь себе хребет* – «предупреждение о рискованном действии», *гнуть хребет перед кем-либо* – «унижаться, заискивать»

б) личные усилия человека (1): *на чужом хребте въехать в рай* – «использовать кого-либо в своих интересах»

в) личный опыт человека (1): *узнать что-либо на своём хребте*

г) физические способности (1): *ломать хребет* – «изнурять себя тяжёлой физической нагрузкой»

рыло (4) – а) показатель внешних и внутренних данных человека (2): *рылом не вышел* – о неподходящем человеке по его данным, *кувшинное рыло* – трад.-нар. «о лице со скошенным подбородком»

б) личность (1): *воротить рыло* – «не хотеть знать»

в) объект важных для человека знаний (1): *ни уха ни рыла (не смыслит)* – шутол., «ничего не понимает»

потроха (3): а) физическая сущность, средоточие жизни (1): *выпустить потроха* – разг.-сниж. «зарезать, убить»

б) глубинные чувства (1): *до самых потрохов* – «очень сильно, глубоко»

в) цельность, полнота личности (1): *со всеми своими потрохами* – разг. «целиком, со всем, что есть»

перо (2) – а) показатель одинаковости (1): *перо в перо* – «об одинаковой по оперению птице»

б) признак взволнованности, драки (1): *пух и перья полетят* – о взерошенном, взволнованном, беспомощном виде человека, людей, участвующих в драке

шерсть (1) – чувственные ощущения (1): *гладить против шерсти* – говорить, делая неприятное

золотое руно (1) – волшебная добыча (1): в греческой мифологии золотая шкура волшебного барана, в поисках которой аргонавты отправились в Колхиду

холка (1) – уязвимое место (1): *намять холку* – «устроить нагоняй»

ширка (1) – уязвимое место (1): *взять за шкурку* – «поставить в безвыходное положение»

ухо (1) – объект важных для человека знаний (1): *ни уха ни рыла (не смыслит)* – шутил., «ничего не понимает»

1.2. ЦЕЛОЕ (существо мистического мира), имеющее ЧАСТИ ТЕЛА животного (19)

чёрт – а) воплощение силы, ловкости, смелости (7): *чёрту в дядьки годится* – «о ловком человеке», *на чьём-либо лице черти горох молотили* – «о конопатом или с оспинами человеке», *чёрту бы рога обломал (свернул)* – «о смелом человеке», *всем чертям назло* – «несмотря на , наперекор», *чёртом прыгать (скакать, пройтись)* – нар.-разг. «по-молодецки, лихо», *сам чёрт не брат кому-либо* – «всё нипочём, ничего не стоит», *всем чертям тошно станет* – «о безудержности действий»

б) воплощение зла (3): *не верить ни в бога ни в чёрта* – «ни во что», *чёртом глядеть* – нар.-разг. «зло»; *злой, как чёрт*

в) способность к выполнению трудных дел (2): *поймать чёрта за хвост* – «добиться успеха в трудном деле», *сам чёрт ногу (голову, шею) сломит* – «о беспорядке»

г) страх перед светом (3): *вертеться, как чёрт перед заутреней* – разг. «изворачиваться», *ещё черти не дерутся на кулачки (ещё чёрт в ладоши не хлопал)* – «рано»

д) показатель бессознательного поведения человека (1): *чёрт дёрнул за язык кого-либо* – «неодобрительно, напрасно сказал»

е) дальнее место (1): *послать к чёрту на кулички (на рога)* – «далеко»

ж) воплощение непредсказуемости (1): *чем чёрт не шутит* – «всё может быть»

з) грязь, чернота (1): *измазался как чёрт* – «сильно»

и) опасность (1): *послать к чёрту в зубы (в пекло)* – «в опасное место»

АКЦИОНАЛЬНЫЙ фрейм (19)

1.3. ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ (11)

удочка (4): а) орудие достижения цели (3): *закинуть удочку, попасться на удочку, поймать на удочку*

б) символ дела (1): *сматывать удочки*

седло (3) – а) орудие управления (1): *ходить под седлом* – «служить для верховой езды»

б) символ жизненного равновесия, уверенности (1): *выбить из седла* – разг. «вывести из равновесия»

в) символ меры подходящего – неподходящего (1): *идёт, как корове седло* – разг.-сниж. «о том, что не идёт кому-либо»

узды (2) – орудие управления собой и другими: *держаться в узде, взять под узды* – «укротить»

хомут (1): обуза, тяжесть: *надеть хомут себе на шею* – «обременить себя чем-либо»

1.4. ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО (4)

яйцо (3) – а) неопытность: *яйца курицу не учат*

б) полезный объект, пища: *выеденного яйца не стоит*

в) объект излишнего внимания: *носиться с чем-либо как курица с яйцом*

шёлк (1) – символ приятной бесконтрольности действий: *в долгу как в шелку* – «многим должен»

1.5. ПРОЦЕСС ДЕЙСТВИЯ (3)

убой (2) – а) смерть (1): *посылать не убой* – «на верную смерть»

б) период сытного обильного кормления (1): *кормить как на убой* – «обильно, сытно»

скачки (1) – предмет больших усилий: *Да это настоящие скачки с препятствиями* – «о том, что требует больших усилий»

1.6. РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ (1)

упряжка – символ совместных действий: *ходить в одной упряжке* – «вместе делать одно дело»

ПРЕДМЕТНЫЙ фрейм

1.7. НЕЧТО (1)

типун – что-то неприятное

Домен ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ и ПРИЧАСТИЕ (6) выражен главным образом лексемами, производящие значения которых формируют домен ТАКОЙ ПРЕДМЕТНОГО фрейма (5). Рассмотрим такие прилагательные:

2. Имена прилагательные и причастия (6)

ПРЕДМЕТНЫЙ фрейм

2.1. ТАКОЙ (5)

битый (2) – а) опытный: *За битого двух небитых дают*

б) пострадавший: *Битый небитого везёт* – «о не пострадавшем, пережитившем пострадавшего»

небитый (2) – а) неопытный

б) пережитивший

(как) **ужаленный** (1) – резко вскочивший: *вскочил как ужаленный*

ПОСЕССИВНЫЙ фрейм

2.2. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ (1)

цыплячий (1) – глупый: *цыплячи мозги* – «об ограниченном, недалёком уме».

Все глаголы, входящие во фразеологизмы и относящиеся к КОМПАРАТИВНОМУ фрейму, строят домен ДЕЙСТВИЕ АКЦИОНАЛЬНОГО фрейма. Рассмотрим их:

3. Глаголы (4)

АКЦИОНАЛЬНЫЙ фрейм

ДЕЙСТВИЕ

трещать (1) – активное действие: *есть так, что аж за ушами трещит* – «усиленно, активно»

телиться (1), **мычать** (1) – делать что-то результативно: *не мычит, не телится* – неодобр. «о том, кто медлит, тянет с делом»

укусить (1) – вызвать непредсказуемое поведение: *Какая муха тебя укусила?*

4. Междометия, мотивирующие фразеологизмы, которые строят КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм, выражают домен ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ АКЦИОНАЛЬНОГО фрейма. Рассмотрим их:

Междометия (2)

АКЦИОНАЛЬНЫЙ фрейм

ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ

тпру (1) – сигнал к действию *стоять: ни тпру ни ну*

ну (1) – сигнал к действию *трогаться*

Как видно из данного списка, соотносящего лексические значения слов разной частеречной принадлежности, обобщающие концепты, домены и фреймы, среди обобщающих концептов есть повторяющиеся, что позволяет сделать вывод о частотном (потенциальном) использовании домена ЧАСТЬ ТЕЛА И ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ в русских фразеологизмах, пословицах и сказках для отражения обобщающих концептов УЯЗВИМОЕ МЕСТО (9 значений слов *хвост, шкура, шкурка, холка*), ЛИЧНОСТЬ (ВОЛЯ) ЧЕЛОВЕКА (8 значений слов *хвост, хребет, рыло, потроха*), ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖИВОТНЫМ (5 значений слов *рог, хвост*), ИНСТРУМЕНТ ОБМАНА (3 значения слова *хвост*), КОНЕЦ (ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ ЧЕГО-ЛИБО) (3 значения слова *хвост*), ВНЕШНОСТЬ (3 значения слов *рыло, шкура*), ЛИЧНЫЙ ОПЫТ (2 значения слов *шкура, хребет*), ВОЛШЕБНАЯ ДОБЫЧА (2 значения слов *рог, золотое руно*), СРЕДОТОЧИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ (2 значения слов *хребет, потроха*).

С другой стороны, обобщающий концепт ДАЛЬНЕЕ МЕСТО может входить в домены ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ (*чёрт*) и ЧАСТЬ ТЕЛА И ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ (*рог*). Обобщающий концепт ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖИВОТНЫМ покрывается не только доменом ЧАСТЬ ТЕЛА И ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ, но и доменом ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ (*седло, уздцы*). Обобщающий концепт НЕОПЫТНЫЙ входит в домены ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО

и ТАКОЙ (*яйцо, небитый*). Наконец, обобщающий концепты ДЕЛАТЬ НЕЧТО РЕЗУЛЬТАТИВНОЕ и ДЕЛАТЬ НЕЧТО НЕРЕЗУЛЬТАТИВНОЕ включается в домены ДЕЙСТВИЕ и ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ (*телиться – ну, мычать – тпру*). Повторяемость обобщающих концептов в концептосфере животных свидетельствует о существовании в ней концептуальных метафор (частотных обобщающих концептов, встречающихся не менее 2 раз) и возможности появления среди них новых примеров. К таким примерам можно отнести следующие:

1) ЧАСТЬ ТЕЛА и ПOKPOBA ЖИВОТНЫХ → УЯЗВИМОЕ МЕСТО (9), ЛИЧНОСТЬ (ВОЛЯ) ЧЕЛОВЕКА (8), ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖИВОТНЫМ (5), ИНСТРУМЕНТ ОБМАНА (3), КОНЕЦ (ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ ЧЕГО-ЛИБО) (3), ВНЕШНОСТЬ (3), ЛИЧНЫЙ ОПЫТ (2), ВОЛШЕБНАЯ ДОБЫЧА (2), СРЕДОТОЧИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ (2), ДАЛЬНЕЕ МЕСТО (1);

2) ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО и ТАКОЙ → НЕОПЫТНЫЙ (2);

3) ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ (*чёрт*) → ДАЛЬНЕЕ МЕСТО (1),

4) ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ → ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ (2)

5, 6) ДЕЙСТВИЕ ЖИВОТНОГО и ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ → ДЕЛАНИЕ ЧЕГО-ЛИБО РЕЗУЛЬТАТИВНОГО (2) и ДЕЛАНИЕ ЧЕГО-ЛИБО НЕРЕЗУЛЬТАТИВНОГО (2)

Если обобщить фреймовую структуру части концептосферы «Животные», выраженной лексемами фразеологизмов, пословиц и сказок, то можно отметить, что доминирующим в ней является ПОСЕССИВНЫЙ фрейм (70 значений), за ним следует АКЦИОНАЛЬНЫЙ фрейм (25 значений), ПРЕДМЕТНЫЙ фрейм включает всего 6 значений. Это обусловлено большими возможностями поссесивных и акциональных отношений быть базисом для метафорических переносов в концептосфере «Животные».

2.3. Общие итоги второй главы

В данной главе подводятся итоги анализа семантического и концептуального поля зоосемической лексики русского языка в системно-структурном и когнитивном аспектах. Целью такого исследования был поиск экстралингвистических и лингвистических факторов формирования семантического поля, выявление ядра и периферии семантического и понятийного полей, описание внутреннего устройства концептосферы животных. Наше исследование содержит следующие выводы:

1. Экстралингвистические факторы, формирующие семантической группы анимализмов, включают четыре блока: 1) интуитивное представление о классификации животного мира в сознании человека (деление на классы, семейства, отряды; сходство строения животных, их местообитания и т.д.), послужившее основой наивной и научной

классификаций животных и обусловившее существование ряда наименований с широкой семантикой (гиперонимов) разной степени обобщённости типа *рыба, птица, червь, грызун*; 2) традиционная роль животных в повседневной жизни человека (отнесённость к породам / мастям, половая принадлежность или отнесённость к детёнышам, существование помесей и кастрированных, диких, экзотических или жертвенных животных; выполнение животными действий, актуальных для человека, либо выполнение человеком действий над животными; 3) наличие ископаемых животных; 4) существование фантазии в человеческом сознании.

2. Широта языкового выражения пола и «детскости» животного может рассматриваться как фактор, влияющий на отнесённость анимализма к ядру семантической группы. В русском языке возможны пять типов сексуально-детских парадигм, которые могут быть распределены между ядром и периферией СГ анимализмов. К ядру семантической группы могут быть отнесены названия животных, имеющих наиболее широкое номинативное поле, то есть большее число членов (от 3 до 18 слов: среднее число – 10). Это свидетельствует о востребованности животного в русской культуре вследствие ряда экстралингвистических (содержание животных в домашнем хозяйстве, разные роли животных в нём) и лингвистических (наличие уменьшительно-ласкательных названий; книжной, народно-разговорной, разговорно-сниженной, сниженной, традиционно-народной или книжной окраски слов) причин. К таким названиям относятся анимализмы, имеющие осложненно-дефектно-расширенные парадигмы. Это закрытая небольшая группа слов (9), называющих главным образом традиционных русских домашних животных. В ней наименование женского рода обычно является главным и именуется животное как вид, тем самым название самца в этой группе выделено, маркировано. Например: *пчела, курица-1, корова-1, лошадь-1, свинья-1, овца, олень, волк, собака-1*. К ближней периферии следует отнести анимализмы, имеющие дефектно-расширенную (10) или полную (2) парадигмы, так как по количеству слов в парадигме они занимают второе место среди анимализмов (от 3 до 6 слов; среднее число – 5) – всего 12 слов в подгруппе: *фазан, щегол, голубь, сокол-1, индейка, утка-1, осёл-1, медведь-1, тюлень-1, барс; животное-1, лось*. В данную группу входят названия главным образом диких и некоторых домашних животных, находящихся в сфере влияния человека. Парадигмы слов этой группы состоят из ключевых наименований, вариантных названий по полу и «детскости». Это открытый класс слов, пополняющийся по мере необходимости. Здесь чаще маркирован женский пол, а существенные мужского рода обозначают животных как вид. К дальней периферии мы относим анимализмы групп 1.a1), 1.г), 1.e) и 1.ж), имеющие по 3 слова в парадигме, главным образом названия самки, самца, детёныша (всего 30 слов): 1.a1) *гад-1; морж-1, сивуч; бурундук, кролик, заяц-1, бобр, барсук, ёж-1; воробей-1, страус, орёл-1, гусь-1, аист, скворец, глухарь-1; северный*

олень, изюбр, буйвол, зубр-1, кабан-1, верблюд, осёл-1, слон-1; тигр, лев-1; 1.г) коза-1, кошка-1, лиса-1; 1.ж) 2-рысь. В эту группу входят преимущественно названия диких лесных животных, в том числе героев сказок, парадигма которых состоит из ключевых наименований, названий по полу и «детскости». Это тоже открытый класс слов, в котором чаще маркирован женский пол, а существительные мужского рода обозначают животных как вид. К крайней периферии могут быть отнесены анимализмы групп 1.б), 1.в), 1.д), включающие 2 слова в парадигму (всего 46 слов): 1.б) сом, акула-1, щука; змея-1, уж; соболев, хорёк, крыса, мышь, белка-1; сыч, сова-1, кукушка-1, пингвин, ястреб, журавль, филин, грач, галка, дрозд, дрофа, ворона-1; носорог-1, архар, жираф; шакал-1, кенгуру; 1.в) 2-шатун-2, хищник; чирок, беркут, шипун-2, щёголь-2, 1-чиж, снегирь, соловей-1, павлин-1, тетерев; сохатый (нар.-разг.), мул, иноходец, сайгак; 1.д) птица-1, рыба, змея; 1.е) канарейка. Данная группа включает названия диких животных, находящихся в сфере влияния человека, парадигма которых включает ключевые названия и наименования по «детскости». Это открытый класс слов, в котором чаще (на две трети) маркирован женский пол, а существительные мужского рода обозначают животных как вид, хотя доля парадигм с маркированным мужским полом возрастает (до одной трети).

3. В результате анализа лингвистических факторов формирования поля анимализмов выяснилось, что наибольшее влияние на этот процесс оказали факторы существования мотивации слова (256), а также различных сфер коммуникации (158 слова) и их отражения в языке.

Среди 800 анимализмов словами с «прозрачной» внутренней формой являются 256 слов. Наиболее частотным мотивирующим признаком анимализмов с «прозрачной» внутренней формой являются цвет животного или его части тела (38 примеров): белоглазка-1, чернобурка, латка; его действие или действие его части тела (32 примера): горихвостка, вертун, вонючка; какой-либо признак животного или его части тела (30 слов): борзая, малёк. Другими мотивирующими признаками анимализмов являются: указание на часть тела животного (19 слов); действие животного и его объект (16 примеров); место возникновения или обитания животного, расположения его части тела (15 слов); сходство животного или его части тела с кем или с чем-либо (14); указание на мифическое существо (собственное или нарицательное) (14 слов); принадлежность животному, покрову животного или его части тела чего-либо (13 слов); количество частей тела животного (6 слов); объект действия животного (5 слов); объект и субъект действия животного (5 слов); образ действия животного и само действие (5 слов) и др.

4. 158 лексем, называющих животных, обслуживают сферу разговорного (96) и книжного (62) общения русских людей. Наибольшее количество анимализмов разговорной окраски (96) среди слов, возникших под влиянием всех лингвистических факторов, обусловлено

превалированием важности сферы бытового общения для наименований животных над актуальностью сферы специальной коммуникации.

Среди **разговорных анимализмов** в широком смысле слова превалируют слова со словарными пометами «разговорное» (41 слово); «народно-разговорное» (26 слов), диалектное» (1), «охотничье» (5 слов), «рыболовецкое» (2) – (всего 33 слова) над «народно-поэтической» (8 слов), «ласкательной» (3 слова), «разговорно-сниженной» и «жаргонной» лексикой – всего 3 слова). По признаку выраженной в слове оценки среди разговорных (в узком смысле слова) лексем преобладает лексика с нейтральной оценкой называемого животного (18 слов) и слова со значением уменьшительности или ласкательности (14 слов) над словами с увеличительным и пренебрежительным значением (9 слов). С точки зрения тематики в разговорной лексике доминируют названия животных окружения человека (20 слов) – *гремучка, сизарь, букашка-1, пичуга-1, прусак, жучок-2*, и домашние животные (17 слов) – *холмогорка, хрюшка, каурка, саврас-1, хохлатка*, – над животными, используемыми в пищу (2 слова) – *селёдка, копчушка*; доисторическими животными (1 пример) – *ящеры-2*, и вымышленными животными (1 пример) – *чудище-1*. Из наименований животных окружения человека больше всего разговорной номинации подверглись названия дворовых собак и птиц. Среди номенов домашних животных такими названиями являются названия копытных животных, их детёнышей и птиц.

Среди групп **народно-разговорной лексики** (33) существенно преобладают названия птиц (*клуша-1, индюшка, пугач* – всего 11 слов) над названиями псовых (*бирюк, огнёвка-2* – всего 5 слов); пресмыкающихся (*медянка-2, козюля, ужаск* – всего 4 слова); насекомых (*мизгирь, карамора, жсигалка* – всего 3 слова); червей, домашних копытных животных, медведей, рыб, лося, лягушки. Среди этимологических моделей народно-разговорных анимализмов с прозрачной «внутренней формой» превалируют отадъективные номинации по признаку животного (всего 8 слов): *свежъё, легащ, гончак, умка; борзая, сохатый; переряк; чернобровка*. На втором месте названия по действию животного (4 слова): *слётюк, пугач, жсигалка, подлинь*.

В **народно-поэтической и традиционно-народной лексике** (8 слов) больше всего названий копытных – 4 слова: *бугай, бурёнка, савраска, буланка*. Большинство слов данной группы имеет этимологическую модель «окраска животного → его название».

5. Книжные анимализмы (62 слова) делятся на специальные и религиозно-мифические (культурные). Среди специальной лексики (56 слов), в словаре имеющей пометы «зоологическое», «биологическое», «специальное» или не имеющая их совсем, преобладают названия отрядов (24 слова) млекопитающих: *яйцекладущие, рукокрылые, ящеры-1*, – и насекомых: *термиты, таракановые, пузыреногие*; – и названия семейств (24 слова) насекомых: *древогрызы, пестряки, мертвоеды*, – и птиц: *ястребиные, соколиные, тетеревиные*. Культурная лексика (6 слов)

присходит из религиозных источников (Библия) или из культурно и исторически значимых текстов: мифов, легенд: *агнец* – «ягнёнок как жертвоприношение», *змей-1* – «змея», *Змей-2* – «в Библии дьявол-искуситель, представший перед Евой», *тварь-1* – «живое существо», *телец* – «телёнок, молодой бычок (обычно как жертвоприношение)», *вервь* «дикий кабан, свинья». Специальная лексика преобладает над культурной. Такое распределение лексики связано с актуальностью зоологической классификации животных для их наименований.

6. Существование 142 анимализмов обусловлено наличием в языке синонимов, вариантов, омонимов, паронимов. Примерное количественное равновесие между группами синонимично-вариантных (69) и омонимично-паронимичных анимализмов (63), а также довольно большой процент таких названий свидетельствует о высокой степени «нелогичности», «несистемности» анимальной номинации, о широком участии «человеческого фактора» в наименовании животных, о стремлении людей к мотивированности названий животного мира, о богатстве словообразовательных возможностей русских наименований, наконец, о постепенном формировании поля анимализмов по мере освоения человеком окружающей действительности. Мы встретили 33 синонимичных и 37 вариантных названий животных.

Среди слов с «прозрачной» этимологией в списке синонимичных анимализмов превалируют такие, причиной возникновения которых является различие этимологических моделей, в том числе мотивирующей основы (*ореховка* – *кедровка*, *пищуха-2* – *сеноставка*, *усач-3* – *дровосек*) – 10 рядов слов; наличие заимствованного и исконно русского слова (*дафнии* – *водяные блохи*, *ирбис* – *снежный барс* – всего 8 рядов; различие сфер употребления слов (диалекты, разговорная речь): *гуран* (сибирское) – *косуля*, *квочка* – *клуша-1* (разг.) – *наседка* – 7 рядов;

Среди вариантных названий животных доминируют словообразовательные варианты, отличающиеся суффиксом, в том числе нулевым (*хрущ* – *хрущак*, *червь-1* – *червяк-1*, *яловица* – *яловка* – всего 21 ряд слов; – над фонетическими вариантами, при равенстве корней различающимися единичными звуками или ударением (*бобр* – *бобёр*, *журавель* – *журавль*, *змей-1* – *змей-1*, *чеглок* – *чоглок*, *косуля* – *козуля*, *сельдевые* – *сельдёвые*) – всего 6 примеров; грамматическими вариантами, различающимися грамматическим родом и формами словоизменения (*вошь* – *вши*, *глист* – *глиста*, *змей-1* – *змея-1*, *лангуст* – *лангуста*, *мангуст* – *мангуста*) – всего 5 рядов; словообразовательно-грамматическими вариантами, отличающимися и суффиксами, и грамматическим родом (*гончая* – *гончак*, *голубь* – *гуля*, *легаиш* – *легавая*, *поросёнок* – *пороса*, *телёнок* – *теля*) – всего 5 рядов. Часто причиной существования вариантов – названий животных является: а) различие сфер коммуникации: разговорной, книжной, детской; б) экзотичность названий, которые могут быть восприняты в качестве различных граммем. Четыре ряда слов включают синонимы и варианты одновременно: *кура-1* –

журица – хохлатка-1 – хохлушка-1 – цыпка-1, кот-1 – кошка-1 – котопфей – мурлыка, крачка – мартын – мартышка, осоед – пчелоед.

7. Анимализмы-омонимы (39 пар слов) доминируют над паронимами (23 пары). На первом месте по числу членов находится группа омонимичных названий животных, совпадающих с названиями других животных (24 ряда). В данной группе преобладают омонимы, являющихся результатом совпадения названий животных разных групп в зоологической классификации животных (белоглазка –1 «птица» – белоглазка –2 «рыба», 1-бычок «ум.-ласк. от бык» – 2-бычок-1 «рыба», зеленушка-1 «птица» – зеленушка-2 «рыба») – всего 16 рядов; – над теми, что являются результатом совпадения названий животных одной группы (бык-1 «самец коровы» – бык-2 «самец некоторых диких рогатых животных (тура, зубра)», клуша-1 «журица-наседка» – клуша-3 «птица семейства чаек», корова-1 «домашнее животное, самка быка» – корова-2 «самка оленя, лося») – всего 6 рядов; – и над омонимами, являющимися результатом совпадения названий современных и вымерших животных (3-тур-1 «вымершее животное» – 3-тур-2 «современное животное») – всего 2 ряда слов.

Среди паронимов превалируют словообразовательные, отличающиеся суффиксами, в том числе нулевым: пестряк «жук» – пестрянка «бабочка» – всего 12 рядов слов; либо суффиксом и корнем (для сложных слов): сельдевые – сельдеобразные; – над фонетическими, различающимися одним звуком или одним звуком и ударением: турман «голубь» – турпан «птица семейства утиных» – всего 6 пар слов; двумя звуками: фаланга «паук» – фалант «оса» – всего 2 пары слов; тремя звуками: сардина «небольшая морская промысловая рыбка семейства сельдевых» – сардинелла – «океаническая промысловая рыба» – всего 1 слово. Среди словообразовательных паронимов доминируют суффиксальные (12 против 2).

8. Согласно словообразовательным данным, к ядру СТ анимализмов следует отнести 12 слов, имеющих от 49 до 10 словообразовательных производных: рыба (49 слов), свинья (21 слово), птица (20), скот (17), зверь (15), конь (15), собака (13), пчела (11), бык (10), змея (10), овца (10), пёс (10). К ближней периферии – 27 слов с 8 – 5 производными: голубь, мышь, поросёнок, утка (по 8 слов), бактерии, гусь, ёрш, журица, петух, попугай, обезьяна (по 7 слов), заяц, козёл, скворец (по 6), волк жеребёнок, клоп, корова, кошка, лиса, лось, медведь, муха, олень, сельдка, соболь, стрекоза (по 5 слов). К дальней периферии – 43 слова с 3 – 4 производными: вирус, воробей, ворон, ворона, гадюка, гуля, дракон, ёжик, индюшка, кот, кролик, лошадь, лягушка, осётр, паук, слон, соловей, сам, сурок, тюлень, фази, фазан, хищник, щенок (по 4 слова), белка, блоха, бурундук, глист, дельфин, кабан-3, крот, крыса, патоген, рак, рысак, северюга, сокол, телёнок, тигр, форель, химера, червь, черепаха (по 3 слова). К крайней периферии – слова с 1 – 2 производными.

Что касается частотности словообразовательных значений отанимальных зоосемизмов, то их удобно определить отдельно для различных частей речи. Среди словообразовательных производных анимализмов 262 имени существительных, 120 имён прилагательных, 17 глаголов и 13 наречий. По численности все значения отанимальных существительных могут быть распределены между ядром и периферией. Ядро – словообразовательные производные с уменьшительно-ласкательным значением (73). Ближайшая периферия – слова со словообразовательными значениями «субъект действия» (47) и «место действия» (37). Дальняя периферия – а) абстрактные существительные (31), называющие: разделы наук по разведению отдельных видов животных и уходу за ними, (16); названия абстрактных действий, осуществляемых над животными (10); названия действий, осуществляемых с помощью животных (3); абстрактные названия действий с переносным значением, образованные с помощью суффикса -ство от глаголов со значением «действовать как животное» (3); абстрактные названия свойства образованное сложением основ (1); б) названия мяса или шкур животных, используемых человеком, образованы суффиксальным способом от названий самих животных (28). Крайняя периферия – а) группа увеличительных названий животных (10); б) слова со значением «орудие действия, осуществляемого над животными» (8); в) производные со значением пренебрежительности / уничижительности (7); г) слова со значением «похожий на кого-либо, что-либо» (7); д) слова с идентифицирующим значением (6); е) слова с метафорическими значениями (5). Больше всего среди имён существительных суффиксальных названий (171), за ними следуют сложно-суффиксальные номинации (61).

Значения отанимальных прилагательных могут быть распределены между ядром и периферией. Ядро – словообразовательные производные с притяжательно-относительно-качественным значением (95). Среди них доминируют одновариантные (55 слов), далее следуют двухвариантные (27 слов). Ближайшая периферия отсутствует, так как среди словообразовательных значений имён прилагательных нет значений численностью около 30 – 40 примеров (как у имён существительных). Дальняя периферия – имена прилагательные со значением «похожий на какое-либо животное» либо «имеющий части тела, напоминающие части тела какого-либо животного» (20 слов). Крайняя периферия – прилагательные со значениями: а) «имеющий в себе какое-либо число животных» (3 слова); б) «выражающий действие над объектом-животным» (2 слова). Наиболее распространённым способом образования прилагательных с притяжательно-относительно-качественными значениями является суффиксальный (с помощью суффикса -ий и его вариантов) – 53 слова. На втором месте находятся зоосемизмы, образованные с помощью суффикса -ин / -ын (30 слов). На третьем месте – образования с помощью суффикса -ов- / -ев- / -ёв- (26 слов).

Значения отанимальных глаголов могут быть распределены между ядром и периферией. Ядро, ближайшая и дальняя периферии отсутствуют, так как среди словообразовательных значений глаголов нет значений численностью около 70 – 90, 30 – 40 и 20 примеров. Крайняя периферия – глаголы со значениями: а) метафорического действия субъекта «вести себя как какое-либо животное» (10 слов); б) метафорического действия человека над объектом-животным «вести себя с объектом как с каким-либо животным» (3 слова); в) «рождать того, кто назван производящей основой» (2 слова); г) «охотиться на животное, названное производящей основой» (2 слова). В образовании глаголов преобладает суффиксальный способ словообразования (15).

Наречия, являющиеся словообразовательными производными анимализмов (13 слов), имеют значение образа действия (крайняя периферия) и образованы главным образом приставочно-суффиксальным способом (10 слов).

9. Обобщение выводов ко второй главе данной работы, изложенное выше, позволяет определить основные цели главы, объединяющие весь изложенный материал в единое целое:

Задачи, решаемые в рамках системно-структурной парадигмы.

1. Выявление списков экстралингвистических и лингвистических факторов формирования семантического поля анимализмов, причин возникновения групп слов, вызванных ими. Так, мы можем констатировать:

а) примерное равновесие внеязыковых и языковых факторов формирования изучаемого поля, а также равновесие числа анимализмов, обусловленных действием такого экстралингвистического фактора, как интуитивное представление носителей языка о зоологической типологии животного мира, и количества названий животных по сексуально-половому признаку (около 700);

б) превалирование среди языковых факторов словообразовательного (412 слов) и этимологического (256 слов);

в) обусловленность существования синонимов-анимализмов различием этимологических моделей, в том числе мотивирующей основы, наличием заимствованного и исконно русского слова и различием сфер употребления слов (диалекты, разговорная речь);

г) обусловленность существования вариантных анимализмов различием сфер коммуникации: разговорной, книжной, детской, экзотичностью названий, которые могут быть восприняты в качестве различных граммем;

д) обусловленность существования анимализмов-омонимов совпадением между собой названий различных животных и совпадением животных и других явлений действительности.

2. Выявление ядра и периферии анимальной лексики. Данная проблема решается разными путями: 1) по количеству слов в сексуально-детской парадигме; 2) по способности анимализма иметь синоним,

вариант, гипоним в разных сферах общения, частоте употребления, степени общеизвестности или мотивированности; 3) по количеству словообразовательных производных анимализмов; 4) по количеству слов в микрополях анимализмов, включающих мотивированные анимализмы, названия по половому и «детскому» признаку, лексику разных сфер употребления; синонимы, варианты, омонимы (косвенно); словообразовательные производные анимализмов.

С точки зрения исследования экстралингвистических факторов формирования поля «Животные», к ядерным лексемам поля анимализмов следует отнести такие, которые имеют большее число членов в своей сексуально-детской парадигме (см. п. 2.1.2.3.).

С точки зрения исследования лингвистических факторов формирования СП «Фауна», анимализмы распределяются между ядром и периферией так: см. п. 2.1.3.1.5.).

С точки зрения количества словообразовательных производных, анимализмы также могут быть распределены между ядром и периферией семантического поля в зависимости от числа словообразовательных производных (см. п. 2.1.3.3.).

Наконец, по количеству слов в микрополях анимализмов, включающих названия по половому и «детскому» признаку, лексику разных сфер употребления; синонимы, варианты, омонимы (косвенно); словообразовательные производные анимализмов (см. п. 2.1.4.).

Итоговое распределение анимализмов между ядром и периферией СП «Фауна», учитывающее все факторы, как экстралингвистические, так и лингвистические, имеет следующий вид (см. п. 2.1.5., с. 285 – 286):

Ядро (13): собака-1 / пёс, лошадь-1 / конь, свинья-1, корова-1, овца, рыба, животное-1, курица-1, птица-1, змея-1, пчела.

Ближняя периферия (42): скотина-1, букашка-1, прусак, улитка, мышь, уж, гадюка, квочка, наседка, курочка-1, утка-1, гусь-1, индейка, фазан, голубь, кошка-1, пёс, моська-1, 2-шарик, дворняга, барбос-1, щенок, коза-1, телок, телушка, хрюшка, 1-чушка-1, лось, олень, лиса-1 / лисица, чернобурка, заяц-1, волк, медведь-1, кабан-1, скотина-1, сохатый, косой, пантера – леопард – барс.

Дальняя периферия (141): хищник, чужак-1 – чужанин, животина, свежъё, переляк – «животные прошлогодного выводка (об овцах, волках)», черепные – позвоночные; блоха, вошь / вша, пчела, глист / глиста, червь-1 / червяк, клоп, муха, стрекоза, хрущ / хрущак, жучок-2, усач-3 / дровосек; гад-1, лягушка, черепаха, рак, улитка / улитка, змей-1, тремучка, ящеры-2, ящерица, кобра; сом-1, осётр, форель, севрюга, плотва, скумбрия, хамса, ёрш, щука, карась, пескарь, селёдка, копчушка, укля / уклейка; пичуга-1, птаха, щebetунья-1, воробей-1, скворец, сокол-1, ворон, ворона-1, соловей-1, аист, глухарь-1, орёл-1, страус, щегол, сокол-1, попугай, сизарь, сизяк, хохлатка, хохлушка, клуша-1, кура-1, утя, уля-1, ореховка – кедровка, черноголовка-2 – черноголовник, тетерев / тетёра / тетёрка; белка-1, бурундук, кролик, ёж-1, сурок, бобр – бобёр,

крот, крыса, барсук, соболь, хорёк / хорь, норушка, мангуст; тюлень-1, дельфин, морж-1, сивуч; кошка-1, мурлыка, котофей, тигр, лев-1, 2-рысь, пантера / леопард / барс, снежный барс, пума; мопс, пустилайка-1, шавка, кутёнок, легаш, гончак, борзая, цуцик-1; огнёвка-2; умка – «белый медведь»; холмогорка, бугай, бурёнка, яловица – яловка, трёхлеток, каурка, саврас-1, буланка, чистокровка, хавронья, осёл-1, изюбр, буйвол, верблюд, слон-1, зубр-1, овцебык – мускусный бык; обезьяна.

Крайняя периферия (88): 2-шатун-2; водяные блохи, комар, слизень / слизняк, шпанская муха / шпанка, паук, муравей, анчоус, мандавоха – «лобковая вошь», 2-шитик – «личинка ручейника или другого насекомого, обитающего в песке на дне водоёма (используется как наживка)», мизгирь – «паук», карамора – «длинноногий комар», жигалка – «муха с колющими щетинками на хоботке», опарыш; фараонова змея, веретеница – медяница-1, гад-1, лягва, дракон; акула, лангуст, сорога (плотва), макрель; беркут, дрофа, кукушка-1, павлин-1, пингвин, сова-1, сыч, 1-чиж, чирок, шипун-2, щёголь-2, ястреб, галка, грач, дрозд, кедровка, коростель, снегирь, 1-чечётка, чибис, журавль, лебедь-1, филин, канарейка, тетерев, щегол, крачка – мартын – мартышка, сарыч – канюк, тигалица-1, дергач, чеглок – чоглок, вертун – турман, вяхирь – витютень; опоссум – двуутробка, пищуха-2, скунс – вонючка; жираф, кенгуру, мул, носорог-1, сайгак, архар, вепрь, козюля, гуран, шалава – «/ о корове, лошади», косуля; шакал-1, кугуар, ирбис; ошкуй – «белый медведь»; пчелоед, осоед; нарвал – единорог-1.

3. Фреймовый анализ, разработанный С.А. Жаботинской [Жаботинская 1999, 2002, 2004], мы применили к описанию концептов концептосферы «Фауна», выраженных неядерной лексикой такого же семантического поля (около 1000 слов). Самым обширным оказался КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм (358 слов). За ним следуют АКЦИОНАЛЬНЫЙ (350), ПРЕДМЕТНЫЙ (119), ПОСЕССИВНЫЙ (109) и ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ (33 слова) фреймы.

КОМПАРАТИВНЫЙ фрейм концептосферы «Фауна» чаще всего выражен именами существительными (124 примера). За ними следуют глаголы (96 примеров), прилагательные (30 примеров) и междометия (4 слова). В КОМПАРАТИВНОМ фрейме выделяются следующие домены:

Имя существительное

1. МЕТАФОРЫ-НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ, производящие значения которых связаны с животными (61)

2. МЕТАФОРЫ-НАЗВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ, связанных с животными (46)

3. МЕТОНИМИИ- НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (10)

4. МЕТОНИМИИ- НАЗВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (6)

5. СИМВОЛ (1)

Глагол

1. МЕТАФОРЫ (78)

2. СЛОВА, ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ОБРАЗОВАНЫ СУЖЕНИЕМ (8)

3. СЛОВА С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДНОСТЬЮ (6)
4. МЕТОНИМИИ С ПЕРВИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ЗВУЧАНИЯ (2)

Имя прилагательное

1. МЕТАФОРЫ (24)
2. МЕТОНИМИИ (6)
3. РАСШИРЕНИЕ (1)
4. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ (1)
5. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СИМВОЛ (1)

Междометия

1. МЕТОНИМИИ (4)

В целом, без учёта частеречной принадлежности слов, в составе рассматриваемого фрейма:

1. МЕТАФОРЫ (209 примеров).
2. МЕТОНИМИИ (28 случаев)
3. СУЖЕНИЯ (8 случаев)
4. СЛОВА С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДНОСТЬЮ (6)
5. РАСШИРЕНИЕ (1)
5. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ (1)
6. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СИМВОЛ (1)
7. СИМВОЛ (1)

Среди метафор подавляющее большинство – семантические (205 слов). Внутри СЕМАНТИЧЕСКИХ МЕТАФОР доминируют МЕТАФОРЫ С ПЕРВИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО (62 слова), НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (61 слово) и НАЗВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (46 слов). Внутри группы МЕТОНИМИИ выделяются: СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТОНИМИИ-НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (10 слов), СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТОНИМИИ-НАЗВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (6 слов), СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТОНИМИИ-НАЗВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ (6 слов), СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТОНИМИИ-НАЗВАНИЯ ПРИЗНАКОВ (5) и МЕТОНИМИИ-МЕЖДОМЕТИЯ (4).

Среди МЕТАФОР-НАЗВАНИЙ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ, СВЯЗАННЫХ С ЖИВОТНЫМИ, доминируют концептуальные метафоры следующих типов:

1) ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ КОНКРЕТНЫЙ ПРЕДМЕТ ИЛИ ЕГО ЧАСТЬ (*хобот-3* – задняя удлинённая часть лафета артиллерийского орудия для ручной наводки на цель; *раковина-3* – вместилище с воронкой под водопроводным краном для отвода использованной воды) – 36 примеров;

2) ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ-ЖИВОТНЫМ → НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ КОНКРЕТНЫЙ ПРЕДМЕТ (*седло-4* – Тех. Название различных деталей для опоры, насадки чего-либо) – 12 примеров;

3) СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ (МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО) → ЧЕЛОВЕК С ЯРКО ВЫРАЖЕННЫМИ НЕГАТИВНЫМИ ЧЕРТАМИ

ХАРАКТЕРА (*цирцея* – 2. Коварная обольстительница; *сатир* – 2. О стареющем похотливом мужчине) – 5 примеров.

Среди МЕТАФОР-НАЗВАНИЙ АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ, СВЯЗАННЫХ С ЖИВОТНЫМИ, доминируют концептуальные метафоры следующих типов:

1) ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО – АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ (*хвост* – 7. // Разг. Не сданный в срок зачёт, экзамен) – 11 примеров;

2) ГРУППА ЖИВОТНЫХ → ГРУППА ЛЮДЕЙ (*стая* – 3. Масса, скопление, множество чего-либо. Стаи туч; *улей* – 3. Разг. О большом скоплении кого-либо. *Улей людей*) – 8 примеров;

3) ПРИРОДНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО (ЗВУЧАНИЕ и др.) – ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА (РЕЧЬ и др.): *стрёкот* – 2. Разг. Быстрая, безумная речь, болтовня; *писк* – 2. Разг. Робкие неуверенные возгласы, выражающие не удовлетворение, неодобрение; *трель* – 2. Муз. Быстрое и многократное повторение звуков, близких по тону – 8 примеров;

4) ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ-ЖИВОТНЫМ – АБСТРАКТНОЕ НЕГАТИВНО ОЦЕНИВАЕМОЕ ПОНЯТИЕ (*ярмо* – 2. Книж. Бремя, тяжесть. *Ярмо брачной жизни*; *тенёта* – 1. // О том, что мешает свободе действий, угнетает. *Тенёта чести*) – 5 примеров;

5) АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗАННЫЙ С ЖИВОТНЫМ, – АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ, СВЯЗАННЫЙ С ЧЕЛОВЕКОМ (*оскал* – 1. Олицетворение чего-либо ужасного, чудовищного по своей сути. *Оскал смерти*; *помёт* – 2. / Разг.-сниж. О ком-либо, имеющем с кем-либо общее происхождение, взгляды) – 3 примера.

В группе МЕТОНИМИЙ-НАЗВАНИЙ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ выделяется концептуальная метонимия ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО → ЦЕЛОЕ (ЧЕЛОВЕК ИЛИ ЧАСТЬ ЕГО ТЕЛА) (*шкура* – 4. Грубо. // О распутной женщине; *рыло* – 2. Грубо. Лицо (некрасивое) – 4 примера.

перо – 4. Т. ед. Символ искусства писателя, писательского труда. *Владеть пером. Проба пера*

перо – 4. // Индивидуальная писательская манера. *У этого писателя лёгкое перо*

шерсть – 1. / О масти животного. *Кошка трёх шерстей (цветов)*

Среди МЕТОНИМИЙ-НАЗВАНИЙ АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ существует концептуальная метафора ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО → АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ (*перо* – 4. Т. ед. Символ искусства писателя, писательского труда. *Владеть пером. Проба пера*; *перо* –

4. // Индивидуальная писательская манера. *У этого писателя лёгкое перо*; *шерсть* – 1. / О масти животного. *Кошка трёх шерстей (цветов)* – 3 примера.

Домен МЕТАФОРЫ – базовый (так как самый широкий) домен КОМПАРАТИВНОГО фрейма в концептосфере «Фауна». Он соединен с другими доменами следующим образом: 1) НЕКТО ДЕЙСТВУЕТ КАК

НЕКТО (животное, человек по отношению к животному) (слоты АКЦИОНАЛЬНОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ПРЕДМЕТНОГО фреймов); 2) НЕЧТО ЕСТЬ КАК ЧАСТЬ ТЕЛА животного, КАК ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ над животным и др. (домены ПРЕДМЕТНОГО, ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ПОСЕССИВНОГО И АКЦИОНАЛЬНОГО фреймов); 3) НЕЧТО ЕСТЬ ТАКОЕ, КАК у животного (домены ПРЕДМЕТНОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО фреймов); 4) НЕКТО ЕСТЬ КАК НЕКТО (животное) (домены ПРЕДМЕТНОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО фреймов); 5) НЕКТО ДЕЙСТВУЕТ ТАК, КАК животное (домены АКЦИОНАЛЬНОГО, КОМПАРАТИВНОГО, ПРЕДМЕТНОГО фреймов); 6) ТАКОЙ, который имеет отношение к ЧЕМУ-ЛИБО, связанному с животным (домены ПРЕДМЕТНОГО фрейма).

4. Среди концептов русских фразеологизмов, пословиц и сказок в концептосфере животных существуют концептуальные метафоры (частотные обобщающие концепты, встречающихся не менее 2 раз), производящее и производное значения которых относится к доменам:

1) ЧАСТЬ ТЕЛА И ПОКРОВА ЖИВОТНЫХ → УЯЗВИМОЕ МЕСТО (9), ЛИЧНОСТЬ (ВОЛЯ) ЧЕЛОВЕКА (8), ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖИВОТНЫМ (5), ИНСТРУМЕНТ ОБМАНА (3), КОНЕЦ (ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ ЧЕГО-ЛИБО) (3), ВНЕШНОСТЬ (3), ЛИЧНЫЙ ОПЫТ (2), ВОЛШЕБНАЯ ДОБЫЧА (2), СРЕДОТОЧИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ (2), ДАЛЬНЕЕ МЕСТО (1);

2) ОБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО и ТАКОЙ → НЕОПЫТНЫЙ (2);

3) ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ (*чёрт*) → ДАЛЬНЕЕ МЕСТО (1),

4) ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ → ОРУДИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ (2)

5, 6) ДЕЙСТВИЕ ЖИВОТНОГО и ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ → ДЕЛАНИЕ ЧЕГО-ЛИБО РЕЗУЛЬТАТИВНОГО (2) и ДЕЛАНИЕ ЧЕГО-ЛИБО НЕРЕЗУЛЬТАТИВНОГО (2)

Доминирующим в той части концептосферы «Животные», которая выражена лексемами фразеологизмов, пословиц и сказок, является ПОСЕССИВНЫЙ фрейм (70 значений), за ним следует АКЦИОНАЛЬНЫЙ фрейм (25 значений) и ПРЕДМЕТНЫЙ фрейм (всего 6 значений). Это обусловлено большими возможностями посессивных и акциональных отношений быть базисом для метафорических переносов в концептосфере «Фауна».

ГЛАВА 3. АНИМАЛИЗМЫ И ЗООСЕМИЗМЫ СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ С. АВЕРИНЦЕВА И РАССКАЗОВ Л. УЛИЦКОЙ)

3.1. Вводные замечания

Изучение анимальной и зоосемической лексики в рамках лингвокультурологии мы решили осуществить на материале духовной поэзии С. Аверинцева [Аверинцев 2003] и рассказов Л. Улицкой [Улицкая 2002, 2003]. Этих авторов можно смело отнести к элитарным языковым личностям в современной русской культуре: С. Аверинцев – филолог, религиовед, философ, православный человек, поэт, создатель направления современной духовной поэзии. Л. Улицкая – писатель, творящий в эпоху модернизма и сумевший сохранить в своём творчестве лучшие духовные достижения классической русской литературы: изображение духовного пути человека; видение мира целостным, несмотря на трагические коллизии времени и жизненного пути человека. Лингвокультурологический аспект строится на изучении семантики анимализмов и зоосемизмов и требует их рассмотрения в когнитивном и тропическом ключе. Когнитивный аспект, в свою очередь, предполагает изучение роли рассматриваемой лексики в создании когнитивной картины мира авторов и сопоставление списков анимализмов и зоосемизмов в их творчестве.

3.2. Особенности смыслового использования анимализмов и зоосемизмов в текстах С. Аверинцева и Л. Улицкой

Изучение духовных стихов С. Аверинцева показало, что контекстуальная семантика анимализмов в них чрезвычайно разнообразна, прежде всего в силу её комбинированности: зачастую номинативные значения сочетаются с символическими или метафорическими. Например, в стихотворении «La vielle de Noël» («Канун Рождества») с заголовка и первых строк задана духовная тематика, что заставляет читателя воспринимать все реалии поэтического текста в качестве объектов духовно-мистической картины:

Как под снегом ель, как в логове *зверь*, дремлет воля, и разум молчит.

Может, и бодрствует сердце любви, однако сама она спит да спит.

Тихо и глухо за часом час, отуманено око и ум незряч, –

Пока чуткая полночь не различит младенческий плач

[Аверинцев 2003, с.87].

В этом стихотворении зверю в логове, как и ели под снегом, уподобляются спящие, не пробуждённые любовью, но жаждущие рождения младенца Христа воля и разум человека. В таком контексте воля (разум)-зверь символизирует оцепенение мира, лишённого божественного сквожения, лишённого идеи христианской любви. Это символическое

значение комбинируется в данном контексте с номинативным значением слова *зверь*.

На материале духовных стихов С. Аверинцева мы выделили 13 типов семантики анимализмов по характеру отношения значения слова к действительности (прямое / переносное), по наличию в переносном значении тропа (сравнение / метафора / метонимия / символ). Типы семантики мы расположили в порядке постепенного перехода от номинативных значений к символическим:

1. Номинативные значения

1.1. Собственно номинативные (2)

1.2. Номинативные библейские (3)

2. Значения с преобладанием номинативного элемента

2.1. Номинативные отдалённо символические (6)

2.2. Номинативно-фантастические отдалённо символические (2)

2.3. Собственно сравнительные (3)

2.4. Сравнительные отдалённо символические (2)

3. Значения с доминированием метафорического элемента

3.1. Метафорические номинативные (1)

3.2. Метафорические отдалённо символические (3)

4. Значения с преобладанием символического элемента

4.1. Символические библейские (6)

4.2. Символические номинативные (6)

4.3. Символично-библейские номинативные (2)

4.4. Символические отрицательные (1)

4.5. Символические сравнительные (4)

Данная классификация значений анимализмов включает как одиночные, так и комбинированные значения (например, сочетание номинативного и символического). К одиночным значениям относятся собственно номинативные, номинативные библейские, собственно сравнительные, собственно метафорические, символические библейские. К комбинированным значениям относятся номинативные отдалённо символические, номинативно-фантастические отдалённо символические, сравнительные отдалённо символические, метафорические номинативные, символические номинативные, символично-библейские номинативные, символические отрицательные, символические сравнительные, символично-метафорические. В списке комбинированных значений (пункты 2, 3, 4) на первом месте располагается доминирующее значение.

Библейскими мы называем такие значения анимализмов, которые встречались в каком-либо библейском или православном тексте. Фантастической называется семантика анимализмов, именующих вымышленных существ. К сравнительным и отрицательным значениям мы относим семантику анимализмов, используемых в сравнениях и отрицательных тропах.

В стихах С. Аверинцева преобладают символические значения. Как показали наши наблюдения, они встречаются в предложениях

с двухплановым содержанием, которое может быть истолковано как в реалиях материалистического, так и в реалиях мистического миров. В стихах с одноплановым содержанием значения анимализмов номинативны или метафоричны (при условии сходства предметов действительности). Что касается разграничения отдалённого символа и символа как такового, то здесь критерием разделения выступает характер проявления духовно-мистического смысла слова. Ошутимость символа может быть различной в зависимости от изначальной заданности / незаданности духовной темы стихотворения. Если в заголовке, эпиграфе или начальных строках стихотворения звучит духовная тематика, тогда анимализмы приобретают явный символический смысл [Аверинцев 2003, с. 17, 20–22, 23–25, 31–36, 39–40, 65–66]. В других случаях, когда духовная тематика стихотворения становится ясной постепенно, в середине или в конце стихотворения, то анимализмы приобретают символическое значение задним числом и номинативная семантика доминирует в них в силу её первичного проявления. В таких случаях мы называем значения анимализмов отдалённо символическими [Аверинцев 2003, с. 58–59, 60–63, 87, 103]. К последней группе примыкают случаи, когда анимализм, употреблённый в тексте с изначальной заданной духовной темой, всё же не приобретает явного символического значения, так как содержится в речи персонажа, менее символичной («Стих о святой Варваре» [Аверинцев 2003, с. 67–71]), или в стихотворении – рассуждении, где символизм авторской речи в силу её логичности также снижается («Стих о стихах духовных, или прение о Руси» [Аверинцев 2003, 41–49]). Однако мы всё-таки считаем анимализмы данных текстов наделёнными отдалённо символической семантикой, так как они встречаются в текстах с явной духовной темой. В ранних стихах С. Аверинцева духовная тема звучит не так явно. Поэтому здесь мы можем чаще встретить номинативные, метафорические, сравнительные значения, не осложнённые символикой [Аверинцев 2003, с. 177, 180–181, 182, 183, 185].

Символические значения в поэзии С. Аверинцева делятся на две группы по характеру выраженного в них символа: 1) символ узуальный, коренящийся в каких-либо культурных прецедентных текстах, например, в Библии; 2) символ окказиональный, возникающий в поэтическом контексте.

Для разграничения метафор и символов важно указать на признаки символа, выделенные Г.В. Степановой и А.Н. Шрамом [Степанова, Шрам 1980, с. 26]: отражение действительности в обобщённом, абстрактном, непредставимом виде, но название чего-либо единичного (*свет, огонь, земля, берёза*); развёртываемость смыслового содержания; реализованность лексического значения в сочетании слова – символа с неограниченным количеством других слов (*свет разума, знаний, науки, нежности, любви* и т.д.); «телесность» слова. Мы можем лишь добавить, что символизм слова может рождаться не только в узком контексте,

в окружении граничащих друг с другом слов, но и в макроконтексте целом стихотворении, целом тексте вообще.

Важно также рассмотреть соотношение в поэзии С. Аверинцева привычных нам тропов (сравнение, метафора, символ) с типами семантики анимализмов по их отношению к действительности. Как представляется, сравнительные лексические значения анимализмов, в силу наличия в них сопоставляемого и сопоставляющего объектов, гораздо ближе к номинативной семантике слов, чем к переносной. Метафорические же и символические лексические значения расположены дальше от сравнительных в силу наличия в них лишь сопоставляющего компонента. В отрицательных значениях нет сопоставления, в связи с этим мы также относим их к номинативным.

Перейдём к рассмотрению контекстуального употребления анимализмов в духовной поэзии С. Аверинцева.

1.1. Собственно номинативные значения

В стихотворении «Вечер» [Аверинцев 2003, с. 177] зоосемизм *рыба* употреблён в прямом, номинативном значении, так как в данном тексте основной темой является изображение гармонии природы, духовная же тематика не задана:

Тихо в речке *рыба* ходит,
Розан в садике цветёт,
Солнце за холмом заходит,
На траву роса сойдёт.

За горою той высокой
Солнца край уже погас.
Рыба спит в реке глубокой.
Вот настал и ночи час.
1949

1.2. Номинативные библейские значения

Они названы так в силу того, что употреблены в прямом значении, но ситуация их использования отсылает нас либо к тексту Библии, либо к другим христианским текстам, либо принадлежит к библейской лексике. Например, в стихотворении «Стих о стихах духовных, или прение о Руси» [Аверинцев 2003, с. 48] анимализм *лев* имеет номинативно-библейский тип семантики, так как сам автор отсылает нас к известному ему месту в христианском тексте:

Помнишь ли, как *лев* пустыни,
святость Святого обороня,
мирно пред оным простёрся?
Для смеха скажу аль вправду:
мы, Русской земли человеки,
не у *льва* ли того учились,
не так ли благодать познавали
бессловесным чутьём звериным...?

2.1. Номинативные, отдалённо символические значения

Сюда мы относим анимализмы с прямыми значениями, получающими однако символический оттенок не сразу, а в контексте целого стихотворения. В «Нортумбрийской песни» [Аверинцев 2003, с. 58–59], посвящённой впечатлениям от путешествия вблизи Даррема, *овцы* на зелёном склоне, *весёлые удолия ланей, заяц, векша*, крыло *чайки* в ветре, *ласточка* у башен, крик *совы* в овраге – яркие приметы дарремского пейзажа у гробницы Святого, у древнего затвора отшельника, где могут беседовать умершие. Красота живой природы – это зримый материальный фон вершащейся Божественной тайны, та ткань, сквозь которую можно ощутить Бога.

2.2. Номинативно-фантастические, отдалённо символические значения

К данному типу относятся номинативные значения анимализмов, обозначающие вымышленных существ. В рамках целого текста они приобретают отдалённо символический смысл. Так, в стихотворении «Vindobona» [Аверинцев 2003, с. 60–63], описывающем духовно-исторические приметы Вены, встречаем:

1. ... о шипы да свисты *василиска*
из сырой утробы колодца ... [Аверинцев 2003, с. 60]

2. ... уж и оборотень провыл волком,
Атаульф злоименный ... [Аверинцев 2003, с. 61]

С. Аверинцев в пояснении к стихотворению пишет по поводу этих строк: 1. «Согласно венским городским анналам, в 1213 г. в колодце одного дома ... завёлся престрашный василиск; бедный подмастерье, давно и без надежды на родительское согласие влюблённый в хозяйскую дочку, вспомнив, что в таких случаях надо делать, подкрался к василиску, выставив перед собой зеркало; гад, увидя свою образину в зеркале, немедленно лопнул, а подмастерье смог справиться счастливую свадьбу» [Аверинцев 2003, с. 62–63].

2. «Как известно, имя Гитлера восходит к древненемецкому «отец волков». Криками этого лица оглашалась дворцовая Площадь героев в Вене по случаю «аншлюса» под ещё не распустившимися почками весны 1938 г.» [Аверинцев 2003, с. 63].

В контексте целого поэтического произведения *василиск* и *оборотень* вместе с прочими достопримечательностями Вены оказываются чем-то похожими на музейные экспонаты, на всё то, что «почиет в затворе, подле копия, что Христово ребро на Голгофе прободало» [Аверинцев 2003, с. 61–62], то есть историческим полотном, высвечивающим Божественную Историю. Участие *василиска* и *оборотня* в создании этого исторического полотна и позволяет нам наделить значения указанных лексем отдалённо символической семантикой, так как *василиск* и *оборотень* называют явления, символизирующие зло этого мира, боримое святостью Христа.

2.3. Собственно сравнительные значения

Анимализмы, используемые с таким значением, употребляются в номинативном значении, но как объект сравнения.

... Нет, не слова: сцепившиеся в рой

Шумливый *пчѣлы...*, – пишет автор о словах греческого языка [там же, с. 180–181], используя отрицательное сравнение.

2.4. Сравнительные отдалённо символические значения

Такие значения реализуются в лексемах-зоосемизмах, называющих объект сравнения и получающих оттенок символического значения в рамках целого стихотворения:

...уж и оборотень провыл волком... [Аверинцев 2003, с. 64]

Волк, как и *оборотень*, символизирует Зло этого мира, боримое Христом.

3.1. Метафорические номинативные значения.

В данном типе анимализм выступает одновременно в метафорическом и номинативном значении, так как автор «играет» его двуплановой семантикой. В стихотворении «Голубая глиняная Кора» С. Аверинцев употребляет слово *голубка* для названия статуи девушки, что актуализирует узуальное переносное значение слова «ласковое обращение к женщине», а также содержит окказиональное метафорическое сопоставление с голубкой по сходству авторского отношения к голубке и статуе девушки. На фоне метафорического значения, благодаря звуковому повтору в словах *голубка* и *голубая* актуализируется этимологическая сема (значение слова *голубь* восходит к значению слова *голубой*), а с ней и номинативное значение:

Голубая глиняная Кора,

Элевсинская моя *голубка*,

Госпожа девического хора:

Кровь темна, а наше сердце хрупко [Аверинцев 2003, с. 185].

3.2. Метафорические отдалённо символические значения

Слово-зоосемизм имеет здесь переносное значение, сочетающееся с отдалённо символическим:

1. ... а после в чёрную науку

каким *волкам* не давались!

Напоследок далися мы в науку

лютейшему между *волками*,

рукотворного Рая лжепророку,

обоих отступнику Заветов,

изрыгнувшему хулу двойную

на Закон Моисеев и Церковь.

(Стих о стихах духовных, или прение о Руси [Аверинцев 2003, с. 43]).

Согласно пояснению С. Аверинцева, в этих стихах речь идёт о Карле Марксе, «чей атеизм включал отрицание и христианства, принятого его отцом, и иудаизма, веры его предков» [Аверинцев 2003, с. 49]. Лексема

волки употреблена здесь в окказиональном метафорическом значении «учитель, несущий Зло».

2. ... – Большие *звери* терзают малых
на суше и в пучинах моря.

Кривого прямым не сделать,
и человек – злее зверя.

(Стих о святой Варваре [Аверинцев 2003, с. 68]).

В этих строках Диоскор, отец Варвары, выражает суть собственного понимания мира. Слово *зверь* использовано здесь в метафорическом значении «злой человек». Отдалённо символический смысл присутствует в данных анимализмах, так как тема текстов, в которых они употреблены, имеет духовный характер, но сами они использованы либо в авторском рассуждении, либо в речи персонажа, что снижает степень символичности названий животных.

4.1. Символические библейские значения.

К этому типу значений относятся значения лексем *Агнец* и *Лев*, называющие в библейских текстах Иисуса Христа как символ смирения и жертвенности, как символ неисповедимого Божьего промысла, Святого Духа и непобедимого и бесстрашного воина [Белова 2000, 159–162]; и значение лексемы *Зверь*, называющей Сатану как символ греховности мира без Бога. Символическое библейское значение этих анимализмов сохраняется в контекстуальном употреблении:

1. Когда во удолии плача,
во владениях греха и смерти
рождён был *Агнец* непорочный,
уготованный для закланья...
чьим гласом был он восславлен?

(Рождественская песнь [Аверинцев 2003, с. 24].

2. ... над малыми телами закланных,
причастившихся смерти *Агнца*
рыдали матери без меры,
не желая себе утешенья.

(Рождественская песнь [Аверинцев 2003, с. 25].

3. Загадку загадал Зиждитель,
Первенец будущего века,
Агнец закланный, что достоин
снять со всякой тайны печати...

(Стих о Петре апостоле [Аверинцев 2003, с. 33].

4. ... и преклонится всякое колено
небесных, земных и преисподних
о имени Твоего Сына,

Льва от колена Иуды [Аверинцев 2003, с. 22].

5. Горе – ангелы – стражи
попирают отродие *Зверя*;
долу – рыцари в кольчугах

на сон улеглись последний.

(Песнь о стране заката [Аверинцев 2003, с. 65].

4.2. Символические номинативные значения

Символическая семантика анимализмов проявляется здесь явственно благодаря ярко выраженной духовной теме стихотворений. В «Стихе о Петре апостоле» тема утверждения Божественного взгляда на мир заявлена с первых строк:

Есть камень, глубины корень,

Живой корень вселенной,

И на нём уставил Зиждитель

Весь мир дольний, поднебесный

От начала до скончания века [Аверинцев 2003, с. 31].

На фоне такой темы и в анимализмах ощущается символический духовный смысл:

Чем богат мир поднебесный,

на том утверждается камне,

последнего часа ожидая:

... все пустыни, где рыкают *скимны*,

... все пажити, где прядают *овны*;

все мирные, тихие раины,

смагровые кущи лесные,

где *пташки* воспевают утешно... [там же].

Скимны (эллиническое, детёныши диких зверей или львята [Белова 2000, с. 230]), *овны*, *пташки*, как и прочий «мир поднебесный», имеют опорой «камень» веры.

Стихотворение «Средиземноморская песня» [Аверинцев 2003, с. 103], выстроенное как молитва из трёх строф, имеет в конце каждой из них слова «Услыши нас, Господи, и помилуй!», написанные по-итальянски. Используемый в таком контексте анимализм приобретает символическое значение. Душа устремляется к Господу так же, как бьёт о клетку крылом птица, как море бьётся о берег волной. Следовательно, эта птица символизирует постоянство духовных устремлений мира земного к миру духовному, а человеческой души – к Богу:

Сколько душе ни томиться

в мире глухом и немом,

не перестанет *птица*

бить о клетку крылом,

не перестанет море

бить о берег волной –

ascoltaci, o Signore,

abbi pietà di noi!

Символико-библейские номинативные значения.

Анимализмы с данными значениями сочетают символическую семантику, подкреплённую отсылкой к библейскому тексту, с номинативной:

Что нам делать, Раввунни, что нам делать?

Пять тысяч взалкавших в пустыне –

а у нас только две рыбы,

а у нас только пять хлебов?

Но ты говоришь: довольно –

Что нам делать в час посещения,

где престол для Тебя, где пурпур?

Только ослица с осленком

да отроки, поющие славу [Аверинцев 2003, с. 39].

В контексте стихотворения реалии *две рыбы* и *ослица с ослёнком* символизируют людскую логику в отличие от Божественной и восходят к тексту Евангелия от Луки. Данные лексемы не утрачивают при этом своего номинативного значения.

4.4. Символические отрицательные значения

Анимализм с данным типом значения называет объект отрицания и наполняется осязаемым символическим смыслом благодаря ярко выраженной духовной теме Благой вести для Марии, на которую «сойдёт» вскоре «действие духа» («Благовещенская песнь» [Аверинцев 2003, с. 20–22]):

Не в злате и серебре богатство,

не в *коне* и всаднике сила... [Аверинцев 2003, с. 22].

Лексема *конь*, как представляется, символизирует реальный мир, в отличие от Божественного: конь и всадник в истории человеческой культуры – воплощение идеи силы, власти, богатства.

Символические сравнительные значения

Здесь символическое значение зоосемизма выявляется легче, чем в случаях с отдалённо символическими значениями. Например, в стихотворениях «Боже, слова отбегают...», «Благовещенская песнь», «*La vielle de Noël*» («Канун Рождества») с первых строк задана духовная тематика, что заставляет читателя воспринимать все реалии поэтических текстов в качестве объектов духовно-мистической картины:

1. ... Он трости надломленной не сломит,

курящегося льна не угасит,

как *овца* пойдёт на закланье,

не отверзнет уст своих, как *Агнец*...

(Благовещенская песнь [Аверинцев 2003, с. 22])

Смирненность Иисуса Христа уподобляется смирению овцы, приготовленной к закланью. Из Библии известно, что агнец – символ величайшей кротости перед волей Божьей.

2. Боже, слова отбегают

от угла жилья человека...,

отбившись от руки, блуждают,

как *псы* одичалые, воют;

лучше им к тебе возвратиться,
к Твоей приникнуть святине [Аверинцев 2003, с. 17].

Это стихотворение открывает цикл «Молитва о словах», что также ориентирует читателя на подчинённость поэтических артефактов Божественному смыслу. Нечленораздельные, непроникающие, шумные слова сравниваются поэтом с псами одичалыми, символизирующими отдалённость от Бога.

Исследование анимализмов в поэзии С. Аверинцева позволяет нам также подтвердить особенности духовно-поэтического дискурса, отмеченные Г.Г. Почепцовым [Бацевич 2004, с. 142–144]: прецедентность (значимость) слова, его трансцендентный (символический) смысл, таинственность и неисчерпаемость словесного значения, архаичность и клишированность языка. Прецедентность слова в духовно-поэтическом дискурсе проявляется прежде всего в опоре стихотворных текстов на библейские события: например, сетование учеников Христа на недостаток пищи для народа и на невозможность пышных приготовлений к приходу Бога (Лк, 22, 38) [Аверинцев 2003, с. 39]; в апеллировании к цитатам из литургических песнопений, важным событиям из истории Церкви, учениям святых; непосредственном молитвенном обращении к Господу [Аверинцев 2003, с. 103] и в использовании библейской символики слов. Символичность слова духовно-поэтического дискурса выше, чем в других видах дискурса, например, в поэтическом. Прежде всего, это библейская символика слов, затем – контекстуальный символизм, связанный с укоренённостью земного мира в Божественном. Символические значения представлены 20 анимализмами из текстов С. Аверинцева. Номинативных значений мы встретили 6, значений с преобладанием номинативного элемента – 11, метафорических значений – 4. Среди 20 символических значений анимализмов 8 – с библейской символикой и 12 – с контекстуальной. Смысловая неисчерпаемость анимализмов реализуется в комбинированности их значений (8 типов из 13). Номены животных подтверждают архаичность языка духовно-поэтического дискурса. В рассмотренных стихотворениях мы встретили зоосемизмы: *агнец, лань, овны, скимны, чуда морские*.

Таким образом, изучение семантики названий животных в поэзии С. Аверинцева позволяет нам сделать следующие выводы:

1. В духовно-поэтическом дискурсе возможны 13 типов семантики анимализмов по отношению их значений к действительности, по участию в тропах и по одиночности / комбинированности смысла слов: номинативные значения (собственно номинативные, номинативные библейские); значения с преобладанием номинативного элемента (номинативные отдалённо символические, номинативно-фантастические отдалённо символические, собственно сравнительные, сравнительные отдалённо символические); значения с доминированием метафорического элемента (метафорические номинативные, метафорические отдалённо символические); значения с преобладанием символического элемента

(символические библейские, символические номинативные, символически-библейские номинативные, символические отрицательные, символические сравнительные). Доминируют значения с преобладанием символического элемента (20 значений на фоне 6, 11, 4). 8 типов из 13 включают комбинированные значения. Анимализмы участвуют в создании таких тропов, как собственно символ (20), отдалённый символ (6), сравнение (5), метафора (4), отрицание (1).

2. К лексико-семантической специфике духовно-поэтического дискурса мы относим прецедентность, символизм, смысловую неисчерпаемость слова, его архаичность.

В рассказах Л. Улицкой преобладают одиночные значения анимализмов (102 примера из 113). Среди одиночных лексических значений (ЛЗ) названий животных можно выделить несколько семантических классов, которые мы расположим по степени возрастания смысловой производности значения: от номинативных к метафорическим);

1. Номинативные значения анимализмов (61 случай). Такие значения существуют для называния явлений действительности и характерны для анимализмов, называющих: а) реальных животных: *воробьи, голуби, животное, жук, зверь* (2 слова), *звери, зверюга, коты, котёнок, котик, котяра, кошка* (3 слова), *кролики, лошадка, лошадь* (3 слова) *мышка, обезьянка, птица* (2 слова), *птицы, рыбка, собака, тигр, хищники, цикады, цыплята, шмель* (всего 34 слова); б) изображаемых животных, нарисованных (*газель, змея, кошки, лебедь, петухи, птицы*), вытканых (*дракон, олени*), воплощённых в скульптуре (*львы*), мультипликации (*Микки-Маус*), изображённых средствами пантомимы (*блоха, лебедь, собачка*) (14 слов); в) игрушечных животных: *животные, зайчик, заяц* (2 слова), *звери, медведь, мишенька, мишка, птицы, собачка* (всего 12 слов); г) вымершее животное (*стеллерова корова*).

2. Специальное, расширительное значение встретилось лишь в одном примере: *кошки* [Улицкая 2002 Б, с. 60] – название отряда кошачьих.

3. Метонимические значения анимализмов (5) используются Л. Улицкой для называния изделий из меха или шкуры животного или мяса птицы:

Арьергард состоял из Клавдии Ивановны Драчёвой, одной родительницы из родительского комитета с двумя разлётшимися на плечах развратными чёрно-бурыми *лисицами* и старичка-общественника [Улицкая 2002 А, с. 4–5];

Позади всех шла родительница, снявшая из-под пышных *лисиц* незначительное пальто [Улицкая 2002 А, с. 7];

... и Кольванова видела сверху её рыжих *лисиц* и маленькую вязаную шапочку с витым шнуром [Улицкая 2002 А, с. 232];

полкурицы, курица [Улицкая 2002 Б, с. 53–54];

Красная женская школа стояла напротив серой, мужской ..., чтобы дух соревнования ... мог бы сосредоточенно явиться над двумя этими

крышами и *воссиять голубем* над достойнейшей, а именно женской ... [Улицкая 2002 А, с. 198].

В последнем примере окказиональный фразеологизм *воссиять голубем*, имеющий значение «прославить, отметить как победителя», основан на метонимической семантике: выпускание голубей на торжественных массовых мероприятиях обычно происходило с целью прославить что-либо. Таким образом, модель метонимии здесь: действие (выпускание и сияние голубей) – его цель (прославление).

4. Номинативные сравнительные значения анимализмов) (17 примеров) используются в сравнениях:

Например: Яся ... выглядывала из-под её руки, как *птенец* из-под крыла *пингвина* [Улицкая 2003, с. 121];

Он готов был *мычать телёночком*, *блеять овечкой* и *кукарекать петушком* одновременно, пока не успокаивалось дитя [Улицкая 2002 А, с. 62];

Здесь анимализмы используются в окказиональных фразеологизмах с семантикой «пытаться изо всех сил развлечь кого-либо»;

... Лидка была просторная, с мясом, как говорила их бабушка, а Танька сухая, как *саранча* [Улицкая 2002 А, с.227];

Лиля рванулась, как большая толстая *птица* [Улицкая 2002 А, с. 129];

... блестящие свитера и кофты она просто выделяла из самого своего существа, как *моллюск* выделяет перламутр [Улицкая 2002 А, с. 212];

Плишкина, розовая и влажная, как искупавшийся *поросёнок*, вылезла на поверхность [Улицкая 2002 А, с. 183];

Бледненькая Маргарита, похожая на *газель* ещё больше, чем во времена юности, с полуседой головой, посмотрела на него рассеянным взглядом и закрыла глаза [Улицкая 2002 А, с. 56];

... оказалось, что она маленькая, тощенькая и напоминает *утёнка* [Улицкая Л. 2002 А, с. 24];

Резкая, размашистая Таня двигалась шумно, с невоспитанной свободой *жеребёнка* [Улицкая 2003, с. 74];

Откуда взялись у ... Роберта Викторовича и ... Сонечки силы, чтобы ...выстраивать новую жизнь..., вмещающую ... всё их разъединённое прошлое: ломаную, как движение ослеплённой *ночной бабочки*, жизнь Роберта Викторовича ... и Сонечкину жизнь... [Улицкая 2003, с. 24];

... он смотрел на её чистый лоб и внутренне улыбался её чудному сходству с молодым *верблюдом*, терпеливым и нежным *животным* ... [Улицкая 2003, с. 12–13];

...состояние обезумевшей *мухи* ... [Улицкая 2002 Б, с. 13];

Лёгкий и сухой, как *саранча*, Роберт Викторович мало менялся ... [Улицкая 2003, с. 57];

Владимир А., в ту пору маленький, толстоватый, похожий на *тапура* мальчик, был влюблён в Таню [Улицкая 2003, с. 63];

Она всё ещё была юной и тонкой, похожей на диснеевского *олёнёнка* [Улицкая 2002 А, с. 41];

Она сновала в густом воздухе, перегруженном запахами старых бочек ... и ... тенями, которые окружают обветшалые и ненужные вещи, и вдруг, как *хамелеон*, исчезала в них [Улицкая 2002 А, с. 49];

Девочка ловила сосок, как маленькая *рыбка* большую наживу [Улицкая 2003, с. 42];

5. Метафорические значения анимализмов (9 примеров) можно разделить на: а) самостоятельные метафоры и б) косвенно метафорические значения в узуальных и окказиональных фразеологизмах. Последние могут быть интерпретированы так же, как развёрнутые метафоры:

а) Валентина Ивановна была толстая *корова* [Улицкая 2002 А, с. 220]

... Сонечка ... никогда не забыла и того, что было оставлено рагимовским детям и внукам, дружной стайке одинаковых тощих *воробышков* ... [Улицкая Л. 2003, с. 44];

Потом была представлена шарада, где фигурировал призрак, который не столько бродил, сколько ползал по Европе, шестиногой *корове* ... [Улицкая 2003, с. 112];

– Ну, обещал он денег-то дать, *Паук*-то, – сообщила она [Улицкая 2002 А, с. 224];

б) И Алёна, облечённая полнотой власти, тут же *взяла быка за рога*... [Улицкая 2002 А, с. 15];

... и они были безмолвно удивлены, когда по выходе на пенсию старой немки Елизаветы Христофоровны, замученной *грудной жабой* и дерзкими старшеклассниками, Анна Фоминична представила им ... новую преподавательницу немецкого языка ... [Улицкая 2002 А, с. 200];

Роберт Викторович ... отмечал убедительную художественность, высокую осмысленность и красоту Сонечкиного домашнего творчества. «*Мудр, мудр мир муравья* ...» – думал он мимолетно ... [Улицкая 2003, с. 77];

Она ... *подержала на крючке своего взгляда каждую из этих маленьких рыбок* ... [Улицкая 2002 А, с. 205].

6. В рассказах Л. Улицкой встречаются анимализмы и с комбинированными значениями. Их немного (9 примеров). Комбинированность семантики анимализмов может быть вызвана двуплановостью значения слова, в свою очередь обусловленной сочетаемостью слова. Так, в предложении « ... под каждой тарелкой лежала бумажная салфетка с *Микки-Маусом*, ещё неизвестным в здешних широтах *зверем* ... » [Улицкая 2002 А, с. 151] анимализм *зверь* может быть понят и как наименование реального животного (это значение вызвано сочетанием анимализма с выражением «здесьние широты»), и как название героя американского мультфильма (на это значение указывает собственное имя мультяшного героя).

Двуплановость семантики анимализма может быть обусловлена отнесённостью фразеологизма к символическому рассуждению героя. Так, Роберт Викторович из повести «Сонечка» называет участие стран в войне

ипподромом, и ему не важно, чья лошадь придёт первой. Используемый во фразеологизме анимализм *лошадь* (*чья лошадь придёт первой* = кто победит) содержит ассоциации с ситуацией реального ипподрома и лошадей:

– Не обольщайся. Мы прекрасно живём – сейчас. А что касается победы... Мы с тобой всегда останемся в проигрыше, какой бы из людоедов ни победил... Синие и зелёные – это цвета партий на *ипподроме*. Я хотел сказать, что меня никогда не интересовало, чья лошадь придёт первой. В любом случае гибнет человек, его частная жизнь... [Улицкая 2003, с. 27–28].

Наконец, комбинированная семантика зоосемизма может быть продиктована символичностью целого рассказа. Речь идёт о рассказе Л. Улицкой «Зверь» [Улицкая 2002 Б]. Реальный кот и его словесные реализации (*зверюга, кот, коты, котик, котяра, кошка* в рассказе и *зверь* в заголовке) приобретают здесь символический смысл, раскрывающийся в отношении героини к нему. Кот – то эмблема страха героини перед жизнью, собственной совестью, то символ её слабости, отчаяния, бессознательности, а в итоге символ примирения с собой и с жизнью. Однако такое значение анимализм приобретает лишь в контексте целого литературного произведения.

Таким образом, количественные показатели типов анимализмов в рассказах Л. Улицкой по отношению значений к действительности распределились следующим образом: номинативных значений – 61, расширительное – одно, метонимических – 6, номинативных сравнительных – 17, метафорических – 7, комбинированных – 9: из них комбинаций с символом – 8. Такое численное распределение анимализмов по семантическим типам объясняется, с одной стороны, правописательностью, реалистичностью прозы Л. Улицкой, с другой, её стремлением к живой, образной речи. Однако если доминирование номинативных значений характерно для прозы как рода литературы в целом, то количественные показатели сравнительных и символических значений подчеркивают желание писательницы сделать повествование впечатляющим, интригующим, многоплановым.

Подобной же классификации можно подвергнуть и неядерную лексику СП «Фауна», использованную Л. Улицкой (48 примеров). По отношению ЛЗ зоосемизмов к действительности последние могут быть распределены в следующие группы, которые мы расположим по степени возрастания образных значений анимализмов:

1. Слова с номинативными значениями (22 примера):

а) существительные со значением «жилище животного»: *голубятня* (4 раза), *куратник, конюшня, обезьянник, зоопарк*;

б) существительные, именующие людей, разводящих животных: *кошатница, голубятник*;

в) существительное с семантикой «часть тела животного»: *морда*;

г) прилагательные со значением «сделанный из шкуры животного»: *козья (шапка), кошачья (шубка), лисья (жакетка), фальшиво-барашковая (оторочка)*;

д) прилагательные с семантикой «принадлежащий животному»: *телячья (кожа), кошачий (запах), кошачья (душа), мушиный (помёт), утиная (ножка), рыбья (чешуя)*;

е) сложные прилагательные: *медведеобразная (жена), змееупорный (старец)*;

ж) глагольные формы: *обезьянничая, набыченные (хулиганы)*.

2. Слова со связанным номинативным значением, используемые в составе географического названия или устойчивого бранного выражения: *Котяшкина (деревня), (к чертям) собачьим*.

3. Слова с переносным сравнительным значением «такой, как у какого-либо животного», «свойственный какому-либо животному» (5 примеров). Обычно это относительные прилагательные, перешедшие в качественные. Эти сравнительные прилагательные трудно отличить от метафорических, так как грань перехода относительного адъектива в качественный очень тонка. Мы выработали следующие критерии разграничения: если возможна формулировка значения прилагательного без называния животного (*лягушечий (рот)* – «широкий, некрасивый») и рассматриваемое значение не только эмпирично (воспринимается органами чувств, например, зрением), а рационально (воспринимается разумом) или оценочно («некрасивый»), следует отнести его к качественным и метафорическим. Например, не следует считать метафорическим прилагательное *собачье (выражение лица)*, так как здесь не возможна формулировка ЛЗ адъектива без называния животного («выражение лица с обвисшими щеками») и сам выражаемый признак эмпиричен, воспринимаем зрительно. Прилагательное *волчий (взгляд)* («хищный») мы считаем метафорическим, так как оно выражает зрительный, но оценочный признак. Перечислим сравнительные значения (5 примеров): *собачье (выражение лица)* – «с обвисшими щеками», *птичий (нос)* – «с загнутым вниз носом», *куриные (ноги)* – «толстые вверху», *медведеобразная (жена)* – «полная, немного неуклюжая». У Л. Улицкой встретилось и окказиональное прилагательное *жукастый* в сравнительном эмпиричном значении «чёрный, похожий на жука» (*жукастые (дети)*). Рассмотрим употребление некоторых слов в тексте:

С тех пор, как Таня дала отставку Бориске, началась настоящая *собачья* свадьба [Улицкая 2002 Б, с. 67];

Сначала на широкий перекрёсток двух главных улиц ... пришли четыре цыганки с десятком вертлявых *жукастых* детей ... [Улицкая 2003, с. 70].

4. Слова с метафорическими значениями (17 слов): а) существительных ((*зверуное*) племя, стадо (о детях) – собирательные названия животных; *конура* – наименование места обитания животных; *крылышки* (о руках девочки), (*прикрывала*) *крылом* («защищала») –

названия частей тела); б) прилагательных (*когтистая (интрига)* «волнующая и опасная»). Отдельно следует сказать о метафорических прилагательных, выражающих сравнение и мотивированных относительными значениями. Они метафоричны, если содержат какой-либо оценочный признак или выражают сравнение несопоставимых объектов, отчего резко возрастает эффективность их использования: *совиная (морда официанта)* – «перепуганная», *лягушечий (рот)* – «широкий, некрасивый», *козьи (груды)* – «маленькие» (данное сравнение нестандартно), *лисий (носик)* – «маленький, слегка вытянутый» (сравнение непривычно), *павлиний (цвет)* – «с яркими, бросающимися в глаза цветами, красивый», *змеиный бросок* – «быстрый, мгновенный», *собачья свадьба* – «с большим числом женихов», *кошачий (ротик)* – «аккуратный, красивый», *кошачья (приспосабливаемость)* – «отличная», *звериная (воля к жизни)* – «сильная», *волчий (взгляд)* – «хищный», *жукастое «ж»* – «неприятное, мучительное». Рассмотрим употребление некоторых слов в тексте:

Какое-то тёмное жужжание слышала она вокруг, это было *жукастое*, чёрно-коричневое «ж», выползающее из слова «жидовка» [Улицкая 2002 А, с. 126];

... Нинка была единственной девочкой, которая ...с Лилей здоровалась ... и охотно становилась с ней в пару, когда выводили это шумное *стадо* в какой-нибудь обязательно красноречивый музей [Улицкая 2002 А, с. 125].

5. Слова со сложно-метафорическими или символическими значениями (2). Эти значения характерны для слов, участвующих в создании развёрнутой метафоры или приобретающих символический смысл в тексте целого художественного произведения. Слово «кокон» во фразе *А безмятежная душа Сонечки, закутанная в кокон из тысяч прочитанных томов, ...не узнавала своей великой минуты* [Улицкая 2003, с. 14–15] символизирует самоограждение человека от общего мира в мир, уютный для него. Слово *обезьянник* в рассказе «Ветряная оспа» называет образ, увиденный одной из героинь во сне. В контексте целого рассказа, посвящённого наивному, но страстному подражанию девочек взрослым, оно воспринимается как имеющее символический смысл: обезьянник с сеткой за стеклом – это взрослый мир, понятый детьми.

Как видно из количественных показателей, среди значений слов, связанных с анимализмами по своей семантике, в СП «Фауна» также доминируют номинативные ЛЗ (22 слова из 48). На втором месте метафорические ЛЗ (17 из 48), на третьем – сравнительные ЛЗ (5 слов из 48).

Исследование узуальности – окказиональности анимализмов прозы Л. Улицкой показывает большое количество окказиональных единиц – 16 из 115. Состав окказионализмов формируется благодаря выражениям, используемым во фразеологическом значении (3 примера): *мычать телёночком*, *блеять овечкой* и *кукарекать петушком* – «пытаться изо всех

сил развлечь кого-либо»; благодаря окказиональным одиночным, развёрнутым метафорам и метафорическим фразеологизмам (4 примера): Европа, шестиногая корова; жукастое «жж»; мудр, мудр мир муравья (о хозяйственных заботах Сонечки); она поддержала на крючке своего взгляда каждую из этих маленьких рыбок; а также благодаря символическим значениям приблизительно девяти слов в рассказе «Зверь» (зверюга, кот, коты, котик, котяра, кошка в рассказе и зверь в заголовке).

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В рассказах Л. Улицкой зафиксировано 104 одиночных и 11 комбинированных значений анимализмов.

2. По отношению семантики к действительности значения анимализмов распределяются так: номинативных значений – 61, номинативных сравнительных – 17, символических – 9, метафорических – 7, метонимических – 5, расширительное – одно. Такое численное распределение анимализмов по семантическим типам объясняется доминированием номинативных значений в прозе как роде литературы в целом, а также желанием писательницы сделать повествование впечатляющим.

3. В семантике неядерных слов СП «Фауна» (зоосемизмов) также доминируют номинативные ЛЗ (22 слова из 48). На втором месте метафорические ЛЗ (17 из 48), а на третьем – сравнительные ЛЗ (5 слов из 48).

4. Используемые в рассказах Л. Улицкой анимализмы главным образом узуальны, однако употребление 16 окказионализмов (выражений, используемых во фразеологическом значении; окказиональных одиночных развёрнутых метафор и метафорических фразеологизмов; символических значений зоосемизмов) – высокий показатель для прозы.

3.3. Специфика участия анимализмов и зоосемизмов, отражающих концептосферу «Фауна», в создании когнитивных картин мира авторов

В данной части работы мы хотим рассмотреть, какова роль анимализмов и зоосемизмов в создании авторской когнитивной картины мира. Когнитивная картина мира создаётся прежде всего авторским выбором и иерархией концептов, которые мы можем исследовать на материале ключевых анимализмов и зоосемизмов.

Как уже было показано ранее, контекстуальная семантика анимализмов в поэзии С. Аверинцева чрезвычайно разнообразна и зачастую комбинирована: было выделено 14 типов значений анимализмов по их отношению к действительности, в частности по вхождению в семантику слова номинативного, метафорического, символического пластов, по участию названия животного в тропах. Номинативная семантика, послужившая основой для возникновения

переносных значений анимализмов, присутствует в них наряду с символической или метафорической. Стихотворения С. Аверинцева созданы по законам формирования жанров духовной литературы: за внешним пластом семантики слов обнаруживаются всё более глубокие, духовно-символические пласты, каждый из которых может неожиданно высвечиваться, доминировать в зависимости от желания автора или духовного опыта, настроения, фоновых и культурных знаний читателя.

Описание концептов животных требует от исследователя проникновения в глубинный смысл духовных стихов, а следовательно, движения от номинативных значений к символическим. Поэтому прежде всего рассмотрим первичную семантику наименований животных в поэзии С. Аверинцева. Здесь возможно выделение 5 типов анимализмов:

1. Слова, именующие реалии мира дикой природы (17): *лев* (2 раза), *векша*, *волки*, *скотинка божья*, *заяц*, *чайка*, *ласточка*, *сова*, *зверь* (3 раза), *дельфин*, *рыбы*, *скимны*, *пташки*, *чуда морские*.

2. Слова, называющие сельскохозяйственных или домашних животных (10): *агнец* (3 раза), *ослица с ослёнком*, *птица в клетке*, *пчёлы*, *псы*, *овны*, *овцы*.

3. Номены реалий религиозной жизни людей (5): *Агнец* (5 раз).

4. Наименования реалий ментального мира человека (3): *чуда морские*, *василиск*, *оборотень*.

5. Название реалии культурно-исторического образа жизни людей (1): *конь* как принадлежность воина.

Все вторичные значения анимализмов С. Аверинцева распределяются в две группы: относящиеся к миру Добра и относящиеся к миру Зла. Если выразить это положение в терминах когнитивистики, то можно сказать, что контекстуальные составляющие концептов животных могут быть отнесены к двум концептосферам. Мир Добра воплощается в трёх типах символов, метафор, сравнений:

1. Вторичные значения, относящиеся к материальному гармоничному миру, через который просвечивает Божественное начало (14): *лани*, *заяц*, *векша*, *чайка*, *ласточка*, *сова*, *чуда морские*, *скимны*, *овны*, *пташки*, *пчёлы*, *птицы*, *голубка* (2 раза). Рой шумливых пчёл и птиц поэт сравнивает со звучанием греческого языка. Голубка – метафорическое нежное обращение к девушке-статусе. Данные названия животных встречаются в стихотворениях: «Стих о Петре апостоле» [Аверинцев 2003, с. 31], «Нортумбрийская песнь» [Аверинцев 2003, с. 58–59], «Стихи о греческом языке» [Аверинцев 2003, с. 180], «Голубая глиняная кора...» [Аверинцев 2003, с. 185]. Основанием для переноса значений здесь является укоренённость материального мира в духовном: всё разнообразие земной жизни – это творческое проявление Бога (мир дикой природы, человеческий язык, любовь к женщине).

2. Вторичное значение, связанное с человеческой душой, устремлённой к Богу (1): *птица* («Средиземноморская песня») [Аверинцев

2003, с. 103]. Мотив этого переноса – аналогия между поведением птицы, рвущейся из клетки, и жадной души, ищущей Бога.

3. Вторичные значения, касающиеся идеи Божественного смирения, кротости, жертвенности, царственного могущества Иисуса Христа (8): *Агнец (5 раз), агнец, овца, Лев* (стихотворения «Благовещенская песнь» [1, 31–35], «Рождественская песнь» [Аверинцев 2003, с. 23–25], «Стих о Петре апостоле» [Аверинцев 2003, с. 31–35], «Стих о стихах духовных, или прение о Руси» [там же, с. 41–49], «Стих о святой Варваре» [там же, с. 67–71]). Мотив данных переносов значений коренится в общем культурном опыте человечества: библейской символике Агнца как Иисуса Христа – жертвы за человеческие грехи [Белова 2000, с. 49]; в символике христианских трудов средневековья, согласно которым Лев обозначает воплощение Христа, воскрешение Сына Богом – Отцом, Святого Духа, сильных и непобедимых воинов, бесстрашие и стойкость [Белова 2000, с. 159].

Мир Зла также выражается тремя группами слов в переносном значении:

1. Вторичные значения, символизирующие человеческие заблуждения (4): *конь, рыбы, ослица с ослёнком*. Конь как принадлежность воина может символизировать завоёванное богатство, силу, опору человека не на Бога, а на себя [Аверинцев 2003, с. 22]. Основанием такого переноса является общеевропейская историческая культурная традиция считать коня знаком войны и победы полководца, демонстрирующего власть над войском [8, 250]. Две рыбы и ослица с ослёнком символизируют человеческую логику, маловерие, отсутствие привычки к парадоксальному Божественному мышлению, когда и этого довольно, чтобы радоваться Божьему присутствию [Аверинцев 2003, с. 39]. Заблуждения, выражаемые в данных символах, ещё не приводят человека к страданию.

2. Вторичные значения, связанные с отделённостью от Бога, результатом которой становятся страдание, озлоблённость, мертвенность (4): *псы, оборотень, волк, зверь (3 раза)*. Слова, лишённые Божьего промысла, похожи на псов одичалых («Боже, слова отбегают...») [Аверинцев 2003, с. 17–18]. Оборотень – волк Адольф Гитлер – символ безбожной озлобленности («Vindobona») [там же, с. 60–63]. Звери сопоставляются с людьми по силе их злобности («Стих о святой Варваре») [там же, с. 67–71]. Мотивами переносных значений здесь являются для номена *псы* наивное представление о бездомных псах, страдающих от холода и голода в стужу, а также их сходство со словами человека, лишённого Бога; для слова *оборотень* – этимология имени *Адольф* (древненемецкое «отец волков») [там же, с. 61] и сказочные представления разных народов о злых волшебниках, умеющих превращаться в животных, например, в волков; для слова *волк* в стихотворении «Vindobona» – средневековые европейские представления об этом животном как о жестоком, свирепом, жадном; для слова *зверь* в «Стихе о святой

Варваре» – аналогия поведения безбожного человека и зверя, для которого сила и жестокость – закон жизни.

3. Вторичные значения, реализующие идею богопротивника, учителя Зла (2 слова): *волки, Зверь*. Волками в «Стихе о стихах духовных...» [там же, с. 41-49] называет поэт учителей чёрной науки, в частности К. Маркса, а в стихотворении «Песнь о стране заката» [там же, с. 65-66] автор упоминает отродие Зверя, символизирующего Сатану. Исследование анимализмов в творчестве поэта позволяет увидеть существенную черту мировосприятия С. Аверинцева: столкновение двух миров, мира Зла и мира Добра, овеванное религиозным мистицизмом, верой в Божественную любовь, непримиримостью борьбы со Злом.

Таким образом, когнитивную картину мира С. Аверинцева прежде всего формируют слова, именующие реалии мира дикой природы (17): *лев* (2 раза), *векша, скотинка божья* и др.; далее следуют слова, называющие сельскохозяйственных или домашних животных (10): *агнец* (3 раза), *ослица с ослёнком, птица в клетке, пчёлы, псы, овны, овцы*; номены реалий религиозной жизни людей (5): *Агнец* (5 раз); наименования реалий ментального мира человека (3): *чуда морские, василиск, оборотень*; название реалии культурно-исторического образа жизни людей (1): *конь* как принадлежность воина. Мир Добра в поэзии С. Аверинцева воплощается во вторичных значениях, относящихся к материальному гармоничному миру; в значении, связанном с человеческой душой, устремлённой к Богу (1): *птица*; в значениях, касающихся идеи Божественного смирения, кротости, жертвенности, царственного могущества Иисуса Христа (8): *Агнец* (5 раз), *агнец, овца, Лев*. Мир Зла также отражается в трёх группах слов в переносном значении: в словах со вторичными значениями, символизирующими человеческие заблуждения (4): *конь, рыбы, ослица с ослёнком*; со значениями, связанными с отдалённостью от Бога, результатом которой становятся страдание, озлоблённость, мертвенность (4): *псы, оборотень, волк, зверь* (3 раза); со значениями, реализующими идею богопротивника, учителя Зла (2 слова): *волки, Зверь*.

Анимализмы, встретившиеся нам в прозе Л. Улицкой (всего 116 слов), могут быть разделены на группы по виду называемой ими реалии:

1. Прежде всего это конкретные или абстрактные названия реальных животных: *воробьи, голуби* (2 раза), *голубка, животное, жук, зверь, звери, кот* (16 раз), *котёнок, котик, коты, котьяра, кошка* (6 раз), *кошки, кролики, лошадка* (2 раза), *лошадь* (3 раза), *мышка, обезьянка, птица, птицы, рыбки, собака, тигр* (2 раза), *цикады, цыплята, шмель* (49 слов). Например: *Рыбки, собака*, пианино появились едва ли не в тот же день, когда девочка о них заговаривала [Улицкая 2003, с. 58].

2. Наименования животных, использованных как объект сравнения, метафоризации, окказиональной фразеологизации: *верблюд, волки, воробышки, голубь, газель, жеребёнок, животное, корова* (2 раза), *лошадь, моллюск, муравей, муха, ночная бабочка, овечка, петушок, пингвин,*

поросёнок, птенец, птица, рыба, саранча (2 раза), *телёночек, тапир, утёнок, хамелеон* (24 слова). Например: Яся в чёрном шёлковом платье лепилась к большой и бесформенной Сонечке, выглядывала из-под её руки, как *птенец* из-под крыла *пингвина* [Улицкая 2003, с. 121].

3. Наименования изображаемых животных: *блоха, газель, дракон, зверь, змея, кошки, лебедь* (2 раза), *львы* (2 раза), *петухи, птицы, собачка* (13 слов). Например: Никогда ещё она не видела таких безвидных мест, и ей захотелось домой, в нарядный дом в Оружейном переулке, так близко от того дворца, где *львы* с подмороженными гривами и тощими задами сидят на воротах [Улицкая 2002 А, с. 23].

4. Названия игрушечных животных: *животные, заяц* (2 раза), *зайчик, звери, медведь* (2 раза), *мишенька, мишка* (2 раза), *птицы, собачка* (12 слов). Например: «Какая всё же Гайка дурочка... Подарю ей мою американскую собачку», – великодушно решила она [Улицкая 2002 А, с. 114].

5. Наименования изделий из животных: *зверь, курица, лисицы* (3 раза), *полкурицы* (6 слов). Например: Арьергард состоял из ... одной родительницы из родительского комитета с двумя разлётшимися на плечах развратными чёрно-бурыми *лисицами* ... [Улицкая 2002 А, с. 4–5].

6. Названия животных, входящие в состав устойчивых выражений или выполняющие специфическую синтаксическую функцию: *взять быка за рога, грудная жаба, зверюга, скотина* (4 слова). Например: ... по выходе на пенсию старой немки Елизаветы Христофоровны, замученной *грудной жабой* и дерзкими старшеклассниками, Анна Фоминична представила им ... новую преподавательницу немецкого языка со скрыто воинственной фамилией [там же, с. 200].

7. Анимализмы, называющие героев американских мультиков: *Микки – Маус, (диснеевский) оленёнок* (2 слова). Например: ... она всё была юной и тонкой, похожей на диснеевского *олёнка*... [там же, с. 41].

8. Анимализмы, входящие в собственные наименования: *Паук* (кличка героя) (1 слово).

9. Анимализм – название отряда животных в зоологической классификации: *кошки* (1 слово).

10. Анимализм, называющий вымершее животное *стеллерова корова*, в примере: В дом, по случаю простуды девочек, был приглашён старый доктор Юлий Соломонович, из породы врачей, вымерших примерно в те же времена, что и *стеллерова корова* [там же, с. 64].

Неядерную лексику СП «Фауна» (зоосемизмы) из рассказов Л. Улицкой можно разделить на два класса: 1) слова, образованные от анимализмов каким-либо словообразовательным способом (43 слова), и 2) неоднокоренные по отношению к анимализмам слова (21 пример). К обоим классам относятся имена прилагательные, существительные, глаголы. Самые распространённые среди отанимальных производных – имена прилагательные (32 слова). Их можно разделить на следующие семантические типы:

1) отанимальные прилагательные с относительным сравнительным значением «как у какого-либо животного», «похожий на животное» (4 слова): *собачье* (выражение лица) – «с обвисшими щеками», *птичий* (нос) – «с загнутым вниз носом», *куриные* (ноги) – «толстые вверху», *медведеобразная* (жена) – «полная, немного неуклюжая».

2) отанимальные адьективы со значением «принадлежащий животному» (6 слов): *кошачий* (запах), *кошачья* (душа), *мушиный* (помёт), *павлиний* (цвет), *утиная* (ножка). Например: Яся вздыхала, отказывалась, а потом всё-таки съедала и *утиную* ножку, и ещё кусочек студня, и салат с крабами [Улицкая 2003, с. 82];

3) отанимальные прилагательные с относительным значением «сделанный из меха или шкуры какого-либо животного» (5 слов): *фальшиво-барашиковая* (оторочка), *козья* (шапка), *кошачья* (шубка), *лисыя* (жакетка), *телячья* (кожа). Например: Надела серую козью шапку и пошла [Улицкая 2002 А, с. 224];

отанимальные адьективы с качественным значением (они содержат в своём значении оценочный признак или выражают нестандартное сравнение) (14 слов): *блошинные* (цены) – «очень маленькие», *жукастое* (ж) – «ассоциирующееся с чем-то нехорошим, недобрый», *совиная* (морда официанта) – «перепуганная», *лягушечий* (рот) – «широкий, некрасивый», *козьи* (груды) – «маленькие» (данное сравнение нестандартно), *лисий* (носик) – «маленький, слегка вытянутый» (сравнение непривычно), *павлиний* (цвет) – «с яркими, бросающимися в глаза цветами, красивый», *змеиный бросок* – «быстрый, мгновенный», *собачья свадьба* – «с большим числом женихов», *кошачий* (ротик) – «аккуратный, красивый», *кошачья* (приспособляемость) – «отличная», *звериная* (воля к жизни) – «сильная», *волчий* (выгляд) – «хищный», *жукастое «ж»* – «неприятное, мучительное»;

4) сложные отанимальные прилагательные (1 слово): *змеупорный* (старец) – «борющийся со змеей»;

5) отанимальный адьектив в устном бранном выражении: к чертям *собачьим*;

6) отанимальное прилагательное, входящее в состав собственного географического названия: *Котяшкина* деревня.

Зафиксировано 9 отанимальных существительных, которые можно разделить на три группы:

1) отанимальные существительные, называющие помещения для содержания животных (6 слов): *голубятня* (4 слова), *конюшня*, *куратник*, *обезьянник* (2 слова);

2) отанимальные существительные, называющие человека (2 слова): *голубятник*, *кошатница*;

3) отанимальное существительные, именующее мясо животного (1 слово): *конина*.

Отанимальных глаголов и глагольных форм – две: *набыченные* (*хулиганы*), *обезьянничая*.

Неоднокоренные по отношению к анимализмам слова лексико-семантической группы «Животные» также можно разделить на существительные (17 слов), прилагательные (2 слова) и глаголы (4 слова). Среди существительных выделяются:

1) названия частей тела животных и человека: *рога, гривы, зад, крыло, морда, крылышки* (8 слов). Например: Пирожкова уже растанцевалась: выламывала *крылышки*, задирала свои куриные ноги выше головы и не обращала никакого внимания на интересную дискуссию [там же, с. 171];

2) названия мест содержания животных или жизни людей: *зоопарк, конура*;

3) наименования объединений животных и людей: *стадо, племя*. Например: Она стояла у входа в зоопарк, на тошем портале которого выродившиеся боги вымерших народов охраняли пленённое *зверино племя* [там же, с. 103];

4) название формы существования животного: *кокон*;

5) образное наименование войны и места скачек: *ипподром*. Например:

– Вот победим, кончится война, и тогда заживём такой счастливой жизнью...

Муж прервал её сухо и желчно:

– Не обольщайся. Мы прекрасно живём – сейчас. А что касается победы... Мы с тобой всегда останемся в проигрыше, какой бы из людоедов ни победил... Синие и зелёные – это цвета партий на *ипподроме*. Я хотел сказать, что меня никогда не интересовало, чья лошадь придёт первой. В любом случае гибнет человек, его частная жизнь... [Улицкая 2003, с. 27–28];

6) название мяса животного: *говядина*.

Нам встретились 2 неотанимальных прилагательных, принадлежащих к ЛСГ «Животные»: *зоологические (свитера)* – относительное окказиональное значение «с изображением животных»; *когтистая (интрига)* – качественное метафорическое окказиональное значение «впечатляющая, волнующая»; а также 4 неотанимальных глагольных формы: *ужаленный (Роберт Викторович)* – метафорическое значение «с задетым самолюбием», «задетый страстью»; *мычать (телёночком)*, *блехать (овечкой)*, *кукарекать (петушком)* – номинативные значения с общей семей «издавать звуки какого-либо животного».

Интересно выделить анимализмы, встречающиеся в рассказах Л.Улицкой много раз (так называемые константы). Для их отбора воспользуемся не только существительными, но и относительными прилагательными типа *змеиный*, которые очень близки семантике существительных своим объектным значением. Анимализмами – константами в рассказах Л.Улицкой являются слова: *кот* (26 раз), *птица* (8 раз), *лошадь* (7 раз), *собака* (6 раз), *корова* (5 раз), *зверь*, *медведь*, *лисица*

(по 5 раз). Слова, встретившиеся от четырёх до одного раза, мы не относим к константам.

Тематическая классификация анимализмов и слов лексико-семантического поля «Фауна» в прозе Л. Улицкой позволяет выделить характерные для писательницы фреймы (стереотипные визуальные ситуации). Сначала рассмотрим фреймы, в формировании которых принимают участие:

1. Реальные животные: а) городских улиц: *голубей*, летящих над зданиями, разгоняемых каким-нибудь голубятником; бродячих *кошек*; фотографа с *обезьянкой*; б) зоопарка: *тигра*, *обезьян*; в) городского дома: *рыбок*, *собачек*; г) сельского двора: *уток*; д) дикой природы: *цикад*, *жуков*, *шмеля*.

2. Сравнения животных с человеком: а) по внешности: *сухой*, как *саранча*, Роберт Викторович [Улицкая 2003, с. 57]; Валентина Ивановна была толстая *корова* [Улицкая 2002 А, с. 220]; б) по образу действия: рагимовским детям и внукам, дружной стае одинаковых *тощих воробышков* ... [Улицкая 2003, с. 44]; ... блестящие свитера и кофты она просто выделяла из самого своего существа, как *моллюск* выделяет перламутр [Улицкая 2002 А, с. 212].

3. Изображаемые животные: а) открыток (*газель*, *дракон*); б) воплощённых в скульптуре (*львы* с подмороженными гривами и тощими задками); в) в мультипликации (*Микки-Маус*); г) в пантомиме (*блоха*, *собачка*).

4. Игрушечные животные: *зайчик*, *заяц* (2 слова), *звери*, *медведь*, *мишенька*, *мишка*, *птицы*, *собачка*.

5. Изделия из животных:

Арьергард состоял из Клавдии Ивановны Драчёвой, одной родительницы из родительского комитета с двумя разлёгшимися на плечах развратными чёрно-бурыми *лисицами* и старичка-общественника [там же, с. 4–5];

Позади всех шла родительница, снявшая из-под пышных *лисиц* незначительное пальто [там же, с. 7];

... и Колыванова видела сверху её рыжих *лисиц* и маленькую вязанную шапочку с витым шнуром [там же, с. 232].

6. Вымершее животное: *стеллерова корова*

7. Животные, являющиеся представителями того или иного отряда: *кошки* [Улицкая 2002 Б, с. 60] – название отряда кошачьих.

Некоторые анимализмы, использованные Л. Улицкой, не создают фреймов, однако участвуют в ментальной работе иного плана. В сознании человека не возникает визуальный образ животного, название которого мотивирует образную номинацию. Появляются образы, вызванные вторичными значениями слов. Наименование животного вскользь мотивирует эмоциональную окраску, присущую вторичной номинации. Речь идёт о наименованиях животных, мотивирующих образные номинации: *Паук* – кличка героя (– Ну, обещал он денег-то дать,

Паук-то, – сообщила она [Улицкая 2002 А, с. 224]); *грудная жаба* – название болезни (... и они были безмолвно удивлены, когда по выходе на пенсию старой немки Елизаветы Христофоровны, замученной *грудной жабой* и дерзкими старшеклассниками, Анна Фоминична представила им ... новую преподавательницу немецкого языка ... [там же, с. 200]), Упоминание клички и названия болезни сопровождаются ментальными образами героя рассказа и мучающегося от грудной боли человека, причём обе номинации вызывают неприятные эмоции, связанные с эмоциональной окраской анимализмов *жаба* и *паук*.

В рассказах Л. Улицкой имеет место и комбинированные значения зоосемизмов, вызывающие на ментальном плане наложение фреймов. Так, в предложении « ... под каждой тарелкой лежала бумажная салфетка с *Микки-Маусом*, ещё неизвестным в здешних широтах *зверем* ...» [там же, с. 151] анимализм *зверь* может быть понят и как наименование реального животного (это значение вызвано сочетанием анимализма с выражением «здесь широты»), и как название героя американского мультфильма (на это значение указывает собственное имя мультяшного героя). Соответственно в сознании читателя возникает, по крайней мере, два фрейма: ситуация с героем американского мультфильма и ситуация с природой здешних широт, в которых наш глаз не может отыскать нужного нам реального зверя.

Двуплановость семантики анимализма может быть обусловлена отнесённостью фразеологизма к символическому рассуждению героя. Так Роберт Викторович из повести «Сонечка» называет участие стран в войне *ипподромом*, и ему не важно, *чья лошадь придёт первой*. Используемый во фразеологизме анимализм *лошадь* (*чья лошадь придёт первой* означает «кто победит») содержит ассоциации с ситуацией реального ипподрома и лошадей:

– Не обольщайся. Мы прекрасно живём – сейчас. А что касается победы... Мы с тобой всегда останемся в проигрыше, какой бы из людоедов ни победил... Синие и зелёные – это цвета партий на *ипподроме*. Я хотел сказать, что меня никогда не интересовало, *чья лошадь придёт первой*. В любом случае гибнет человек, его частная жизнь... [Улицкая 2003, с. 27–28]. Значит, в ментальном мире читателя возникает наложение двух фреймов: скачек на ипподроме и беседы героев о сущности войны.

Наконец, комбинированная семантика зоосемизма может быть продиктована символическостью целого рассказа. Речь идёт о рассказе Л. Улицкой «Зверь» [Улицкая 2002 Б]. Реальный кот и его словесные реализации (*зверюга, кот, коты, котик, котяра, кошка* в рассказе и *зверь* в заголовке) приобретают здесь символический смысл, раскрывающийся в отношении героини к нему. Кот – то эмблема страха героини перед жизнью, собственной совестью, то символ её слабости, отчаяния, бессознательности, а в итоге символ примирения с собой и с жизнью. Однако такое значение анимализм приобретает лишь в контексте целого литературного произведения. В этом случае в сознании читателя возникает

комбинация фреймов, относящихся к реальному и трансцендентному мирам.

Теперь обратимся к фреймам, вызванным в сознании читателя юосемизмами:

1. Ситуации с жилищем животного: *голубятня* (4 раза), *курытник*, *конюшня*, *обезьянник*, *зоопарк*, *конура*.

2. Фреймы с людьми, разводящими животных: *кошатница*, *голубятник*.

3. Ситуации с частями тела животных: *морда*.

4. Ситуации с изделиями из животных: *козья (шапка)*, *кошачья (шубка)*, *лисья (жакетка)*, *фальшиво-барашковая (оторочка)*.

5. Фреймы с принадлежностью чего-либо животному: *телячья (кожа)*, *кошачий (запах)*, *кошачья (душа)*, *мушиный (помёт)*, *утиная (ножка)*, *рыбья (чешуя)*.

6. Ситуации сравнения животного с человеком: а) по внешности (*медведеобразная (жена)*, (*жукастые (дети)*)); б) по сходству каких-либо частей тела (*собачье (выражение лица)*, *совиная (морда официанта)*, *птичий (нос)*, *лягушечий (рот)*, *козьи (груды)*, *лисьий (носик)*, *крылышки (о руках девочки)*); в) по сходству действия или поведения: *обезьянничая; набыченные (хулиганы)*; *собачья свадьба* [Улицкая 2003, с. 67]; *стадо (о детях)*; (*прикрывала*) *крылом («защищала»)*; *когтистая (интрига)* – «волнующая и опасная».

7. Фреймы с эмоциональной окраской выражений, в которых использованы анимализмы: (*жукастое «ж»* – «неприятное, мучительное»; (*зверуное*) *племя*).

8. Комбинации ситуаций. Слово «кокон» во фразе *А безмятежная душа Сонечки, закутанная в кокон из тысяч прочитанных томов, ...не узнавала своей великой минуты* [Улицкая 2003, с. 14–15] символизирует самоограждение человека от общего мира в мир, уютный для него. В сознании читателя, осмысливающего текст, возникает основной фрейм с человеком, пытающимся избежать неприятных ему сторон жизни; а также вспомогательный фрейм с визуальным образом кокона насекомого.

Слово *обезьянник* в рассказе «Ветряная оспа» [Улицкая 2002 А, с. 147–197] называет образ, увиденный одной из героинь во сне. В контексте целого рассказа, посвящённого наивному, но страстному подражанию девочек взрослым, оно воспринимается как имеющее символический смысл: обезьянник с сеткой за стеклом – это взрослый мир, понятый детьми. Здесь мы также сталкиваемся с двумя фреймами: ситуацией осмысления детьми мира взрослых и со зрительным образом обезьянника.

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Наиболее распространёнными в рассказах Л.Улицкой являются конкретные или абстрактные названия реальных животных (49 слов); наименования животных, использованные как объект сравнения,

метафоризации, фразеологизации (24 слова); номены изображаемых животных (13 слов). Встречаются также названия анимализмов-игрушек, изделий из животных; названия, входящие в состав устойчивых выражений; названия героев американских мультиков, анимализмы – составляющие собственных названий; название отряда животных в зоологической классификации, название вымершего животного.

2. Среди других слов СП «Фауна» в рассказах Л. Улицкой доминируют слова, образованные от анимализмов каким-либо словообразовательным способом (45 слов). В меньшинстве неоднокоренные по отношению к анимализмам слова (21 пример).

3. Самые распространённые среди отанимальных производных – имена прилагательные (32 слова). Их доминирующими типами являются отанимальные адъективы с качественным значением (14 слов), отанимальные адъективы с относительным значением «принадлежащий животному» (6 слов), отанимальные прилагательные с относительным значением «сделанный из меха или шкуры какого-либо животного» (5 слов). Немного меньше отанимальных существительных (9 слов), среди которых в количественном отношении выделяются отанимальные существительные, называющие помещения для содержания животных (6 слов).

4. Среди неоднокоренных по отношению к анимализмам слов лексико-семантической группы «Животные» доминируют существительные (17 слов). Среди существительных выделяются названия частей тела животных и человека (8 слов).

5. Анимализмами – константами (словами, встретившимися в рассказах Л. Улицкой 5 раз и более) являются слова: *кот* (26 раз), *птица* (8 раз), *лошадь* (7 раз), *собака* (6 раз), *корова*, *зверь*, *медведь*, *лисица* (по 5 раз).

6. Когнитивная картина мира Л. Улицкой создаётся следующими фреймами – типичными ситуациями использования названий животных: фреймами, включающими жилище животного; людей, разводящих животных; ситуации с частями тела животных; изделия из животных; фреймами, фиксирующими принадлежность чего-либо животному; фреймами, содержащими сравнение животного с человеком по внешности, по сходству каких-либо частей тела, по сходству действия или поведения; фреймами с эмоциональной окраской выражений, в которых использованы анимализмы; комбинациями ситуаций.

3.4. Сопоставление списков анимализмов в картинах мира сравниваемых авторов

Проанализировав первичные и вторичные значения анимализмов в поэзии С. Аверинцева, а также мотивы переносов, мы составили микрословарь контекстуальных значений анимализмов поэта, в котором заголовки статей сигнализируют о первичных значениях слов, а словарные статьи – о вторичных:

Агнец – символ 1) Живого Бога, смиренного, чистого;

2) жертвы;

3) Иисуса Христа;

агнец – символ кротости и смирения;

василиск – отдалённый символ человеческого мышления (мифологем) в отличие от Божественного (оказиональное лексическое значение, характерно только для данного контекста);

векша – отдалённый символ материального мира, пронизанного божественной природой (оказиональное);

волк – 1) отдалённый символ злобы, вызванной безбожием (оказиональное);

2) метафора – символ учителя чёрных наук, Зла (оказ.);

3) перифраза К. Маркса (оказ.);

голубка – 1) метафорическое ласковое отношение к женщине
2) ласковое отношение к девушке - статуе Коре (оказ.);

жаба – символ непросвещённости, неспособности к духовному научению (оказ.);

заяц – отдалённый символ материального мира, пронизанного божественной природой (оказ.);

Зверь – символ Сатаны;

зверь – 1) метафора сильных безбожников по отношению к слабым ближним (оказ.);

2) символ мертвенности человеческой воли и разума без идеи божественной любви (оказ.);

конь – символ заблуждения человека, заключающегося в стремлении к войне, богатству, силе, самости (оказ.);

лань – отдалённый символы материального мира, пронизанного Божественной природой (оказ.);

ласточка – отдалённый символы материального мира, пронизанного Божественной природой (оказ.);

Лев – метафора – символ царственного величия и могущества (оказ.);

оборотень – символ безбожной озлобленности Адольфа Гитлера (оказ.);

овны – символ материального мира, пронизанного Божественной природой (оказ.);

овцы – метафора людей, являющихся паствой Божьей (оказ.);

ослёнок – символ человеческого заблуждения, заключающегося в маловерии; отсутствии привычки к Божественной парадоксальной логике, к радостному терпению (оказ.);

ослица – символ человеческого заблуждения, заключающегося в маловерии; отсутствии привычки к Божественной парадоксальной логике, к радостному терпению (оказ.);

псы – 1) символ отдалённости от Бога, результатом которой является страдание и озлобленность (оказ.);

2) сравнение; о словах, лишённых Бога;

пташки – символ материального мира, пронизанного Божественной природой (оказ.);

птица – 1) символ человеческой души, тянущейся к Богу (оказ.);

2) сравнение, о словах греческого языка;

пчѣлы – сравнение: о словах греческого языка;

рыбы – символ человеческого заблуждения; маловерия, отсутствия привычки к Божественной парадоксальной логике, к радостному терпению (оказ.);

скимны – (эллиническое; льята, детёныши дикого зверя [Белова 2000, с. 230]); символ материального мира, пронизанного Божественным присутствием (оказ.);

сова – отдалённый символы материального мира, пронизанного Божественным присутствием (оказ.);

чайка – отдалённый символы материального мира, пронизанного Божественным присутствием (оказ.);

чуда морские – отдалённый символы материального мира, пронизанного Божественным присутствием (оказ.).

Как показывает составленный микрословарь, большинство представленных вторичных значений анимализмов С. Аверинцева имеет окказиональный характер, развивая многозначность названий животных в божественно-мистическом направлении. Поэт предлагает читателю погрузиться в мир не только субъективных смыслов (*пчѣлы, птицы*), но и в комбинированный мир наивных (*волк, голубка, овцы, сова, оборотень, птица в клетке*) или общекультурных (*Лев, василиск*) и мистических смыслов. С. Аверинцев приучает читателя чувствовать незримое Божественное присутствие в мире дикой природы; в мире животных, сопровождающих человека в домашнем хозяйстве; в мире культуры.

Рассмотрим слова концептосферы «Фауна», использованные в рассказах Л. Улицкой. Словарная статья содержит значение анимализма или зоосемизма, пример его использования в авторском тексте, указание порождающей семы, вида семантического сдвига, характер семантической динамики:

блошинные (цены) – очень низкие. *Фаянсовые английские тарелки по баснословно блошиным ценам в комиссионке* [Улицкая 2003, с. 90]. Порождающая сема – «блохи маленькие». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

верблюд – объект сравнения с терпеливой женщиной. ... *Он смотрел на её чистый лоб и внутренне улыбался её чудному сходству с молодым верблюдом, терпеливым и нежным животным* ... [Улицкая 2003, с. 12–13]. Порождающая сема – «верблюд – выносливое животное». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики потенциальная;

волчий (взгляд) – животный, недобрый. Порождающая сема – «у волка хищные, недобрые глаза». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики традиционная;

газель – объект сравнения с худенькой женщиной с тонкими чертами лица. *Бледненькая Маргарита, похожая на газель ещё больше, чем во времена юности, с полуседой головой, посмотрела на него рассеянным взглядом и закрыла глаза* [Улицкая 2002 А, с. 56]. Порождающая сема – «газель похожа на стройную, грациозную девушку, женщину». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная;

голубь – во фразеологизме *воссиять голубем* с символическим значением «осыпать славой, воздать почёт, провозгласить победителем». *Красная женская школа стояла напротив серой, мужской ..., чтобы дух соревнования ... мог бы сосредоточенно явиться над двумя этими крышами и воссиять голубем над достойнейшей, а именно женской ...* [Улицкая 2002 А, с. 198]. Порождающая сема – «голубь – символ Духа Божьего и мира». Вид семантического сдвига – символ. Направленность семантической динамики потенциальная;

жеребёнок – объект сравнения с девушкой, движущейся порывисто. *Резкая, размашистая Таня двигалась шумно, с невестинной свободой жеребёнка* [Улицкая 2003, с. 74]. Порождающая сема – «жеребёнок ведёт себя живо и непосредственно, движется размашисто». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики потенциальная;

жукастые (дети) – чёрные, неприятные. *Сначала на широкий перекрёсток двух главных улиц ... пришли четыре цыганки с десятком вертлявых жукастых детей ...* [Улицкая 2002 А, с. 70]. Порождающая сема – «жук обычно чёрного цвета и вызывает у человека неприятные ощущения». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

жукастое («ж») – неприятное и пугающее, ассоциирующееся со словом «жидовка». *Какое-то тёмное жужжание слышала она вокруг, это было жукастое, чёрно-коричневое «ж», выползающее из слова «жидовка»* [Улицкая 2002 А, с. 126]. Порождающая сема – «жук обычно вызывает у человека неприятные ощущения». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

звериная (воля к жизни) – сильная. Порождающая сема – «животным в большей степени, чем людям, свойствен инстинкт самовывживания» Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики традиционная;

Зверь, кот – символ страха, отчаяния, агрессии (греховности), потустороннего мира, а также примирения с жизнью и преодоления животной природы:

1. *Он их ждал, как будто решил, что пришла пора представиться. Сидел в кресле, огромный, самоуверенный, щекастой мордой к двери. Нина ойкнула. Томочка даже как будто восхитилась:*

– Ну и котяра! [Улицкая 2002 Б, с. 46].

2. Однажды кот снова явился во плоти. Каким образом он проник в квартиру, осталось неизвестным. Лаз был забит, балкон и форточки закрыты, камин был вне подозрений... [Улицкая 2002 Б, с. 52].

3. Самый удивительный сон героини, в котором она встретила своих умерших родственников: *Кто-то легко ткнул её под колено, и она, оглянувшись, увидела огромного кота, который тёрся о её ноги, требуя ласки. Это был он, треклятый кот, который попортил ей столько крови. Сергей нагнулся и погладил его по асфальтовой спине* [там же, с. 65–66]. Порождающая сема – «кот представлялся древнему народному сознанию то злой, то доброй потусторонней сущностью». Вид семантического сдвига – символ. Направленность семантической динамики потенциальная;

змеиный (бросок) – быстрый, мгновенный. *Он змеиным броском хватал ... рыдающего от обиды ребёнка* [Улицкая 2002 А, с. 62]. Порождающая сема – «змея нападает резким броском». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

зоологический (свитер) – на котором изображены животные. *Молодые люди в зоологических свитерах с угловатыми оленями* [Улицкая 2003, с. 62]. Порождающая сема – «имеющий отношение к зоологии». Вид семантического сдвига – метонимия. Направленность семантической динамики потенциальная;

ипподром – символическое обозначение войны и жизни вообще.

– *Не обольщайся. Мы прекрасно живём – сейчас. А что касается победы... Мы с тобой всегда останемся в проигрыше, какой бы из людоедов ни победил... Синие и зелёные – это цвета партий на ипподроме. Я хотел сказать, что меня никогда не интересовало, чья лошадь придёт первой. В любом случае гибнет человек, его частная жизнь...* [Улицкая 2003, с. 27–28]. Порождающая сема – «как в игре, так и в жизни каждый стремится к выигрышу». Вид семантического сдвига – символ. Направленность семантической динамики потенциальная;

когтистая интрига – опасная. *Когтистая интрига не отпускала её* [Улицкая 2002 А, с. 91]. Порождающая сема – «когти животного опасны». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

козьи (груды) – маленькие. Порождающая сема – «у козы маленькие, болтающиеся соски». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

кокон – символическое обозначение самоограждения человеческой души от мира. *А безмятежная душа Сонечки, закутанная в кокон из тысяч прочитанных томов, ...не узнавала своей великой минуты* [Улицкая 2003, с. 14–15]. Порождающая сема – «кокон является защитным полем, позволяющим личинке превратиться в своё время в бабочку». Вид семантического сдвига – символ. Направленность семантической динамики традиционная;

(шестиногая) корова – образное наименование Европы. *Потом была представлена шарада, где фигурировал призрак, который не столько бродил, сколько ползал по Европе, шестиногой корове ...* [Улицкая 2003, 112]. Порождающая сема – «Европа по форме напоминает шестиногую корову». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики нетрадиционная;

кот – см. *Зверь*;

кошачий (ротик) – аккуратный. *Нежный кошачий ротик* [Улицкая 2002 А, с. 70]. Порождающая сема – «У котов маленький аккуратный ротик». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

кошачья (приспосабливаемость) – хорошая. *Ясина кошачья приспособляемость* [Улицкая 2003, с. 91]. Порождающая сема – «кошки отлично приспособляются к условиям жизни». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики традиционная;

крыло – во фразеологизме *прикрывала крылом* метафорическое обозначение действия «защищать». *Она всегда прикрывала крылом ту, у которой ножки и румянец были потоньше* [Улицкая 2002 А, с. 62]. Порождающая сема – «птицы – заботливые родители». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики традиционная;

куриные (ноги) – как у курицы, утолщённые вверху. *Она задирала свои куриные ноги* [Улицкая 2002 А, с. 171]. Порождающая сема – «ноги курицы утолщены вверху». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики потенциальная;

лисий (носик) – маленький, слегка вытянутый. *Шевелить лисьим носиком* [Улицкая 2002 А, с. 167]. Порождающая сема – «у лисы маленький вытянутый носик». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

лягушечий (рот) – широкий, как у лягушки. *Режиссёр с птичьим носом и лягушечьим ртом* [Улицкая Л. 2003, с. 80]. Порождающая сема – «у лягушки широкий рот». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

медведеобразная (жена) – похожая на медведя, неуклюжая и крупная. *Его медведеобразная жена*. Порождающая сема – «медведь неуклюж». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики потенциальная;

моллюск – объект сравнения с молодой женщиной, любящей красиво одеваться. *...Блестящие свитера и кофты она просто выделяла из самого своего существа, как моллюск выделяет перламутр* [Улицкая 2002 А, с. 212]. Порождающая сема – «моллюск способен производить перламутр». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики нестандартная;

муха – метафорический образ мечущейся в психологическом плане женщины. *Она ... испытывала состояние обезумевшей мухи, у которой оторвали крылья: крутилась, кружила на месте, а мир проваливался под ногами или падал куда-то в бок ...* [Улицкая 2002 Б, с. 44]. Порождающая сема – «обезумевшая муха кружится». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики потенциальная;

(ослеплённая) ночная бабочка – метафорический образ человека, которого много раз приходилось начинать свою жизнь сначала, которого часто «ломала» жизнь. *Откуда взялись у ... Роберта Викторовича и ... Сонечки силы, чтобы ... выстраивать новую жизнь..., вмещающую ... все их разьединённое прошлое: ломаную, как движение ослеплённой ночной бабочки, жизнь Роберта Викторовича ... и Сонечкину жизнь...* [Улицкая 2003, с. 24]. Порождающая сема – «у ослеплённой ночной бабочки ломаные движения». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики потенциальная;

обезьянник – символическое обозначение взрослого мира в оценке героев и автора рассказа. *Сетка за стеклом, как в обезьяннике* [Улицкая 2002 А, с. 196]. Порождающая сема – «обезьяны, живущие в обезьяннике, бездумно подражают кому-либо». Вид семантического сдвига – символ. Направленность семантической динамики потенциальная;

(блеть) овечкой – объект сравнения с поведением человека, отвлекающего плачущего ребёнка от слёз и для этого издающего звуки овцы:

Он готов был мычать телёночком, блеть овечкой и кукарекать петушком одновременно, пока не успокаивалось дитя [Улицкая 2002 А, с. 62]. Порождающая сема – «человек может издавать звуки овцы». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная;

олёнёнок – объект сравнения с юной хрупкой молодой женщиной. *Она всё ещё была юной и тонкой, похожей на диснеевского оленёнка* [там же, с. 41]. Порождающая сема – «герой мультфильма У. Диснея оленёнок может напоминать хрупкую, наивную женщину». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики нетрадиционная;

(кукарекать) петушком – объект сравнения с поведением человека, отвлекающего плачущего ребёнка от слёз и для этого издающего звуки петуха. *Он готов был мычать телёночком, блеть овечкой и кукарекать петушком одновременно, пока не успокаивалось дитя* [Улицкая 2002 А, с. 62]. Порождающая сема – «человек может издавать звуки петуха». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная;

павлиний (цвет) – тёмный, с яркими синими кругами, как на хвосте павлина. *Старое шёлковое платье павлиньего цвета* [там же, с. 57]. Порождающая сема – «у павлина хвост тёмного цвета с яркими кругами на

конце». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики традиционная;

пингвин – объект сравнения с женщиной, нежно заботящейся о каком-либо беззащитном существе. *Яся ... выглядывала из-под её руки, как птенец из-под крыла пингвина* [Улицкая 2003, с. 121]. Порождающая сема – «пингвины – заботливые родители». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная;

поросёнок – объект сравнения с ребёнком, у которого розовая влажная кожа. *Плишкина, розовая и влажная, как искупавшийся поросёнок, вылезла на поверхность* [Улицкая 2002 А, с. 183]. Порождающая сема – «у поросёнка влажная розовая кожа». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная;

птенец – объект сравнения с беззащитным человеком. *Яся ... выглядывала из-под её руки, как птенец из-под крыла пингвина* [Улицкая 2002 А, с. 121]. Порождающая сема – «птены беззащитны и требуют постоянной опеки». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная;

птица – объект сравнения с девочкой в момент резкого движения. *Лилия рванулась, как большая толстая птица* [там же, с. 129]. Порождающая сема – «птица вспархивает при чьём-то резком движении». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики потенциальная;

птичий (нос) – напоминающий нос птицы. *Режиссёр с птичьим носом и лягушечьим ртом* [там же, с. 80]. Порождающая сема – «нос птицы может наминать нос человека». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная;

рыбка – 1) объект сравнения с младенцем, ищущим сосок. *Девочка ловила сосок, как маленькая рыбка большую наживу* [Улицкая 2003, с. 42]. Порождающая сема – «стремление грудного ребёнка к соску и рыбки к наживе напоминают друг друга». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики потенциальная; 2) метафорический образ детей, заинтригованных учительницей. *Она ... подержала на крючке своего взгляда каждую из этих маленьких рыбок ...* [Улицкая 2002 А, с. 205]. Порождающая сема – «крючок привлекает рыбок возможностью пищи». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

саранча – объект сравнения с худым, сухим человеком. *... Лидка была просторная, с мясом, как говорила их бабушка, а Танька сухая, как саранча* [там же, с. 227]. *Лёгкий и сухой, как саранча, Роберт Викторович мало менялся ...* [Улицкая 2003, с. 57]. Порождающая сема – «саранча

кажется сухой, худой». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики нетрадиционная;

(мычать) телёночком – объект сравнения с поведением человека, отвлекающего плачущего ребёнка от слёз и для этого издающего звуки телёнка. *Он готов был мычать телёночком, блять овечкой и кукарекать петушком одновременно, пока не успокаивалось дитя* [Улицкая 2002 А, с. 62]. Порождающая сема – «человек может издавать звуки телёнка». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная;

собачье (выражение лица) – напоминающее собачье. Порождающая сема – «морда собаки имеет особое выражение». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная;

собачья (свадьба) – напоминающая свадьбу собак по числу женихов. *С тех пор, как Таня дала отставку Борiske, началась настоящая собачья свадьба* [Улицкая 2003, с. 67]. Порождающая сема – «у собак во время вязки может быть большое число половых партнёров». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

совиная (морда официанта) – испуганная, с большими круглыми глазами, как у совы. *Совершенно совиная морда официанта* [Улицкая 2003, с. 34]. Порождающая сема – «у совы большие круглые глаза». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики традиционная;

тапир – объект сравнения с маленьким толстоватым мальчиком. *Владимир А., в ту пору маленький, толстоватый, похожий на тапира мальчик, был влюблён в Таню* [там же, с. 63]. Порождающая сема – «у тапира толстоватое тело с вытянутой головой». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики нетрадиционная;

утёнок – объект сравнения с маленькой тощей женщиной, возможно с походкой вперевалку. ... *Оказалось, что она маленькая, тощенькая и напоминает утёнка* [Улицкая 2002 А, с. 24]. Порождающая сема – «утёнок маленький, худенький, ходит, слегка переваливаясь». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики потенциальная;

ужаленный (Роберт Викторович) – с задетым самолюбием. Порождающая сема – «укус насекомого доставляет физический дискомфорт». Вид семантического сдвига – метафора. Направленность семантической динамики потенциальная;

хамелеон – объект сравнения с человеком, «растворяющимся» в каких-либо интересах. *Она сновала в густом воздухе, перегруженном запахами старых бочек ... и ... тенями, которые окружают обветшалые и ненужные вещи, и вдруг, как хамелеон, исчезала в них* [Улицкая 2003, с. 49]. Порождающая сема – «хамелеон легко приспосабливается

к окружающей обстановке». Вид тропа, в котором использовано слово, – сравнение. Направленность семантической динамики традиционная.

В рассказах Л. Улицкой большинство анимализмов и зоосемизмов используется в сравнениях. Первичные значения таких слов представляют собой названия диких (20) и домашних (15) животных: *блошиные (цены), верблюд, волчий (взгляд), газель, голубь* (во фразеологизме *воссиять голубем*), *жеребёнок, жукастые (дети), жукастое («ж»), звериная (воля к жизни), Зверь, кот, котяра, змеиный (бросок), зоологический (свитер), ипподром, когтистая интрига, козьи (груды), кокон, (шестиногая) корова, кошачий (ротик), кошачья (приспосабливаемость), крыло, куриные (ноги), лисий (носик), лягушечий (рот), медведеобразная (жена), моллюск, муха, (ослепленная) ночная бабочка, обезьянник, (блеять) овечкой, оленёнок, (кукурекать) петушком, павлиний (цвет), пингвин, поросёнок, птенец, птица, птичий (нос), рыбка, саранча, (мычать) телёночком, собачье (выражение лица), собачья (свадьба), свиная (морда официанта), тапир, утёнок, ужаленный (Роберт Викторович), хамелеон.*

Отличие авторов заключается в том, что у С. Аверинцева встречается книжная и библейская лексика (*скимны, Лев, Агнец, Зверь*) и нет констант, а у Л. Улицкой есть анимализмы, встретившиеся 5 раз и более: *кот* (26 раз), *птица* (8 раз), *лошадь* (7 раз), *собака* (6 раз), *корова, зверь, медведь, лисица* (по 5 раз).

3.5. Особенности типологии тропов, мотивированных анимализмами, по их отнесённости к языковому уровню и по степени соответствия русской ментальной традиции в идиостиле исследуемых авторов

Целью нашего исследования является описание тропов, мотивированных названиями животных, и использование количественных характеристик этих тропов для выяснения специфики идиостиля С. Аверинцева и Л. Улицкой. Эта цель реализуется в решении нескольких задач:

1. Разработать типологию тропов, создаваемых анимализмами, по основаниям «одиночность/комбинированность», «вид языкового уровня, единицы которого являются средством создания тропов».

2. Дать количественную характеристику идиостиля С. Аверинцева и Л. Улицкой по типам тропов, мотивированных названиями животных.

Перейдём к рассмотрению анимализмов как составляющих тропов (в узком значении: не как всех средств изобразительности, а как таких, которые основаны на преобразовании законов логики) и синтаксических фигур (основанных на преобразовании законов синтаксиса). Как уже было сказано ранее, все тропы в широком смысле слова могут быть разделены на группы по их отнесённости к определённом языковому уровню: фонетические, словообразовательные, семантические, лексические, морфологические, синтаксические. Добавим к ним текстуальные тропы, представляющие собой использование слов из прецедентных (значимых

в данной культуре) текстов. Например, *Агнец* – принятое в христианстве название Иисуса Христа.

С.С. Аверинцев, как показало исследование его духовных стихов, тяготеет к доминирующему использованию семантических тропов (главным образом символов) (40 примеров), на втором и третьем месте по частоте использования – фонетические (19) и синтаксические тропы (18). За ними следуют текстуальные (8) и морфологические (6). Очень редко автор использует лексические, грамматические и словообразовательные тропы (2, 1 и 1).

Рассмотрим типологию тропов, создаваемых анимализмами, в данном порядке. К семантическим тропам традиционно относят фигуры мысли, классифицируемые по типу сопоставления денотатов (тождество, смежность, сходство, контраст) [304]. В поэзии С. Аверинцева, как правило, используются тропы, основанные на сходстве: символ, метафора, сравнение. Встречаются единичные случаи тропов, основанных на тождестве (перифраза) и контрасте (оксюморон). Тропы сходства реализуются главным образом в комбинациях, «пучках» значений, которые мы предварительно классифицировали по их отношению к действительности, по участию в тропах, по единичности/множественности смысла слов – зоосемизмов. Мы уже говорили о 13 типах семантики анимализмов С. Аверинцева, которые расположили в порядке постепенного перехода от номинативных значений к символическим. Рассмотрение семантических тропов было подробно освещено в главе 3.3. «Специфика участия анимализмов и зоосемизмов, отражающих концептосферу «Фауна», в создании когнитивных картин мира авторов» (с. 162–171). Оно показало, что в поэзии С. Аверинцева доминируют значения с преобладанием символического элемента (20 значений на фоне 6, 11, 4). Восемь типов из тринадцати имеют комбинированные значения. Анимализмы участвуют в создании таких тропов, как собственно символ (20), отдалённый символ (6), сравнение (5), метафора (4), отрицание (1), перифраза (1), оксюморон (1).

Среди фонетических тропов, создаваемых анимализмами, в поэзии С. Аверинцева мы встретили три случая звукоподражания (воображаемому звучанию василиска (звуки [ш,с]), шуршанию травы под ногами монаха ([ш, ш', х]), жужжанию роя пчёл ([ш, ч, с, ц]):

1. ... о шилы да свисты василиска
из сырой утробы колодца ... [Аверинцев 2003, с. 60].
2. ...и дрёму ящерок будят
мирные шаги монаха [Аверинцев 2003, с. 64].
3. ... Нет, не слова: сцепившиеся в рой
Шумливый пчёлы или капли мёда... [Аверинцев 2003, с. 180–181].

Чаще, чем звукоподражания, поэт использует анимализмы со звуковыми повторами с целью создания звукообраза (14 примеров). Звукообразное использование названий животных С. Аверинцев осуществляет, или подчёркивая гармонию природы и души человека

(7 случаев), или выделяя тёмные явления действительности (5 случаев), или создавая нейтральные образы (2 примера).

Звукообраз гармоничного мира, создаваемый повтором звуков и звукосочетаний, нашёл своё воплощение в следующих строках поэта:

1. ... весёлые удолия *ланей* ...

... на лугу *заяц* показался,

и рыжая *векша* – на ветви...

... сова в овраге прокричала [Аверинцев 2003, с. 58–59].

2. ...и дрёму ящерок будят

мирные шаги монаха [Аверинцев 2003, с. 64].

3. Тихо в речке рыба ходит...

... Рыба спит в реке глубокой [Аверинцев 2003, с. 177].

4. ... Дельфины, играющие в фиолетовых волнах... [Аверинцев 2003, с. 182].

5. Голубая глиняная Кора,

Элевсинская моя голубка ... [там же, с. 185].

Звукообраз мира Тьмы, безбожного оцепенения создаётся звуковым повтором в следующих строках:

1. ... о шипы да свисты *василиска*
из сырой утробы колодца ... [там же, с. 60].

2. ... уж и *оборотень* провыл *волком*,
Атаульф злоименный ... [там же, с. 61].

3. – Большие *звери* терзают малых
на суше и в пучинах моря.

Кривого прямым не сделать,
и человек – злее *зверя* [там же, с. 68].

4. Как под снегом ель, как в логове *зверь*, дремлет воля, и разум
молчит [там же, с. 87].

Нейтральные звукообразы упорного настойчивого действия и сочного вязкого звучания греческого языка используются С. Аверинцевым в стихотворениях «Средиземноморская песня» [там же, с. 103] и «стих о греческом языке» [там же, с. 180]:

Сколько душе ни томиться

в мире глухом и немом,

не перестанет *птица*

бить о клетку крылом,

не перестанет море

бить о берег волной –

ascoltaci, o Signore,

abbi pieta di noi!*

(* Услыши нас, Господи, и помилуй! (итал.))

2. ... Нет, не слова: сцепившиеся в рой

Шумливый *пчелы* или капли мёда... [там же, с. 180–181].

Нередки в стихах С. Аверинцева синтаксические тропы, в состав которых входят названия животных. Синтаксические тропы отличаются

простотой: доминирует повтор простого и назывного предложения (7 и 3 раза). Например, в стихотворении «Нортумбрийская песнь» [там же, с. 58]:

... на лугу [заяц показался],
и [рыжая векша – на ветви];
[ветер с недальнего моря],
и [в ветре – крыло чайки]...

Повтор синтаксической структуры пронизывает весь поэтический текст, подчёркивая многообразие физического мира как проявление мира мистического.

Встречается также повтор приложений (2), дополнений (2), сказуемого (1), обособленного определения (1), придаточного определительного предложения (1), отрицательного сравнительного оборота (1). Синтаксические тропы с участием зоосемизмов показывают использование С. Аверинцевым фольклорных традиций (отрицательные повторы сравнений и дополнений):

Не в злате и серебре богатство,
не в коне и всаднике – сила ... [там же, с. 22].

Простоту синтаксического тропического творчества в поэзии С. Аверинцева подчёркивает отсутствие сложных синтаксических фигур прибавления, убавления и размещения.

Исследуемые поэтические тексты содержат отсылки к прецедентным текстам или общечеловеческим культурным знаниям. Это отсылки к христианской символике (*Агнец, Лев, Зверь*), к тексту Евангелий (реплики людей, сетовавших Христу на их бедность: «а у нас только две рыбы, а у нас только пять хлебов? ... Только ослица с ослёнком да отроки, поющие славу» [там же, с. 39]).

Морфологические тропы с анимализмами содержат повтор частицы *только*, союзного слова *где* междометия *о*, наречия *уж* и сравнительного союза *как*. Такие повторы обычно строят синтаксические фигуры прибавления, служащие для выделения мысли или чувства, выраженных с помощью данной синтаксической фигуры. Например,

Как под снегом ель, как в логове *зверь*, дремлет воля, и разум
молчит [там же, с. 87].

Здесь подчёркивается сила оцепенения, охватившего мир без осознания Божественной любви.

Единичные тропы с участием анимализмов – это отдалённый лексический повтор слова *лев* и *птица*; гамматический троп, основанный на поиске сходства в отрицательной и утвердительной модальности; и словообразовательный повтор корня в словах *голубая, голубка*, возрождающий этимологические связи между словами. Указанный отдалённый лексический повтор строит сложную мысль автора – сопоставление различных явлений: в «Стихе о стихах духовных, или прении о Руси» [там же, с. 41–49] – льва, усмирённого святым человеком, и русских людей, усмиряемых Словом Божьим; в стихотворении «Средиземноморская песня» [там же, с. 103] – птицы, рвущейся из

клетки, и человеческой душой, тянущейся к Богу. Грамматический троп встречаем в стихотворении «Стих о стихах духовных, или прение о Руси»[там же, с. 41–49]:

То правда, ленивы мы были,
не искали учения *Агнца*,
а после в чёрную науку
каким волкам не давались!

Подчёркнутая фраза здесь имеет утвердительную модальность: мы давались в науку самым разным учителям Зла. Но это утверждение выражено с помощью отрицательной частицы *не*.

Рассмотрев различные виды тропов с участием зоосемизмов, интересно исследовать **сочетаемость тропов** между собой и роль анимализмов в их создании. Чаще всего между собой встречаются комбинированные семантические тропы (27) и семантико-синтаксические тропы (7), далее следуют синтактико-фонетические (4), синтактико-семантико-фонетические (3), морфолого-семантические (3), семантико-фонетические (2) тропы. Единичны случаи морфолого-семантико-синтаксического, семантико-грамматического, морфолого-фонетического, морфолого-синтактико-фонетико-семантического, морфолого-фонетико-семантического, лексико-синтактикофонетико-семантического, словообразовательно-синтактико-фонетико-семантического тропов. В качестве примеров интересно рассмотреть случаи использования анимализмов в сочетании четырёх тропов:

1. Сочетание трёх семантических тропов (сравнение, символ, перифраза), фонетического (звуковой повтор [о, р, в, л]), синтаксического (повтор структуры простого предложения) и морфологического (повтор наречия *уж*) тропов имеет место в строках стихотворения «Vindobona»[там же, с. 60–63]:

...[*уж* допито до дна, до капли
всё ведьмино варево вальсов,
тот шорох чешуи змеиной],
[уж и оборотень провыл волком,
Атаульф злоименный...]

Здесь слово *волк* становится скрещением трёх семантических тропов: сравнения (оборотень провыл *волком*), перифразы (*Атаульф*ом злоименным, *оборотнем* называет С. Аверинцев Гитлера, причём, *Атаульф* переводится «отец волков») и отдалённого символа, реализуемого в целом поэтическом тексте (*Гитлер* – символ Зла мира сего). Звуковой повтор [о] (7 раз, из которых 2 ударных), [л] (4 раза), [р] (2 раза), [в] (2 раза) подчёркивает серьёзность этого проявления Зла в мире людей. Анимализм *волк* является также членом лексической группы, участвующей в повторе синтаксической структуры простого предложения, сопровождающемся морфологическим повтором наречия *уж*.

Слово *птица* в стихотворении «Средиземноморская песня» [там же, с. 103] также представляет собой пересечение четырёх тропов:

лексического повтора, повтора синтаксической конструкции простого предложения, фонетического повтора [п,т] и семантического тропа символа:

Сколько душе ни томиться
в мире глухом и немом,
не перестанет птица
бить о клетку крылом,
не перестанет море
бить о берег волной –
ascoltaci, o Signore,
abbi pieta di noi!*

(* Услыши нас, Господи, и помилуй! (итал.))

Лексический повтор в начале строк (*не перестанет, бить*) в сочетании с повтором синтаксической конструкции простого предложения ([не перестанет *птица* бить о клетку крылом], [не перестанет море бить о берег волной]) и фонетическим повтором [т] (7 раз), [п] (2 раза) подчёркивает устойчивую закономерность некоторых важных явлений Вселенной, одухотворённой Богом: устремлённость мира к свободе, а человеческой души – к Богу. Слово *птица* в контексте всего стихотворения приобретает символическую семантику: символ человеческой души, тянущейся к Богу (окказ).

2. Слово *голубка* в стихотворении «Голубая глиняная Кора...» [там же, с. 185] также представляет собой пример столкновения четырёх тропов: словообразовательного, синтаксического, фонетического повтора и семантического тропа – метафоры:

Голубая глиняная Кора,
Элевсинская моя голубка,
Госпожа девического хора:
Кровь темна, а наше сердце хрупко

[там же, с. 185].

Повтор омонимичного корня *-голуб-* в словах *голубая* и *голубка*, относящихся к наименованию одного и того же явления, статуи древнегреческой девушки, вскрывает этимологические связи слов (наименование *голубь* восходит к слову *голубой*). Лирическое впечатление интимного обращения мотивируется узуальным переносным употреблением слова *голубка* в значении ласкового обращения к женщине и окказиональным метафорическим сравнением с голубкой по сходству авторского отношения к птице и девушке-статуе. Нежность, интимность этого обращения подчёркивается повторяющейся позицией распространённого приложения (Голубая глиняная Кора, /Элевсинская моя голубка/, /Госпожа девического хора/...), а также звуковым повтором гласных ([о] – 9 раз, из них 3 – ударных, [у] – 3 раза) и согласных ([г] – 4 раза, [л] – 4 раза, [р] – 5 раза).

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В духовной поэзии С. Аверинцева преобладают семантические тропы, мотивированные анимализмами (40), за ними следуют фонетические (19) и синтаксические тропы (18). Реже поэт использует текстуальные (8) и морфологические (6) средства языковой изобразительности.

2. Среди семантических тропов доминирующими является символ (20 примеров), за ним следуют отдалённый символ (6), сравнение (5), метафора (4), отрицание (1), перифраза (1), оксюморон (1). Большинство символических значений комбинируется с другими (номинативными, номинативно-фантастическими, сравнительными, метафорическими).

3. В духовной поэзии С. Аверинцева главным образом используются комбинированные средства языковой изобразительности. Сочетания тропов могут быть двойными, тройными и т.д. Чаще всего комбинируются тропы семантические (27 примеров), далее следуют семантико-синтаксические тропы (7), синтактико-фонетические (4), синтактико-семантико-фонетические (3), морфолого-семантические (3), семантико-фонетические (2) тропы. Единичны случаи морфолого-семантико-синтаксического, семантико-грамматического, морфолого-фонетического, морфолого-синтактико-фонетико-семантического, морфолого-фонетико-семантического, лексико-синтактикофонетико-семантического, словообразовательно-синтактико-фонетико-семантического тропов.

Рассмотрим использование данных слов в текстах Л. Улицкой. Примеры сгруппируем по характеру значения, создаваемого словами лексико-семантического поля «Фауна»: от номинативного до символического. Внутри каждой группы сначала проанализируем использование анимализмов, а затем других слов, отражающих исследуемую концептосферу.

1. Сравнительно – номинативные значения слов лексико-семантического поля «Животные» (их 22) используются в сравнениях и имеют номинативную семантику. Как показывают наблюдения над фактическим материалом, значения слов концептосферы «Животные», использованные в сравнениях, можно разделить на стандартные, нестандартные и потенциальные.

К стандартным мы относим устойчивые сравнения, характеризующиеся привычностью (эталонностью) сопоставляемых явлений и общеизвестностью порождающей семы. Обычно устойчивость таких сравнений отражена в толковом словаре: либо в одной из словесных дефиниций; либо в устойчивом сравнении, сопровождающем толкование. Встречаются также стандартные сравнения, эталонность которых не фиксируется в словаре, но может быть доказана благодаря существованию устойчивого мотива в фольклорной или литературной традиции. Рассмотрим такие сравнения (их 7):

Яся ... выглядывала из-под её руки, как *птенец* из-под крыла пингвина [Улицкая 2003, с. 121].

Бледенькая Маргарита, похожая на газель ещё больше, чем во времена юности, с полуседой головой, посмотрела на него рассеянным взглядом и закрыла глаза [Улицкая 2002 А, с. 56].

Плишкина, розовая и влажная, как искупавшийся поросёнок, вылезла на поверхность [там же, с. 183].

Она сновала в густом воздухе, перегруженном запахами старых бочек ... и ... тенями, которые окружают обветшалые и ненужные вещи, и вдруг, как хамелеон, исчезала в них [Улицкая 2003, с. 49].

Он готов был мычать телёночком, блеять овечкой и кукарекать петушком одновременно, пока не успокаивалось дитя [Улицкая 2003, с. 62]. Здесь анимализмы используются в устойчивых сочетаниях слов.

В этих примерах мы встречаемся с привычными сопоставляемыми явлениями: 1) *птенец* – беззащитный ребёнок (сравните со словарным толкованием: «2. О ребёнке; ученике, воспитаннике. *Желторотый птенец* (об очень молодом, наивном, неопытном человеке)...» [БТС 2003, с. 1043]); 2) *газель* – стройная, грациозная девушка, женщина (словарная дефиниция [БТС 2003, с. 191] устойчивый мотив восточного фольклора и литературной традиции); 3) *хамелеон* – человек, легко приспосабливающийся к обстановке (словарное толкование [там же, с. 1483]); либо с общеизвестными порождающими семами: у поросёнка нежная розовая зернистая кожа (устойчивое сравнение *розовый, как поросёнок*, не зафиксированное в словаре); либо с устойчивыми сочетаниями слов: *мычать телёночком, блеять овечкой и кукарекать петушком*. Следует отметить, что Л. Улицкая всё же старается употребить и хорошо известные сравнения в новом ключе. Так, сравнение *розовый, как поросёнок* она дополняет непривычными определениями *искупавшийся* и *влажный*. Сравнение с *хамелеоном* она лишает общепринятой отрицательной оценки.

Значения отанимальных прилагательных *собачье (выражение лица), птичий (нос)* мы также считаем узуальными, так как они указаны в толковом словаре [там же].

К потенциальным сравнениям мы относим такие, которые характеризуются устойчивостью, потенциальностью (редкостью) или индивидуальностью сопоставляемых явлений и общепонятной порождающей семой, подтверждающейся зрительным ментальным образом. Их тоже 7:

Яся ... выглядывала из-под её руки, как птенец из-под крыла *пингвина* [Улицкая Л. 2003, с. 121].

Лиля рванулась, как большая толстая *птица* [Улицкая 2002 А, с. 129].

... оказалось, что она маленькая, тощенькая и напоминает *утёнка* [там же, с. 24].

Резкая, размашистая Таня двигалась шумно, с невоспитанной свободой *жеребёнка* [Улицкая 2003, с. 74].

... он смотрел на её чистый лоб и внутренне улыбался её чудному сходству с молодым *верблюдом*, терпеливым и нежным *животным* ... [там же, с. 12–13].

Она ... испытывала состояние обезумевшей *мухи*, у которой оторвали крылья: крутилась, кружила на месте, а мир проваливался под ногами или падал куда-то в бок ... [Улицкая 2002 Б, с. 44].

Девочка ловила сосок, как маленькая *рыбка* большую наживу [Улицкая Л. 2003, с. 42].

Во всех примерах, кроме последнего, мы встречаемся с общепонятной, семей, сопровождающейся зрительным ментальным образом: «*пингвины* – заботливые родители», «птица вспархивает при чьём-то резком движении», «человек своей походкой может быть похож на маленького слегка переваливающегося *утёнка*», «*верблюд* – терпеливое животное», «*муха* «бьётся», когда обеспокоена», «*жеребёнок* движется живо, непосредственно, размашисто». В последнем примере мы встречаемся с устойчивостью сопоставляемых явлений (для слова *рыбка* словарь фиксирует ласковое обращение к ребёнку [БТС 2003, с. 1135]), но так как это использовано Л. Улицкой не как обращение, значит, сопоставляемые явления: стремление грудного ребёнка к соску и рыбки к наживе – носят, скорее, индивидуальный характер; порождающая сема является здесь также общепонятной при условии её подтверждения ментальным образом.

К нестандартным мы относим такие сравнения, которые характеризуются индивидуальностью (экзотичностью) сопоставляемых явлений и малоизвестностью порождающей семы. Их 6:

... блестящие свитера и кофты она просто выделяла из самого своего существа, как *моллюск* выделяет перламутр [Улицкая 2002 А, с. 212].

Откуда взялись у ... Роберта Викторовича и ... Сонечки силы, чтобы ...выстраивать новую жизнь..., вмещающую ... всё их разъединённое прошлое: ломаную, как движение ослеплённой *ночной бабочки*, жизнь Роберта Викторовича ... и Сонечкину жизнь... [Улицкая 2003, с. 24].

Владимир А., в ту пору маленький, толстоватый, похожий на *тапура* мальчик, был влюблён в Таню [там же, с. 63].

Она всё ещё была юной и тонкой, похожей на диснеевского *олёнёнка* [Улицкая 2002 А, с. 41].

... Лидка была просторная, с мясом, как говорила их бабушка, а Танька сухая, как *саранча* [там же, с. 227].

Лёгкий и сухой, как *саранча*, Роберт Викторович мало менялся ... [Улицкая 2003, с. 57].

Во всех примерах, кроме двух последних, мы встречаемся со случаями индивидуальности сопоставляемых экзотических явлений и необщезвестностью порождающей семы: 1) *моллюск*, способный производить перламутр, сравнивается с женщиной, любящей элегантно, роскошно одеваться; 2) переменчивость судьбы Роберта Викторовича сравнивается с ломаными движениями ослеплённой *ночной бабочки*;

3) фигура толстоватого мальчика сравнивается с фигурой *тапира*;
4) хрупкая, наивная женщина сравнивается с героем мультфильма У. Диснея *олёнком*. Два последних примера характеризуются индивидуальностью сопоставляемых явлений и общепонятной порождающей семьей, подтверждающейся зрительным ментальным образом: худоба человека сравнивается с сухостью *саранчи*. Если бы не экзотичность лексемы-анимализма, эти сравнения можно было бы отнести к потенциальным. Нестандартное (потенциальное) сравнительно-номинативное значение присуще и такому слову концептосферы «Животные», как *куриные (ноги)* – как у курицы, утолщённые вверху.

Таким образом, В рассказах Л. Улицкой мы встретили 9 сравнений, созданных в поле традиционного русского ментального пространства, 7 потенциальных сравнений и 6 сравнений, не относящихся к русской ментальной традиции. Критериями такого разграничения послужили степень привычности сопоставляемых явлений и степень известности порождающей семы: 1) для стандартных сравнений – отражение в толковом словаре словесных дефиниций с семами, формирующими сравнение; наличие в словаре самих устойчивых сравнений, сопровождающих толкование; существование устойчивого мотива фольклорной или литературной традиции, участвующего в создании сравнения; общеизвестность порождающей семы; 2) для потенциальных сравнений – потенциальность (редкость) или индивидуальность сопоставляемых в сравнении явлений и общепонятность порождающей семы, подтверждающаяся зрительным ментальным образом; 3) индивидуальность (экзотичность) сопоставляемых явлений и малоизвестность порождающей семы. Факторами, отражающими русское ментальное пространство анимальных сравнений, являются лексическое значение слова, мотивирующего сравнение; устойчивые сравнения, идиомы, фольклор, литературная традиция и т.д.

2. Метафорические значения слов концептосферы «Фауна» (их 21) используются в метафорах, одиночных или развёрнутых. Они, так же как и сравнения, могут быть разделены на традиционные, потенциальные, нетрадиционные. Для классификации метафор мы использовали три параметра: степень привычности сопоставляемых явлений, степень известности порождающей семы и одиночность – комбинированность приёма использования метафоры. Сложность приёма использования слова может способствовать усилению нетрадиционного употребления метафоры.

К традиционным (их 8) мы относим метафоры, которым свойственны привычность сопоставляемых явлений (это могут подтверждать дефиниции исследуемого слова или его производных; устойчивые словосочетания, включающие рассматриваемое слово, или синонимичные и вариантные идиомы, зафиксированные в толковых или фразеологических словарях), общеизвестность порождающей семы и одиночный приём употребления. Комбинированность приёма

использования также может характеризовать традиционную метафору, если она узуальна. Например:

Роберт Викторович ... отмечал убедительную художественность, высокую осмысленность и красоту Сонечкиного домашнего творчества. «*Мудр, мудр мир муравья ...*» – думал он мимолётно ... [Улицкая 2003, с. 77].

В образной фразе Роберта Викторовича *муравей* – образное воплощение земного трудолюбивого человека. Такое сопоставление характерно для русской ментальности, так как в толковых словарях можно найти ряд примеров и дефиниций с таким же мотивом: *муравей* – ... *Трудолюбивый муравей. Трудиться, как муравей; муравейник* – 1. // О множестве хлопотливо снующих людей; *муравьиный* – 2. Трудолюбивый, хлопотливый. *Муравьиная работа* (кропотливая, трудоёмкая) [БТС, с. 563]. Наконец, нам всем со школьных лет хорошо известна басня И.А. Крылова «Стрекоза и муравей», содержащая знакомый мотив. Общеизвестна порождающая сема метафоры: муравей отличается трудолюбием. Она подтверждается нашими личными ментальными образами, основанными на собственных наблюдениях. Комбинированность приёма использования метафоры (анафорическое употребление звука *м* в сочетании с индивидуальным фразеологизмом героя повести *Мудр, мудр мир муравья*) не может изменить общий привычный характер метафоры *муравей*. Традиционным является и характер метафорического фразеологизма *прикрывала крылом* в значении «защищала». Привычность сопоставляемых в идиоме явлений объясняется существованием синонимичных или вариантных сочетаний: *брать под своё крылышко, держать под своим крылышком, под крылышком*. Общеизвестна порождающая сема метафоры: птицы – заботливые родители. Приём использования метафоры одиночный. В список традиционных метафорических прилагательных мы должны включить такие, которые являются качественно-метафорическими производными от относительных значений и значения которых зафиксированы в толковом словаре: *павлиний (цвет), лягушечий (рот), кошачья (приспосабливаемость), совиная (морда официанта), звериная (воля к жизни), волчий (взгляд)*. Метафорические производные от относительных прилагательных следует отграничивать от сравнительных. Качественные значения, производные от относительных, на наш взгляд, метафоричны, если: а) содержат какой-либо оценочный либо рациональный признак (в этом случае рациональные и оценочные семы усиливают переносный характер таких значений); б) относятся к абстрактному существительному, что приводит к утрате ими эмпиричности, что способствует интенсификации их метафорического характера: а) *совиная (морда официанта)* – «перепуганная, с большими круглыми глазами, как у совы», *лягушечий (рот)* – «широкий, некрасивый», *павлиний (цвет)* – «с яркими, бросающимися в глаза цветами, красивый», *змеиный бросок* – «быстрый, мгновенный», *кошачий*

(ротик) – «аккуратный, красивый», волчий (взгляд) – «хищный»; б) собачья свадьба – «с большим числом женихов», кошачья (приспосабливаемость) – «отличная», звериная (воля к жизни) – «сильная», жукастое «ж» – «неприятное, мучительное». Всё же к сравнительным эмпирическим значениям следует отнести значения группы а), так как эмпирическое значение им всё-таки свойственно, хотя и комбинируется у них с рациональным.

К потенциальным (их 12) мы относим метафоры, имеющие возможный для русской концептосферы характер сопоставления явлений действительности; характеризующиеся общеизвестностью или общепонятностью порождающей семы, при условии обращения человека к зрительному ментальному образу или личным оценкам; развёрнутостью или переходом относительного прилагательного в качественное в возможном для русской концептосферы смысловом направлении. Например:

Она ... *поддержала на крючке своего взгляда каждую из этих маленьких рыбок* ... [Улицкая 2002 А, с. 205]. Рыбками в данном предложении автор называет учащихся, заинтересованных учительницей. Использование данной развёрнутой метафоры обусловлено сходством характера действия сопоставляемого и сопоставляющего объектов, которые мы можем охарактеризовать как потенциальные для анимальной концептосферы русского человека. В толковом словаре слово *рыбка* в одном из своих значений является ласковым обращением к ребёнку [БТС 2003, с. 1135]), но так как это использовано Л. Улицкой не как обращение, значит, сопоставляемые явления носят, скорее, потенциальный характер. Этот факт дополняется потенциальным характером второго метафорического сочетания, входящего в развёрнутую метафору *поддержала на крючке своего взгляда* – наличием во фразеологическом словаре идиом с близким мотивом: *попасться/ подцепить/ поддеть/ поймать/ пойматься на удочку* [ФСРЯ 1986]. Порождающая сема метафоры *рыбки* (заинтересованные дети) общеизвестна: крючок привлекает рыбок возможностью пищи. Приём использования анимализма *рыбки* комбинированный: расширение потенциальной идиомы *поддержать на крючке* метафорическими сочетаниями *своего взгляда и каждую из этих маленьких рыбок*. Доминирование потенциальных единиц в составе анализируемого предложения позволяет отнести рассматриваемую метафору к классу потенциальных.

Остальные потенциальные метафоры в рассказах Л. Улицкой представляют собой метафорические значения качественных прилагательных, мотивированных относительными значениями. Сопоставление явлений действительности в них возможно для русской анимальной концептосферы, так как сами значения не зафиксированы в словаре, однако порождающие семы носят общеизвестный или понятный носителю языка характер. Они могут встречаться как мотив в оценках, присущих словам данной концептосферы; в устойчивых выражениях

с этими словами; в родовой семе «такой, как у кого-/ чего-либо». Приём использования метафор представляет собой употребление узуального или потенциального слова в потенциальном значении. Например, в метафорическом словосочетании *блошинные цены* мы встречаемся с потенциальным характером сопоставляемых явлений: имеющий отношение к блохе – маленький. В толковом словаре зафиксированы устойчивые выражения с близким мотивом «имеющий отношение к чему-либо маленькому»: *ловить, выискивать блох* (разг. обращать внимание на мелочи, несущественные недостатки), *блошинные укусы* (о мелких придирках, нападках на кого-либо, что-либо) [БТС 2003, с. 85]. Порождающая сема метафоры: блохи маленькие. Приём использования слова – его употребление в потенциальном значении. Другие примеры:

Прилагательные, выраженные потенциальной лексемой и потенциальным значением:

жукастые (дети) (о цыганах) – «похожие на жуков, чёрные, неприятные» (Сначала на широкий перекрёсток двух главных улиц ... пришли четыре цыганки с десятком вертлявых жукастых детей ... [Улицкая 2002 А, с. 70]); метафора основана на сходстве отношения: «имеющий отношение к жуку», «похожий на жука, чёрный, неприятный»;

жукастое («ж») – «неприятное, пугающее» (Какое-то тёмное жужжание слышала она вокруг, это было жукастое, чёрно-коричневое «ж», выползающее из слова «жидовка» [Улицкая 2002, с. 126]); метафора основана на сходстве.

Прилагательные, выраженные узуальной лексемой и потенциальным значением: *блошинные (цены)* – «очень низкие»; *когзистая (интрига)* – «волнующая, опасная»; *ужаленный (Роберт Викторович)* – «с задетым самолюбием», *змеиный (бросок)* – «быстрый, мгновенный, как у змеи»; *собачья (свадьба)* – «с большим числом женихов, как у собак» (С тех пор, как Таня дала отставку Бориске, началась настоящая собачья свадьба [Улицкая 2003, с. 67]); *кошачий (ротик)* – «маленький, аккуратный, как у кошки»; *лягушечий (рот)* – «широкий, как у лягушки»; *козьи (груды)* – «маленькие, как у козы»; *лисий (носик)* – «маленький, слегка вытянутый, как у лисы».

Наконец, нетрадиционной для русской анимальной концептосферы мы считаем метафору *шестиногая корова*. Потом была представлена шарада, где фигурировал призрак, который не столько бродил, сколько ползал по Европе, шестиногой корове ... [там же, с. 112]. Данной метафоре свойственны индивидуальность сопоставления явлений действительности: Европа – шестиногая корова; малоизвестная порождающая сема: Европа по форме напоминает шестиногую корову; комбинированный приём использования (рассматриваемая метафора употреблена в реализованной метафоре: *призрак, который не столько бродил, сколько ползал по Европе...*, являющейся прецедентным текстом, принадлежащим перу одного из деятелей марксизма. Порождающая сема осложнена здесь ассоциативным мифологическими образами Европы и Ио. Влюбившись

в Европу, дочь финикийского царя Агенора, Зевс похитил её, то ли превратившись сам в быка, то ли послав за ней быка. На спине этого прекрасного белого быка Европа переплыла море и попала на Крит, где Зевс разделил с ней ложе, после чего она родила сыновей [Мифы народов мира 1991, с. 419–420]. По-видимому, в честь этой мифологической героини был назван известный континент. Ио – дочь аргосского царя Иниха, возлюбленная Зевса. Опасаясь гнева ревливой Геры, Зевс превратил Ио в белоснежную тёлку, но Гера потребовала её себе в дар. Ио, мучимая оводом, посланным Герой, странствовала по Греции, Азии, Египту... [Мифы народов мира 1991, с. 547]. Метафоричность семантики существительного *корова* дискуссионна, так как и перифраза, и символ также основаны на сходстве сопоставляемого и сопоставляющего предметов действительности. Это не символ, так как символичность предполагает наличие двух планов повествования, которые здесь отсутствуют. Перифраза не должна указывать на сопоставляемый объект. Следовательно, это метафора, использованная в роли приложения.

Таким образом, в рассказах Л. Улицкой мы встретили 8 традиционных, 12 потенциальных и 1 нетрадиционную метафору. Критериями такого разграничения послужили степень привычности сопоставляемых явлений, степень известности порождающей сема и одиночность – комбинированность приёма использования метафоры. Факторами, отражающими русское ментальное пространство анимальной метафор, являются лексическое значение слова, мотивирующего метафору, или его производных; устойчивые сравнения; идиомы или синонимичные и вариантные фразеологизмы, зафиксированные в толковых или фразеологических словарях; фольклор, литературная традиция и т.д.

3. Метонимическое потенциальное значение слова концептосферы «Фауна» (1 пример) принадлежит прилагательному: *зоологический (свитера)* – «с изображением животных». Данное значение метонимично, так как относительное прилагательное *зоологический* с абстрактной семантикой «относящийся к животному миру» в рассказе Л. Улицкой приобрело один из конкретных смыслов по смежности: «имеющий отношение к теме изображения» → «имеющий отношение к предмету, на котором эта тема изображена». Мы считаем эту метонимию потенциальной для русской анимальной концептосферы, так как значение слова и его порождающая сема потенциальны для русской языковой системы.

4. Символические значения слов концептосферы «Фауна» (6 примеров) реализуются либо в микроконтексте, либо в рамках целого рассказа.

Рассмотрим символы, реализованные в микроконтексте:

Роберт Викторович из повести «Сонечка» называет участие стран в войне *ипподромом*, и ему не важно, чья лошадь придёт первой. Используемое здесь слово *ипподром* символизирует ситуацию войны и жизни вообще:

– Не обольщайся. Мы прекрасно живём – сейчас. А что касается победы... Мы с тобой всегда останемся в проигрыше, какой бы из людоедов ни победил... Синие и зелёные – это цвета партий на *ипподроме*. Я хотел сказать, что меня никогда не интересовало, *чья лошадь придёт первой*. В любом случае гибнет человек, его частная жизнь... [Улицкая 2003, с. 27–28]. Здесь следует объяснить, почему мы относим слово *ипподром* к символам. Одним из признаков символа, помимо необходимости объяснения, является его связь с мифом, архетипичность (связь с древними образами и социокультурными идеями, ставшими достоянием «коллективного бессознательного» [Шелестюк 1997]). На первый взгляд, слово *ипподром* не связано своим значением с древними источниками. Однако более глубокое наблюдение приводит нас к мысли об отнесённости частного символа *ипподром* – *война и жизнь вообще* к более общему и широко известному *игра – жизнь*. Сопоставление явлений в этом символе носит поэтому потенциальный характер. Осуждаемая героем повести мысль «как в игре, так и в жизни каждый стремится к выигрышу» является в рассматриваемом символе общепонятной порождающейемой. Приём использования анимализма – развёрнутый символ: *ипподром* и *чья лошадь придёт первой* взаимно дополняют и объясняют друг друга. Анализ слова позволяет отнести данный символ к потенциальным для русской анимальной концептосферы. По этим же критериям потенциальную устойчивую фразу *чья лошадь придёт первой* мы также относим к потенциальным символам.

Слово *кокон* во фразе *А безмятежная душа Сонечки, закутанная в кокон из тысяч прочитанных томов, ...не узнавала своей великой минуты* [Улицкая 2003, с. 14–15] символизирует самоограждение человека от общего мира в мир, уютный для него. Этот символ чрезвычайно близок к метафоре, поэтому требует специального комментария. Критериями разграничения символа и других тропов Н. Фрай считает: 1) наличие символического содержания, которое эксплицируется контекстом; 2) невозможность и недостаточность буквального толкования образа; 3) образ имплицитно ассоциирует с мифом, легендой, фольклором [Шелестюк 1997, с. 127]. Первый и второй признаки символа не требуют пояснений. Рассмотрим, как работает третий критерий. Образ бабочки, выпархивающей из куколки (кокона), хорошо известен в мировой культуре: это образ бессмертия и бессмертной души, объясняющийся жизненным циклом бабочки, которая живёт в облике яркой гусеницы, умирает, становясь тёмной куколкой, возрождается, превращаясь в прекрасную бабочку, что символизирует свободный полёт души. Отсюда древнегреческий миф о Психее (дословный перевод – «душа»). Зевс, восхищённый силой её любви к Амуру, навсегда освободил её от смерти. Христос, держащий в ладони бабочку, символизирует воскрешение [Тресиддер 1999, с. 18]. Сопоставление явлений действительности в символе *кокон* носит в общечеловеческой культуре привычный характер; порождающая семя «кокон является защитным полем, позволяющим

личинке превратиться в своё время в бабочку» общеизвестна; приём использования – развёрнутый символ (*душа ... закутана в кокон и не узнавала своей великой минуты; кокон из тысяч прочитанных томов*). Эти факты позволяют отнести символ *кокон* к традиционным для русской концептосферы «Фауна».

Символичным является значение слова *голубь* в словосочетании фразеологического характера *воссиять голубем*: Красная женская школа стояла напротив серой, мужской ..., чтобы дух соревнования ... мог бы сосредоточенно явиться над двумя этими крышами и *воссиять голубем* над достойнейшей, а именно женской ... [Улицкая 2002 А, с. 198]. Выделенное словосочетание использовано в комбинации тропов, один из которых – метафора (*дух соревнования ... мог ... явиться ... и воссиять*), а другой – по-видимому, символ. *Воссиять голубем* выражает символическое значение «осыпать славой», «провозглашать победительницей». Внутренней формой фразеологизма является тот факт, что голубь – символ Духа Божьего. Сопоставление явлений действительности представляется нам здесь потенциальным, так как потенциален сам фразеологизм; порождающая сема «голубь – символ Духа Божьего» является общеизвестной; приём использования символической фразы – образование потенциальной идиомы. Следовательно, данный символ потенциален.

Рассмотрим слова-символы концептосферы «Животные», реализованные в контексте целого рассказа:

Речь идёт о рассказе Л. Улицкой «Зверь» [Улицкая 2002 Б, с. 37–65]. Реальный кот и его словесные реализации (*зверюга, кот, коты, котик, котяра, кошка* в рассказе и *Зверь* в заголовке) приобретают здесь символический смысл, раскрывающийся в отношении героини к этому животному. Кот – то эмблема страха героини перед жизнью, собственной совестью, то символ её слабости, отчаяния, бессознательности, а в итоге символ примирения с собой и с жизнью. Данный образ, с одной стороны, символизирует грехи героини, с другой – связь реального мира с потусторонним, мистическим (кот странным образом появлялся в квартире героини ниоткуда и пакостил самым неприятным образом), а также возможность простить себя и других, преодолев привычные параметры оценки жизни (в конце повести кот является героине во сне ласковым и мирным). Однако такое значение анимализм приобретает лишь в контексте целого литературного произведения. Рассматриваемые символы Л. Улицкой историчны. Вспоминается пушкинский *кот учёный* и мифопоэтическое пушкинское *лукоморье*, колыбельные с *котенькой-котком*. С другой стороны, возникают ассоциации с оборотничеством ведьм в повестях Н.В. Гоголя и в народных представлениях. По-видимому, этот амбивалентный образ уходит корнями в древнее мифологическое мышление человека. Возникают ассоциации и с библейским толкованием слова *Зверь* (Сатана). Интересно отметить, что в восприятии Л. Улицкой семантика народно-поэтических и библейских символов претерпевает изменения: исчезает мягкость кота

в народном мировосприятии, но остаётся его вещий характер, его связь с потусторонними силами, свойственная пушкинскому тексту. Семантика символа *зверь* в рассказе Л. Улицкой близка символичности этого слова в библейском тексте своей отнесённостью к идее греха и возможностью его преодолеть. Сопоставляемые в символах явления (кот – грех, кот – потусторонний мир, кот – смирение) носят, по-видимому, потенциальный характер; порождающая сема «кот представлялся древнему народному сознанию то злой, то доброй потусторонней сущностью», скорее, малоизвестна; приём использования – текстуальный символический образ. Всё это позволяет нам отнести рассматриваемый символ к потенциальным.

Слово *обезьянник* в рассказе «Ветряная оспа» [Улицкая 2002 А, с. 147–197] называет образ, увиденный одной из героинь во сне. В контексте целого рассказа, посвящённого наивному, но страстному подражанию девочек взрослым, оно воспринимается как имеющее символический смысл: обезьянник с сеткой за стеклом – это взрослый мир, понятый детьми. «Обезьянник – взрослый мир» – потенциальное сопоставление для русского сознания (это подтверждается наличием в толковом словаре дефиниции *обезьянничать*, устойчивого сравнения и басенной традицией, в соответствии с которой обезьяна – аллегорический образ человека, бездумно подражающего другим); порождающая сема «взрослые часто ведут себя подобно обезьянам, а дети отражают это в своих играх» носит, по-видимому, индивидуальный характер; приём использования слова *обезьянник* – текстуальный символ. Значит, данный символ потенциален для русского сознания. Таким образом, в рассказах Л. Улицкой мы встретили 5 потенциальных и 1 традиционный символ. Факторами, отражающими русское ментальное пространство анимальных символов, являются лексическое значение слова, мотивирующего символ, или его производных; наличие в мировой культуре родовых и видовых общечеловеческих символов (мифологических, религиозных), личный опыт человека; фольклор, литературная традиция.

В целом, в исследованных рассказах Л. Улицкой мы встретили 72 лексемы: анимализмы и другие слова, связанные с животными (номинативных лексем – 1, метонимических – 1, сравнительно-номинативных – 22, метафор – 21, символов – 27 (22 лексемы называют один и тот же символ). Из 72 исследованных лексем нетрадиционными для русской ментальной концептосферы являются 7 слов-концептов, потенциальными – 47 единиц, традиционными – 18. Больше всего и приблизительно поровну метафорических, сравнительных и символических значений, совсем мало номинативных и метонимических значений. К традиционным в рассказах Л. Улицкой принадлежат 9 сравнений, 8 метафор и 1 символ, к потенциальным относятся 7 сравнений, 12 метафор и 5 символов, к нетрадиционным – 6 сравнений и 1 метафора. Среди сравнений преобладают традиционные, среди метафор и символов – потенциальные. Нетрадиционными являются чаще всего сравнения.

3.6. Итоги лингвокультурологического изучения использования анимализмов в текстах С. Аверинцева и Л. Улицкой

1. Семантическое использование анимализмов различается в текстах исследуемых авторов. По одиночности / комбинированности смысла слов в поэзии С. Аверинцева доминируют комбинированные значения (8 типов из 13). В исследованных рассказах Л. Улицкой, наоборот, употреблено 104 одиночных и 11 комбинированных значений анимализмов.

По отношению значений анимализмов к действительности и по участию в тропах анимализмы С. Аверинцева участвуют в создании таких тропов, как собственно символ (20), отдалённый символ (6), сравнение (5), метафора (4), отрицание (1). Доминируют значения с преобладанием символического элемента (20 значений на фоне 6 номинативных, 11 значений с преобладанием номинативного элемента и 4 метафор). В прозе Л. Улицкой доминируют номинативные значения (61 пример на фоне 17 номинативных сравнительных, 9 символических, 7 метафорических, 5 метонимических, 1 расширительного. Среди неядерных слов СП «Фауна» (зоосемизмов) у Л. Улицкой также доминируют слова с номинативными ЛЗ (22 слова из 48). На втором месте метафорические ЛЗ (17 из 48), а на третьем – сравнительные ЛЗ (5 слов из 48). Такое численное распределение анимализмов по семантическим типам объясняется у С. Аверинцева духовной тематикой текстов, а у Л. Улицкой – прозаическим жанром текстов и стремлением сделать повествование максимально впечатляющим.

По степени новизны в текстах С. Аверинцева окказиональные символы несколько преобладают над узуальными, что отражает присущий духовной поэзии стиль придания обычным чертам жизни человека высшего духовного смысла. Окказиональные символы его поэзии – это главным образом номинативные или сравнительные, отдалённо символические значения, приобретающие символический смысл непосредственно в духовном контексте стихотворения (12 контекстуальных символов против 8 традиционных библейских). Употребление Л. Улицкой 16 окказионализмов (выражений, используемых во фразеологическом значении; окказиональных одиночных развёрнутых метафор и метафорических фразеологизмов; символических значений зоосемизмов) на фоне 104 узуальных слов – всё же высокий показатель для прозы.

2. По тематике и роли в создании когнитивной картины мира анимализмы С. Аверинцева и Л. Улицкой имеют много общего. Так, у С. Аверинцева зафиксированы следующие анимализмы, создающие авторскую картину мира: 1) слова, именующие реалии мира дикой природы (17); 2) слова, называющие сельскохозяйственных или домашних животных (10); 3) номены реалий религиозной жизни людей (5); 4) наименования реалий ментального мира человека (3); 5) название реалии культурно-исторического образа жизни людей (1). В рассказах

Л. Улицкой наиболее распространёнными также являются: 1) конкретные или абстрактные названия реальных животных (49 слов); 2) наименования животных, использованные как объект сравнения, метафоризации, фразеологизации (24 слова); 3) номены изображаемых животных (13 слов). Встречаются также названия анимализмов-игрушек, изделий из животных; названия, входящие в состав устойчивых выражений; названия героев американских мультиков, анимализмы – составляющие собственных названий; название отряда животных в зоологической классификации, название вымершего животного. Когнитивная картина мира Л. Улицкой создаётся следующими фреймами – типичными ситуациями использования названий животных: фреймами с жилищем животного; с людьми, разводящими животных; ситуациями с частями тела животных; с изделиями из животных; фреймами с принадлежностью чего-либо животному; ситуациями сравнения животного с человеком по внешности, по сходству каких-либо частей тела, по сходству действия или поведения; фреймами с эмоциональной окраской выражений, в которых использованы анимализмы; комбинациями ситуаций.

У С. Аверинцева указанные анимализмы объединяются в семантические поля, отражающие концептосферы ДОБРА и ЗЛА. Мир Добра в поэзии С. Аверинцева воплощается во вторичных значениях, относящихся к материальному гармоничному миру; в значении, связанном с человеческой душой, устремлённой к Богу (1): *птица*; в значениях, касающихся идеи Божественного смирения, кротости, жертвенности, царственного могущества Иисуса Христа (8): *Агнец (5 раз), агнец, овца, Лев*. Мир Зла также реализуется в трёх группах слов в переносном значении: во вторичных значениях, символизирующих человеческие заблуждения (4): *конь, рыбы, ослица с ослёнком*; в значениях, связанных с отделённостью от Бога, результатом которой становятся страдание, озлоблённость, мертвенность (4): *псы, оборотень, волк, зверь (3 раза)*; в значениях, реализующих идею богопротивника, учителя Зла (2 слова): *волки, Зверь*.

В исследованных рассказах Л. Улицкой важную роль выполняют и зоосемизмы, неядерная лексика СП «Фауна». Среди зоосемизмов Л. Улицкой доминируют слова, образованные от анимализмов каким-либо словообразовательным способом (45 слов). В меньшинстве неоднокоренные по отношению к анимализмам слова (21 пример). Самые распространённые среди отанимальных производных – имена прилагательные (32 слова). Их доминирующими типами являются отанимальные адъективы с качественным значением (14 слов), отанимальные адъективы с относительным значением «принадлежащий животному» (6 слов), отанимальные прилагательные с относительным значением «сделанный из меха или шкуры какого-либо животного» (5 слов). Немного меньше отанимальных существительных (9 слов), среди которых в количественном отношении выделяются отанимальные существительные, называющие помещения для содержания животных

(6 слов). Среди неоднокоренных по отношению к анимализмам слов СП «Животные» доминируют существительные (17 слов). Среди существительных выделяются названия частей тела животных и человека (8 слов).

3. Сопоставление списка анимализмов и зоосемизмов в творчестве С. Аверинцева и Л. Улицкой позволяет отметить сходство в преобладающем использовании номенов диких животных. Большинство представленных вторичных значений анимализмов С. Аверинцева имеет окказиональный характер, развивая многозначность названий диких животных в божественно-мистическом направлении. Поэт предлагает читателю погрузиться в мир не только субъективных смыслов (*пчёлы, птицы*), но и в комбинированный мир наивных (*волк, голубка, овцы, сова, оборотень, птица в клетке*) или общекультурных (*Лев, василиск*) и мистических смыслов. С. Аверинцев причащает читателя чувствовать незримое Божественное присутствие в мире дикой природы; в мире животных, сопровождающих человека в домашнем хозяйстве; в мире культуры.

В рассказах Л. Улицкой большинство анимализмов и зоосемизмов используется в сравнениях. Первичные значения таких слов представляют собой названия диких (20) и домашних (15) животных: *блошиные (цены), верблюд, волчий (взгляд), газель, голубь (во фразеологизме воспитать голубем), жеребёнок, жукастые (дети), жукастое («ж»), звериная (воля к жизни), Зверь, кот, котяра, змеиный (бросок), зоологический (свитер), ипподром, когтистая интрига, козы (груды), кокон, (шестиногая) корова, кошачий (ротик), кошачья (приспосабливаемость), крыло, куриные (ноги), лисий (носик), лягушечий (рот), медведеобразная (жена), моллюск, муха, (ослепленная) ночная бабочка, обезьянник, (блеять) овечкой, оленёнок, (кукурекать) петушком, павлиний (цвет), пингвин, поросёнок, птенец, птица, птичий (нос), рыбка, саранча, (мычать) телёночком, собачья (выражение лица), собачья (свадьба), свиная (морда официанта), тапир, утёнок, ужаленный (Роберт Викторович), хамелеон.*

Отличие авторов заключается в том, что у С. Аверинцева встречается книжная и библейская лексика (*скимны, Лев, Агнец, Зверь*) и нет констант, а у Л. Улицкой есть анимализмы, встретившиеся 5 раз и более: *кот* (26 раз), *птица* (8 раз), *лошадь* (7 раз), *собака* (6 раз), *корова, зверь, медведь, лисица* (по 5 раз).

4. Анализ типологии тропов в творчестве С. Аверинцева и Л. Улицкой показал, что в духовной поэзии С. Аверинцева преобладают семантические тропы, мотивированные анимализмами (40), за ними следуют фонетические (19) и синтаксические тропы (18). Среди семантических тропов доминирующими является символ (20 примеров). Большинство символических значений комбинируется с другими (номинативными, номинативно-фантастическими, сравнительными, метафорическими).

В исследованных рассказах Л. Улицкой мы встретили 72 лексемы: символов – 27 (22 лексемы называют один и тот же символ), сравнительно-

номинативных – 22, метафор – 21, номинативных лексем – 1, метонимических – 1. Из 72 исследованных лексем нетрадиционными для русской ментальной концептосферы являются 7 слов-концептов, потенциальными – 47 единиц, традиционными – 18. К традиционными в рассказах Л. Улицкой принадлежат 9 сравнений, 8 метафор и 1 символ, к потенциальным относятся 7 сравнений, 12 метафор и 5 символов, к нетрадиционным – 6 сравнений и 1 метафора. Среди сравнений преобладают традиционные, среди метафор и символов – потенциальные. Нетрадиционными являются чаще всего сравнения.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги ко всей работе, мы обращаем внимание на общую структуру нашего исследования, состоящего из трёх глав, в которых рассматриваются: 1) основные понятия современных научных парадигм в связи с исследованием зоосемизмов; 2) экстралингвистические и лингвистические факторы формирования семантического поля животных; проблемы выявления ядра и периферии семантического и понятийного полей, описания внутреннего устройства концептосферы животных; 3) различия в семантическом использовании, тематике анимализмов и зоосемизмов в текстах С. Аверинцева и Л. Улицкой; роли зоосемической лексики в создании когнитивной картины мира авторов; в списке анимализмов и зоосемизмов в творчестве С. Аверинцева и Л. Улицкой; в типологии тропов в текстах исследуемых авторов.

Данная структура работы отражает сочетание трёх научных подходов к изучению зоосемической лексики: системно-структурного, когнитивного и лингвокультурологического. Лексические объединения различной природы сегодня нуждаются в новом интегративном (синергетическом) подходе, объединяющем «усилия» системно-структурной, когнитивной, лингвокультурологической и коммуникативной методик. Вслед за Е. Селивановой, мы считаем синергетический подход вполне реальным: описание анимализмов с помощью различных методик поможет «вернуть» избранный нами объект исследования различными сторонами, отбросить повторяющееся и «сложить» различное. Интуитивные поиски параметров формирования лексической группы приводили в истории лингвистики к созданию различных направлений их изучения, позднее разделившихся на когнитивную, психолингвистическую, социолингвистическую и системно-структурную парадигмы. Однако первоначальное рассмотрение семантического поля слов как разноаспектного даёт нам основание не только «разводить» современное изучение лексических групп по научным парадигмам, но и объединить их «усилия».

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Методика изучения какого-либо поля-концептосферы, с точки зрения современных лингвистических парадигм, включает следующие шаги: сначала производится интуитивно-дефиниционный выбор лексем, отражающих данную концептосферу. Он может осуществляться на материале толковых словарей и текстов различной коммуникативной и стилистической направленности. Далее исследуются экстралингвистические и лингвистические факторы формирования поля анимализмов. Затем значения найденных слов распределяются по базовым фреймам человеческого сознания. Внутри фреймов с опорой на традиционные лексико-семантические, словообразовательные, морфолого-синтаксические корреляции выделяются более узкие группы слов.

Определяются доминирующие фреймы, базовые домены данной концептосферы, их связи, а также фреймовая структура доменов.

2. Во второй главе монографии семантическое и концептуальное поле анимальной и зоосемической лексики русского языка рассматривалось в системно-структурном и когнитивном аспектах. Целью такого исследования был поиск экстралингвистических и лингвистических факторов формирования семантического поля, выявление ядра и периферии семантического и понятийного полей, описание внутреннего устройства концептосферы животных.

Экстралингвистические факторы, формирующие семантическое поле анимализмов, разделяются на 4 вида: 1) интуитивное представление о классификации животного мира в сознании человека, послужившее основой наивной и научной классификаций животных и обусловившее существование ряда наименований с широкой семантикой (гиперонимов) разной степени обобщённости типа *рыба, птица, червь, грызун*; 2) различие ролей животных в жизни человека; 3) существование ископаемых животных; 4) наличие фантазии в человеческом сознании.

3. Важным фактором, влияющим на отнесённость анимализма к ядру семантического поля, является широта языкового выражения пола и «детскости» животного. В русском языке возможны пять типов сексуально-детских парадигм, которые распределяются между ядром и периферией поля названий животных. К ядру семантического поля могут быть отнесены названия животных, имеющих наиболее широкое номинативное поле (от 3 до 18 слов). Это названия традиционных русских домашних животных, востребованных в русской культуре вследствие ряда экстралингвистических (содержание животных в домашнем хозяйстве, разные роли животных в нём) и лингвистических (наличие уменьшительно-ласкательных названий; книжной, народно-разговорной, разговорно-сниженной, сниженной, традиционно-народной или книжной окраски слов) причин. К таким названиям относятся анимализмы, имеющие осложненно-дефектно-расширенные парадигмы. Это закрытая небольшая группа слов (9). В ней наименование женского рода обычно является главным и именуется животное как вид, тем самым название самца в этой группе выделено, маркировано. Например: *пчела, курица-1, корова-1, лошадь-1, свинья-1, овца, олень, волк, собака-1*. К ближней периферии следует отнести анимализмы, имеющие дефектно-расширенную (10) или полную (2) парадигмы, так как по количеству слов в парадигме они занимают второе место среди анимализмов (от 3 до 6 слов) – всего 12 слов в подгруппе: *фазан, щегол, голубь, сокол-1, индейка, утка-1, осёл-1, медведь-1, тюлень-1, барс; животное-1, лось*. В данную группу входят названия главным образом диких и некоторых домашних животных, находящихся в сфере влияния человека. Парадигмы слов этой группы состоят из ключевых наименований, вариантных названий по полу и «детскости». Это открытый класс слов, пополняющийся по мере необходимости. Здесь чаще маркирован женский пол, а существительные

мужского рода обозначают животных как вид. К дальней периферии мы относим анимализмы групп 1.а1), 1.г), 1.е) и 1.ж), имеющие по 3 слова в парадигме, главным образом названия самки, самца, детёныша (всего 30 слово): 1.а1) *гад-1; морж-1, сивуч; бурундук, кролик, заяц-1, бобр, барсук, ёж-1; воробей-1, страус, орёл-1, гусь-1, аист, скворец, глухарь-1; северный олень, изюбр, буйвол, зубр-1, кабан-1, верблюд, осёл-1, слон-1; тигр, лев-1; 1.г) коза-1, кошка-1, лиса-1; 1.ж) 2-рысь*. В эту группу входят преимущественно названия диких лесных животных, в том числе героев сказок, парадигма которых состоит из ключевых наименований, названий по полу и «детскости». Это тоже открытый класс слов, в котором чаще маркирован женский пол, а существительные мужского рода обозначают животных как вид. К крайней периферии могут быть отнесены анимализмы групп 1.б), 1.в), 1.д), включающие 2 слова в парадигму (всего 46 слов): 1.б) *сом, акула-1, щука; змея-1, уж; соболев, хорёк, крыса, мышья, белка-1; сыч, сова-1, кукушка-1, пингвин, ястреб, журавль, филин, грач, галка, дрозд, дрофа, ворона-1; носорог-1, архар, жираф; шакал-1, кенгуру; 1.в) 2-шатун-2, хищник; чирок, беркут, шипун-2, щеголь-2, 1-чиж, снегирь, соловей-1, павлин-1, тетерев; сохатый (нар.-разг.), мул, иноходец, сайгак; 1.д) птица-1, рыба, змея; 1.е) канарейка*. Данная группа включает названия диких животных, находящихся в сфере влияния человека, в лексическую парадигму которых входят ключевые названия и наименования по «детскости». Это открытый класс слов, в котором чаще (на две трети) маркирован женский пол, а существительные мужского рода обозначают животных как вид, хотя доля парадигм с маркированным мужским полом возрастает (до одной трети).

4. К наиболее влиятельным лингвистическим факторам формирования поля анимализмов относятся факторы существования мотивации слова (256), а также различных сфер коммуникации (158 слова) и их отражения в языке.

Среди 800 анимализмов словами с «прозрачной» внутренней формой являются 256 слов. Наиболее частотным мотивирующим признаком анимализмов с «прозрачной» внутренней формой являются цвет животного или его части тела (38 примеров); его действие или действие его части тела (32 примера); какой-либо признак животного или его части тела (30 слов). Другими важными мотивирующими признаками анимализмов являются: указание на часть тела животного, действие животного и его объект; место возникновения или обитания животного, расположения его части тела; сходство животного или его части тела с кем или с чем-либо, указание на мифическое существо; принадлежность животному, покрову животного или его части тела чего-либо; количество частей тела животного и др.

5. 158 лексем, называющих животных, обслуживают сферу разговорного (96) и книжного (62) общения русских людей. Наибольшее количество анимализмов разговорной окраски (96) среди слов, возникших под влиянием всех лингвистических факторов, обусловлено

превалированием важности сферы бытового общения для наименований животных над актуальностью сферы специальной коммуникации.

Среди **разговорных анимализмов в широком смысле слова** превалируют слова со словарными пометами «разговорное» и «народно-разговорное» над «народно-поэтической», «ласкательной», «разговорно-сниженной» и «жаргонной» лексикой. По признаку выраженной в слове оценки **среди разговорных (в узком смысле слова) лексем** преобладает лексика с нейтральной оценкой называемого животного и слова со значением уменьшительности или ласкательности над словами с увеличительным и пренебрежительным значением. С точки зрения тематики в разговорной лексике доминируют названия животных **окружения человека и домашних животных** над номенами животных, используемых в пищу, названиями доисторических и вымышленных животных. Из наименований животных **окружения человека** больше всего разговорной номинации подверглись названия дворовых собак и птиц. Среди номенов домашних животных такими названиями являются названия копытных животных, их детёнышей и птиц.

Среди групп **народно-разговорной лексики** существенно преобладают названия птиц над названиями псовых, пресмыкающихся, червей, домашних копытных животных, медведей, рыб. Среди этимологических моделей народно-разговорных анимализмов с прозрачной «внутренней формой» превалируют отадективные номинации по признаку животного. На втором месте названия по действию животного.

В народно-поэтической и традиционно-народной лексике (8 слов) больше всего названий копытных. Среди данных слов превалирует этимологическая модель «окраска животного → его название»

6. Книжные анимализмы (62 слова) делятся на специальные и религиозно-мифические (культурные). Среди **специальной лексики (56 слов)** преобладают названия отрядов млекопитающих и насекомых и названия семейств насекомых и птиц. **Культурная лексика (6 слов)** происходит из религиозных источников (Библия) или из культурно и исторически значимых текстов: мифов, легенд. Специальная лексика преобладает над культурной. Такое распределение лексики связано с актуальностью зоологической классификации животных для их наименований.

7. Существование 142 анимализмов обусловлено действием лингвистических факторов синонимии, вариантности, омонимии, паронимии. Примерное количественное равновесие между группами синонимично-вариантных (69) и омонимично-паронимичных анимализмов (63), а также довольно большой процент таких названий указывают на высокую степень «нелогичности», «несистемности» анимальной номинации, на широкое участие «человеческого фактора» в наименовании животных, на стремление людей к мотивированности названий животного мира, на богатство словообразовательных возможностей русских

наименований, наконец, на постепенное формирование поля анимализмов по мере освоения человеком окружающей действительности. Мы всиретили 33 синонимичных и 37 вариантных названия животных.

Среди синонимов с «прозрачной» этимологией в списке синонимичных анимализмов превалируют такие, причиной возникновения которых является различие этимологических моделей, в том числе мотивирующей основы (*ореховка* – *кедровка*, *пищуха-2* – *сенокосовка*, *усач-3* – *дровосек*); наличие заимствованного и исконно русского слова (*дафнии* – *водяные блохи*, *ирбис* – *снежный барс*); различие сфер употребления слов (диалекты, разговорная речь): *гуран* (сибирское) – *косуля*, *квочка* – *клуша-1* (разг.) – *наседка*.

Среди вариантных названий животных доминируют словообразовательные варианты, отличающиеся суффиксом, в том числе нулевым, над фонетическими вариантами, при равенстве корней различающимися единичными звуками или ударением; над грамматическими вариантами, различающимися грамматическим родом и формами словоизменения (*вошь* – *вша*); словообразовательно-грамматическими вариантами, отличающимися и суффиксами, и грамматическим родом (*гончая* – *гончак*). Часто причиной существования вариантов – названий животных является: а) различие сфер коммуникации: разговорной, книжной, детской; б) экзотичность названий, которые могут быть восприняты в качестве различных граммем.

8. Анимализмы-омонимы (39 пар слов) доминируют над паронимами (23 пары). На первом месте по числу членов находится группа омонимичных названий животных, совпадающих с названиями других животных. В данной группе преобладают омонимы, являющихся результатом совпадения названий животных разных групп в зоологической классификации животных, над теми, что являются результатом совпадения названий животных одной группы, и над омонимами, являющимися результатом совпадения названий современных и вымерших животных.

Среди паронимов превалируют словообразовательные, отличающиеся суффиксами либо суффиксом и корнем (для сложных слов), над фонетическими, различающимися одним звуком или одним звуком и ударением, двумя звуками, тремя звуками. Среди словообразовательных паронимов доминируют суффиксальные.

9. В рамках системно-структурной парадигмы мы можем констатировать:

примерное равновесие внеязыковых и языковых факторов формирования изучаемого поля, а также равновесие числа анимализмов, обусловленных действием такого экстралингвистического фактора, как интуитивное представление носителей языка о зоологической типологии животного мира, и количества названий животных по сексуально-половому признаку (около 700);

превалирование среди языковых факторов словообразовательного (412 слов) и этимологического (256 слов);

обусловленность существования синонимов-анимализмов различием этимологических моделей, в том числе мотивирующей основы, наличием заимствованного и исконно русского слова и различием сфер употребления слов (диалекты, разговорная речь);

обусловленность существования вариантов анимализмов различием сфер коммуникации: разговорной, книжной, детской; экзотичностью названий, которые могут быть восприняты в качестве различных граммем;

обусловленность существования анимализмов-омонимов совпадением между собой названий различных животных и совпадением животных и других явлений действительности.

10. Выявление ядра и периферии анимальной лексики осуществлялось разными путями: 1) по количеству слов в сексуально-детской парадигме; 2) по способности анимализма иметь синоним, вариант, гипоним в разных сферах общения, частоте употребления, степени общеизвестности или мотивированности; 3) по количеству словообразовательных производных анимализмов; 4) по количеству слов в микрополях анимализмов, включающих мотивированные анимализмы, названия по половому и «детскому» признаку, лексику разных сфер употребления; синонимы, варианты, омонимы (косвенно); словообразовательные производные анимализмов.

Итоговое распределение анимализмов между ядром и периферией СП «Фауна», учитывающее все факторы, как экстралингвистические, так и лингвистические, имеет следующий вид (см. п. 2.1.5., с. 285 – 286):

Ядро (13): *собака-1 / пёс, лошадь-1 / конь, свинья-1, корова-1, овца, рыба, животное-1, курица-1, птица-1, змея-1, пчела.*

Ближняя периферия (42): *скотина-1, букашка-1, прусак, улитка, мышь, уж, гадюка, квочка, наседка, курочка-1, утка-1, гусь-1, индейка, фазан, голубь, кошка-1, пёс, моська-1, 2-шарик, дворняга, барбос-1, щенок, коза-1, телок, телушка, хрюшка, 1-чушка-1, лось, олень, лиса-1 / лисица, чернобурка, заяц-1, волк, медведь-1, кабан-1, скотина-1, сохатый, косой, пантера – леопард – барс.*

Дальняя периферия (141): *хищник, чужак-1 – чужанин, животина, свежсьё, переярок – «животные прошлогодного выводка (об овцах, волках)», черепные – позвоночные; блоха, вошь / вша, пчела, глист / глиста, червь-1/ червяк, клоп, муха, стрекоза, хрущ / хрущак, жучок-2, усач-3 / дровосек; гад-1, лягушка, черепаха, рак, улитка / улитка, змей-1, гремучка, ящеры-2, ящерица, кобра; сом-1, осётр, форель, севрюга, плотва, скумбрия, хамса, ёрш, щука, карась, пескарь, селёдка, копчушка, уклея / уклейка; пичуга-1, птаха, щебетунья-1, воробей-1, скворец, сокол-1, ворон, ворона-1, соловей-1, аист, глухарь-1, орёл-1, страус, щегол, сокол-1, попугай, сизарь, сизяк, хохлатка, хохлушка, клуша-1, кура-1, утя, гуля-1, ореховка – кедровка, черноголовка-2 – черноголовник, тетерев / тетёра / тетёрка; белка-1, бурундук, кролик, ёж-1, сурок, бобр – бобёр, крот, крыса, барсук, соболь, хорёк / хорь, норушка, мангуст; тюлень-1, дельфин, морж-1, сивуч; кошка-1, мурлыка, котофей, тигр, лев-1, 2- рысь,*

пантера / леопард / барс, снежный барс, пума; мопс, пустилайка-1, шавка, кутёнок, легаш, гончак, борзая, цуцик-1; огнёвка-2; умка – «белый медведь»; холмогорка, бугай, бурёнка, яловица – яловка, трёхлеток, каурка, саврас-1, буланка, чистокровка, хавронья, осёл-1, изюбр, буйвол, верблюд, слон-1, зубр-1, овцебык – мускусный бык; обезьяна.

Крайняя периферия (88): 2-шатун-2; водяные блохи, комар, слизень / слизняк, шпанская муха / шпанка, паук, муравей, анчоус, мандавоха – «лобковая вошь», 2-шитик – «личинка ручейника или другого насекомого, обитающего в песке на дне водоёма (используется как наживка)», мизгирь – «паук», карамора – «длинноногий комар», жигалка – «муха с колющими щетинками на хоботке», опарыш; фараонова змея, веретеница – медяница-1, гад-1, лягва, дракон; акула, лангуст, сорога (плотва), макрель; беркут, дрофа, кукушка-1, павлин-1, пингвин, сова-1, сыч, 1-чиж, чирок, шитун-2, щёголь-2, ястреб, галка, грач, дрозд, кедровка, коростель, снегирь, 1-чечётка, чибис, журавль, лебедь-1, филин, канарейка, тетерев, щегол, крачка – мартын – мартышка, сарыч – канюк, пигалица-1, дергач, чеглок – чоглок, вертун – турман, вяхирь – витютень; опоссум – двуутробка, пищуха-2, скунс – вонючка; жираф, кенгуру, мул, носорог-1, сайгак, архар, вепрь, козюля, гуран, шалава – «/ о корове, лошади», косуля; шакал-1, кугуар, ирбис; ошкуй – «белый медведь»; пчелоед, осоед; нарвал – единорог-1.

11. Итоги к третьей главе описывают различие: 1) в семантическом использовании анимализмов и зоосемизмов в текстах С. Аверинцева и Л. Улицкой; 2) в тематике и роли зоосемической лексики в создании когнитивной картины мира авторов; 3) в списке анимализмов и зоосемизмов в творчестве С. Аверинцева и Л. Улицкой; 4) в типологии тропов в творчестве исследуемых авторов.

Семантическое использование анимализмов различается в текстах исследуемых авторов. По одиночности / комбинированности смысла слов в поэзии С. Аверинцева доминируют комбинированные значения (8 типов из 13). В исследованных рассказах Л. Улицкой, наоборот, употреблено 104 одиночных и 11 комбинированных значений анимализмов.

По отношению значений анимализмов к действительности и по участию в тропах анимализмы С. Аверинцева участвуют в создании таких тропов, как собственно символ (20), отдалённый символ (6), сравнение (5), метафора (4), отрицание (1). Доминируют значения с преобладанием символического элемента (20 значений на фоне 6 номинативных, 11 значений с преобладанием номинативного элемента и 4 метафор). В прозе Л. Улицкой доминируют простые номинативные значения на фоне номинативных сравнительных, символических, метафорических, метонимических, расширительного. Среди значений неядерных слов СП «Фауна» (зоосемизмов) у Л. Улицкой также доминируют номинативные ЛЗ. На втором месте метафорические ЛЗ, а на третьем – сравнительные ЛЗ. Такое численное распределение анимализмов по семантическим типам объясняется у С. Аверинцева духовной тематикой текстов,

а у Л. Улицкой – прозаическим жанром текстов и стремлением сделать повествование максимально впечатляющим.

По степени новизны символических значений в текстах С. Аверинцева окказиональные символы несколько преобладают над узуальными, что отражает присущий духовной поэзии стиль придания обычным чертам жизни человека высшего духовного смысла. Окказиональные символы его поэзии – это главным образом номинативные или сравнительные, отдалённо символические значения, приобретающие символический смысл непосредственно в духовном контексте стихотворения. Употребление Л. Улицкой 16 окказионализмов (выражений, используемых во фразеологическом значении; окказиональных одиночных развёрнутых метафор и метафорических фразеологизмов; символических значений зоосемезмов) на фоне 104 узуальных слов – всё же высокий показатель для поэмы.

12. По тематике и роли в создании когнитивных картин мира анимализмы С. Аверинцева и Л. Улицкой имеют много общего. Так, у С. Аверинцева зафиксированы следующие анимализмы, создающие авторскую картину мира: 1) слова, именующие реалии мира дикой природы (17); 2) слова, называющие сельскохозяйственных или домашних животных (10); 3) номены реалий религиозной жизни людей (5); 4) наименования реалий ментального мира человека (3); 5) название реалии культурно-исторического образа жизни людей (1). В рассказах Л. Улицкой наиболее распространёнными также являются: 1) конкретные или абстрактные названия реальных животных (49 слов); 2) наименования животных, использованные как объект сравнения, метафоризации, фразеологизации (24 слова); 3) номены изображаемых животных (13 слов). Встречаются также названия анимализмов-игрушек, изделий из животных; названия, входящие в состав устойчивых выражений; названия героев американских мультиков, анимализмы – составляющие собственных названий; название отряда животных в зоологической классификации, название вымершего животного. Когнитивная картина мира Л. Улицкой создаётся следующими фреймами – типичными ситуациями использования названий животных: фреймами с жилищем животного; с людьми, разводящими животных; ситуациями с частями тела животных; с изделиями из животных; фреймами с принадлежностью чего-либо животному; ситуациями сравнения животного с человеком по внешности, по сходству каких-либо частей тела, по сходству действия или поведения; фреймами с эмоциональной окраской выражений, в которых использованы анимализмы; комбинациями ситуаций.

У С. Аверинцева указанные анимализмы объединяются в семантические поля, отражающие концептосферы ДОБРА и ЗЛА. Мир Добра в поэзии С. Аверинцева воплощается во вторичных значениях, относящихся к материальному гармоничному миру; в значении, связанном с человеческой душой, устремлённой к Богу (*птица*); в значениях, касающихся идеи Божественного смирения, кротости, жертвенности,

царственного могущества Иисуса Христа: *Агнец* (5 раз), *агнец*, *овца*, *Лев*. Мир Зла также реализуется в трёх группах слов в переносном значении: во вторичных значениях, символизирующих человеческие заблуждения: *конь*, *рыбы*, *ослица с ослёнком*; в значениях, связанных с отделённостью от Бога, результатом которой становятся страдание, озлоблённость, мертвенность: *псы*, *оборотень*, *волк*, *зверь* (3 раза); в значениях, реализующих идею богопротивника, учителя Зла: *волки*, *Зверь*.

В исследованных рассказах Л. Улицкой важную роль выполняют и зоосемизмы, неядерная лексика СП «Фауна». Среди зоосемизмов Л. Улицкой доминируют слова, образованные от анимализмов каким-либо словообразовательным способом. В меньшинстве неоднокоренные по отношению к анимализмам слова. Самые распространённые среди отанимальных производных – имена прилагательные. Их доминирующими типами являются отанимальные адъективы с качественным значением, отанимальные адъективы с относительным значением «принадлежащий животному», отанимальные прилагательные с относительным значением «сделанный из меха или шкуры какого-либо животного». Немного меньше отанимальных существительных, среди которых в количественном отношении выделяются отанимальные существительные, называющие помещения для содержания животных. Среди неоднокоренных по отношению к анимализмам слов СП «Фауна» доминируют существительные. Среди существительных выделяются названия частей тела животных и человека.

13. Сопоставление списка анимализмов и зоосемизмов в творчестве С. Аверинцева и Л. Улицкой позволяет отметить сходство в преобладающем использовании номенов диких животных. Большинство представленных вторичных значений анимализмов С. Аверинцева носит окказиональный характер, развивая многозначность названий диких животных в божественно-мистическом направлении. Поэт предлагает читателю погрузиться в мир не только субъективных смыслов, но и в комбинированный мир наивных или общекультурных и мистических смыслов. С. Аверинцев приучает читателя чувствовать незримое Божественное присутствие в мире дикой природы, в мире животных, сопровождающих человека в домашнем хозяйстве, в мире культуры.

В рассказах Л. Улицкой большинство анимализмов и зоосемизмов используется в сравнениях. Первичные значения таких слов представляют собой названия диких (20) и домашних (15) животных.

Отличие авторов заключается в том, что у С. Аверинцева встречается книжная и библейская лексика и нет констант, а у Л. Улицкой есть анимализмы, встретившиеся 5 раз и более.

14. Результаты нашего исследования позволяют создать словарь нового типа, в котором будут собраны такие сведения: 1) о месте анимализма в тематической классификации названий животных; 2) о когнитивных классификационных признаках животного в русском сознании; 3) о типе сексуально-детской парадигмы и микрополя, ядром

которых выступает тот или иной анимализм; 4) о наличии / отсутствии и характере мотивированности названия животного; 5) о сфере употребления анимализма; 6) наличии у него синонимов, вариантов, омонимов, паронимов; 7) о всех возможных словообразовательных производных номенов животных; 8) об отнесённости анимализма к ядру или периферии поля; 9) об участии слов, связанных с анимализмами, в выражении таких составляющих концептосферы, как фреймы, домены, их подгруппы, концептуальные метафоры; 10) о виде тропов, в форме которых слово зафиксировано в текстах известных авторов: по простоте / сложности, по виду сходства с явлением действительности, по степени новизны; 11) о типе картины мира, создаваемой анимализмом в тексте; 12) об авторах художественных текстов, использующих анимализмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка: монография / В.П. Абрамов. – М., Краснодар: Академия педагогических и социальных наук РФ, Кубанский государственный университет, 2003. – 338 с.
2. Аверинцев С.С. Стихотворения и переводы / С.С. Аверинцев. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. – 192 с.
3. Адаменко П. А. Лексико-семантическая группа слов, обозначающих сельскохозяйственных животных (на материале английского языка); дис. ... канд-та филол. наук; 10.02.04 / Адаменко Прасковья Андреевна. – Л., 1971.
4. Адамчук И.В. Лексико-семантический анализ названий диких животных в русском языке донационального периода (в сопоставлении с украинским): дис. ... канд-та филол. наук; 10.02.01 / Адамчук Наталья Владимировна. – К., 1993.
5. Адмони В. Г. Полевая природа частей речи / В. Г. Адмони // Вопросы теории частей речи. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – С. 98–106.
6. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н.С. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
7. Алефиренко Н.С. Современные проблемы науки о языке: уч. пособие / Н.С. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
8. Аكوпова С.Л. О зоонимической лексике / С.Л. Аكوпова // Русский язык в школе. – 1983, № 3. – С. 89–91.
9. Антология концептов / [под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина]. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
10. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
11. Арутюнова Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре. – М.: Наука, 1999. – С. 5–23.
12. Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / [сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова]. – М.: Индрик, 2004. – С. 5–29.
13. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: [антология / под ред. В.Н. Нерознака]. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
14. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси / А.Н. Афанасьев. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 608 с.
15. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Справочно-библиографические материалы / А.Н. Афанасьев. – М.: Индрик, 2000. – 576 с.
16. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / [под ред. В.П. Вомперского] / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Просвещение, 1986. – 786 с.

17. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 86 с.
18. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. – 104 с.
19. Бабаскина О.В. Зоосемические фразеологические единицы в современном английском языке (лингвокультурологический и прагматический подходы): дис. ... канд-та филол. наук; 10.02.04 / Ольга Вячеславовна Бабаскина. – Тула, 2002. – 232 с.
20. Базовый словарь лингвистических терминов / Столярова Л.П., Пристайко Т.С., Л.П. Попко. – К.: Изд-во Государственной Академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.
21. Базылев В.Н. Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект): автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02. 19 «Общее языкознание, социолингвистикк, психолингвистика» / В.Н. Базылев. – М., 1999. – 24 с.
22. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: пер. с 3 фр. изд. / Ш.Балли; [ред. и предисл. Р.А. Будагова]. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955.
23. Баранов А.А., Добровольский Д.О., Киселева К.Л. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8 000 идиом современного русского языка / А.А. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселёва. – М.: Аванта+, 2007. – 1135 с.
24. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка / О.С. Баранов. – М.: Издательство ЭТС, 1995. – 820 с.
25. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф.С. Бацевич. К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с.
26. Белова О.В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики / О.В. Белова. – М.: Индрик, 2000.– 320 с.
27. Берестнёв Г.И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте: уч. пособие / Г.И. Берестнёв. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 157 с.
28. Блохина Н.Г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений (на примере анализа концепта, репрезентируемого словом «Бог») / Н.Г. Блохина // Материалы конгресса МАПРЯЛ. Концептосфера русского языка: универсальное, национальное, индивидуальное. – СПб, 2003. – С. 103–107.
29. Богуцкая А.И. Наименования фауны в лексико-фразеологических единицах украинского языка (названия птиц): автореф. дис. на соискание уч. степени канд-та филол. наук: 10.02.02 «Украинский язык» / А.И. Богуцкая. – Ужгород, 1985. – 25 с.
30. Бойко В.Н. Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в современном украинском литературном языке: дис. ... канд-та филол. наук; 10.02.02 / Бойко В.Н. – К., 1989. – 243 с.

31. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001. – 123 с.
32. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. – Программа (9.72 Гб). – М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – 2 электрон. опт. диска (CD-ROM): зв., цв.
33. Большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук-ль проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов] – СПб.: «Норинт», 2003. – 1536 с.
34. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. – 255 с.
35. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
36. Васильев В.П. Тематическая концептосфера в лингвистическом представлении / В.П. Васильев // Вестник Томского государственного университета: Общенаучный периодический журнал. Бюллетень оперативной научной информации № 46. Апрель 2005. – Томск: ТГУ 2005. – 117 с.
37. Васильев Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – М. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
38. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: уч. пособие для вузов / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
39. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка: около 500 антонимических гнезд / Л.А. Введенская. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 445 с.
40. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики; [пер. с англ. А.Д. Шмелёва] / А. Вежбицкая. – М.: Язык славянской культуры, 2001. – 272 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Мала серия).
41. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
42. Вайсгербер Л.Й. Родной язык и формирование духа / Л.Й. Вайсгербер. – М.: Либроком, 2009. – 232 с. (Серия: История лингвофилософской мысли).
43. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: гипотеза логоэпистемы. Мирознание вне и посредством языка / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 2002. – 168 с.
44. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.01 / Вершинина Татьяна Станиславовна. – Екатеринбург, 2002. – 225 с.
45. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство. На материале современного английского языка / О.Д. Вишнякова. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 378 с.

46. Войтик Л.С. К вопросу о смысловой структуре слова. (На материале лексико-семантической группы наименований животных): автореф. дис. на соискание уч. степени канд-та филол. наук: 10.02.19 / Л.С. Войтик. – Алма-Ата, 1975. – 39 с.

47. Волкова О.Н. Лексико-семантическая и словообразовательная характеристика наименований лошадей в русском языке: дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.01 / Волкова Ольга Николаевна. – К., 1982. – 242 с.

48. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев // *Язык, сознание, коммуникация*. – М., 2003. – Вып. 24. – С. 5–12.

49. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

50. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // *Филологические науки*. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

51. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С.Г. Воркачев // *Известия Академии наук* / [гл. ред. В.М. Гацак]. – 2001. – № 6. – С. 47 – 58. – (Серия литературы и языка; т. 60).

52. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

53. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

54. Герд А.С. Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб): автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / А.С. Герд. – Л., 1967. – 27 с.

55. Глушук С.В. Зооморфные образы как объект сравнения в языке русской и украинской деревенской прозы: [лингвокультурологический аспект] / С.В. Глушук // *Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету*. – Ізмаїл: ІДГУ, 2005. – Вип.19. С. 133–137.

56. Голобородько К. Когнітивна лінгвістика: дослідницький інструментарій та моделювання концептосфери митця / К. Голобородько // *Науковий вісник Херсонського держ. ун-ту. Сер. „Лінгвістика“*. – Херсон, 2006. – Вип. 4. – С. 295–300.

57. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка: учеб. пособие для вузов / И.Б. Голуб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.

58. Голубовська І.О. Метафорико-символічні іпостасі зоонімів у рамках фрагмента мовної картини світу «Царство тварин» (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) / І.О. Голубовська // *Мовознавство*. – 2003. – № 6. – С. 61–68.

59. Гольдберг В.Б. Типология структурных связей, организующих лексико-семантическое поле (на примере поля „жизнь – смерть” в русском

и английском языке): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.19 «Общее язызнание, социолингвистика, психолингвистика» / В.Б. Гольдберг. – Воронеж, 1984. – 22 с.

60. Гончарова Т.И. Зоосемантическая метафора во французском языке / Т.И. Гончарова // Вісник Харківського державного університету. – Х.: Константа, 1998. – № 406. Проблеми мови, мовленнєвої діяльності та викладання іноземних мов. – С. 20–24. – (Серія "Романо-германська філологія").

61. Гончарова Т.И. Спільність та специфіка мовних зооморфних картин світу: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.15 «Загальне мовознавство» / Т.И. Гончарова. – Харків, 1996. – 22 с.

62. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий. – М.: МГУ, 1969. – 564 с.

63. Григорьев А.А. Концепт и его лингвокультурологические составляющие / А.А. Григорьев // Вопросы философии. – 2006. – № 3. – С. 64 – 76.

64. Григорьев В.П. Поэтика слова / В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – 344 с.

65. Грушко Е.А. Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Нижний Новгород; „Русский купец”, „Братья славяне”, 1996. – 480 с.

66. Гудавичюс А.Й. Семантический процесс антропоцентрической метафоризации (на примере зооморфизмов русского и литовского языков) / А.Й. Гудавичюс // Семантические процессы в системе языка: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Велес, 1984. – С. 24–27.

67. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Посвящение, 1969. – 184 с.

68. Гутман Е.А., Черемисина М.И. Образные значения зоонимов в словарях / Е.А. Гутман, М.И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сб. науч. трудов НГУ. – Новосибирск: НГУ, 1976. – Вып. 5. – С. 21–42.

69. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сб. в 2-х т. / В.И. Даль. – М.: Художественная литература.

Т. 1. – 1984. – 383 с.

Т. 2. – 1984. – 399 с.

70. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Изд. 2-е. – М.: «Терра». – Т. 1: А – З. – 1994. – 800 с.

Т. 2: И – О. – 1994. – 784 с.

Т. 3: П – М. – 1994. – 560 с.

Т. 4: Н – Я. – 1994. – 688 с.

71. Дейниченко Н.П. Зоологическая лексика в восточнополюсском говоре украинского языка: дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.02 / Дейниченко Наталья Петровна. – К., 1985. – 396 с.

72. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / Демьянков В.З. // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

73. Жаботинская С.А. Геометрия смысла: концептуальные модели языка и фрактальные формы // Первая российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2004в. – С. 85–87.

74. Жаботинская С.А. Концептуальная модель словаря-тезауруса и гиперболические самоорганизующиеся карты // Вторая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т, 2006б. – Том 1. – С. 272–273.

75. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: Типы фреймов / С.А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету. – 1999. – Вип. 11. – С. 3–20.

76. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С.А. Жаботинская // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Проблеми прикладної лінгвістики. – Одесса: Астропринт, 2004. – № 9. – С. 81–92.

77. Жаботинская С.А. Ономаσιологические модели в свете современных направлений когнитивной лингвистики // С любовью к языку: сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой / [под ред. В.А.Виноградова]. – М. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 115–123.

78. Жаботинская С.А. Ономаσιологические модели и событийные схемы / С.А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – Харків : Константа, 2009. № 837. С. 3–14. – (Серія: Романо-германська філологія).

79. Жаботинская С.А. Принципы создания ономаσιологических моделей и событийных схем в языке / С.А. Жаботинская // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. 856 с. (Studia philologica).

80. Жаботинська С.А. Посесивна конструкція і концептуальні трансформи / С.А. Жаботинська // Мова. Людина. Світ. До 75-річчя професора М.П. Кочергана: зб. наук. праць. / [под ред. О.О.Тараненко]. – Київ: КНЛУ, 2006а. – С. 178–192.

81. Жаботинская С.А. Структура *There + to be*: лингвокогнитивный аспект / С.А.Жаботинская // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – Харків: ХНУ, 2004а. – № 635. – С. 53–60.

82. Жаботинская С.А. Теория номинации: когнитивный ракурс / С.А.Жаботинская // Вестник Московского гос. лингвистического университета. Лексика в разных типах дискурса – М.: МГЛУ, 2003. – Вып. 478. – С. 145–164.

83. Жерибко Н.Н. Зооморфизм как лингвистический и философский термин / Н.Н. Жерибко // Вісник Дніпропетровського університету. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2005. – № 2/1. – С. 128–133. – (Серія “Мовознавство”).

84. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Политиздат, 1982. – 250 с.

85. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок. – [4-е изд., исправ. и доп.]. – М.: Русский язык, 1997. – 534 с. – (Малая 6-ка словарей русского языка).

86. Зайченко Н.Ф. Парадигматические отношения в лексико-семантической группе «Наименования животных» / Н.Ф. Зайченко // Русское языкознание. – К.: Выща школа, 1988. – Вып. 17. – С. 108–115.

87. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – [2-е изд., стереотип.]. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.

88. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с. – (Серия: Studia Philologica).

89. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова; [отв. ред. Ю.Н. Караулов] / АН СССР, Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1988. – 439 с.

90. Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс] / В. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 2–29. – Режим доступа:

<http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html>

91. Иванова Л.П. Феномены ментального пространства индивида, народа, нации // Актуальні проблеми менталінгвістики: зб. ст. за матеріалами IV Міжнародної наукової конференції. – Черкаси: Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького, 2005. – С. 8–9.

92. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм / С.В.Иванова. – Уфа: Рио БашГУ, 2004. – 150 с.

93. Іваненко В.Л. Ментальна структура концепту / В.Л. Іваненко // Мова і культура. – К.: Видавничий Дім Д. Бурого, 2003. – Вип. 6. – Т. II. Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації.

94. Іваненко Н.В. Лексико-семантичне поле „добро” в українській та англійській мовах:) автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» / Н.В. Іваненко. – К., 2007. – 20 с.

95. Ивина Л.В. Когнитивные аспекты терминообразования / Л.В. Ивина // Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. – М.: Академический проект, 2003. – С. 28–66.

96. Ієвлева М.Х. Базисные концепты ментального мира человека: (На материале тавтологий типа Жизнь есть жизнь) / М.Х. Ієвлева. – Уфа.: РИО БашГУ, 2002. – 139 с.

97. Инчина Ю.А. Национально-культурная специфика фразеологизмов с зоонимным компонентом в триязычной ситуации (на материале русского,

английского, немецкого языков): дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.20 / Инчина Юлия Анатольевна. – М., 2002. – 210 с.

98. Ишук Д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке (на русско-славянском материале): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» / Д.Г. Ишук. – СПб., 1995. – 16 с.

99. Каледина Е.В. Система наименований паразитов человека в современном русском языке: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Е.В. Каледина. – Таганрог, 2002. – 18 с.

100. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. / [под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина]. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.

101. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: «Гнозис», 2004. – 379 с.

102. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

103. Каримова Р.Х. Реализация концепта «трудолюбивый» в пословицах с зоонимом «лошадь» / Р.Х. Каримова // Теория поля в современном языкознании: межвуз. науч. сб. – Уфа: БашГУ, 2002. – С. 118–123.

104. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. 608 с.

105. Кибрик А.А. Современная лингвистика: откуда и куда? / А.А. Кибрик // Вестник МГУ. – 1995. – № 5. – С. 93 – 103. – (Серия 9. Филология).

106. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: уч. пособие для студ. высш. уч. заведений / А.В. Кирилина. М.: РОССПЭН, 2004. – 252с.

107. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие для вузов / Е.В. Клюев. – М.: Издательство ПРИОР, 1999. – 272 с.

108. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. / И.М. Кобозева; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.

109. Когнитивные исследования за рубежом / [под ред. В.М. Сергеева]. – М.: Ин-т США и Канады АН СССР, 1990. – 150 с.

110. Козлова Т.В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке / Т.В. Козлова. – М.: Издательство МГУ, 2003. – 192 с.

111. Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2001 – 208 с.

112. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова ...» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.

113. Комова Т.А. Концепты языка в контексте истории и культуры: курс лекций / Т.А. Комова. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 119 с.
114. Компанцева Л.Ф. Концепт и концептуальный анализ: аналитическая палитра / Л.Ф. Компанцева // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету: зб. наук. пр. – Луганськ, 2005. – С. 69–98. – (Серія «Філологічні науки»; вип. VI).
115. Комплексный словарь русского языка / [под ред. А.Н. Тихонова]. – [3-е изд., стереотип.]. – М.: Русский язык Медиа, 2007. – XVI, 1228 с.
116. Кормилов С.И. Мир микрофауны в поэзии В.С. Высоцкого / С.И. Кормилов // Филологические науки. – М. – 2002. – №5. – С. 3–13.
118. Косых Е.А. Названия мастей животных в русском языке : дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.01 / Косых Е.А. – М., 1994. – 236 с.
119. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. «Старые мехи и молодое вино» / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.
120. Костомаров В.І. Слов'янська міфологія / В.І. Костомаров. – К., 1994.
121. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология
(к вопросу об идеальном проекте языкознания) // Известия Академии наук / [гл. ред. В.М. Гацак]. – 2001, № 5. – С. 3–13. – (Серия литературы и языка, т. 60).
122. Красильщик Е.А. Названия домашних животных с точки зрения их физического и физиологического состояния (на материале говоров Костромской и Ярославской областей): дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.01 / Красильщик Елена Александровна. – Кострома, 1999. – 273 с.
123. Красножан Ж. Концептосфера української ампелографії / Ж. Красножан // Науковий вісник Херсонського державного університету. – Херсон, 2006. – С. 169–173. – (Серія «Лінгвістика», вип. № 4).
124. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захарченко И.В., Багаева Д.Б. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захарченко, Д.Б. Багаева // Вестник Московского университета. – 1997. – № 3. – С. 62–75. – (Серия 9, Филология).
125. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
126. Красных В.В. Этнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія: курс лекцій / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
127. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно / В.В. Красных // Вестник МГУ. – 1998. – № 1. – (Сер. 9. Филология).
128. Красс Н.А. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка (на материале мифологии, фольклора и поэзии): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Н.А. Красс. – М., 2000. – 20 с.

129. Кривченко Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения / Е.Л. Кривченко // НДВШ, филол. науки. – 1973. – № 1. – С. 100–101.

130. Кронгауз М.А. Семантика: учеб. для студ. лингв. фак. высш. уч. заведений / М.А. Кронгауз; Министерство образования и науки Российской Федерации. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

131. Кубич І. Лексико-семантичне поле *бджола* / І. Кубич // Науковий вісник Херсонського державного університету. – Херсон:, 2006. – С. 103–106. (Серія «Лінгвістика», вип. № 4).

132. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1993. – №4. – С. 19–28.

133. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / [под общ. Ред. Е.С. Кубряковой]. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.

134. Кубрякова Е.С. Ещё раз о значении термина «когнитивный» / Е.С. Кубрякова // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 90–94.

135. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики / Е.С. Кубрякова // Известия АН, 2002. – № 1. – С. 13–24. – (Серия литературы и языка, т. 61).

136. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34 – 47.

137. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова ПАМЯТЬ / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты / [под ред. Н.Д. Арутюновой]. – М.: Наука, 1991. С. 85–91.

138. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Известия Академии наук / [гл. ред. В.М. Гацак]. – 2004, № 3. С. 3–12. (Серия литературы и языка, том 63).

139. Е.С. Кубрякова. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) / Е.С. Кубрякова // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Ю.С. Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 284–306.

140. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 28 – 34.

141. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в языковой картине мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / [под ред. Б.Н. Серебренникова]. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.

142. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (О концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е.С. Кубрякова. – Известия РАН. – 1999. – № 5–6. – С. 3–6. – (Серия литературы и языка).

143. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
144. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: ИЯ РАН, 1997. – 326 с.
145. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
146. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Известия Академии наук / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – 1997, № 3. – С. 22–31. – (Серия литературы и языка, т. 56).
147. Кудрявцева Л.А. Словарь молодёжного сленга г. Киева: 2300 слов и выражений: уч. пособие / Л.А. Кудрявцева, И.Г. Приходько; [под ред. Л.А. Кудрявцевой]. – К.: ООО «ИД Аванпост-Прим», 2006. – 198 с.
148. Культурология. XX в.: Словарь-справочник. СПб.: Университетская книга, 1997. – 630с.
149. Курбанов И.А., Матулевич Т.Г. Национально-культурная специфика зоонимов русского и английского языков: учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. иностр. яз. Ч. II. Материалы к словарям / И.А. Курбанов, Т.Г. Матусевич. – Сургут: СурГПИ, 2002. – 92 с.
150. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Дж. Лакофф, М. Джонсон; [пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
151. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – С. 12–51.
152. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
153. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
154. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: [антология; под ред. В.Н. Нерознака]. – М.: Academia, 1997. – С. 280–307.
155. Логический анализ языка: Культурные концепты / [гл. ред. Арутюнова Н.Д.] – М.: Наука, 1991. – 204 с.
156. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / [гл. ред. Арутюнова Н.Д.] – М.: Индрик, 1999. – 422 с.
157. Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / [сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова]. – М.: Индрик, 2004. – 718 с.
158. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. – Таллин, 1993. – Т. 1. – 1993. – С. 191–199.

159. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: Монография – М. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – 233 с.

160. Лукин В.А. Концепт истины и слово *истина* в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В.А. Лукин // Вопросы языкознания, 1993, № 4. – С. 63–86.

161. Лысова Е.В. Орнитонимия русского Севера: дис. ... канд.-та филол. наук: 10.02.01 / Лысова Елена Владимировна. – Екатеринбург, 2002. – 227 с.

162. Ляпичева Е.Л. Ассоциативный эксперимент как метод выявления новой информации // Материалы IV Международной научной конференции «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках», (Днепропетровск, 9 – 10 апреля 2009 г.). – Днепропетровск: Днепротр. нац. ун-т им. О. Гончара, 2009. – С. 112–114.

163. Ляпичева Е.Л. Изучение спецкурса «Названия животных в современных художественных текстах» студентами-иностранцами // Материалы докладов международной научно-практической конференции "Вторые севастопольские кирилло-Мефодиевские чтения", (Севастополь,). – Севастополь: Рибэст, 2008. – С.47–54.

164. Ляпичева Е.Л. К вопросу о статусе наименования животного в современном русском языке / Е.Л. Ляпичева // Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство. – Дніпропетровськ. – 2004. – № 3. – С. 165–173.

165. Ляпичева Е.Л. К вопросу о структуре концептосферы «Животные» (на материале имён существительных, выражающих её периферию и формирующих КОМПАРТИВНИЙ ФРЕЙМ) / Е.Л. Ляпичева // Концепти та концептосфери: колективна монографія. – Дніпропетровськ: Пороги, 2009. – С. 79–91.

166. Ляпичева Е.Л. К вопросу о характере сосуществования метаязыков в научном тексте (на материале изучения названий животных) / Е.Л. Ляпичева // Наукові записки Луганського національного університету: зб. наук. праць. – Луганськ: «Альма-матер», 2008. – Том 1. Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах ХХІ століття. – С. 79–94. – (Серія «Філологічні науки», вип. VII.).

167. Ляпичева Е.Л. Контекстуальная составляющая концептов животных в духовно-поэтической картине мира С. Аверинцева / Е.Л. Ляпичева // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Тараса Шевченка. Філологічні науки. Ч. II. – Луганськ: Альма-матер, 2006. – № 11 (106). – С. 151–159.

168. Ляпичева Е.Л. Метафоры, мотивированные анимализмами и словами, связанными с ними, в прозе Л. Улицкой (лингвокультурологический аспект) / Е.Л. Ляпичева // Лінгвістичні дослідження: зб. наук. праць. – Харків: Харьк. нац. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди, 2007. – Вип. 21. – С. 69–78.

169. Ляпичева Е.Л. Метонимии и символы, мотивированные анимализмами и словами, семантически связанными с ними, в прозе Л. Улицкой (лингвокультурологический аспект) / Е.Л. Ляпичева // Сучасні дослідження з іноземної філології: зб. наук. праць. – Ужгород: Ужгород. нац. ун-т, 2007. – Вип. 5. – С. 191–202.

170. Ляпичева Е.Л. Нерешённые проблемы поля / Е.Л. Ляпичева // Східнослов'янська філологія. Мовознавство: зб. наук. праць. – Горлівка: Вид-во ГДПІМ, 2008. – Вип. 14. – С 62–70.

171. Ляпичева Е.Л. Об изучении типологии лексических групп в условиях смены научной парадигмы / Е.Л. Ляпичева // Язык – сознание – культура – социум: сб. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. памяти проф. И.Н. Горлова. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 42–48.

172. Ляпичева Е.Л. Новые идеи в полевых исследованиях конца XX – начала XXI веков / Е.Л. Ляпичева // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. трудов с международным участием. – Киров: Вятск. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – С. 217–228.

173. Ляпичева Е.Л. О возможной работе студентов-иностранцев с названиями животных в современных русских художественных текстах // Лінгвістичні та методичні проблеми навчання мови як іноземної: матеріали Сьомої міжнародної науково-практичної конф., (Полтава, 6 – 17 травня 2008 р.). – Полтава: 2008. – С. 28–35.

174. Ляпичева Е.Л. О методике анализа анимальной концептосферы как средства характеристики русской языковой картины мира» / Е.Л. Ляпичева // Культура народов Причерноморья: науч. журнал. – Симферополь: Таврич. нац. ун-т им. В.И. Вернадського, 2008. – № 137. – Том 1. – С. 181–185.

175. Ляпичева Е.Л. О направленности лексико-семантической динамики концептосферы «Животные» (на материале метафор прозы Л. Улицкой) / Е.Л. Ляпичева // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – Харків. – № 787. – С. 101–106. – (Серія «Філологія», вип. 52).

176. Ляпичева Е.Л. О направленности лексико-семантической динамики концептосферы «Животные» (на материале символов прозы Л. Улицкой) / Е.Л. Ляпичева // Русская филология. Украинский вестник. Языкознание. Литературоведение. Методика преподавания русского языка и литературы. – Харьков: Харьк. нац. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди, 2007. – № 2-3 (33). – С. 55–59

177. Ляпичева Е.Л. О направленности лексико-семантической динамики концептосферы «Животные» (на материале сравнений прозы Л. Улицкой) / Е.Л. Ляпичева // Вісник Черкаського національного університету ім. Б. Хмельницького: зб. ст за матеріалами V Міжнародної наук. конф., (Черкаси, 2007 р.). – Черкаси: Черкаськ. нац. ун-т ім. Б. Хмельницького, 2007. – С. 99–108. – (Сер. Філологічні науки, вип. 102).

178. Ляпичева Е.Л. О семантике и функциях названий животных

в поэзии Ю. Мориц для детей / Е.Л. Ляпичева // Лексико-граматичні інновації в сучасних слов'янських мовах: матеріали Всеукр. наук. конф., (Дніпропетровськ, 26-28 березня 2003 року. – Дніпропетровськ: ПБП «Економіка», 2003. – С. 235–239.

179. Ляпичева Е.Л. О семантической структуре поля и концептосферы / Е.Л. Ляпичева // Русистика: сб. науч. трудов. – Киев: Київськ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2008. – Вып. 8. – С. 27–32.

180. Ляпичева Е.Л. О смысловой специфике анимализмов в духовно-поэтическом дискурсе (на материале стихов С. Аверинцева) / Е.Л. Ляпичева // Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство. – Дніпропетровськ: ДНУ, 2006. – № 4. – С. 130–139.

181. Ляпичева Е.Л. О сущности и свойствах лингвистического поля в условиях смены научной парадигмы / Е.Л. Ляпичева // Вісник Дніпропетровського університету. – 2008. – Т. 16. – № 11. – С. 160–165. – (Серія “Мовознавство”, вип. 14).

182. Ляпичева Е.Л. Семантика анимализмов в рассказах Л. Улицкой / Е.Л. Ляпичева // Наукові записки. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2007.– С. 146–153. – (Серія: Філологічні науки (Мовознавство), вип.. 73, ч. 2).

183. Ляпичева Е.Л. Символы, мотивированные словами семантического поля «Животные», в языковых картинах С. Аверинцева и Л. Улицкой (лингвокультурологический аспект) / Е.Л. Ляпичева // Вісник Дніпропетровського національного університету. – Дніпропетровськ, Вид-во ДНУ. – № 4/1. – Том 1. – С. 194–204. – (Серія “Мовознавство”, вип. 13).

184. Ляпичева Е.Л. Сравнения-анимализмы в прозе Л.Улицкой (лингвокультурологический аспект) / Е.Л. Ляпичева // Studia methodologica.– Тернопіль: Редакційно-видавничий відділ ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2007. – Вып. 20. – С. 49–56.

185. Ляпичева Е.Л. Тематическая классификация анимализмов в рассказах Л. Улицкой / Е.Л. Ляпичева // Науковий вісник Херсонського державного університету. – Херсон: Херсон. держ. ун-т, 2007. – С. 212–216. – (Серія «Лінгвістика», вип. 5).

186. Ляпичева Е.Л. Типология тропов, создаваемых анимализмами, как одна из характеристик идиостиля С. Аверинцева (на материале духовной поэзии) / Е.Л. Ляпичева // Мова та культура: наукове видання. – Київ: Видавничий дім Дмитра Бурого, 2007. – Вып. 9. – Том IX (97). – С. 227–233.

187. Ляпичева Е.Л. Фреймовый подход к описанию концептосферы как высококонкурирующий метаязык современной лингвистики (на материале неядерной лексики, формирующей АКЦИОНАЛЬНЫЙ фрейм концептосферы «животные») / Е.Л. Ляпичева // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету: зб. наук. праць. [Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах ХХІ століття] / Луган. нац.

ун-т ім. Т. Шевченка. – Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ ім. Т. Шевченка», 2009. – Т.1. – С. 302–316. – (Серія «Філологічні науки», вип. 8).

188. Ляпичева Е.Л. Фреймы с участием животных и реалий, связанных с ними, в прозе Л. Улицкой / Е.Л. Ляпичева // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2007. – № 765. – С. 70 – 73. – (Серія „Філологія”, вип. 50).

189. Мазуркевич Л.В. Лексика флоры и фауны в сербохорватском языке (в сопоставлении с русским и украинским языками): дис. ... канд.-та филол. наук: 10.02.03 / Мазуркевич Лариса Владимировна. – М., 1988. – 178 с.

190. Маковский М.М. Семиотика языческих культов / В.В. Маковский // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 55–81.

191. Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов / В.В. Маковский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 73–78.

192. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – М.: Гуманитарный издат. Центр «ВЛАДОС», 1996. – 416 с.

193. Максадыня В.Н. Категоризация и фреймовые структуры / В.Н. Максадыня // Языковое сознание и образ мира: XII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1997. – С. 100–101.

194. Мамудян М. Лингвистика / М. Мамудян; [пер. с фр. яз. и вступ. ст. Л.Г. Ведениной]. – М.: Прогресс, 1985. – 200 с.

195. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Вестник Московского государственного университета. – 1994. – № 4. – С. 12–19. – (Серия «Филология»).

196. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.

197. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.

198. Маслова В.А. Лингвокультурология: уч. пособие для ст. высш. уч. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

199. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: уч. пособие для ст. высш. уч. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.

200. Мацьків П. Концептосфера БОГ в українському мовному просторі: монографія. – К., Дрогобич: Коло, 2007. – 330 с.

201. Миронюк Л.Ф. Зооніми в східнослов'янських мовах:) автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: 10.02.02 „Українська мова” / Л.Ф. Миронюк. – Дніпропетровськ, 1993.

202. Михайловская Н.Т., У Хао. К проблеме межстилевой омонимии / Н.Т. Михайловская, У Хао // Русский язык в школе, 2002. – № 4. – С. 87–91.

203. Мифологический словарь / [гл. ред. Е.М. Мелетинский]. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 736 с.

204. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А – К / [гл. ред. С.А. Токарев]. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 670 с.

205. Молчанова Г.Г. Синергия как основной типобразующий параметр современных языковых и межкультурных инноваций / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. – 2006. – № 4. – С. 9–20. – (Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).

206. Набока Е.Н. Функционирование зоосемизмов библейского происхождения в газетном тексте / Е.Н. Набока // Актуальні проблеми менталінгвістики: зб. ст. за матеріалами 4 – ої Міжнар. конф., Черкаси, квітень 2005 р. – С. 193–196.

207. Немзер А. С. Дневник читателя: Русская литература в 2004 году / А.С. Немзер. – М.: Время, 2004. – 336 с.

208. Нижегородцева-Кириченко Л. О. Лексико-семантичне поле «Інтелектуальна діяльність»: досвід концептуального аналізу (на матеріалі іменників у сучасній англійській мові): дис. ... канд-та філол. наук; 10.02.04 / Нижегородцева-Кириченко Лариса Олексіївна. – К., 2000. – 257 с.

209. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учеб пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.

210. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.

211. Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. – С. 117–123.

212. Новиков Л.А. Семантика русского языка: уч. пособие / Л.А. Новиков. – М.: высшая школа, 1982. – 272 с.

213. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля / Л.А. Новиков // Избр. труды. Т.2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. – С. 554–570.

214. Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и их английских переводов): учеб. пособие / М.А.Новикова, И.Н. Шама; Мин-во образования Украины, Институт содержания и методов обучения, Запорожский, гос. ун-т, Симферопольский гос. ун-т. – Запорожье: СП «Верже», 1996. – 172 с.

215. Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / [сост., ред. и вступ. ст. В.В. Петрова, В.И. Герасимова]. – 314 с.

216. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг и др.; [пер. с фр. Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева]. – М.: Прогресс, 1986. – 391 с.

217. Олещенко Ю.Р. Русская терминология материаловедения в когнитивном и системно-функциональном аспектах: дис. ... канд-та

филол. наук: 10.02.02 / Олещенко Юлия Ростиславовна. – Днепропетровск, 2008. – 192 с.

218. Опарина О.Е. Концептуальная метафора / О.Е. Опарина // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65–77.

219. Павлова И.В. Фреймовый подход к анализу образа птицы как антропоморфного существа в русских народных сказках // Актуальные проблемы лингвистики: сб. статей за материалами 4 – ой Міжнар. конф., Черкаси, квітень 2005 р. – С. 102–104.

220. Панасенко Н.И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики (Опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений): автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук / Н.И. Панасенко. – М., 2000. – 19 с.

221. Пименова Н.Д. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом – орнитонимом в английском и турецком языках: дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.20 / Пименова Надежда Дмитриевна. – Казань, 2002. – 249с.

222. Плекатук С.Р. Зоонимы в русском и адыгейском языках (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты): дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.20 / Плекатук С.Р. – Майкоп, 2001. – 169с.

223. Плетнёва С.А. Животный мир в русских волшебных сказках / С.А. Плетнёва // Древняя Русь и славяне: сб. ст. АН СССР, Ин-та археологии / [отв. ред. и авт. предисл. Т.В. Николаева]. – М., 1978. – С. 388–397.

224. Плотников Б. А. Основы семасиологии: уч. пособие для филол. фак. вузов / Б.А. Плотников / [под ред. А.Е. Супруна]. – Мн.: Вышэйш. шк., 1984. – 223 с.

225. Полевые структуры в системе языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.И. Беляева и др.; под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 196 с.

226. Половинко Е.А. Лингвистические и экстралингвистические факторы наполнения семантических полей в современном русском литературном языке (семантическое поле *возраст*): дис. ... канд-та филол. наук: 10.02. 02 / Половинко Елена Алексеевна. – Днепропетровск, 2006. – 188 с.

227. Полложин М.М., Венжинович Н.Ф. Про будову мовної свідомості та фрейм-структури / М.М. Полложин, Н.Ф. Венжинович // Одиниці та категорії сучасної лінгвістики: зб. ст., присвячений ювілею В.Д. Каліущенка. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2007. – С. 258–284.

228. Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику / З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, А.А. Кретов, Е.А. Пименов, М.В. Пименова / [отв. ред. М.В. Пимонова]. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 220 с. – (Серия «Концептуальные исследования», вып. 4).

229. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
230. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: науч. изд. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 252 с.
231. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – [3-е изд.] – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.
232. Попова Н.С. Когнитивная метафора в концептосфере языка / Н.С. Попова // Связи языковых единиц в концептосфере и реализации. Когнитивный аспект: межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов: ТГУ, 1999. – С. 128–134.
233. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с.
234. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
235. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Фундаментальные направления в современной американской лингвистике. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – С. 348–412.
236. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия Академии наук. / [гл. ред. Ярцева В.Н.] – № 3. – М.: Наука, 2000. – С. 3–15. ? – (Серия литературы и языка, т. 59).
237. Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках / О.Г. Ревзина. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 154 с.
238. Рогальська І. Семантичний діапазон концепту „троянда” в українській мовній картині світу / І. Рогальська // Науковий вісник Херсонського держ. ун-ту. – Херсон, 2006. – С. 191–194. (Серія „Лінгвістика”, вип. 4).
239. Романова Е.В. Названия домашних животных в словаре В.И. Даля / Е.В. Романова // Материалы по русскому и славянскому языкознанию. – Воронеж, 2003. – Вып. 26. С. 292–296.
240. Ромашко С.А. «Язык»: структура концепта и возможности развёртывания лингвистических концепций / С.А. Ромашко // Логический анализ языка. Культурные концепты / [гл. ред. Арутюнова Н.Д.] – М.: Наука, 1991. – С. 161–163.
241. Руденко Н.А. Функціонально-семантичний опис лексичної групи „Нефізичний вплив на людину”: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 „Українська мова” / Н.А. Руденко. – Дніпропетровськ, 2008.
242. Руднев В.П. Словарь культуры XX в. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1998. – 384 с.
243. Русская грамматика: в 2 т. / [гл. ред. Н.Ю. Шведова]. – М.: Наука, 1982.
- Т. 1: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология – 1982. – 783 с.

244. Русский ассоциативный словарь. (Ассоциативный тезаурус современного русского языка.) М., 1994.

Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1994-1998.

Кн. 2: Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1994.

Кн. 3: Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1996.

Кн. 4: Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1996.

Кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1998; Кн. 6: Обратный словарь: реакции к стимулу. М., 1998.

245. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / [отв. ред. С.Г. Бархударов]. – М.: Наука, 1982. – 568 с.

246. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений; РАН. Ин-т рус. яз. / [под общей ред. Н.Ю. Шведовой]. – М.: Азбуковник, 1998.

Том 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие; имена существительные (Всё живое. Земля. Космос) – 1998. – 800 с.

247. Русский язык. Энциклопедия / [гл. ред. Ю.Н. Караулов]. – М.: Наука, 1998. – 703 с.

248. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – М.: Гнозис, 2004. – Вып. I. – 320 с.

249. Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: Константы и динамика изменений: X Конгресс МАПРЯЛ (СПб., 30 июня – 5 июля 2003г.). – СПб.: вуз, 2003.

250. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1988. – 784 с.

251. Рыжкина О.А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке (в сопоставлении с английским): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 „Русский язык” / О.А. Рыжкина. – М., 1980. – 20 с.

252. Сабунаев В. Занимательная зоология: науч.-худож. кн. / В. Сабунаев; [науч. ред. М.Н. Мейер]. – Л.: Детская литература, 1976. – 303 с.

253. Самусенко О.Н. Реконструкция интенционально – мифопоэтического поля образа «медведь» и особенности его объективации в художественном тексте и телетексте / О.Н. Самусенко // Вісник Дніпропетровського університету. – 2005. – № 2/2. – С. 156–163. – (Серія “Мовознавство”).

254. Свионтковская С.В. Функции зооморфизмов в формировании прагматического потенциала художественного текста (на материале испанского и английского языков): дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.20 – / Свионтковская Светлана Викторовна. – Пятигорск, 2002. – 249 с.

255. Селіванова О.О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики / О.О. Селіванова. – К.: Фітоцентр, 1999. – 144 с.

256. Селиванова Е.А. Когнитивная ономастиология / Е.А. Селиванова. – К.: Изд-во укр. философологического центра, 2000. – 248 с.

257. Селіванова О. Концептуальний аналіз: проблеми та принципи / О. Селіванова // Науковий вісник Херсонського держ. ун-ту. – Херсон, 2006. – С. 194–197. – (Сер. „Лінгвістика”, вип. 4).

258. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации Е.А. Селиванова. – К.: Фитосоциоцентр, 2002. – 335 с.

259. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психоконігнітивний та етнокультурний аспекти): монографія / О.О.Селіванова. – К. – Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.

260. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селиванова. – Полтава – К., 2006. – 716 с.

261. Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12–26.

262. Синельникова Л.Н. Слова-концепты как метаязык поэзии / Л.Н. Синельникова // Наукові записки Луганського національного університету: зб. наук. праць. – Луганськ: «Альма-матер», 2005. – Т. 1. Концептологія: світ – мова – особистість. – С. 12–37. – (Серія «Філологічні науки», вип. V).

263. Скиданенко Ю. Зооморфізми в російській та іспанській мовах: порівняльний аналіз і проблеми перекладу / Ю. Скиданенко: зб. наук. праць Полтавського держ. пед. ун-ту ім. В.Г. Короленка. – Полтава, 2000. – С. 177–187. – (Філологічні науки, вип. 4–5).

264. Скраб М. Методика концептуального аналізу: проблеми та вирішення / М. Скраб // Науковий вісник Херсонського держ. ун-ту. Херсон, 2006. – С. 356 – 360. – (Серія „Лінгвістика”, вип. 4).

265. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т.Г. Скребцова; [послесл. Н.Л. Сухачева.]. – СПб., 2000. – 240 с.

266. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / [под ред. Н.И. Толстого] / Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Международные отношения, 1995.

Т.1 – 1995. – 584 с.

267. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. Ч.1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щёголев / [под ред. Е.И. Дибровой]. – М.: Академия, 2002. – 544 с.

268. Соколовская Ж.П. Проблемы системного описания лексической семантики / Ж.П. Соколовская. – К.: Наукова думка, 1990. – 184 с.

269. Соколовская Ж.П. «Картина мира» в значении слов. «Семантические фантазии» или «катехизис семантики»? / Ж.П. Соколовская. – Симферополь: Таврия, 1993. – 231 с.

270. Соколовская Ж.П. «Картина мира», системность, моделирование и лексическая семантика / Ж.П. Соколовская. – Симферополь: Таврия, 1999. – 176 с.

271. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – [3-е изд., испра. и доп.] – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

272. Степанова Г.В., Шрамм А.Н. Введение в семасиологию русского языка: учеб. пособие / Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм. – Калининград: КГУ, 1980. – 72 с.

273. Сурина М.О. Зооморфные символы в искусстве / М.О.Сурина // Цвет и символ в искусстве дизайне и архитектуре. – М. – Р-на-Дону: Издат. центр «Март», 2006. – С. 104–136.

274. Сычугова Л.А. Наименования животных в семиосфере английской этнокультуры: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.04 / Сычугова Лариса Алексеевна. – СПб., 1996. – 18 с.

275. Таранец В.Г. Арії. Слов'яни. Руси: Походження назв УКРАЇНА і РУСЬ: монографія / В.Г. Таранець. – [Вид. 2-е]. – Одеса: „Фаворит”–„Друкарський дім”, 2009. – 296 с.

276. Тарасова Е.В. Синергетические тенденции в современной лингвистике / Е.В. Тарасова // Вісник Харківського національного університету. – 2000. – № 50. – С. 3–9.

277. Тархова В.А. Хрестоматия по лексикологии французского языка. – Л.: Просвещение, 1972. – 140 с.

278. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: сб. науч. трудов. – М., 1988. – С. 173–204.

279. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

280. Теория метафоры: сб.; [пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюнова; общ ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной]. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

281. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 262 с.

282. Тодоров Цв. Теории символа / Цв. Тодоров; [пер. с фр. Б. Нарумова]. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1996. – 408 с.

283. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность») / Г.В. Токарев. – Тула, ТПУ, 2000. – 92 с.

284. Тон Куан Куонг. Системно – структурная организация зооморфизмов русского языка (на материале произведений А.П. Чехова и М. Зощенко): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тон Куан Куонг. – Воронеж, 1997. – 150 с.

285. Тресиддер Джек. Словарь символов / Джек Тресиддер; [пер. с англ. Палько С.]. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.

286. Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование: монография / Н.И. Тропина. – Херсон: ХГУ, 2003. – 336 с.

287. Удивительное в жизни животных. [Изд. 2-е, доп.] / [под ред. проф. С.А. Константинова и проф. Н.И. Лариной]. – Саратов: Изд-но Саратовского ун-та, 1970. – 486 с.

288. Ужченко В.Д. Концепт *журавель* в українській мовію - фразеологічній картині світу / В.Д. Ужченко // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету: зб. наук. праць. Концептологія: світ – мова – особистість. – 2005. – С. 49–58. – (Сер. “Філологічні науки”, вип. VI).

289. Улицкая Л. Девочки / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2002. – 240 с.

290. Улицкая Л. Первые и последние. Рассказы / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2002. – 256 с.

291. Улицкая Л. Сонечка / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2003. – 127 с.

292. Уфимцева А.А. Лексическое значение: [Принцип семиологического описания лексики] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 239 с.

293. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) / А.А. Уфимцева. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 286 с.

294. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / Б.А.Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / [отв. редактор. Б.А. Серебрянников]. – М.: Наука, 1988. – С. 108–140/

295. Фабиан М.П. Структурные аспекты типологического сопоставления лексико-семантических полей (на материале украинского и английского языков): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.20 / М.П. Фабиан. – К., 1988 – 17 с.

296. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; [пер. с нем. и доп.. О.Н.Трубачёв. – [2-е изд., стереотип.]. – М.: Прогресс.

Т.1 (А – Д) / Под ред. Б.А. Ларина. – 1986. – 576 с.

Т. 2 (Е – Муж). – 1986. – 672 с.

Т. 3 (Муза – Сят). – 1987. – 832 с.

Т. 4 (Т – Ящур). – 1987. – 864 с.

297. Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына; [под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова] / Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. – М.: Русский язык, 1979. – 238 с.

298. Филмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.

299. Флинт В.Е., Черкасова М.В. Редкие и исчезающие животные / В.Е. Флинт, М.В. Черкасова / [ред. коллегия: И.В. Петров, И.Л. Кнунянц,

А.Л. Нарочницкий]. – М.: Педагогика, 1985. – 112 с. – (Б-ка дет. энциклопедии).

300. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / [сост. А.И. Фёдоров]. – М.: Цитадель.

Т. 1. – 1997. – 391 с.

Т. 2. – 1997. – 396 с.

301. Фразеологический словарь русского языка / [ред. А.И. Молоткова]. – [4-е изд., стереотип.]. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

302. Фразеология в контексте культуры; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 333 с.

303. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – 1992. – № 3. – С. 3–29. – (Серия 2).

304. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приёмов / Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина; [отв. ред. Е.Н. Ширяев]. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 320 с.

305. Холманских И.В. Компаративные фразеологические единицы с компонентом – зоонимом (на материале русского и болгарского языков); автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Холманских. – Тюмень, 2000.

306. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие / А.Т. Хроленко; [под ред. В.Д. Бондалетова]. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.

307. Цыганкова А.В. Семантическая структура отзоонимных прилагательных в современном русском языке: дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.01 / Цыганкова А.В. – Екатеринбург, 1998. – 223 с.

308. Частотный словарь русского языка / [сост. В.А. Аграев, В.В. Бородин, Л.Н. Засорина и др.; под ред. Л.Н. Засориной]. – М.: «Русский язык», 1977. – 935 с.

309. Чекалина Е.М., Ушакова Т.М. Лексикология французского языка / Е.М. Чекалина, Т.М. Ушакова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 236 с.

310. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: Сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С 68–78.

311. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления; под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. – [Изд. 3-е, стереотип.]. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – С 340–369.

312. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С.Г. Шафиков. – Уфа: Башкирский университет, 1999. – 88 с.

313. Шведчикова Т.В. Языковые средства выражения признака пола животных у существительных, называющих домашних и диких животных: дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.01 / Шведчикова Тамара Витальевна. – М., 1998. – 176 с.

314. Шейнина Е.А. Энциклопедия символов / Е.А. Шейнина. – М.: АСТ, 2006. – 591 с.

315. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа / Е.В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125–141.

316. Шибанова Е.О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики (на материале англоязычной прессы): дис. ... канд-та филол. наук: 10.02.04 / Шибанова Екатерина Олеговна. – М., 1999. – 198 с.

317. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (На материале русского языка) / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

318. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского литературного языка) / А.Н. Шрамм. – Л.: ЛГУ, 1979. – 134 с.

319. Штерн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Енциклопедичний словник. – К.: АртЕк, 1998. – 336 с.

320. Шушков А.А. Толково-понятийный словарь русского языка. 600 семантических групп, 16500 слов и устойчивых выражений. – М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2008. – 992 с. – (Серия: Словари Академии Российской).

321. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255с.

322. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [сост. Андреева В. и др.]. – М.: Локид: Миф, 2000. – 576 с.

323. Энциклопедия символов, знаков, эмблем; [авт. – сост. К. Королёв]. – М., СПб: Эксмо; Мидгард, 2005. – 608 с.

324. Яхонтов А.А. Зоология для учителя: в 2-х т. / А.А. Яхонтов. – М.: Просвещение, 1970. – Т. 2. – 423 с.

325. Clausner, T.C. & Croft, W. Domains and image schemas // *Cognitive Linguistics*. – 1999. – No 10-1. – P. 1-31.

326. Croft, W. Some contributions of typology to cognitive linguistics, and vice versa // *Cognitive linguistics: Foundations, scope and methodology* / Ed. by T. Janssen & G. Redecker. – Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1999. – P. 61-93.

327. Dirven R., Verspoor M. *Cognitive exploration of language and linguistics*. – Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998.

328. Ducháček O. *Le champ conceptuel de la beauté en français moderne* – Praha, 1960. Fauconnier, G. & Turner, M. *The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books, 2002. – 440 p.

329. Fillmore Ch. J. Frame semantics // The Linguistic Society of Korea (ed.). Linguistics in the Morning Calm. – Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. – P. 111-137.
330. Guiraud P. Les champs morpho-sémantiques. – BSL, 1956, t 3, f 1.
331. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
332. Lakoff, G. & Johnson, M. Metaphors we live by. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
333. Lakoff, G. & Johnson, M. Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to Western thought. – NY: Basic Books, 1999. – 624 p.
334. Langacker, R.W. Foundations of cognitive grammar. V. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
335. Langacker, R.W. Foundations of cognitive grammar. V. 2: Descriptive application. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. – 395 p.
336. Matoré G. La méthode en lexicologie: Domaine français. - Paris, 1953.
337. G. Matoré. Le vocabulaire et la Société sous Louis-Philippe // G. Matoré et Greimas. La méthode en lexicologie.
338. Ostra R. Le champ conceptuel du travail dans les langues romanes // Etudes romanes de Brno. Vol. III. 1967.
339. Rosch, E. Natural categories // Cognitive psychology. – 1973. – V. 3. – No 4. – P. 326-350.
340. Taylor, J.R. Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 312 p.
341. Trier J. Altes und Neues vom sprachlichen Feld, Mannheim – Z., 1968.
342. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. 2. Aufl. Heidelberg, 1973, 347 s.
343. L. Weisgerber. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, p. 313-314.
344. Zhabotynska, S.A. Possession frame // Pragmatics and beyond: Abstracts of the second USSE conference. Kharkiv: Kharkiv State University, 2001. – P. 100-103.

Приложение 1. Типы сексуально-«детских» парадигм анимализмов

1. Дефектная (73 группы слов), включающая:

а) ключевое слово, наименование животного по женскому полу и название детёныша – всего 28 парадигм: а1) ключевое слово выражено существительным мужского рода: *гад-1 – гадина-1 – гадёныш-1; морж-1 – моржиха – моржонок, сивуч – сивучиха – сивучонок; бурундук – бурундучиха – бурундучонок, кролик – крольчиха – крольчонок, заяц-1 – зайчиха – зайчонок, бобр / бобёр – бобриха – бобрёнок, барсук – барсучиха – барсучонок, ёж-1 – ежиха – ежонок; воробей-1 – воробыиха – воробьёнок, ворон – ворониха – воронёнок, страус – страусиха – страусёнок, орёл-1 – орлица – орлёнок, лебедь-1 – лебёдка-1 – лебедёнок, гусь-1 – гусыня – гусёнок, аист – аистиха – аистёнок, скворец – скворчиха – скворчонок, глухарь-1 – глухарка – глухарёнок; северный олень – важенка – пыжик, изюбр / изюбрь – изюбриха – изюбрёнок, буйвол – буйволица – буйволёнок, зубр-1 – зубриха – зубрёнок, кабан-1 – кабаниха-1 – кабанёнок-1, верблюд – верблюдица – верблюжонок, осёл-1 – ослица / ослиха-1 – ослёнок, слон-1 – слониха – слонёнок; тигр – тигрица – тигрёнок, лев-1 – львица-1 – львёнок (в данной группе следует обратить внимание на парадигмы с фонетическими вариантными формами (*бобр / бобёр, изюбр / изюбрь*) и на супплетивные формы слов в парадигме *северный олень – важенка – пыжик*);*

б) ключевое слово (существительное мужского рода) и название детёныша – 27 групп слов: *сом-1 – сомёнок, акула – акулёнок, щука – щурёнок; змея-1 – змеёныш-1, уж – ужонок; соболь – соболёнок, хорёк – хорьчонок, крыса – крысёнок, мышь – мышонок, белка-1 – бельчонок; сыч – сычонок, сова-1 – совёнок, кукушка-1 – кукушонок, пингвин – пингвинчик, ястреб – ястребёнок, журавль – журавлёнок, филин – филинёнок, грач – грачонок, галка – галчонок, дрозд – дроздёнок, дрофа – дрофёнок, ворона-1 – воронёнок; носорог-1 – носорожек, архар – архарёнок, жираф – жирафёнок; шакал-1 – шакалёнок, кенгуру – кенгурёнок;*

в) ключевое слово (существительное мужского рода) и наименование животного по женскому полу – 15 парадигм: *2-шатун-2 – шатунья, хищник – хищница; чирок – чируха, беркут – беркутица, шипун-2 – шипунья, щёголь-2 – щеголиха, 1-чиж – чижовка, снегирь – снегириха, соловей-1 – соловыха, павлин-1 – пав-1, тетерев – тетёра (нар.-разг.) / тетёрка-1; сохатый (нар.-разг.) – сохатиха, мул – мулица, иноходец – иноходка, сайгак – сайга (в данной парадигме обращает на себя внимание народно-разговорная окраска некоторых слов, а также нестандартное образование названия самки от названия самца способом усечения основы: *сайгак – сайга*);*

г) ключевое слово (существительное женского рода), наименование животного по мужскому полу и название детёныша – 4 группы: *коза-1 – козёл-1 – козлёнок, кошка-1 – кот-1 – котёнок, лиса-1 – лис – лисёнок;*

д) ключевое слово (существительное женского рода) и наименование детёныша – 3 группы: *птица-1 – птенец, рыба – малёк, змея – змеёныш*;

е) ключевое слово (существительное женского рода) и наименование животного по мужскому и женскому полу – 1 группа: *канарейка – кенарь – кенарка*;

ж) ключевое слово (существительное женского рода), наименование животного по женскому полу и название детёныша – 1 группа: *2-рысь – рысиха – рысёнок*;

з) ключевое слово (существительное женского рода) и наименование животного по мужскому полу – 1 группа: *1-чечётка – чечет*.

2. Дефектно-расширенная, утратившая один, два или три компонента полной парадигмы, но включающая два и более словообразовательных вариантных или невариантных названия самки или детёныша (наличие словообразовательных вариантов свидетельствует о расширении номинативного поля концепта животного в сознании русского человека и об актуальности концепта для русской языковой картины мира) – 10 парадигм:

а) ключевое название, выраженное существительным мужского пола; вариантные названия самки и детёныша – 6 групп: *фазан – фазаниха / фазанка (разг.) / курочка – фазанёнок, щегол – щеглиха / щеголка – щеглёнок, голубь – голубица / голубка – голубёнок, сокол-1 – соколиха / соколица – соколёнок; осёл-1 – ослица / ослиха-1 – ослёнок; медведь-1 – медведиха (разг.) / медведица – медвежонок*;

б) вариантное название ключевого понятия, выраженное именем существительным женского пола; наименование самца и детёныша – 1 группа: *индейка / индюшка (разг.) – индюк-1 – индюшонок*;

в) вариантное название ключевого понятия, выраженное именем существительным женского пола; наименование самца и вариантное название детёныша – 1 группа: *утка-1 / утица (разг.) / утя (в речи детей) – селезень – утёнок / утёныш (разг.)*;

г) ключевое название, выраженное существительным мужского пола, и вариантное наименование детёныша – 1 группа: *тюлень-1 – тюленёнок / белёк*;

д) вариантное ключевое название, выраженное существительным мужского пола; название детёныша – 1 группа: *барс / ирбис – барсёнок*.

3. Осложнённая, включающая названия с семантическими «отклонениями» от полового либо детского признака – 9 групп слов. Это особые случаи множественной номинации животных по полу и «детскости», когда указанные названия фиксируют и другие функции животных (название вида, самки, самца, плодоносящей самки, кастрированного самца, детёныша, незрелой особи, книжные и разговорные варианты названий):

а) наименования пчёл как вида, а также самки и самца соединены с названиями этих животных по их роли в трудовом цикле и цикле

воспроизведения: *пчела – трутень* («пчелиный самец, появляющийся для нарождения потомства и затем изгоняемый из улья рабочими пчёлами и погибающий») – *трутовка* («рабочая пчела, выводящая трутней»);

б) в названиях кур ЛЗ слов, называющих птицу как вид, а также самку и самца, включают семы «имеющая отличительный признак хохол», «наседка», «самка, несущая яйца», «кастрированный самец», «цыплёнок, выращиваемый на мясо (обычно двухмесячный)», «имеющее разговорную или народно-разговорную окраску» (*курица-1/кура-1* (разг.) / *курочка-1, цыпка-1* (нар.-разг.), *1-хохлушка / хохлатка-1*; *квочка, клуша-1, цыплятница-2, несушка, наседка – петух, каплун – цыплёнок-1 / цыпка-1* (нар.-разг.), *курчонок* (разг.) / *курёнок* (разг.); *бройлер*);

в) наименования коров как вида, а также названия самки и самца, включают семы «особь определённого цвета», «самец-производитель», «кастрированный самец», «детёныш мужского и женского пола», «детёныш-сосунок», «детёныш второго или третьего года жизни», «имеющее разговорную, народно-разговорную, традиционно-разговорную или книжную окраску» (*корова-1, бурёнка* (трад.-нар.) – *бык-1, бугай* (трад.-нар.); *вол – телёнок-1 / телка-1 / телок* (разг.) / *телец* (книж.) / *телушка* (разг.) / *теля* (нар.-разг.), *опоек / опойка – телёнок-сосунок*; *трёхлеток, третьяк*);

г) номены лошадей как вида, а также названия самки и самца совмещены с наименованиями этих животных по сфере использования (*конь* в речи военных, в коннозаводческой практике, в поэтической речи), по кастрированности, по возрасту (1 год для лексемы *стригунок*) (*лошадь-1, кобыла / кобылица / кобылка-1 – конь-1, жеребец, мерин – жеребёнок, стригун*);

д) в наименованиях свиней как вида, а также в номенах самки и самца, содержатся семы «наименование по характерному действию» (*хрюшка*), «самец-производитель», «кастрированный самец», «детёныш в возрасте от 4 до 10 месяцев», «имеющее разговорную окраску» (*свинья-1 – хрюшка* (разг.), *1-чушка* (разг.) – *хряк, боров-1 – поросёнок-1, подсвинок*);

е) в названиях овец ЛЗ слов, называющих животное как вид, а также самку и самца, включают семы «животное прошлогоднего выводка» (*перярок*), «уменьшительно-ласкательное», «имеющее книжную, народно-разговорную или книжную окраску» (*овца – баран-1 – ягнёнок-1, барашек-1, агнец* (книж.); *перярок* (спец. и нар.-разг.);

ж) в номенах оленей ЛЗ названия детёныша имеет сему «молодой олень с маленькими, только что показавшимися рожками» (*саёк-1*): *олень, рогач-1 – оленуха – оленёнок, саёк-1*;

з) в наименованиях волка сексуально-детская парадигма осложнена наименованием животного прошлогоднего выводка (*перярок*): *волк – волчица / волчиха* (разг.) – *волчонок; преярок*;

и) в названиях собак сексуально-детская парадигма осложнена параллельным нейтральным наименованием животного (*нёс-1*),

сниженным названием по размеру (*псина-3*), разговорными и разговорно-сниженным номенами детёнышей: *собака-1*, *пёс-1* / *псина-3* (сниж.) – *пес-1//*, *кобель – сука-1 – щенок-1*, *псёнок-1* (разг.), *кутёнок* (разг.), *цуцик-1* (разг.-сниж.).

4. Полная, включающая название животного безотносительно к его полу (ключевое слово), а также наименования самца, самки и детёныша животного – всего 2 парадигмы: *животное-1*, *зверь-1 – самец-1 – самка-1 – детёныш*; *лось – рогач-1 – лосиха – лосёнок*.

Приложение 2. Микрополя наименований одного и того же животного

- аист* – *аистиха* – *аистёнок* (3),
акула – *акулёнок* (2),
архар – *архарёнок*(2),
бактерии; *бактериология*, *бактериоз*, *бактериофобия*,
бактерицидный (5),
барс / *ирбис* – *барсёнок*, *пантера* – *леопард* – *барс*, *ирбис* – *снежный барс* (7),
барсук – *барсучиха* – *барсучонок* (3),
белка-1 – *бельчонок*, *летяга*; *белочка*, *белчий* – *белкин* (6),
беркут – *беркутица* (2),
блоха; *блошка*, *блошиный*, *блошливый* (4),
бобр / *бобёр* – *бобреха* – *бобрёнок* (4),
буйвол – *буйволица* – *буйволёнок* (3),
бурундук – *бурундучиха* – *бурундучонок*; *бурундучок*, *бурундуковый* – *бурундучный* (6),
вепрь – *дикая свинья* (2),
верблюд – *верблюдица* – *верблюжонок* (3),
водяные блохи – *дафнии* (2),
волк – *волчица* / *волчиха* (разг.) – *волчонок*; *преярок*, *бирюк*; *волчишка*,
волкодав, *волчатник*, *волчище*, *волчий* (11),
воробей-1 – *воробыха* – *воробьёнок*; *воробышек* / *воробейчик* / *воробышка*, *воробьиный* (7),
ворон – *ворониха* – *воронёнок*; *воронок*, *воронов*, *воронить* (6),
ворона-1 – *воронёнок*; *вороньё*, *вороний*, *проворонить* (5),
вошь – *вша* (1),
гад-1 – *гадина-1* – *гадёньиш-1*, *земноводное или пресмыкающееся* (5),
галка – *галчонок* (2),
глист – *глиста*; *глистный* – *глистовый*, *глистогонный* (5),
глухарь-1 – *глухарка* – *глухарёнок* (3),
голубь – *голубица* / *голубка* – *голубёнок*, *сизарь*, *сизяк*, *гуля-1*, *вертун* – *турман*, *вахирь* – *витютень*; *голубок* / *гулюшка* / *гуленька* / *гулечка* / *гулька* (разг.), *голубевод*, *голубятник*, *голубятня*, *голубятина*, *голубиный*, *голубить* (22),
грач – *грачонок* (2),
гусь-1 – *гусыня* – *гусёнок*; *гусёк*, *гусятник*, *гусятина*, *гусятница*, *гусиный* – *гусячий*, *гуськом* (10),
дельфин; *дельфинарий*, *дельфиновый* – *дельфиний* (4),
дрозд – *дроздёнок* (2),
дрофа – *дрофёнок* (2),
ёж-1 – *ежиха* – *ежонок* (3);
животное-1, *зверь-1* – *самец-1* – *самка-1* – *детёныш*; *тварь-1*;
зверёк / *зверок* (устар.) / *зверюшка* / *зверушка*, *скотинка*, *зверовод*,

скотник, скотобоец, скотопромышленник, зверолов, зверобой, зверинец, скотобойня, скотоводство, скотокрадство, скотоподобие, зверина, скотовоз, зверюга, скотосырьё, скотный – скотский – скотиний, звериный – зверовой – зверский, скотозаготовительный, скотооткормочный, скотоотгонный, скотопригонный, скотоприёмный, зверообразный, скотоподобный, звероподобный, звереть (41),

жираф – жирафёнок (2);

журавль / журавель – журавлёнок (3),

заяц-1 – зайчиха – зайчонок, беляк, русак, косой; зайчик / зайчишка / заяк / зайнька, зайчатина, заячий (12),

земноводное или пресмыкающееся, гад-1 (2),

змея-1 – змеёныш-1, гремучка, козуля, змий-1, змей, веретеница – медяница-1, фараонова змея – кобра; змейка, гадючка, змеелов, змеепитомник, гадючник, гадючий, змеиный, змееобразный, змеевидный, змееподобный, змееобразный, змеевидный, змеистый, змеиться (24),

зубр-1 – зубриха – зубрёнок (3),

изюбр / изюбрь – изюбриха – изюбрёнок (4),

индейка / индюшка (разг.) – индюк-1 – индюшонок; индюшатник, индюшата, индюшатица, индюшиный – индюшечий – индюшачий (10),

кабан-1 – кабаниха-1 – кабанёнок-1; кабанчик, кабанина, кабаный (6),

канарейка – кенарь – кенарка (3),

карась; карасёвый – карасиный (3),

кедровка – ореховка (2),

кенгуру – кенгурёнок (2),

клоп; клоповник, клопомор, клоповый – клопиный (5),

коза-1 – козёл-1 – козлёнок; козлик, козоводство, козлятина, стрекозёл, козлиный, козлоногий (9),

комар – карамора (2),

корова-1, бурёнка (трад.-нар.) – бык-1, бугай (трад.-нар.); вол – телёнок-1 / теля (нар.-разг.) / телка-1 / телок (разг.) / телец (книж.) / телушка (разг.), опоек / опойка – «телёнок-сосунок»; трёхлеток, третьяк, холмогорка, шалава, яловица / яловка; коровка / коровушка, бычок, телятник, коровник, телятина, бычачина, бычище, бычина, коровёнка, бычачий – бычий – бычиный, коровий, бычиться (34),

коростель – дергач (2),

косуля / козуля – гуран (3),

кошка-1 – кот-1 – котёнок, мурлыка, сиамская кошка, котофей; кошечка / кошулка (нар.-разг.), котик / коток (нар.-разг.), кошатник, котище, котяра, кошачий (13),

крачка – мартын / мартышка (3),

кролик – крольчиха – крольчонок; кроликовод, крольчатина, кроличий, кроликовый (7),

крот; кротиный – кротовый – кротовий (4),

крыса – крысёнок; крыска, крысий – крысиный (5),

кукушка-1 – кукушонок (2),

курица-1/ кура-1 (разг.) / курочка-1, цыпка-1 (нар.-разг.), 1-хохлушка / хохлатка-1; квочка, клуша-1, цыплатница-2, несушка, наседка – петух, каплун – цыплёнок-1 / цыпка-1 (нар.-разг.), курчонок (разг.) / курёнок (разг.); бройлер; петушок, курятница, курятник, курятина, петушиный – петуший, куриный – курицын, куриный, петушиться, по-петушьи, по-петушному, петушком (31),

лангуст – лангуста (2),

лебедь-1 – лебедка1 – лебедёнок (3),

лев-1 – львица-1 – львёнок (3),

лиса-1 / лисица – лис – лисёнок; чернобурка, сиводушка, огнёвка-2; лисонька / лисичка, лисятник, лисий – лисиный (12),

лошадь-1, кобыла / кобылица / кобылка-1 – конь-1, жеребец, мерин – жеребёнок, стригун / стригунок; каурка, саврас, скакун, Горбунок-2, ахалтекинец, рысак, иноходец – иноходка, росинант, шалава; конёк / коник, лошадка, жеребёночек, рысачок, коновал, коновод/ коногон, конокрад, конюх, конный, конник, лошаdnик, конюшня, коневодство, жеребятина, конина, жеребок, лошаdёнка, коняга, рысачий – рысистый, телячий, жеребьячий, лошаdиный, конский, пароконный, жеребиться (48),

лось – рогач-1 – лосиха – лосёнок, сохатый (нар.-разг.) – сохатиха; лосятник, лосятина, лосина, лосёвый – лосиный (11),

лягушка, лягва; лягушатник, лягушиный – лягушечий – лягушачий (6),

мангуст – мангуста – фараонова мышь (3),

медведь-1 – медведиха (разг.) / медведица – медвежонок; умка, ошкуй; медвежатица, медвежий – медвежачий – медвежеватый (10),

морж-1 – моржиха – моржонок (3),

мышь – мышонок, норушка; мышка, мышеловка, мыший – мышиный – мышастый, мышеобразный, мышевидный (10),

мул – мулица (2),

муравей; мураш, муравьишка, муравьиный (4),

муха – жигалка; мушка, мухолов, мухобойка, мухоловка, мушиный (7),

нарвал – единорог-1 (2),

носорог-1 – носорожек (2),

обезьяна; обезьянка, обезьяник, обезьянство, обезьяний, обезьяноподобный, обезьяничать, по-обезьяньи (8),

овца – баран-1 – ягнёнок-1, барашек-1, агнец (книж.); переярок (спец. и нар.-разг.); каракульская овца; овечка, барашек, овцевод, овчар, овчарка, овцеферма, овцеводство, баранина, овчина, баранка, овцематка, бараний, овечий (20),

олень, рогач-1 – оленуха – оленёнок, саяк-1, северный олень – важенка – пыжик; олешек, оленивод, оленина, оленевый – олений (13),

опоссум – двутробка (2),

орёл-1 – орлица – орлёнок (3),

осёл-1 – ослица / ослиха-1 – ослёнок (4),

осётр; осетроводство, осетрина, осетровый (4),

павлин-1 – пава-1 (2),
 паук – мизгирь; паучок, паучий, по-паучьи (5),
 пескарь; пескарюшка, пескарый (3),
 пингвин – пингвинчик (2),
 пищуха-2 – сеноставка (2),
 плотва, сорога (2),
 попугай – попугайчик; попугайство, попугайчий – попугайный –
 попугайский, попугайничать (7),
 птица-1 – птенец, пичуга-1, птаха, пташка, щebetунья-1, подлнй,
 слётко; птичка, птицелов, птицеед, птицевод, птичник, птицефабрика,
 птицеферма, птицекомбинат, птицекомплекс, птицеводство,
 птицевезери, птицемлечник / птиценожка, птичий,
 птицеперерабатывающий, птицеоткормочный, птицеобразный,
 птицеподобный (26),
 пчела – трутень – трутовка; пчёлка, пчельник, пчельня, пчелоферма,
 пчелотератя, пчелолечение, пчелосемья, пчелоед (11),
 пчелоед – осоед (2),
 пума – кугуар (2),
 рак; раковый – рачий (3),
 рыба – малёк, свежсьё, рыбёшка, рыбник / рыбница, рыбинспектор,
 рыбак, рыбарь, рыбопитомник, рыбовод, рыбокомбинат, рыбоведение,
 рыбалка, рыболовство, рыбоохрана, рыбообработка, рыбнадзор,
 рыболокация, рыбища, рыбоподъёмник, рыбонасос, рыбчонка, рыбаина,
 рыбонька, рыбий – рыбный, рыбоперерабатывающий, рыбокопильный,
 рыболовецкий, рыболовный, рыбоморозильный, рыбачить (33),
 2-рысь – рысиа – рысёнок (3),
 сайгак – сайга (2),
 сарыч – канюк (2),
 свинья-1 – хрюшка (разг.), 1-чушка-1 (разг.) – хряк, боров-1 –
 поросёнок-1 / поросья, подсвинок; супоросая / супоросная, хавронья;
 поросёночек, свиновод, свинопас, свинарь, свиной, поросятник,
 поросята, свинарник, свиномкомплекс, свиноводство, свинооткорм,
 поросятина, свинина, свиноматка, свинёнок, свинтус, свиношник,
 свинство, свиной – свинячий, поросячий, свиноварный, свинообразный,
 свиноподобный, пороситься, по-поросячьи (37),
 севрюга; севрюжина, севрюжин (3),
 селёдка; селёдочница, селёдочный (3),
 сивуч – сивучиха – сивучонок (3),
 скворец – скворчиха – скворчонок; скворушка, скворечня,
 скворцовый – скворечный – скворечий (8),
 скумбрия – макрель (2),
 скунс, вонючка (2),
 слизень – слизняк (2),
 слон-1 – слониха – слонёнок; слоновый, слоник, слонобразный,
 слоноподобный (7),

снегирь – снегириха (2),
собака-1, пёс-1 / псина-3 (сниж.) – пес-1//, кобель сука-1 щенок-1,
псёнок-1 (разг.), кутёнок (разг.), цуцик-1 (разг.-сниж.), гончая / гончак,
лайка, борзая, болонка, чихуахуа, дворняга, пекинес, тойтерьер,
овчарка, фокстерьер, полкан,

2-шарик, пустилайка-1, моська-1 / мопс, дворняга, шавка, барбос-1,
легавя / легаш; щеночек, собачка / собачонка, пёсик, собаковод, псарь,
собачник, собаководство, собаководение, собачина, псина, собачища,
псина, пёсий – псовый, собачий, щенячий, собачиться, присобачить, по-
пёсьи, по-щенячьи (52),

соболь – соболёнок; соболятник, соболеводство, соболий – соболиный,
соболевать (7),

сова-1 – совёнок (2),

сокол-1 – соколиха / соколица – соколёнок; соколик, соколий –
соколиный (7),

соловей-1 – соловыха; соловейчик, соловушка, соловейко (5),

сом-1 – сомёнок; сомовина, сомина, сомовый (5),

страус – страусиха – страусёнок (3),

стрекоза; стрекозёл, стрекозий – стрекозиный (4),

сурок; сурковый – сурочий – сурчиный, по-сурчиному (5),

сыч – сычонок (2),

таракан, прусак (2),

тетерев – тетёра (нар.-разг.) / тетёрка-1; косач (4),

тигр – тигрица – тигрёнок; тигролов, тигриный – тигровый (6),

тюлень-1 – тюленёнок / белёк, сивуч; тюленина, тюлений –
тюленевый, тюленебойный (8),

уж – ужонок; ужаск, желтобрюх, желтопузик (5),

укляя – уклейка (2),

улитка, улитка (2),

утка-1/ утица (разг.) / утя (в речи детей) – селезень – утёнок /
утёныш (разг.); 2-нырок; уточка, утятник, утята, утководство,
уятина, утиный, по-утиному, уточкой (15),

фазан – фазаниха / фазанка (разг.) / курочка – фазанёнок; фазанарий,
фазанина, фазаний, по-фазаньи (9),

филин – филинёнок, пугач (3),

форель; форелеводство, форелевый – форельный (4),

хамса – анчоус (2),

хищник – хищница; хищничество, хищнический, хищничать (5),

хорёк / хорь – хорьчонок (3),

хрущ – хрущак (2),

чеглок – чёглок (2),

червь-1 – червяк-1, червеобразный, червивый (4),

черепаха; черепаший – черепаховый (3),

черноголовка-2 – черноголовник (2),

1-чечётка – чечет (2),

*чибис – тигалица-1 (2),
1-чиж – чижовка (2),
чирок – чируха (2),
шакал-1 – шакалёнок (2),
2-шатун-2 – шатунья (2),
шипун-2 – шипунья (2),
шпанская муха – шпанка (2),
щегол – щеглиха / щегловка – щеглёнок (4),
щёголь-2 – щеголиха (2),
щука – щурёнок (2),
ястреб – ястребёнок (2),
ящерица, медянка-3 / медяница (3).*

Приложение 3. Компаративный фрейм концептосферы «Фауна»

1. Домен ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (ПРЕДМЕТ, СЛОВЕСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ) (124)

1.1. Домен МЕТАФОРЫ-НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ, производящие значения которых связаны с животными (61)

1.1.1. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ВНЕШНЕГО ВИДА СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯВЛЕНИЙ (25):

1.1.1.1. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО» (19):

хребет – 2. Ряд гор, тянувшихся в одном направлении

сало – 4. Мелкий лёд или пропитанный водой снег на водной поверхности перед ледоставом

шерсть – 1. / О густых волосах на теле, лице человека

щетина – 3. Разг. Короткие жёсткие волосы на лице человека (обычно отросшие после бритья)

шагрень – 2. Бумага, ткань с рисунком, напоминающим шагрень

хобот – 3. Задняя удлинённая часть лафета артиллерийского орудия для ручной наводки на цель

чёлка – 2. Опущенная на лоб и подстриженная прядь волос

хохол – торчащий клок волос на голове

хвост – 1. // Нижний тонкий конец корня у корнеплодов

хвост – 1. // Длинная свисающая оконечность чего-либо *Хвост бумажного змея*

хвост – 1. // Росчерк буквы, цифры. *Хвост пятёрки*

хвост – 2. Стелющаяся над землёй или тянущаяся в воздухе полоса дыма, пыли. *Чёрный хвост дыма*

хвост – 2. // Светлая полоса, оставленная кометой, ракетой

хвост – 3. Задняя часть летательного аппарата

хвост – 4. Разг. Задняя часть подола юбки, платья, волочащаяся по полу

хвост – 5. Задняя часть чего-либо движущегося вместе. *Хвост поезда*

перо – 7. Спец. Лопасть у различных приспособлений, инструментов.

Лопасть весла

туша – 3. Пренебр. О большом тучном человеке

туша – 4. Разг. О чём-либо большом неповоротливом. *Туша парохода*

1.1.1.2. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ – ЖИВОТНЫМ» (4):

силок – 2. Мн. Короткие полуплети, разрезанные стежки, служащие для переноса контуров парных деталей, вытачек в швейном деле

ошейник – 2. Полоска вокруг шеи животного, птицы, отличающаяся по цвету от основной окраски шерсти, оперения

седло – 3. Седловина 3

поплавков – 3. Разг. Небольшой ресторан у берега на барже или сваях

1.1.1.3. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГИЕ ДОМЕНЫ (2):

паутинка –

2. Ажурное вязание, вышивка, напоминающее сплетением нитей паутину

ястребок – 2. Разг. В СССР в годы Великой Отечественной войны: обиходное название советского самолёта-истребителя

1.1.2. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ФОРМЫ (15)

1.1.2.1. Домен ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (10):

хобот – 2. Часть машины, по форме напоминающей придаток слона

перо – 3. Стальная продолговатая изогнутая пластинка с заострённым и расщеплённым концом

чешуя – 1. // О защитной одежде из металлических щитков

чешуя – 3. Спец. Видоизменённый лист для защиты почки

раковина – 2. О том, что имеет овально-вогнутую форму и напоминает створку раковины. *Ушная раковина*

раковина – 3. Вместительное с воронкой под водопроводным краном для отвода использованной воды

раковина – 4. Разг. Надгробие на могиле в виде низкого овального бортика, внутри заполненного землёй

раковина – 5. Спец. Пустота в бетоне, металлической отливке. *Усадочная раковина*

рог – 3. Музыкальный или сигнальный инструмент в виде изогнутой трубы с расширенным концом

рог – 4. Острый изогнутый конец или развилина. *Рог якоря*

1.1.2.2. Домен ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ – ЖИВОТНЫМ» (4):

хомутик – 2. Воротник в виде плоской ткани, охватывающий шею

хомутик – 3. Техн. Соединительная деталь кольцевой формы

хомутик – 3. // Зажим, закрепляемый на валах при обточке

хомут – 3. Техн. Деталь в виде изогнутого стержня с закреплёнными концами для стягивания труб

1.1.2.3. Домен ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГОЙ ДОМЕН (1): *яйцо* – 3. Предмет, имеющий подобную овальную форму. *Шоколадное яйцо*

1.1.3. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ФУНКЦИИ (9)

1.1.3.1. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ – ЖИВОТНЫМ» (4):

седло – 2. Сиденье у велосипеда, мотоцикла

седло – 4. Тех. Название различных деталей для опоры, насадки чего-либо

хомутик – 4. Воен. Поперечная планка на рамке ружейного прицела
намордник – 3. Жарг. Щиток на окне тюремной камеры, мешающий видеть улицу

1.1.3.2. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (4):

хребет – 2. Разг. О позвоночнике человека и его спине

присосок – 2. Присоска

панцирь – 3. Металлическая обшивка кораблей, поездов; броня

шкура – 3. Разг.-сниж. Кожа человека

1.1.3.3. Домен ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГОЙ ДОМЕН (1): *телега* –

2. Неодобр. Письмо в официальное учреждение, содержащее отрицательную характеристику, ложные или преувеличенные обвинения; жалоба; донос

1.1.4. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ДЕЙСТВИЯ (7)

1.1.4.1. Домен ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ» (мифическое существо, человек, предмет, связанные с животными) (5):

цирцея – 2. Коварная обольстительница

сатир – 2. О стареющем похотливом мужчине

оборотень – 1. // О коварном двуличном человеке

укротитель – 2. Публ. О ком-либо, способном обуздать кого-либо, что-либо, сдерживать его негативные проявления. *Укротители огня* – *пожарные*

чучело – 2. Подobie человека из соломы, служащее для отпугивания птиц, тренировке в рубке, стрельбе

1.1.4.2. Домен ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ВИД ЖИВОТНОГО» (2):

самец – 2. Мужчина как носитель мужских половых качеств (о чрезмерно чувственном мужчине)

самка – 2. О женщине как носительнице женских половых качеств (о чувственной или поглощённой семейными интересами женщине).

1.1.5. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ОЩУЩЕНИЯ (2). Производящие значения таких метафор выражают домен ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО (2): *череп* – 2. О верхнем твёрдом слое. *Ледяной череп реки*

сало – 3. Смазочное вещество растительного или животного происхождения

1.1.6. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ОЦЕНКИ (2):

хлев – 2. Разг. О грязном, неприбранном помещении

порода – 6. // Минерал, в котором заключено ценное ископаемое

1.1.7. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ АССОЦИИИ (1):

хвост – 8. Горн. Отходы, полученные при обогащении полезных ископаемых.

1.2. Домен МЕТАФОРЫ-НАЗВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ, связанных с животными (46)

1.2.1. Домен НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ (36)

1.2.1.1. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ КОЛИЧЕСТВА, производящие значения которых выражают домен ГРУППА ЖИВОТНЫХ (8):

порода – 3. Категория людей, отличающихся от других какими-либо признаками

порода – 5. Разг. Род, семья, родня

табун – 2. Разг. Большая группа, толпа людей (обычно неорганизованная)

табун – 2. // О большом скоплении предметов, способных к передвижению

свора – 3. Презрит. Люди, занимающиеся предосудительной деятельностью; банда

стая – 2. Большая группа людей. *Ребятья стая.*

стая – 3. Масса, скопление, множество чего-либо. *Стаи туч*

улей – 3. Разг. О большом скоплении кого-либо. *Улей людей*

1.2.1.2. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ВНЕШНЕГО ВИДА (7):

а) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (4):

щетина – 1. / О густой массе чего-либо торчащего колочего. *Щетина скошенной травы*

чешуя – 1. О том, что своим видом напоминает чешую. *Чешуя куполов*

чешуя – 2. Слоистый покров чего-либо. *Чешуя коры*

хвост – 6. Разг. Вереница людей, очередь

б) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ» (2): *паутина* – 1. // Напоминающий, похожий на паутину. *Паутина морщинок*

паутина – 2. То, что напоминает внешним видом сеть. *Паутина облаков*

в) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ТАК (СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ)» (1): *цуг* – 2. книг. О веренице транспортных средств

1.2.1.3. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ЖИВОТНОГО И ЧЕЛОВЕКА (6)

а) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ОРУДИЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ОБЪЕКТОМ – ЖИВОТНЫМ» (5):

хомут – 2. Разг. О тяжелой обязанности. *Семья – это хомут*

ярмо – 2. Книж. Бремя, тяжесть. *Ярмо брачной жизни*

узда – 2. То, что является сдерживающей, обуздывающей силой. *Узда власти*

тенёта – 1. // О том, что мешает свободе действий, угнетает. *Тенёта чести*

приманка – 3. То, что манит, привлекает, соблазняет

б) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ» (1): *паутина* – 3. То, что опутывает, подчиняет себе. *Паутина лжи*.

1.2.1.4. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ДЕЙСТВИЯ (4):

а) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (3):

щупальца – 1. / О скрытом и глубоком проникновении негативных сил в частную и общественную жизнь. *Щупальца военной разведки*

шоры – 3. Мн. То, что мешает человеку правильно понимать и оценивать окружающее. *Шоры эгоизма*

панцирь – 4. // О том, что защищает внутренний мир человека. *Панцирь сдержанности*

б) ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЦЕЛОЕ (СУЩЕСТВО МИСТИЧЕСКОГО МИРА)», ИМЕЮЩЕЕ ЧАСТИ ТЕЛА ЖИВОТНОГО (1):

чёрт – 3. Разг.-сниж. О том, кто обнаруживает умение, ловкость. *Здорово рисует, чёрт!*

1.2.1.5. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ (4):

шёлк – 3. / Разг. О мягком покладистом человеке и его характере

шёлк – 5. То, что мягкостью, блеском напоминает такие нитки. *Шёлк волос*

червоточина – 4. Изъян, несовершенство, грозящее неблагоприятными последствиями

оскал – / Олицетворение чего-либо ужасного, чудовищного по своей сути. *Оскал смерти*.

1.2.1.6. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ПРИЗНАКА (3):

порода – 4. // Принадлежность к высшим социальным классам, проявляющаяся в совокупности внешних признаков

порода – 4. Устар. Принадлежность по рождению к какому-либо роду, сословию, социальной группе. *Княжеская порода*

помёт – 2. / Разг.-сниж. О ком-либо, имеющем с кем-либо общее происхождение, взгляды

1.2.1.7. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ АССОЦИАЦИИ С НАЧАЛОМ ИЛИ КОНЦОМ (3): *эмбрион* – // Книж. О зарождении, начальной стадии развития мысли, идеи. *Эмбрион будущей теории*

хвост – 7. Разг. Остаток, невыполненная часть работы. *Хвост от разных дел*

хвост – 7. // Разг. Не сданный в срок зачёт, экзамен

1.2.1.8. Домен ОСНОВАННЫЕ НА СХОДСТВЕ ОЦЕНКИ (1): *чёрт* – 2. Нар.-разг. Негативная характеристика кого-либо (в составе бранных выражений). *Тише, черти*.

1.2.2. Домен НАЗВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ. Данные метафоры основаны на сходстве действия (11)

1.2.2.1. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ПРИРОДНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО» (8):

рык – 2. Резкий сердитый окрик, брань

стрёкот – 2. Разг. Быстрая, безумная речь, болтовня

писк – 2. Разг. Робкие неуверенные возгласы, выражающие не удовлетворение, неодобрение

трель – 2. Муз. Быстрое и многократное повторение звуков, близких по тону

цокот – 3. *Цокот капель дождя о крышу*

спячка – 2. Разг. Сонливое состояние; тяжёлый непробудный сон.

Спячка напала

спячка – 2. // состояние душевного оцепенения, бездеятельность, пассивность. *Душевная спичка*

укус – 3. Разг. Язвительное замечание, причиняющее обиду

1.2.2.2. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИВОТНЫМ» (3):

охота – 1. / К *охотиться*-1 «заниматься поисками зверя, птицы с различной целью». *Охота с фотоаппаратом, тихая охота (за грибами), охота на ведьм*

помесь – 1. // Разг. О потомстве от брака разных национальностей между людьми

потрошение – 1. / К *потрошить*-1. Шутл. Оперировать

1.3. Домен МЕТОНИМИИ- НАЗВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (10)

1.3.1. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (6):

шерсть – 3. / Об одежде из шерстяной пряжи

шкура – 4. Грубо. О продажном корыстном человеке, думающем о личной выгоде

шкура – 4. Грубо. // О распутной женщине

рыло – 2. Грубо. Лицо (некрасивое)

череп – 1. // О верхней части головы, о голове без волос

рог – 2. // Количество жидкости в таком сосуде

1.3.2. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГИЕ ДОМЕНЫ (4):

шёлк – 4. Мн. Одежда из шёлковой ткани

червоточина – 3. Собир. Об испорченных личинками насекомых вещах

подпруга – // О части тела лошади, по которой проходит ремень, называемый подпругой

тройка – 3. Три лошади в одной упряжке

1.4. МЕТОНИМИИ- НАЗВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПРЕДМЕТОВ (6)

1.4.1. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДОМЕН «ЧАСТЬ ТЕЛА ИЛИ ПОКРОВА ЖИВОТНОГО» (3):

перо – 4. Т. ед. Символ искусства писателя, писательского труда. *Владеть пером. Проба пера*

перо – 4. // Индивидуальная писательская манера. *У этого писателя лёгкое перо*

шерсть – 1. / О масти животного. *Кошка трёх шерстей (цветов)*

1.4.2. ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТ ДРУГИЕ ДОМЕНЫ (3):

хлыст – / О наказании плёткой-хлыстом. *Хлыста тебе не хватает*

сафари – 2. / Стиль одежды с элементами традиционного тропического костюма – накладными карманами с клапанами, погонами, строчками

сафари – 3. Соревнования, гонки автомашин в Африке с целью испытания их ходовых качеств в экстремальных условиях

1.5. Домен СИМВОЛ (1):

рог – 1. / Т. мн. Символическое обозначение мужа неверной жены

2. Глаголы (домен ДЕЙСТВИЕ, ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ) (96)

2.1. Домен МЕТАФОРЫ (79)

2.1.1. Домен «С ПЕРВИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНОГО» (63)

2.1.1.1. Домен «СО ЗНАЧЕНИЕМ БЕЗОБЪЕКТНОГО ДЕЙСТВИЯ» (59):

а) Домен «НЕ СВЯЗАННОГО СО ЗВУЧАНИЕМ ИЛИ ДВИЖЕНИЕМ» (29):

а1) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА» (23):

а1') домен «С СЕМОЙ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ «ОРУДИЕ» (7):

укусить – 4. Разг. Уязвить кого-либо

ужалить – 2. Ранить словами, насмешками, уязвлять самолюбие

отбрыкиваться – 2. Разг.-сниж. Настойчиво отказываться, отделяться от чего-либо нежелательного

оскалиться – 2. Широко улыбнуться, ослабиться

царапать – 3. Разг. Писать небрежно

царапать – 4. Раздражать, задевать, вызывая обиду

царапаться – 4. Ссориться, вступать в пререкания

а1'') домен «С СЕМОЙ «СТОЛЬКО» (7):

табуниться – 2. Разг. Держаться толпой, тесниться

расплодиться – 2. Неодобр. Появиться, начать существовать в большом количестве

плодиться – 3. Разг. Появляться на свет, рождаться (о людях)

роиться – 3. Скапливаться во множестве, беспорядочно толпиться

наплодиться – // . Появиться, возникнуть в обществе в большом количестве. *Наплодилось много экстрасенсов*
a1''') домен «СО ЗНАЧЕНИЯМИ, НЕ ОСЛОЖНЁННЫМИ ДРУГИМИ СЕМАМИ» (6):

рыскать – 3. Беспokoйно озираться, переводя взгляд
токовать – 2. Шутл. Стараться понравиться, привлечь внимание женщины своим поведением, высказываниями

настись – // . Неодобр. Находиться где-либо, часто бывать где-либо

околеть – 1. Разг. Умереть, издохнуть (о человеке бранно)

спариться – 1. Разг. Соединиться в пару, вместе для каких-либо совместных действий, целей. *Спариться с соседом. Чтоб купить трактор*

телиться – 2. Разг. Медлить с чем-либо, не доводя дело до завершения

a1''''') домен «С СЕМОЙ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ «ЧАСТЬ ТЕЛА» (3):

хохлиться – Разг. Становится хмурым, унылым

щериться – 2. Разг. –сниж. Усмехаться, улыбаться

нахохлить (ся) – 2. Разг. Принять унылый вид, став хмурым

a2) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ (3):

щетиниться – 1//. Быть покрытым чем-либо торчащим. *Пашни щетинились*

роуться – 2. Кружиться в воздухе (о массе насекомых, снежинок, пылинок)

щипать – 2. Вызывать ощущение боли, жжения. *Мороз щиплет*

a3) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ КОНКРЕТНОГО ИЛИ АБСТРАКТНОГО ПРЕДМЕТА» (3):

плодиться – 4. Разг. Появляться в большом количестве. *Слабая литература плодится*

роуться – 4. Появляться во множестве, непрерывной вереницей (о мыслях, мечтах)

рыскать – 4. Морское. Идти с небольшим отклонением от курса

б) домен ЗВУЧАНИЕ (27):

б1) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА (14):

б1') домен ВЫРАЖАЮЩИЙ ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ ОЦЕНКУ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (грубость, ворчливость, жалобы) (10):

трещать – 4. Разг. Быстро, без умолку говорить

ржать – 2. Разг.-сниж. Громко, несдержанно хохотать

рыкать – 2. Разг.-сниж. Говорить резко, грубо

прорычать – 2. Проговорить с раздражением, грубо

рвкать – 2. Громко, грубо и сердито кричать на кого-нибудь

урчать – 2 // . Говорить хриплым ворчливым голосом

шипеть – 2. Ворча, выражать неудовольствие. *Соседи шипят*

тявкать – 2. Грубо. Браниться, ругаться
скулить – 2. Разг. Жалобно плакать (о человеке)
скулить – 3. Разг. Плакаться, ныть, докучать жалобами. *Не скули!*
61'') домен **ВЫРАЖАЮЩИЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ ОЦЕНКУ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА** (4):

чирикать – 3. Разг. Говорить быстро, звонким голосом о чём-либо незначительном (о детях, женщинах). *Подруги чирикали*
щебетать – 2. Разг. Говорить быстро, без умолку, звонко
стрекотать – 2. Разг. Говорить быстро, без умолку
цокотать – 2. Разг. Говорить быстро, без умолку. *Цокотать как сорока*

62) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ КОНКРЕТНОГО ПРЕДМЕТА» (7):

62') домен **БЫТ, ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ** (5):
цокать – 1//. Разг. Производить короткие отрывистые звуки при движении по стыкам рельс. *Цокает трамвай*
цокать – 4. Производить короткие отрывистые звуки ударом о что-то твёрдое. *Цокает щеколда*
щёлкать – 3. Издавать короткий отрывистый звук. *Щёлкают каблук*
трещать – 2. Производить звуки, напоминающие треск. *Трещит будильник*

урчать – 2. Производить негромкие, низкого тона звуки при движении. *Мотор урчит*

62'') домен **ВОЕННАЯ СФЕРА** (2):
тявкать – // О звуках, напоминающих отрывистый лай. *Тявкают зенитки*

чирикать – 2. Издавать звуки, напоминающие чириканье. *Пули чирикали*

63) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ» (2):

скулить – 4. Издавать протяжные звуки, подобные вою. *Ветер воет*
трещать – 1. Издавать треск. *Лёд трещит*

64) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА» (2):

трещать – 5. Разг. Сильно ломить, болеть (о голове)
урчать – Раздаваться. *Урчат в животе*

65) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ АБСТРАКТНОГО ПРЕДМЕТА (1):

трещать – 6. Разг. Находиться на грани краха, развала
в) домен **ДВИЖЕНИЕ** (3):

рысать – 2. Разг. Быстро идти, бежать, часто перебирая ногами (о человеке)

2-трусить – 2. Ехать мелкой рысью. *Ребёнок трусит*

рыскать – 2. Искать торопливо, настойчиво, жадно. *Рыскать по полкам*

2.1.1.2. Домен «СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЪЕКТНОГО ДЕЙСТВИЯ» (4):
насидеть – 2. Разг. Получить что-либо неприятное, болезненное в результате сидячего образа жизни. *Насидеть геморрой цапать* – 2. Хватать рукой. *Цапать пирожки цапать* – 3. Приобретать неблагоприятным способом
учуять – 2. Почувствовать, подметить. *Учуять беду*

2.1.2. Домен «С ПЕРВИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА» (20)

2.1.2.1. домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА» (15):

а) домен «СО ЗНАЧЕНИЕМ, НЕ ОСЛОЖНЁННЫМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СЕМАМИ» (11):

наморить – 3. Проф. Приготовить морением в каком-либо количестве. *Наморить древесины*

натравить – 2. Побудить, подстрекнуть к враждебной деятельности

натравить – 4. Спец. Сделать при помощи едкого вещества изображение на поверхности чего-либо

стреножить – 2. Разг. Не дать действовать кому-либо, препятствовать, мешать кому-либо в осуществлении чего-либо. *Дети совсем стреножили её*

укротить – ?// Умерить, сдерживать силу чего-либо. *Умерить гнев*

укротить – 2. Сделать более покорным. *Укротить дочь*

удить – 2. Разг. Пытаться достать что-либо чем-либо длинным

потрошить – 2. Разг. Вынимать, вытряхивать содержимое в поисках чего-либо. *Потрошить карманы*

хлестать – 4. Разг. Лить, плескать воду, жидкость. *Не хлещите на пол*

хлестать – 6. Разг.-сниж. Пить в большом количестве (обычно спиртного)

хлестать – 7. Зло, резко отчитывать

б) домен «СО ЗНАЧЕНИЕМ, ИМЕЮЩИМ СЕМУ «СТОЛЬКО» (4):

раздойть – // Шутл. Добиться увеличения лактации у женщины

настрелять – 2. Разг. Выпрашивая, получить в каком-либо количестве

расплодить – 2. Неодобр. Способствовать появлению и процветанию кого-либо. *Расплодить жуликов*

нашпиговать – 4. Ирон. Снабдить в изобилии (знаниями, цитатами)

2.1.2.2. Домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ» (3):

хлестать – 2. С силой ударяться. *Волны хлещут*

хлестать – 3. Идти сильной струёй. *Вода из крана хлещет*

хлестать – 8. Сильно действовать на органы чувств, поражая их (о свете, звуках)

2.1.2.3. Домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ КОНКРЕТНОГО ИЛИ АБСТРАКТНОГО ПРЕДМЕТА» (2):

хлестать – 5. Разг. Стрелять, поливая огнём

хлестать – 9. Проявляться с новой силой (о чувствах)

2.2. Домен СЛОВА, ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ОБРАЗОВАНЫ СУЖЕНИЕМ (8)

2.2.1. Домен ВЫРАЖАЮЩИЕ ТАКТИЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (4):

щипать – 1. Защемлять пальцами кожу тела (до боли)

щипать – 3. Захватывая пальцами, дёргать, теревить. *Щипать струны*

щипать – 4. Расщепляя, разделять на части, изготавливать что-либо

так. *Щипать шерсть (тесто)*

щипать – 5. Отрывать. *Щипать лук с грядки*

2.2.2. Домен ВЫРАЖАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ-ЗВУЧАНИЯ (4):

щёлкать – 1. Производить короткие, отрывистые звуки, действуя чем-либо. *Щёлкать кнутом*

щёлкать – 4. Давать щелчки

щёлкать – 5. Разг. Раскусывать скорлупу, есть

чокать – 2. Разг. Издавать резкие, отрывистые звуки при ударе обо что-либо металлическое или стеклянное

2.3. Домен СЛОВА С МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДНОСТЬЮ (5):

присобачить – Разг.-сниж. Прикрепить, приделать что-либо к чему-либо (обычно плохо, наспех, небрежно)

насобачиться – Разг.-сниж. Приобрести навык, научиться ловко что-либо делать, наловчиться

проворонить – Разг. По невнимательности, рассеянности упустить, проглядеть, прозевать. *Проворонить пешку*

проворонить – допустить промах в воспитании. *Когда же я тебя проворонил?*

насвинячить – Разг.-сниж. Развести грязь где-либо

2.4. Домен МЕТОНИМИИ С ПЕРВИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ЗВУЧАНИЯ (2):

щёлкать – 6. Разг.-сниж. Стреляя, убивать

щёлкать – 7. Разг. Делать фото

3. Домен ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ (ТАКОЙ: ПРИЗНАК, ЗНАЧЕНИЕ КОТОРОГО ВОСХОДИТ К ЗООСЕМИЗМАМ (30)

3.1. Домен МЕТАФОРЫ (24)

3.1.1. Домен СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ (20)

3.1.1.1. Домен «СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ С СЕМОЙ «ТАКОЙ, КАК» (11):

а) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА» (4):

щетинистый – 2. Жёсткий, похожий на щетину (о волосах, шерсти).

Щетинистые брови

паучий – // Такой, как у паука. *У этого человека паучьи ножки.*

шерстистый – / Разг. О густом волосяном покрове на теле человека

цыплячий – 2. Разг. Худой, тонкий, жалкий. *Цыплячья грудь* (впалая)

б) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ОТНОСЯЩИЙСЯ К ЯВЛЕНИЯМ ПРИРОДЫ» (3):

щетинистый – // Покрытый чем-то, напоминающим щетину.

Щетинистый газон

паутинный – 2. Такой, как у паутины; очень тонкий, прозрачный.

Паутинная сеть речек

рогатый – 2. С острыми в виде рогов концами. *Рогатый месяц.*

в) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ОТНОСЯЩИЙСЯ К АБСТРАКТНЫМ ПОНЯТИЯМ» (3):

русалочий – 2. Такой, как у русалки. *Русалочьи глаза* (зелёные, глубокие, таинственные). *Русалочий взгляд* (холодный, манящий). *Русалочья кровь* (холодная)

черепаший – 2. Очень медленный. *Ремонт шёл черепашим ходом*

ястребиный – 3. Такой, как у ястреба, хищный. *Ястребиный взор*

г) домен «С ПРОИЗВОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ОТНОСЯЩИЙСЯ К КОНКРЕТНЫМ ПОНЯТИЯМ» (1):

чешуйчатая (кольчуга) – 2. Похожая на чешую, в виде чешуи

3.1.1.2. Домен «СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ БЕЗ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЕМЫ» (9):

а) домен ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА (4):

породистый – 2. Обладающий физическими признаками, чертами, манерами, которые считались свойственными высшим аристократическим слоям общества. *Породистая дама*

чистокровный – 2. Разг. Настоящий, подлинный. *Чистокровный аристократ*

чистокровный – 2// Разг. О человеке. *Чистокровный немец*

тупорылый – 2. Пренебр. Имеющий широкое, плоское лицо (о человеке)

б) домен ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ЕГО ЧАСТИ (2):

породистый – 3. Разг. Отличающийся здоровьем, крепким телосложением, статью. *Тело породистое*

породистый – // Считающийся признаком аристократического происхождения. *Тонкие породистые руки*

в) домен ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПРЕДМЕТЫ ПРИРОДЫ (2):

тучный – 2. Налившийся, полновесный (о зерне)

тучный – 3. Сочный и густой (о траве)

г) домен ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПРЕДМЕТ (1):

пискливый (пискавый) – 2. Издающий очень тонкие, высокие звуки (о музыкальных инструментах)

3.1.2. Домен СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ (5). Данные прилагательные, в отличие от представленных выше, образованы от

существительных с переносным значением: *шкура-4* – о продажном корыстном человеке; *табун-2* – большая группа, толпа людей (обычно неорганизованная); *рыло* – передняя часть; *нос* – передняя часть; *сало* – грязь:

шкурный (интерес) – 2. Презрит. Основанный на стремлении к личному благополучию

табунное (чувство)

тупорылый – Разг. Имеющий тупую широкую переднюю часть (о предметах). *Тупорылый автомобиль*

остроносые (туфли) – 2. Имеющие длинный узкий нос, носок

сальный – 4. Жирный, лоснящийся от грязи. *Сальный воротничок*

3.2. Домен МЕТОНИМИИ (6)

3.2.1. Домен СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТОНИМИИ (5). Если значение слова образовалось на основе переноса значения имени прилагательного, мы имеем дело с семантической производностью: *паучьи ножки* (тонкие и изогнутые), *цыплячья грудь* (впалая):

пастушеский – Устар. Обладающий чертами пасторали. *Пастушеская поэзия*. Модель: Созданный пастухами → Обладающий чертами пасторали *чернорылый* – / Грубо. О человеке. Модель: Имеющий чёрное рыло → Грубо. О человеке

тупорылый – Грубое. Плохо соображающий, запоминающий, умственно ограниченный (о человеке). Модель: Имеющий тупое рыло → Плохо соображающий, запоминающий, умственно ограниченный (о человеке)

норный – 2. Служащий для охоты на норных животных. *Норные собаки*

одношерстный (свитер) – Связанный из ниток одинакового цвета. Модель: Имеющий один цвет → Связанный из ниток одинакового цвета

3.2.2. Домен СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТОНИМИИ (1). Если слово возникло от существительного в переносном значении путём словообразовательных операций, мы имеем дело со словообразовательной производностью: слово *шкурный-2 (интерес)* («презрит. основанный на стремлении к личному благополучию») образовано от слова *шкура-4* («грубо. О продажном корыстном человеке, думающем о личной выгоде»):

перевой (перовой) (рисунок) – 2. Сделанный пером. Модель: Перо → Сделанный пером. Слово *перо* имело метонимическое значение до того, как стало производящей основой для относительного прилагательного

3.3. Домен ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ С ПОМОЩЬЮ РАСШИРЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ (1):

разномастный – 3. Разг. Разного цвета, вида; разнообразный

3.4. Домен СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ (при этом предмет сравнения выражен существительным, производящим для исследуемого прилагательного) (1):

червеобразный – похожий на червяка

3.5. Домен СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СИМВОЛ (при этом символическое значение выражено существительным, производящим для исследуемого прилагательного) (1):

рогатый – 3. Разг. Обманутый женой

4. Домен МЕЖДОМЕТИЯ КОМПАРАТИВНОГО фрейма выражается метонимиями действия. Модель: Звукоподражание действию → само действие) (4):

чик-чирик – 2. В функции сказуемого. Употребляется для обозначения щебета мелких птиц

хлоп – 2. В функции сказуемого. Обозначает быстрые короткие действия. *Хлоп на землю. Хлоп-хлоп глазами*

хлоп – 3. В функции сказуемого. Разг. Обозначает внезапность действия. *Хлоп – и остановили завод*

цап-царап – Разг. Употребляется для обозначения быстрого действия.